

1965 г.

По поводу второй всероссійской переписи.

А. А. Кауфмана.

Послѣднія десятилѣтія ознаменовались небывалымъ осложненіемъ соціальной жизни, небывалымъ расширеніемъ задачъ соціальной политики. И въ соотвѣтствіи съ этимъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, можно сказать съ каждымъ годомъ, предъявляются все новые и новые запросы къ статистикѣ—этому единственному орудію количественнаго познанія явленій соціальной жизни. Все новые и новые запросы предъявляются, въ частности, къ крупнѣйшимъ изъ статистическихъ операцій—къ переписямъ. И каждый разъ эти новые запросы, эти насущные требованія жизни, встрѣчаются со строгими, не желающими идти на компромиссы, требованіями статистической методологіи. У насъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, идутъ разговоры о предстоящей—теперь повидимому уже скоро—второй всеобщей переписи. Въ подсекціи статистики 12-го съѣзда естествоиспытателей поднимается вопросъ о дополненіи ея программы нѣкоторыми пунктами, касающимися вопроса о школьномъ обученіи; желательно—отвѣчаетъ подсекція; но—лишь «поскольку это совмѣстимо съ требованіями техники всеобщей переписи населенія» ¹⁾. Широко развившаяся промышленная жизнь настойчиво требуетъ промышленной переписи—о необходимости ея говорятъ теоретики, о ней же говорятъ организаціи предпринимателей; на двѣ переписи—насе-

¹⁾ Считаю обязанностью отмѣтить, что эта оговорка внесена была по моей инициативѣ. Три года тому назадъ мое отношеніе къ «техникѣ переписей» было не то, какое развивается на нижеслѣдующихъ страницахъ.

ленія и промышленную, надѣяться, въ нашихъ условіяхъ, почти-что невозможно; единственный практически-мыслимый исходъ—слить эти двѣ переписи, или говоря точнѣе—включить въ народную перепись элементы переписи профессій и предпріятій. Но этому противорѣчатъ требованія статистической методологіи, а потому и теоретики, и дѣловые люди ведутъ явно-безнадежные разговоры о двухъ отдѣльныхъ переписяхъ.

Конечно, не считаться съ требованіями статистической методологіи и техники нельзя. «Чтобы строить науку—справедливо замѣчаетъ Сеньобосъ—надо исходить не отъ нашего идеала, не отъ той науки, которую мы хотимъ построить, а отъ дѣйствительности, отъ тѣхъ матеріаловъ, какими мы можемъ располагать». Мнѣ самому уже неоднократно приходилось выступать противъ дѣлавшихся въ разныхъ областяхъ обществовѣдѣнія «покушеній съ негодными средствами»,—попытокъ выйти изъ поставляемыхъ статистическою методологіею рамокъ. Но считаться съ возможностями статистическаго метода, сообразоваться съ указаніями статистической методологіи—это одно. Совсѣмъ другое—признавать ихъ за нѣчто незыблемое и, безъ всякой критики, приносить имъ въ жертву насущные запросы жизни и науки. И если между этими запросами и требованіями статистической методологіи оказывается противорѣчіе, надо прежде всего спросить себя: нельзя ли измѣнить приемы статистическаго изученія такъ, чтобы сдѣлать ихъ способными служить запросамъ жизни и науки. «Одно изъ двухъ должно быть измѣнено—писалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу 4-й Петербургской городской переписи: либо надо сократить программы, либо долженъ быть измѣненъ основной организаціонный принципъ. Но не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка, — приемы регистраціи не являются такою самоцѣлью, къ которой слѣдовало-бы подгонять программы исчисленія; наоборотъ — методологическіе приемы должны быть сообразуемы съ объемомъ и степенью сложности программъ». Аналогичныя соображенія—хотя и по нѣсколько иному поводу—высказываетъ и проф. А. А. Чупровъ: «неизмѣнно встрѣчаемая на практикѣ — говоритъ онъ — примѣсь операцій, идущихъ въ разрѣзъ съ самою идеей переписи,—не случайный дефектъ организаціи переписи профессій; переименованіе разнородныхъ методологическихъ началъ органически связано съ существомъ задачи учета расхода народнаго

труда въ условіяхъ современнаго хозяйственнаго строя. А такъ какъ жизнь не вернется, въ угоду статистикамъ (и—добавлю отъ себя—статистической методологіи) къ болѣе удобнымъ для учета путемъ переписи формамъ средневѣковаго городского ремесла, то и дальнѣйшее усовершенствованіе постановки переписей занятій должно идти не въ сторону очищенія переписей отъ чужеродныхъ элементовъ, а въ направленіи планомѣрнаго согласованія вливающихъ въ переписную работу стороннихъ началъ съ техническими свойствами тѣхъ организаціонныхъ рамокъ, въ которыхъ имъ приходится при этомъ выступать ¹⁾).

И дѣйствительно: подъ вліяніемъ все расширяющихся и углубляющихся запросовъ науки и жизни, статистическая практика все шире и шире раздвигаетъ прокрустово ложе той статистической методологіи, которой мы учились, главнымъ образомъ, по нѣмецкимъ книжкамъ и которая была оформлена, главнымъ образомъ, статистическими конгрессами третьей четверти прошлаго столѣтія. Я уже не буду говорить о представляющихъ, можно сказать, сплошное нарушеніе этихъ требованій американскихъ цензахъ—не буду, потому что какъ разъ здѣсь къ пшеницѣ подмѣшано слишкомъ много плевеловъ; не буду говорить и о классическихъ германскихъ промышленныхъ переписяхъ, къ которымъ мнѣ придется вернуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Упомяну только о нашей земской статистикѣ, выработавшей себѣ, можно сказать, свою собственную методологію: и въ тѣхъ задачахъ, которыя себѣ ставитъ земская статистика, и въ тѣхъ вопросахъ, которые она берется разрѣшать, она ушла безконечно далеко отъ тѣхъ ограничительныхъ требованій, какія предъявляетъ методологическая догма; и въ соотвѣтствіи съ этимъ она выработала для себя совершенно своеобразный рабочій механизмъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ представителей статистической науки, то, что они называютъ «увлеченіями» земской статистики, не заслуживаетъ оправданія. Но какъ бы ни были, дѣйствительно, велики увлеченія отдѣльныхъ земскихъ статистиковъ въ сторону чрезмѣрной детально-

¹⁾ Предисловіе къ книгѣ Полляка «Профессія какъ объектъ статистическаго учета». Спб. 1913. Не мало соображеній, относящихся къ затронутому въ текстѣ вопросу, разбросано во второй части моей книги «Теорія и методы статистики» (2-ое изд.), и особенно—въ ея нѣмецкой переработкѣ: «Theorie und Methoden der Statistik».

сти программъ, каковы бы ни были отдѣльные дефекты земской статистики въ другихъ отношеніяхъ,—все-таки внесенныя ею и въ програмномъ, и въ техническомъ отношеніи новшества являются ея неоцѣнимою заслугой. Земская статистика, по моему глубокому убѣжденію, указываетъ путь, по которому должна пойти и, рано или поздно, пойдетъ, въ особенности у насъ, эволюція общей статистической методологіи.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ принципиальная сущность требованій, которыя предъявляетъ ходячая методологическая догма къ содержанію статистическаго наблюденія. Эта сущность выражена въ знаменитыхъ правилахъ Кетле, въ частности въ первомъ изъ этихъ правилъ, которое гласитъ: требовать отъ спрашиваемыхъ лицъ только такія свѣдѣнія, которыя 1) безусловно необходимы для цѣлей данной статистической операціи и 2) которыя навѣрно можно получить. Въ такой формулировкѣ—это не болѣе какъ простой трюизмъ. Но въ выработанной, главнымъ образомъ, нѣмецкими теоретиками и практиками и воспринятой нашими авторами интерпретаціи, трюизмъ этотъ пріобрѣтаетъ весьма опредѣленное значеніе и становится однимъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ развитіе соціальной статистики. «Только тотъ признакъ,—говоритъ покойный Ю. Э. Янсонъ—можетъ быть опредѣленъ при массовомъ наблюденіи, который очевиденъ и несомнѣненъ, и наличность котораго легко можетъ быть повѣрена, причемъ наблюдатель долженъ быть избавленъ отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія, долженъ быть поставленъ въ состояніе возможности не только легко и просто опредѣлить данный признакъ, но и повѣрить показаніе: только относительно такихъ признаковъ можно быть увѣреннымъ, что присутствіе или отсутствіе ихъ, констатированное наблюденіемъ, происходитъ не отъ ошибки наблюденія, а отъ дѣйствительнаго присутствія или отсутствія ихъ». Еще рѣзче подчеркиваетъ необходимость устранить моментъ субъективной оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще сильнѣе ограничиваетъ кругъ явленій и признаковъ, допускающихъ статистическій учетъ, одинъ изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ—В. І. Борткевичъ: вмѣстѣ съ западно-европейскими, главнымъ образомъ нѣмецкими, теоретиками онъ видитъ существенную особенность статистическаго метода въ томъ, «что регистрируются признаки внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошедшему такіе, которые сохранили ви-

димый слѣдъ и въ настоящемъ». И практическимъ воплощеніемъ этихъ методологическихъ требованій являются, или по крайней мѣрѣ признаются, программы народныхъ переписей, какъ онѣ санкціонированы, въ главнѣйшихъ ихъ чертахъ, статистическими конгрессами и какъ онѣ примѣняются, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, въ практикѣ народныхъ переписей западно-европейскихъ странъ.

Едва ли однако необходимо останавливаться на доказательствѣ того положенія, что эти правила—это, въ лучшемъ случаѣ, именно только правила народныхъ переписей, какъ онѣ поставлены въ западно-европейскихъ государствахъ, и выработаны они, болѣе или менѣе исключительно, на основаніи указаній практики этихъ переписей. Да это и понятно: не можетъ существовать никакого общаго правила, способнаго нормировать содержаніе всякаго вообще, независимо отъ объема, статистическаго изслѣдованія. Вѣрно формулированное Eulenburg'омъ положеніе, представляющее собою, впрочемъ, лишь примѣненіе къ частному случаю общаго логическаго принципа: «кругъ вопросовъ, говоря вообще, увеличивается съ уменьшеніемъ величины объекта,—какъ содержаніе и объемъ, и вообще, по большей части стоятъ въ обратномъ отношеніи другъ къ другу». Если, значитъ, даже допустить, что содержаніе народной переписи и дѣйствительно должно ограничиваться самыми тѣсными рамками, то изъ этого не слѣдуетъ, что этихъ рамокъ нельзя расширять при изслѣдованіяхъ, распространяющихся не на всю страну, а на районъ, губернію или уѣздъ. И это по двоякаго рода основаніямъ. Съ одной стороны, чѣмъ обширнѣе районъ, тѣмъ труднѣе найти общіе для цѣлаго района симптоматическіе признаки, доступные статистическому исчисленію; а когда послѣднее охватываетъ всю страну, количество такихъ общихъ признаковъ, естественно, становится минимальнымъ. Съ другой стороны, чѣмъ обширнѣе районъ, тѣмъ труднѣе подобрать такой комплектъ наблюдателей, которому была бы полезна болѣе содержательная программа; и особенно велика эта трудность, когда исчисленіе должно охватить всю страну и необходимое число наблюдателей измѣряется десятками и сотнями тысячъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, указанное только что обстоятельство не представляетъ для насъ существеннаго интереса: въ центрѣ послѣдняго въ данную минуту лежитъ именно все-

народная перепись а ея содержаніе, во всякомъ случаѣ, является минимальнымъ.

Но если даже остановиться на народныхъ переписяхъ, то не трудно убѣдиться въ томъ, что строгія правила Кетле, особенно въ приданной имъ послѣдующими теоретиками интерпретаціи, никогда не выполнялись и выполняться не могли. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, признаваемый образцовымъ формуляръ германскихъ народныхъ переписей, или не очень отъ него отступающій, въ существенныхъ чертахъ, формуляръ нашей первой всеобщей переписи. Вглядимся даже въ самые простые вопросы этого формуляра — имя, возрастъ, семейное состояніе, вѣроисповѣданіе. Здѣсь отвѣты, пожалуй, могли бы контролироваться, — но только однимъ путемъ: справкою съ паспортомъ или инымъ документомъ; мы знаемъ, однако, что такихъ справокъ, въ дѣйствительности, не наводится, а въ инструкціяхъ нашей первой всеобщей переписи имѣлась даже вполнѣ цѣлесообразная и въ нашихъ условіяхъ необходимая оговорка о томъ, что «для удостовѣренія правильности свѣдѣній, вносимыхъ въ переписные листы, предъявленія документовъ не требуется». Фактически, значитъ, отвѣты даже и на эти, простѣйшіе вопросы остаются безъ всякой провѣрки. Нечего уже говорить о такихъ вопросахъ, какъ родной языкъ, мѣсторожденіе, продолжительность и характеръ проживанія въ данной мѣстности, а тѣмъ болѣе родъ занятій — тутъ провѣрка требовала бы, въ однихъ случаяхъ, сложной переписки или кропотливыхъ изслѣдованій (мѣсторожденіе! продолжительность проживанія!), въ другихъ не могла бы быть осуществлена никакимъ практически — мыслимымъ способомъ (родной языкъ! временный характеръ проживанія!) Съ другой стороны, такіе вопросы, какъ профессія и въ особенности «главное» занятіе, какъ положеніе въ предпріятіи, какъ прежній заработокъ безработнаго, мало того — нерѣдко даже вѣроисповѣданіе, родной языкъ, продолжительность и характеръ проживанія, отнюдь не таковы, чтобы отвѣты на нихъ были всегда «очевидны» и «несомнѣнны»; въ извѣстной своей части эти вопросы относятся къ прошедшему, не оставившему видимаго въ настоящемъ слѣда, а при опредѣленіи характера соотвѣтствующихъ фактовъ (главное или побочное занятіе, родной или обычный языкъ и т. п.) ни наблюдатель, ни опрашиваемое лицо никоимъ образомъ не могутъ быть освобождены отъ произнесенія «сужденія о предметѣ наблюденія». Мало того: именно малочисленность и отрывочность

признаковъ, обнимаемыхъ обычнымъ формуляромъ народной переписи, почти устраняють возможность примѣненія того единственнаго дѣйствительнаго орудія повѣрки правильности получаемыхъ свѣдѣній, какимъ можетъ располагать всецѣло опирающееся на показанія населенія статистическое исчисленіе,—того внутренняго контроля достовѣрности каждаго индивидуальнаго показанія, какой становится возможнымъ, когда статистическій формуляръ представляетъ собою связную систему вопросовъ, относящихся къ такимъ признакамъ наблюдаемаго явленія, которые, по существу дѣла, должны стоять между собой въ нѣкоторомъ опредѣленномъ соотношеніи. Мнѣ нечего напоминать о томъ, что именно на этомъ внутреннемъ контролѣ базируется вся наша земская статистика. Но я не могу не сослаться здѣсь на проф. К. Г. Воблаго, который, подчеркивая при всякомъ случаѣ свое отрицательное отношеніе къ чрезмѣрному или признаваемому имъ за чрезмѣрное расширенію статистическихъ программъ, тѣмъ не менѣе оказывается вынужденнымъ признать, что расширенная постановка вопросовъ германской профессионально-промышленной переписи 1907 года значительно облегчила сопоставленіе и взаимный контроль собраннаго переписью матеріала ¹⁾).

Вдумываясь ближе въ происхожденіе и смыслъ разсматриваемыхъ, возведенныхъ въ догму методологическихъ принциповъ, мы безъ особаго труда можемъ уяснить себѣ ихъ чисто историческій характеръ и породившія ихъ условія. Это, прежде всего, ограниченность задачъ, которыя видѣла предъ собой только что зарождавшаяся, въ современномъ ея видѣ, статистика. Это, съ другой стороны, та статистическая техника, которая сама, въ свою очередь, вырабатывалась въ расчетъ именно на эти ограниченные задачи. Въ самомъ дѣлѣ: только-что зарождавшееся, въ 19-мъ столѣтіи, количественное изученіе явленій соціальной жизни, при сравнительной, въ первое время, простотѣ подвергшихся такому изученію явленій, при далеко еще неясномъ представленіи объ открытыхъ для статистическаго метода возможностяхъ, легко могло довольствоваться минимальнымъ количествомъ подвергаемыхъ учету признаковъ; въ частности, могло довольствоваться тѣми 10—12 вопросами, которые вошли въ обычный формуляръ народной переписи. При широкомъ въ та-

¹⁾ Воблый, «3-я профес.-промысл. перепись въ Германіи», т. I, стр. 220.

кихъ странахъ, какъ Германія, Англія или Бельгія, распространеніи элементарной грамотности,—при томъ далѣе, что практика еще не успѣла выяснить всѣхъ тѣхъ трудностей и осложненій, съ которыми фактически приходится считаться при учетѣ даже этого минимальнаго числа столь простыхъ, на первый взглядъ, признаковъ, ничего не могло быть естественнѣе, какъ предоста-вить самимъ обывателямъ отвѣчать на это минимальное количе-ство простѣйшихъ и, какъ казалось, всякому понятныхъ вопро-совъ. Отсюда одинъ изъ трехъ китовъ современной статистиче-ской методологіи — принципъ самосчисленія. Вполнѣ есте-ственнымъ былъ и другой, характерный особенно для германской статистики, принципъ—организація переписей на началахъ почетной должности: разнести и потомъ собрать не слиш-комъ большое число формуляровъ, съ соблюденіемъ, при этомъ, нѣкоторой совокупности болѣе или менѣе элементарнаго харак-тера правилъ; при случаѣ разъяснить обывателю тотъ или другой изъ казавшихся столь простыми пунктовъ формуляра; изрѣдка—заполнить формуляръ за малограмотнаго или не желающаго себя утруждать обывателя — все это казалось очень легкимъ и про-стымъ дѣломъ; поэтому казалось совершенно естественнымъ, ради удешевленія дѣла, воззвать къ столь развитому, на примѣръ, въ Германіи чувству гражданскаго долга, чтобы получить доста-точный по числу и удовлетворительный по качеству контингентъ бесплатныхъ временныхъ агентовъ, счетчиковъ, готовыхъ потра-тить пару дней времени на это несложное дѣло и способныхъ съ этимъ несложнымъ дѣломъ справиться. Въ конечномъ резуль-татѣ—перепись, основанная на принципѣ самосчисленія и прово-димая на вербованнымъ изъ среды обывателей, по принципу «по-четной должности», бесплатнымъ персоналомъ. Организація эта, въ частности принципъ самосчисленія, признается «однимъ изъ существеннѣйшихъ успѣховъ современной правительственной ста-тистики» (Майръ); она одна признается «отвѣчающею современ-нымъ требованіямъ» и способною дать гарантію правильности получаемыхъ цифръ (Конрадъ).

Сложившись, такимъ образомъ, при извѣстной совокупности условій, имѣя, въ частности, своею предпосылкой вытекавшую изъ обстоятельствъ времени простоту статистическихъ заданій, основанная на самосчисленіи и «почетной службѣ» организація переписей очень быстро сложилась въ своего рода методологи-ческую догму или аксіому: она сдѣлалась одною изъ существен-

ныхъ опоръ того прокрустова ложа, въ которое стремятся уложить самое содержаніе статистическаго исчисленія. Какъ это случилось—объ этомъ нѣсколько ниже. А сейчасъ отмѣчу другое обстоятельство или точнѣе—другую группу обстоятельствъ, которыя должны были вліять на эволюцію статистики въ томъ-же направленіи. Дѣло вотъ въ чемъ. Разъ было признано нужнымъ организовать правильныя переписи — естественно было стремиться къ тому, чтобы получить точныя цифры населенія. При текущемъ его характерѣ, обусловленномъ и естественнымъ движеніемъ — рожденіями и смертями, и движеніемъ механическимъ—передвиженіями населенія, было очень нелегко поставить дѣло такъ, чтобы учесть все наличное въ опредѣленный моментъ населеніе и не учесть никого лишняго; чтобы избѣжать—говоря техническимъ языкомъ—какъ пропусковъ, такъ и двойныхъ записей. Съ этимъ обстоятельствомъ пришлось считаться, прежде всего, при рѣшеніи вопроса о томъ, какое населеніе считать? Существо дѣла говорило за то, что въ основу учета цѣлесообразнѣе всего положить принципъ «постояннаго» или «осѣдлаго» населенія: именно оно — именно тотъ комплексъ людей, который связанъ съ данною мѣстностью извѣстными болѣе или менѣе прочными отношеніями, является центромъ нашего интереса; именно оно, а не совокупность болѣе или менѣе случайно оказавшихся налицо, въ данный моментъ, людей, опредѣляетъ собою характеръ мѣстности или населеннаго пункта. Но понятіе постояннаго населенія было признано недостаточно отчетливымъ; боялись, что основанный на этомъ, недостаточно отчетливымъ, принципъ учетъ населенія породить много пропусковъ и двойныхъ записей, а потому въ основу переписей населенія былъ положенъ гораздо менѣе вытекающій изъ природы вещей, но зато гораздо болѣе отчетливый—какъ по крайней мѣрѣ казалось — принципъ «наличнаго» населенія, — наличнаго по какому бы то ни было поводу и на сколь угодно краткое время. Основною задачею переписи населенія стало—уловить наличное населеніе каждаго населеннаго пункта. Въ этомъ видѣли гарантію точности общаго учета населенія, — къ этому принципу была приурочена вся техника переписей. Въ частности, изъ поставленной такимъ образомъ задачи вытекало стремленіе со всею мыслимою строгостью провести начало однодневности переписей: дѣло не ограничивалось тѣмъ, что учету подлежалъ составъ населенія, оказавшійся налицо въ опредѣленный часъ

«критического дня»; изъ принципа однодневности дѣлался тотъ дальнѣйшій выводъ, что въ теченіе этого самаго «критического дня» должна быть начата и закончена заключительная и рѣшающая операція переписи — отобраніе заполненныхъ формуляровъ, и что подготовительныя къ ней операціи, въ частности — раздача формуляровъ, должны быть сконцентрированы въ возможно меньшее число дней, предшествующихъ критическому моменту. И вотъ, проводимый въ такомъ строгомъ видѣ принципъ однодневности сыгралъ въ интересующемъ насъ вопросѣ не менѣе, а можетъ быть — и болѣе важную роль, нежели основанная на самосчисленіи и на принципѣ «почетной должности» организація переписей.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности каждый изъ перечисленныхъ факторовъ, въ той или другой степени повинныхъ въ возникновеніи и упроченіи интересующей насъ методологической догмы.

Начну съ принципа наличнаго населенія. Рѣшающимъ въ пользу его аргументомъ послужила—какъ я сказалъ—его болѣшая отчетливость и связанная съ нею возможность въ мыслимой степени избѣгнуть пропусковъ и двойныхъ записей. Аргументъ этотъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Какъ показали дѣлавшіяся нѣмецкими статистиками спеціальныя повѣрочныя изслѣдованія, пропуски, правда, ничтожны, но зато чрезвычайно значительны погрѣшности, вытекающія изъ двойныхъ записей. Природа вещей, естественно, подсказываетъ каждому, заполняющему переписные формуляры, записывать всѣхъ обычныхъ обывателей дома или квартиры, хотя бы часть ихъ находилась во временной отлучкѣ, и никакія настоянія переписныхъ инструкцій, никакія старанія счетчиковъ не могутъ преодолѣть этой естественной склонности. Вполнѣ установлено—читаемъ мы въ монументальномъ коллективномъ трудѣ «Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand» ¹⁾,—«что временно отсутствующія лица, почти безъ исключенія, записываются въ тѣхъ домохозяйствахъ, гдѣ имъ слѣдовало бы находиться»; что временно-наличное населеніе, дѣйствительно, регистрируются почти сплошь, но что и временно отсутствующіе, въ значительной части, показываются какъ наличные,—итогъ же истекающихъ отсюда двойныхъ записей для всей Германской

¹⁾ Т. I, стр. 203—204.

имперіи оцѣнивается германскими статистиками, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ 400 тысячъ человѣкъ... А разъ единственный серьезный доводъ, побуждавшій ставить во главу угла наличное, а не постоянное населеніе, оказывается совершенно несостоятельнымъ, то съ тѣмъ болѣею силою выступаютъ впередъ тѣ доводы, которые побуждаютъ выдвигать на первый планъ не наличное, а постоянное, осѣдлое населеніе; выдвигать его на первый планъ не только въ моментъ исчисленія населенія, но и въ послѣдующемъ моментѣ—статистической разработки его результатовъ. «Многіе вопросы — читаемъ мы въ томъ-же коллективномъ трудѣ—въ частности вопросы квартирной статистики, статистики хозяйствъ, мѣсторожденія, родного языка, профессій лишь на почвѣ принципа осѣдлаго населенія могутъ получить соотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣлъ (*sachgemäße*) освѣщеніе». Одинъ только примѣръ: «при учетѣ по наличному населенію домохозяйства изъ двухъ лицъ, въ случаѣ временной отлучки одного изъ нихъ, фигурируютъ въ переписи какъ одиночки, въ случаѣ временнаго отсутствія обоихъ они совершенно исчезаютъ изъ учета...; домохозяйства, гдѣ случайно отлучилась прислуга, учитываются какъ домохозяйства безъ прислуги»—и т. д.

У насъ, въ Россіи, вопросъ о наличномъ или осѣдломъ населеніи не имѣетъ столь остраго значенія: уже при всеобщей переписи 1897 года регистраціи подлежали не только «всѣ находящіеся налицо въ данномъ хозяйствѣ въ день, къ которому приурочена перепись, безразлично отъ того, постоянные ли они здѣсь жители или только временно пребывающіе», но также и «всѣ лица, принадлежащія къ составу этого хозяйства, но находящіяся во временной отлучкѣ». При первой всеобщей переписи комбинировались, такимъ образомъ, на равныхъ правахъ оба принципа: наличнаго и осѣдлаго населенія. Не будетъ поэтому никакой, всегда конечно нежелательной, коренной ломки, если при предстоящей второй переписи совершенно отказаться отъ мысли «сфотографировать» наличное, къ опредѣленному моменту, населеніе, и задаться возможно соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣлъ учетомъ постояннаго населенія. А это не только уже само по себѣ значительно упроститъ дѣло переписи; не только устранить безчисленное множество неизбѣжныхъ при учетѣ «наличнаго», въ опредѣленный моментъ, населенія условностей,—но поведетъ за собой и

дальнѣйшія, весьма важныя послѣдствія, о которыхъ я буду говорить сейчасъ. Правда, учетъ осѣдлаго населенія не обѣщаетъ дать точной цифры населенія—будутъ пропуски, будутъ и двойныя записи. Но точной цифры—мы видѣли—не даетъ и перепись «наличнаго» населенія; цифра получается только приближенная. Отказываясь отъ этого послѣдняго принципа, мы, такимъ образомъ, ничего не теряемъ, но избавляемся отъ одного изъ моментовъ, серьезнѣйшимъ образомъ осложнявшихъ и затруднявшихъ дѣло. Говорятъ, и справедливо говорятъ, что понятіе осѣдлаго населенія расплывчато и, по своей недостаточной отчетливости, трудно уловимо. Это обстоятельство однако не мѣшаетъ нашимъ земскимъ статистикамъ учитывать именно осѣдлое населеніе. Вполнѣ посильною будетъ эта задача и для всероссійской переписи, при цѣлесообразной ея организаціи и при соотвѣтствующемъ потребностямъ дѣла персоналѣ.

Я уже сказалъ, что переходъ къ учету не наличнаго, а осѣдлаго населенія повлечетъ за собой весьма важныя дальнѣйшія послѣдствія: онъ позволитъ значительно ослабить тѣ, такъ сказать, процессуальныя требованія, которыя вытекаютъ изъ идеи переписи, какъ «моментальнаго снимка»—какъ способа изобразить въ неподвижномъ видѣ претерпѣвающее непрерывныя частичныя измѣненія массовое явленіе; требованія, которыя, въ примѣненіи къ переписямъ населенія, воплощаются въ форму строго проводимаго принципа однодневности. Сущность этого принципа сводится къ тому, что всѣ данныя переписи приурочиваются къ опредѣленному «критическому» дню и даже часу. Въ Германіи, при нашихъ городскихъ переписяхъ всѣ данныя приурочиваются къ полуночи этого дня; при нашей первой всеобщей переписи они приурочивались къ «утру». Уѣхавшій, умершій хотя бы непосредственно предъ наступленіемъ этого момента не попадаетъ въ перепись, бывшій налицо въ этотъ моментъ подлежитъ учету, хотя бы онъ умеръ или навсегда уѣхалъ тотчасъ-же по его минованіи. Самъ по себѣ безвредный, такой порядокъ регистраціи съ необходимостью вытекалъ изъ принципа наличнаго населенія. Онъ повелъ за собой, однако, и дальнѣйшія, уже далеко не безвредныя послѣдствія. Разъ составъ населенія долженъ регистрироваться именно въ томъ самомъ видѣ, какой оно имѣло въ критическій моментъ критическаго дня, — разъ при этомъ должны приниматься въ расчетъ и мимолетное пребываніе, и мимолетная отлучка,—отсюда дѣлался правильный

выводъ, что, значитъ, и переписныя операціи должны быть выполнены въ тотъ-же самый день. Буквально выполнить это требованіе было невозможно. Но стремятся возможно приблизиться къ этому идеалу: на всю подготовительную работу — раздачу и заполненіе бланковъ, назначается три-четыре дня, а отобраніе заполненныхъ формуляровъ, связанное съ провѣркой записей и съ внесеніемъ измѣненій, которыя могли произойти между моментомъ заполненія формуляра и критическимъ моментомъ, должно быть обязательно закончено въ продолженіе одного «критическаго дня». Но чѣмъ быстрее должны быть закончены переписныя операціи, тѣмъ больше должно быть число выполняющихъ эти операціи временныхъ агентовъ-счетчиковъ. Разъ отобраніе формуляровъ должно быть закончено въ одинъ день, для выполненія этой операціи нужна цѣлая армія — десятки и сотни тысячъ счетчиковъ; найти нужнаго числа людей не только съ какою-либо подготовкой, но даже просто сколько-нибудь интеллигентныхъ, очевидно, нельзя; приходится брать людей «съ борку да съ сосенки». И эту армію набранныхъ «съ борку да съ сосенки», въ большинствѣ стоящихъ на болѣе нежели посредственномъ уровнѣ интеллигентности, людей тѣмъ труднѣе, можно сказать тѣмъ невозможнѣе подготовить къ дѣлу, что каждому изъ нихъ вѣдь предстоитъ работать всего немного дней, и ради этихъ немногихъ дней никто не согласится проходить чрезъ сколько-нибудь серьезную выучку. Но ясно, что на такой, въ громадномъ большинствѣ случайный, не получившій и *ad hoc* сколько-нибудь достаточной подготовки, персоналъ нельзя возлагать сколько-нибудь сложныхъ статистическихъ задачъ. А потому та общепринятая организація переписей, при которой заключительная переписная операція обязательно заканчивается въ одинъ день, является серьезнѣйшимъ препятствіемъ для всякаго существеннаго расширенія и углубленія содержанія переписей. При такой организаціи, дѣйствительно, приходится ограничивать это содержаніе минимальнѣйшимъ количествомъ элементарнѣйшихъ вопросовъ.

Для меня далеко не доказано, чтобы даже изъ строго понимаемаго принципа однодневности вытекала безусловная необходимость однодневнаго выполненія. Но въ данную минуту это для меня не важно. Пусть такая необходимость есть — но она, очевидно, есть лишь до тѣхъ поръ, пока задачей переписи ставится точный учетъ «наличнаго» въ данный «критиче-

скій» моментъ населенія. Отлучка, на день или на нѣсколько часовъ, кого-нибудь изъ обычнаго состава даннаго домохозяйства черезъ недѣлю, можетъ быть, дѣйствительно забудется; не трудно забыть о гостѣ или постояльцѣ, переночевавшемъ въ данной квартирѣ «критическую» ночь. Но выполненіе переписной операціи, такъ сказать, по свѣжимъ слѣдамъ становится совершенно ненужнымъ, разъ отказаться отъ оказавшейся практически неразрѣшимою задачи точнаго учета «наличнаго» въ данный моментъ населенія. Не случайность, что наша первая всеобщая перепись, комбинируя принципъ наличнаго съ принципомъ осѣдлаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ не требовала такой быстроты выполненія переписныхъ операцій, какая требуется на западѣ: для раздачи и заполнения формуляровъ полагалось въ большихъ городахъ пять, въ малыхъ десять, въ сельскихъ мѣстностяхъ 20 дней; на отобраніе формуляровъ и ихъ окончательную повѣрку было положено въ городахъ два, въ сельскихъ мѣстностяхъ четыре дня. Если пойти дальше и совершенно отказаться отъ мысли о точномъ учетѣ «наличнаго» населенія, то переписныя операціи можно безъ всякаго риска растянуть на мѣсяць или болѣе. Это, можетъ быть, помѣшало бы привести случайно-«наличный» составъ населенія къ «критическому моменту» — но это никоимъ образомъ не помѣшаетъ учесть осѣдлое населеніе въ томъ составѣ, какой оно имѣло въ опредѣленный день—положимъ 1 января или на Свѣтлое Воскресенье. И черезъ двѣ, и черезъ четыре, и черезъ шесть недѣль нетрудно будетъ установить, кто родился или умеръ, кто выѣхалъ или кто пріѣхалъ на болѣе или менѣе постоянное пребываніе до или послѣ указаннаго дня,—вообще установить осѣдлое населеніе даннаго дома или данной квартиры со всѣми его существенными признаками. Это потребуетъ, правда, извѣстныхъ усилій, извѣстной активности со стороны счетнаго персонала,—усилій и активности, которыхъ можно ожидать лишь при болѣе удовлетворительномъ его подборѣ и болѣе уповлетворительной подготовкѣ. Но, съ одной стороны, разбираться въ той казуистикѣ, какую неизбежно порождаетъ строгое проведеніе принципа «наличнаго» населенія, тоже не легко. Съ другой—и это главное, удлиненіе времени, назначаемаго для выполненія переписи, позволитъ достигнуть значительнаго улучшенія переписного персонала. Достаточно того, что въ десять или болѣе разъ уменьшится его численность—ясно, что тысячи хорошихъ счетчи-

ковъ легче найти, чѣмъ десятки тысячъ, десятки тысячъ—легче чѣмъ сотни. А затѣмъ, разъ счетчики будутъ приглашаться на мѣсяцъ или больше—создастся возможность посвятить нѣсколько дней на серьезное ихъ предварительное инструктированіе и на заполненіе пробныхъ формуляровъ. Достаточно, значить, отказаться отъ принципа «наличнаго» населенія, а съ нимъ—и отъ «однодневнаго» выполненія переписныхъ операцій, чтобы создалась возможность располагать далеко лучше подобраннымъ и значительно лучше обученнымъ персоналомъ,—чтобы, слѣдовательно, устранено было одно изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ расширенію и углубленію содержанія статистическаго исчисленія.

Другимъ, не менѣе серьезнымъ препятствіемъ къ такому расширенію является принципъ самосчисленія—заполненіе формуляровъ самимъ подлежащимъ переписи населеніемъ. «Если формуляры—говоритъ Bowley, должны заполняться самимъ населеніемъ, то вопросы и по формѣ, и по существу должны быть гораздо проще, чѣмъ когда они должны заполняться офиціальнымъ органомъ»—агентомъ статистической организаціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, продолжаетъ Bowley, формуляры могутъ быть много сложнѣе, вопросы могутъ имѣть гораздо ярче выраженный «инквизиторіальный» характеръ; при такой постановкѣ дѣла можно «ставить такіе вопросы, которые, разъ отвѣчать на нихъ предоставлено невѣжественному населенію, со стороны большинства не вызовутъ ничего, кромѣ неопредѣленныхъ отвѣтовъ; потому что офиціальныи органъ будетъ настаивать на полной опредѣленности отвѣтовъ, будетъ устранять явно невѣрное и продолжать перекрестный опросъ до тѣхъ поръ, пока неопредѣленные, сначала, отвѣты не примутъ соотвѣтствующую задачамъ исчисленія форму». Мнѣ нѣтъ надобности ссылаться здѣсь на опытъ нашей земской статистики: въ своихъ переписяхъ она оперируетъ исключительно приѣмомъ словеснаго опроса, и еще покойный А. И. Чупровъ подчеркивалъ, что только при такой постановкѣ дѣла могли быть осуществлены выполненныя земскими статистиками детальнѣйшія изслѣдованія, тогда какъ при «бланковомъ» способѣ «возможно было бы получать лишь самыя элементарныя данныя». Гораздо важнѣе для меня отмѣтить, что тотъ самый Майръ, который въ принципѣ самосчисленія видитъ «одинъ изъ существеннѣйшихъ успѣховъ современной административной статистики», однако самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ подчеркиваетъ, что и въ этомъ случаѣ «доведеніе до крайности разумнаго, самъ по себѣ, принципа можетъ привести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ»; онъ предостерегаетъ и противъ стремленія «письменнымъ путемъ получаютъ такіе отвѣты, которые по существу дѣла не могутъ быть получены этимъ путемъ» ¹⁾, и противъ такой постановки вопросовъ, при которой отвѣты должны даваться въ формѣ, облегчающей послѣдующую разработку матеріала, но за то значительно осложняющей трудъ заполняющаго формуляры обывателя; онъ, въ частности, категорически осуждаетъ организацію германскихъ промышленныхъ переписей, поскольку онѣ стремятся достигнуть выполненія всей обширной программы учета какъ профессій, такъ и предпріятій при помощи, какъ онъ его называетъ, «обыкновеннаго письменнаго приѣма». На этомъ частномъ вопросѣ мнѣ ниже придется подробнѣе остановиться. Въ данную минуту мнѣ нужно только ссылкой на непререкаемый статистическій авторитетъ Георга Майра лишній разъ подтвердить то, въ сущности, само собою ясное положеніе, что техническій принципъ самосчисленія является не менѣе существеннымъ, нежели строго проводимое начало однодневности, тормазомъ для качественного прогресса статистическаго исчисленія. Я говорю—само собою ясное; ясно, въ самомъ дѣлѣ, что массовый обыватель, посредственно или мало интеллигентный, можетъ быть, и сможетъ письменно отвѣтить на небольшое число предложенныхъ ему въ печатной формѣ, простѣйшихъ по содержанію вопросовъ,—но что для него будетъ рѣшительно не подъ силу самостоятельно заполнить отвѣтами сколько-нибудь сложную статистическую программу.

Весьма низкій уровень культурности нашихъ народныхъ массъ заставилъ уже организаторовъ нашей первой всеобщей переписи значительно съузить примѣненіе выработанной западно-европейской практикой догмы самосчисленія. Въ селеніяхъ—а въ селеніяхъ живетъ, примѣрно, около шести седьмыхъ всего населенія нашей страны; или какъ опредѣленнѣе выражено въ дальнѣйшихъ инструкціяхъ, «въ крестьянскихъ дворахъ на земляхъ крестьянскихъ обществъ», переписные листы заполняются «особыми счетчиками при содѣйствіи должностныхъ лицъ сельскаго управленія»; первоначальное заполненіе переписныхъ листовъ производится «непремѣнно путемъ обхода cadaго двора», оконча-

¹⁾ Allg. Statist. Archiv, т. I, стр. 106.

тельная проверка и приведение записей къ критическому моменту—либо тѣмъ-же способомъ, либо столь обычнымъ въ нашей земской статистикѣ способомъ «созыва всѣхъ хозяевъ селенія для опроса». Подробности эти впрочемъ несущественны. Важно, что главная масса населенія имперіи была переписана по способу словеснаго опроса, результаты котораго уже счетчиками заносились въ переписные формуляры. Дальше этого организаторы первой всеобщей переписи не рѣшились пойти: они удержали принципъ самосчисленія и для городовъ, гдѣ переписные листы должны были заполняться квартирохозяевами, и для владѣльческихъ усадебъ, и для стоящихъ хотя бы и въ чертѣ селеній домовъ и дворовъ «лицъ разныхъ сословій», гдѣ заполненіе листовъ возлагалось на владѣльцевъ усадебъ и т. п.—на счетчикахъ же по отношенію къ городскому и внѣ-городскому не-крестьянскому населенію лежали лишь тѣ вспомога-тельные обязанности, какія характерны для «обыкновеннаго письменнаго приѣма»—самосчисленія.

Казалось бы, что въ данномъ отношеніи слѣдуетъ пойти еще дальше, чѣмъ пошли организаторы первой всеобщей переписи, и отказаться отъ принципа самосчисленія не только для сельскаго, но и для городского населенія. Важна, конечно, не словная принадлежность, важно не проживание въ городѣ или въ деревнѣ—важенъ массовый культурный уровень. А между тѣмъ культурный уровень массы населенія нашихъ малыхъ и среднихъ городовъ конечно не настолько выше культурнаго уровня крестьянъ, насколько это было бы необходимо для успѣха переписи, построенной на принципѣ самосчисленія. Въ столицахъ массовый культурный уровень населенія, несомнѣнно, выше, нежели гдѣ-бы то ни было въ нашей странѣ. А между тѣмъ, сравнивая между собою инструкціи и практику четырехъ петербургскихъ переписей, мы видимъ, какъ организаторы ихъ, отъ одной переписи къ другой, все сильнѣе ограничивали примѣненіе заимствованнаго съ запада принципа самосчисленія и все болѣе переносили центръ тяжести переписной операціи на заполненіе формуляровъ счетчиками со словъ переписываемаго населенія. Фактически самосчисленіе выродилось въ фикцію—фикцію не только бесполезную, но и прямо вредную; сохраненіе ея, во первыхъ, причиняетъ счетчикамъ, при малограмотности населенія, множество лишнихъ хлопотъ и беретъ много лишняго времени, а во вторыхъ, по необходимости выполняемая счетчиками переправка не-

удовлетворительно заполненныхъ обывателями листовъ представляетъ собою операцію, нерѣдко болѣе трудную и во всякомъ случаѣ болѣе непріятную, нежели простое заполненіе формуляра со словъ откровенно-неграмотнаго обывателя, а главное—даетъ, въ концѣ концовъ, весьма плохой по внѣшности, а нерѣдко и по содержанію, матеріаль ¹⁾. Въ общее правило и для городовъ, и для сельскихъ мѣстностей должно быть — повторяю — возведено заполненіе формуляровъ счетчиками со словъ переписываемаго населенія, а заполненіе формуляровъ самими обывателями—все равно, будутъ ли это квартирохозяева-горожане, или владѣльцы усадебъ, или крестьяне-домохозяева, должно быть разсматриваемо какъ исключеніе, допускаемое лишь по прямой инициативѣ обывателя и при наличности у счетчика убѣжденія въ томъ, что данный обыватель сможетъ успѣшно справиться съ этою задачею. Для такой постановки дѣла имѣются прецеденты: достаточно указать на американскіе цензы или на австрійскую промышленную перепись 1902 года. А между тѣмъ болѣе послѣдовательное проведеніе того технического принципа — словеснаго опроса, который по отношенію къ значительному большинству населенія имперіи дѣйствовалъ и при первой всеобщей переписи, устранить второе существенное препятствіе къ требуемому жизнью расширенію и углубленію содержанія переписи.

Послѣдній изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію факторовъ—принципъ «почетной должности», для насъ имѣетъ лишь третьестепенное значеніе. Въ нашихъ условіяхъ всегда было трудно, трудно и сейчасъ, разсчитывать на сколько-нибудь широкое примѣненіе этого принципа. Мало разсчитывали на него и организаторы первой всеобщей переписи: по общему правилу, завѣдывающіе переписными участками «набирали счетчиковъ изъ среды мѣстнаго населенія за опредѣленное вознагражденіе», и лишь факультативно имъ предоставлялось «также привлекать къ дѣлу переписи безвозмездныхъ себѣ помощниковъ или счетчиковъ». Надо думать, что и организаторы предстоящей второй всеобщей переписи не найдутъ возможнымъ въ болѣе широкой мѣрѣ примѣнить начало почетной должности. Надо надѣяться

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ моемъ совмѣстномъ съ И. Ф. Макаровымъ докладѣ «По поводу переписи гор. С.-Петербурга 15 декабря 1910 г.», въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общества за 1911 г. и отдѣльною брошюрой.

въ частности, что они не возобновятъ крайне неудачнаго опыта привлеченія бесплатныхъ сотрудниковъ обѣщаніемъ медалей: любители медалей—это, конечно, не та среда, которая могла бы обеспечить доброкачественный контингентъ счетчиковъ, и желаніе украсить себя медалью—не тотъ мотивъ, который могъ бы въ сколько-нибудь широкой мѣрѣ гарантировать активный интересъ къ дѣлу переписи. Да и помимо этого—не только въ нашихъ, но и въ несравненно болѣе для него благопріятныхъ условіяхъ, напр., въ Германіи, начало почетной должности можетъ лишь неблагопріятно вліять на постановку статистическаго исчисленія. Прежде всего—дареному коню въ зубы не смотрятъ; разъ разсчитываютъ на бесплатный трудъ—тутъ уже нельзя быть разборчивымъ по отношенію къ тѣмъ, кто предлагаетъ свои бесплатныя услуги; тутъ не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь строгомъ выборѣ подходящихъ для цѣлей переписи элементовъ; соглашающихся бесплатно работать счетчиковъ не приходится утруждать и сколько-нибудь продолжительнымъ инструктированіемъ. Но и помимо этого: какъ констатируютъ имѣющіе опытъ въ этомъ дѣлѣ нѣмецкіе статистики въ уже неоднократно цитированномъ коллективномъ трудѣ, «отъ бесплатно работающихъ счетчиковъ нельзя требовать продолжающейся нѣсколько дней непрерывной работы. Отсюда—необходимость формировать мелкіе счетные участки», чтобы на счетчика приходилось не болѣе 60, 50 или даже 40 домохозяйствъ ¹⁾. Проведеніе, въ сколько-нибудь ощутительныхъ размѣрахъ, начала почетной должности еще усугубляетъ поэтому, вліяніе начала односторонности, поскольку изъ него вытекаетъ необходимость въ арміяхъ счетчиковъ: бесплатныхъ счетчиковъ приходится набирать, во всякомъ случаѣ, гораздо большее число, нежели какимъ возможно ограничиться при платномъ трудѣ; оно усугубляетъ его вліяніе и постольку, поскольку оно устраняетъ возможность подбора доброкачественнаго персонала и сколько-нибудь серьезнаго его инструктированія, — оно заставляетъ, слѣдовательно, сжимать содержаніе статистическаго исчисленія въ еще болѣе тѣсныя рамки, нежели какія были бы мыслимы при иной организациі переписного персонала.

Подведемъ итоги сказанному. Изъ числа тѣхъ факторовъ, которые, въ совокупности своей, такъ сильно тормозятъ раз-

¹⁾ Die Stat. in Deutschl., т. 1, стр. 219.

витіе статистическаго исчисленія, которые являются субстратомъ, выростившимъ ограничительныя требованія ходячей методологической догмы, намъ, въ Россіи, съ принципомъ почетной должности серьезно считаться не приходится. Начало самосчисленія у насъ не имѣетъ прочныхъ корней и уже въ силу низкаго культурнаго уровня нашихъ народныхъ массъ должно окончательно уступить мѣсто приему изустнаго опроса. Вытекающая изъ стремленія къ точному учету наличнаго населенія односторонность выполненія переписныхъ операцій перестаетъ быть необходимой, такъ какъ самъ принципъ наличнаго населенія не оправдалъ себя и долженъ быть замѣненъ принципомъ постоянного населенія,—а съ этимъ связана возможность растянуть переписныя операціи на гораздо болѣе продолжительное время; отсюда—возможность во много разъ сократить число счетчиковъ, а слѣдовательно,—возможность и гораздо лучшаго отбора и гораздо лучшаго ихъ инструктированія.

Но надо, чтобы эта возможность претворилась и въ дѣйствительность. Окончательный переходъ къ приему изустнаго опроса и значительное продленіе времени, назначаемого на выполнение переписныхъ операцій—эти два рѣшительныхъ отступленія отъ практики западно-европейскихъ переписей только устраняютъ тѣ два коренныхъ отрицательныхъ условія, которые тормозятъ качественное развитіе статистическаго исчисленія. Для того, чтобы создать и необходимыя для того положительныя условія, необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ порвать съ традиціей первой всеобщей переписи, поскольку она приурочивала функціи завѣдующаго переписнымъ участкомъ къ должности земскаго начальника, общее руководство переписью въ губерніи и уѣздѣ возлагала на принимавшія, *ad hoc*, названіе переписныхъ комиссій смѣшанныя административныя присутствія, а для комплектованія счетнаго персонала готова была довольствоваться и «наиболѣе грамотными изъ отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ» и просто «мѣстными обывателями изъ грамотныхъ». Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что нахожденіе въ должности земскаго начальника никоимъ образомъ не можетъ быть признано сколько-нибудь достаточною квалификаціею для завѣдыванія переписнымъ участкомъ и для выполненія связанныхъ съ такимъ завѣдываніемъ руководительскихъ и контролирующихъ функцій — какъ, впрочемъ, недостаточна и квалификація тѣхъ *Staats-und Gemeindebeamte*,

на усиленное привлеченіе которыхъ къ дѣлу переписей возлагаетъ свои надежды Георгъ Майръ; и что не только «наиболѣе грамотные нижніе чины» и «мѣстные обыватели изъ грамотныхъ», но даже «приказчики и конторщики владѣльческихъ усадебъ» или «владѣльцы и приказчики мѣстныхъ лавокъ» не дадутъ, въ массѣ, сколько-нибудь годнаго контингента счетчиковъ; что съ такимъ контингентомъ не только нельзя — въ самомъ дѣлѣ! — мечтать о какомъ-либо расширеніи содержанія статистическаго исчисленія, но нельзя надѣяться сколько-нибудь успѣшно провести даже перепись обычнаго минимальнаго объема. Какъ я выше сказалъ, даже въ минимальную программу переписи входитъ рядъ рубрикъ, заполненіе которыхъ требуетъ и вполнѣ сознательнаго отношенія къ дѣлу, и умѣнья разбираться въ довольно сложныхъ, иногда, обстоятельствахъ даннаго индивидуальнаго случая; вся вообще переписная операція требуетъ такой степени точности, а успѣшное, не исключительно формальное, ея выполненіе требуетъ такого интереса къ дѣлу, какіе мыслимы лишь при вполнѣ сознательномъ отношеніи къ смыслу и задачамъ статистическаго исчисленія. Организаторы предстоящей второй всероссійской переписи, несомнѣнно, отдають себѣ отчетъ въ невозможности обосновать организацію переписи на земскихъ начальникахъ и «грамотныхъ» обывателяхъ — объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы ихъ заботы о томъ, чтобы теперь-же провести черезъ состоящіе при центральномъ статистическомъ комитетѣ статистическіе курсы возможно большій контингентъ молодыхъ людей, обладающихъ достаточною для участія въ переписи (конечно, на руководительскихъ роляхъ) квалификаціей. Удастся ли это или нѣтъ — возможно ли, въ частности, рассчитывать къ 1915 году превратить молодыхъ людей, которые только теперь поступаютъ на статистическіе курсы, въ зрѣлыхъ для выполненія руководительскихъ и контролирующихъ функцій статистиковъ — это вопросъ, на который я не рѣшаюсь дать категорическаго отвѣта. Но если и признать направленные въ эту сторону заботы организаторовъ будущей переписи цѣлесообразными — достаточными ихъ, во всякомъ случаѣ, признать нельзя. Двѣсти человѣкъ выучениковъ статистическихъ курсовъ на всю нашу необъятную страну — это капля въ морѣ. Чтобы успѣшно провести перепись хотя бы минимальнаго объема, нужны тысячи людей, способныхъ организовать и провести перепись въ губерніяхъ, уѣздахъ и переписныхъ участкахъ. А для этого

нужно мобилизовать всѣ наличныя статистическія силы, и на первомъ мѣстѣ — выработавшійся, главнымъ образомъ въ земской статистикѣ, контингентъ уже готовыхъ статистическихъ работниковъ. Нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно повысить требованія, предъявляемыя къ счетчикамъ — минимальная, на мой взглядъ, квалифікація должна соотвѣтствовать квалифікаціи сельскаго учителя; и именно учительскій персоналъ обоего пола, вмѣстѣ съ учащимися, тоже обоего пола, высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ дать наиболѣе подходящій контингентъ счетчиковъ. Если — въ соотвѣтствіе съ изложенными выше соображеніями — потребность въ счетчикахъ будетъ измѣряться въ нѣсколько разъ, можетъ быть въ десять разъ, меньшими цифрами, чѣмъ какія требовались бы при болѣе или менѣе строгомъ проведеніи принципа однократности, то эту потребность, вѣроятно, окажется возможнымъ покрыть за счетъ контингента лицъ, обладающихъ указанною квалифікаціей. А разъ продолжительность работы счетчика опредѣлится не въ нѣсколько дней, а въ мѣсяць или въ шесть недѣль, то это, съ одной стороны, привлечетъ къ дѣлу переписи не мало такихъ людей, которые не пошли бы на три или на четыре дня, а съ другой — позволить надлежащимъ образомъ поставить инструктированіе и вообще подготовку счетчиковъ къ выполненію взятыхъ ими на себя обязанностей.

Но при такихъ условіяхъ, несомнѣнно, явится возможность значительно расширить и углубить содержаніе предстоящей второй всероссійской переписи въ тѣхъ разнообразныхъ направленіяхъ, какія подсказываются насущными требованіями жизни. Я не берусь здѣсь исчерпать вопроса — это, несомнѣнно, далеко превысило бы мою компетенцію, какъ и компетенцію всякаго другого отдѣльнаго лица. Я останавлиюсь только на одномъ изъ многихъ возникающихъ здѣсь вопросовъ — впрочемъ, думается мнѣ, на важнѣйшемъ: на вопросѣ о сліяніи второй всеобщей переписи населенія съ промышленною переписью ¹⁾).

Крайняя насущность вопроса о промышленной переписи едва ли

¹⁾ Mutatis mutandis, изложенныя въ текстѣ соображенія всецѣло могутъ быть распространены и на сельско-хозяйственную перепись. Для учета мелкихъ хозяйствъ крестьянскаго типа придется только включить въ посемейный или подворный бланкъ для сельскихъ мѣстностей то небольшое число характеризующихъ такія хозяйства признаковъ, какое только и можетъ найти себѣ мѣсто въ программѣ всеобщей сельско-хозяйственной переписи. Чтобы не осложнять вопроса, я не вхожу по

требуетъ доказательствъ: она признается не только представителями науки, но и дѣловыми сферами, въ лицѣ хотя бы съѣзда представителей промышленности и торговли. Но — какъ я уже сказалъ выше — о такой переписи говорятъ какъ о чемъ-то независимомъ отъ переписи населенія. Приведу хотя бы недавнюю резолюцію съѣзда объединенной промышленности и торговли: возбудить передъ правительствомъ ходатайство «о производствѣ второй всероссійской переписи и о разработкѣ, независимо отъ общаго плана переписи, также профессионально-промысловой переписи». Въ такой постановкѣ дѣло промышленной переписи кажется мнѣ совершенно безнадежнымъ. Но почему перепись населенія и промышленная не могутъ быть слиты въ одну, лишь болѣе сложную чѣмъ простая перепись населенія, операцію? Такое рѣшеніе вопроса, несомнѣнно, пошло бы въ разрѣзъ съ господствующимъ среди русскихъ статистиковъ взглядомъ. Достаточно напомнить о томъ, что возникшее въ 1900 году предположеніе соединить 3-ю Петербургскую городскую перепись съ промышленною ¹⁾ было отвергнуто статистическимъ совѣтомъ по инициативѣ офиціального въ немъ представителя статистической науки; или объ одномъ изъ пунктовъ постановленія, принятаго столь авторитетнымъ собраніемъ, какъ подсекція статистики XII съѣзда естествоиспытателей, — пунктѣ, гласившемъ, что вторая всеобщая перепись «должна быть исключительно переписью населенія (демографическою) ²⁾. И тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь утверждать и попытаюсь доказать, что въ основѣ этого господствующаго взгляда нѣтъ, въ сущности, серьезныхъ основаній — все дѣло здѣсь, опять-таки, въ принимаемый безъ достаточной критики методологической догмѣ.

Въ данномъ случаѣ, однако, эта догма менѣе безспорна и менѣе обоснована, нежели гдѣ-бы то ни было. Фактической для нея опорой служить, въ сущности, одинъ только неудачный опытъ — французская перепись 1896 года. Но изъ того, что въ данномъ случаѣ бывшая демографическою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленною, перепись была неудачно проведена, не слѣдуетъ,

этому вопросу въ какія-либо подробности; замѣчу только, что практика земской статистики дастъ, конечно, цѣнные указанія для развитія формуляра переписи въ данномъ направленіи.

¹⁾ Предположеніе это исходило отъ пишущаго эти строки и было разработано имъ совмѣстно съ покойнымъ Н. Ф. Анненскимъ.

²⁾ См. «Труды подсекціи», стр. 51.

чтобы демографической переписи, вообще, нельзя было комбинировать съ промышленною. Противъ такого слиянія двухъ операций высказываются несомнѣнно авторитетные голоса—но немало голосовъ высказываются и въ его пользу. Назову хотя бы проф. Воблаго, въ его монографіи о германской переписи 1907 г.

Я не буду входить здѣсь въ разсмотрѣніе разыгравшейся вокругъ даннаго вопроса контроверзы. Не буду потому, что весь вопросъ, въ концѣ концовъ, основанъ на недоразумѣніи. Чтò бы ни говорили за комбинацію промышленной, или иначе—профессіонально-промысловой переписи, съ переписью населенія, или противъ такой комбинаціи,—она во всякомъ случаѣ неизбежна,—вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ ее осуществить. Въ самомъ дѣлѣ: спеціальная перепись профессій ничѣмъ принципиально не отличается отъ того учета профессій, который является обязательною составною частью всякой переписи населенія; разница только въ степени детальности учета профессій. Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что при обычной переписи населенія онъ можетъ (но отнюдь не долженъ!) быть болѣе суммарнымъ, чѣмъ при спеціальной переписи профессій и занятій. Перепись предпріятій—операция, сама по себѣ принципиально отличная какъ отъ переписи населенія, такъ и отъ переписи профессій. Но, какъ показалъ опытъ—какъ показала, въ частности, неудача всѣхъ другихъ примѣнявшихся для этой цѣли пріемовъ, лишь сплошной учетъ профессій—все равно, въ видѣ ли элемента демографической, или въ видѣ спеціальной профессіональной переписи, можетъ дать болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о всѣхъ, въ особенности о мелкихъ промышленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ предпринимателяхъ, отъ которыхъ затѣмъ можно будетъ требовать свѣдѣній объ ихъ предпріятіяхъ—слѣдовательно, лишь такой учетъ можетъ обезпечить болѣе или менѣе исчерпывающую полноту учета предпріятій. Признаваемые классическими и, несомнѣнно, занимающія первое мѣсто по единству мысли и совершенству организаціи германскія промышленныя переписи объединяють всѣ эти три момента—сплошной учетъ населенія—притомъ населенія осѣдлаго, учетъ профессій и учетъ предпріятій въ одну сложную статистическую операцию; по словамъ Майра, которыя я особенно подчеркиваю, онѣ представляютъ собой ничто иное, какъ «расширенную въ ея хозяйственно-статистическихъ запросахъ общую перепись

населенія»¹⁾, причемъ первые два момента сливаются въ одну, первую, учетъ профессій выдѣляется въ особую, вторую фазу или стадію. Основнымъ недостаткомъ германской организаціи приходится признать—по несомнѣнно правильному мнѣнію того-же Майра²⁾—слишкомъ огульное примѣненіе принципа самосчисленія, который, даже въ нѣмецкихъ условіяхъ, оказывается неспособнымъ отвѣтить на запросы такой сложной статистической операціи, какъ учетъ предпріятій. Въ Австріи перепись профессій была слита съ общею переписью населенія, произведенною въ 1900 году; перепись предпріятій была выдѣлена въ совершенно отдѣльную операцію и произведена двумя годами позже, въ 1902 году, причемъ свѣдѣнія о владѣльцахъ подлежащихъ учету предпріятій должны были заимствоваться изъ матеріаловъ профессионально-демографической переписи 1900 года. За два года эти матеріалы успѣли въ значительной мѣрѣ устарѣть, и это вызвало необходимость въ очень кропотливыхъ, и притомъ все же не гарантировавшихъ надлежащей полноты, подготовительныхъ къ переписи предпріятій работахъ по провѣркѣ и дополненію списковъ владѣльцевъ предпріятій,—работахъ, въ которыхъ не было бы никакой необходимости, если бы учетъ предпріятій непосредственно послѣдовалъ, какъ въ Германіи, за учетомъ населенія и его профессій.

Посмотримъ же теперь, какъ ставится вопросъ у насъ въ Россіи. Предположимъ, что предстоящая вторая всероссійская перепись будетъ только переписью населенія (конечно включающею, въ томъ или другомъ объемѣ, и учетъ профессій и занятій). Допустимъ невѣроятное—что за нею, черезъ два или три года, послѣдуетъ отдѣльная «профессионально-промысловая» перепись. Очевидно, что въ значительной, въ основной своей части она будетъ ничѣмъ неоправдываемымъ, черезъ столь короткій промежутокъ времени, повтореніемъ произведенной за два или за три года передъ тѣмъ переписи населенія.

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой стороны. Посмотримъ, чѣмъ отличается германская перепись профессій отъ переписи населенія? Во-первыхъ, тѣмъ, что при переписи профессій учитывается не одно только главное занятіе, какъ при переписи населенія, но также и побочное; и во-вторыхъ тѣмъ,

¹⁾ Allg. Staat. Arch., т. I, 107.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

что въ формуляръ переписи профессій вводятся вспомогательные вопросы—о наемныхъ рабочихъ и о двигателяхъ, служащіе для опредѣленія контингента тѣхъ владѣльцевъ предпріятій, которымъ должны быть вручены бланки для описанія предпріятій.

Но наша первая всеобщая перепись, какъ извѣстно, учитывала не только главное, но и побочное занятіе, и лишь въ силу какихъ-то непостижимыхъ, едва ли не «бюджетныхъ», соображеній данныя о побочномъ занятіи не попали въ разработку. Позволяю себѣ утверждать, что и при предстоящей второй переписи населенія безусловно обязательно учитывать не только главное, но и побочное занятіе, и что разработки данныхъ о побочномъ занятіи нельзя принести въ жертву никакимъ — даже бюджетнымъ! — соображеніямъ. При еще слабой въ Россіи экономической дифференцированности, учетъ однихъ только «главныхъ» занятій, съ одной стороны, въ огромномъ числѣ случаевъ встрѣтится съ неодолимою трудностью рѣшить, что признавать за «главное» занятіе; съ другой—онъ дастъ совершенно превратное представленіе объ экономической и соціальной структурѣ едва ли не большей части нашей страны. Достаточно представить себѣ любую изъ губерній нашей нечерноземной полосы: о ней получится, очевидно, совершенно ложное представленіе какъ въ томъ случаѣ, если учитывать въ качествѣ «главнаго» занятія одно земледѣліе, такъ и въ томъ, если учитывать лишь одни дополнительные къ нему источники существованія населенія: работу на фабрикѣ, кустарный или лѣсной промыселъ, столичный отходъ и т. п. Немногимъ менѣе ложное представленіе получится объ экономической структурѣ городовъ, въ частности большихъ, если учитывать лишь городскія профессіи и оставить безъ вниманія прикосновенность значительной части или даже большинства городского трудового населенія къ землѣ и сельскому хозяйству. Я не забываю о техническихъ трудностяхъ учета побочныхъ занятій — но эти трудности могутъ играть серьезную роль только при самосчисленіи; при изустномъ опросѣ, какъ показываетъ практика земской статистики, эти трудности отпадаютъ.

Но разъ это такъ, то, значитъ, наша перепись населенія неизбежно должна включить въ себя одинъ изъ двухъ элементовъ промышленной переписи—углубленный учетъ профессій и занятій. При этомъ неизбежно будутъ учитываться, особо, владѣльцы предпріятій, въ числѣ ихъ пользующіеся

наемнымъ трудомъ будутъ учитываться отдѣльно отъ одиночекъ, и дѣло очень мало осложнится, если въ программу переписи ввести еще вопросъ о механическихъ двигателяхъ. Но разъ это все такъ, то, значить, перепись населенія не только будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переписью профессій, — она дастъ въ то-же время и мыслимо-исчерпывающіе списки лицъ, къ которымъ надо обращаться за свѣдѣніями о предпріятіяхъ.

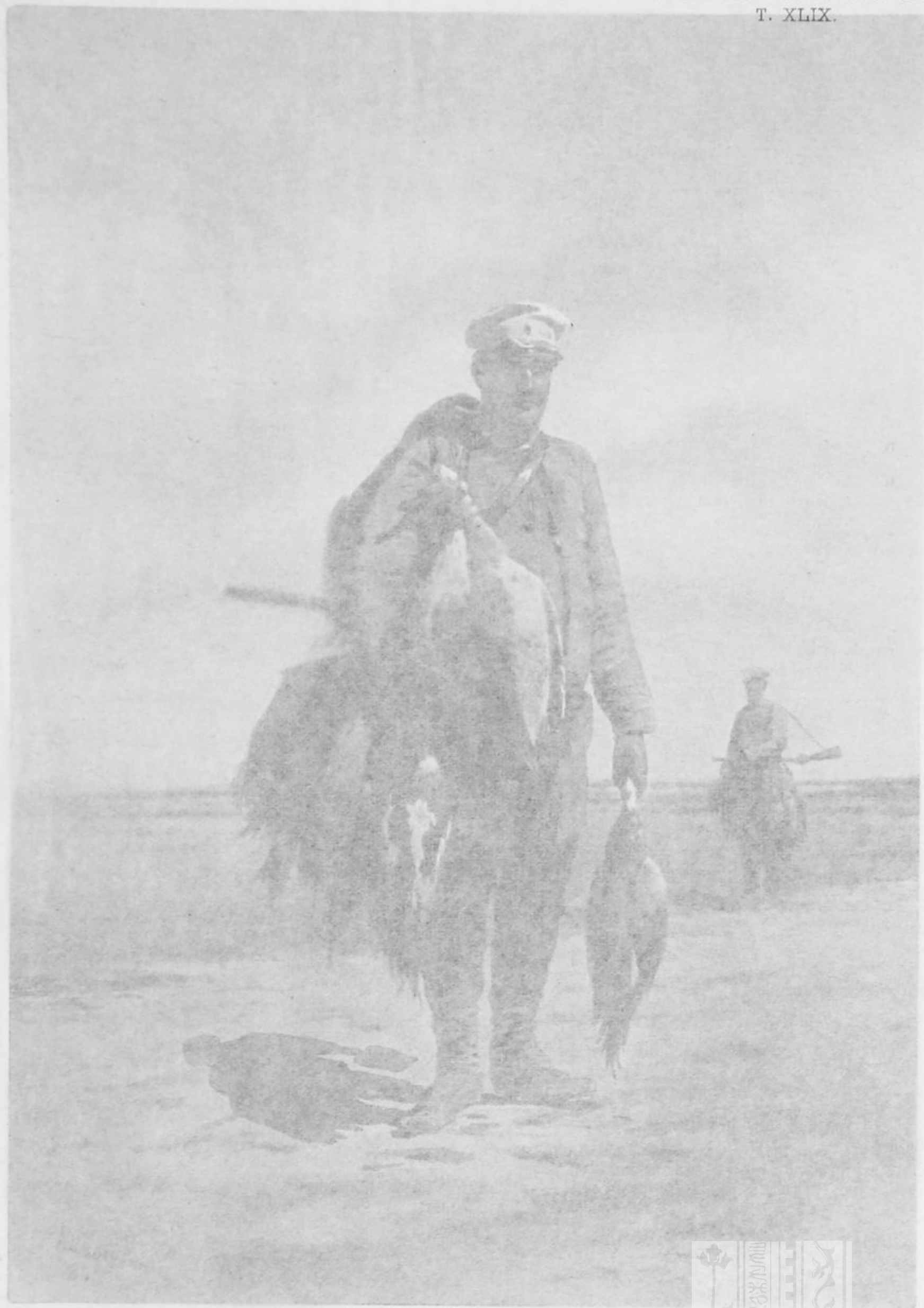
Но разъ, опять-таки, это такъ, то и самой переписи предпріятій нѣтъ никакого основанія отодвигать на два или на три года отъ всеобщей переписи: ее, при такой отсрочкѣ, пришлось бы либо основать на уже устарѣвшихъ данныхъ бывшей за два или три года передъ тѣмъ второй всеобщей переписи, либо произвести новую перепись населенія и профессій—только для того, чтобы знать, кому вручать листки для учета предпріятій. Первый исходъ, очевидно, нежелателенъ по существу, второй равносильненъ не оправдываемымъ необходимостью новымъ миллионнымъ затратамъ и колоссальной, по существу не нужной, добавочной затратѣ труда.

Единственно цѣлесообразный исходъ—приступить къ переписи предпріятій тотчасъ-же за переписью населенія, которая, какъ уже сказано, необходимо будетъ и переписью профессій; иначе сказать — вторую всеобщую перепись населенія комбинировать съ профессионально-промысловою переписью такъ, какъ это дѣлается при германскихъ промышленныхъ переписяхъ. Такая комбинація встрѣтитъ тѣмъ меньше затрудненій, что перепись предпріятій—какъ, между прочимъ, подчеркиваетъ и Майръ ¹⁾—еще въ гораздо меньшей мѣрѣ нуждается въ быстротѣ выполненія, чѣмъ перепись населенія и сливающейся съ нею учетъ занятій. Какъ подтверждаетъ хотя бы практика нашей земской статистики, перепись предпріятій безъ всякаго ущерба для дѣла можетъ быть растянута на нѣсколько мѣсяцевъ — три, четыре или болѣе,—а это чрезвычайно важно потому, что позволяетъ привлечь къ болѣе трудной, по существу, операціи учета предпріятій еще гораздо болѣе квалифицированный персоналъ, нежели какой можетъ и долженъ быть использованъ для переписи населенія. Прежде всего, къ работѣ по учету и описанію предпріятій можно будетъ привлечь тѣхъ изъ счетчиковъ, которые хорошо зарекомендуютъ себя при

¹⁾ Тамъ же, стр. 120.

переписи населенія, а затѣмъ, частью на роли счетчиковъ, главнымъ же образомъ для выполненія функцій руководства и контроля, можно будетъ привлечь лицъ съ соотвѣтственною техническою подготовкой; такихъ лицъ можно будетъ пріискать частью изъ среды правительственныхъ и земскихъ служащихъ съ соотвѣтственною теоретическою подготовкой и практическимъ опытомъ—фабричныхъ инспекторовъ, агрономовъ, землеустроителей и т. п.; частью — изъ лицъ, занятыхъ въ сферѣ частной предпріимчивости: сельскихъ хозяевъ, промышленниковъ, техниковъ и т. п. Чрезвычайно цѣнное, участіе такихъ лицъ кажется мнѣ весьма правдоподобнымъ въ виду уже отмѣченнаго интереса дѣловыхъ круговъ къ вопросу о переписи; правдоподобнымъ, конечно, въ томъ лишь случаѣ, если организаторы переписи сумѣютъ не оттолкнуть отъ себя общественнаго сочувствія.

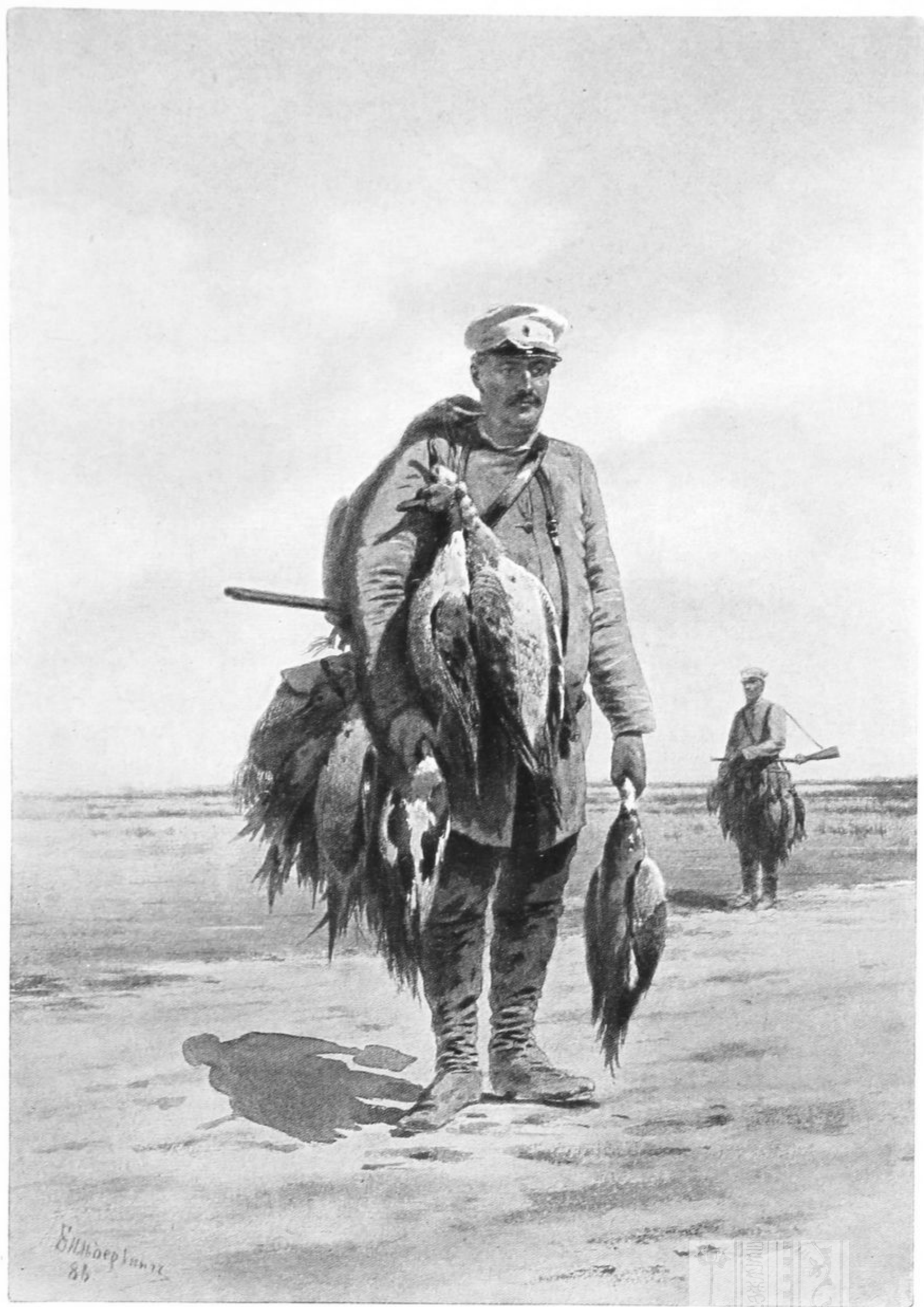
Нужно ли мнѣ подводить сказанному окончательный итогъ? Если нужно, то вотъ онъ: освободиться отъ рабскаго слѣдованія выработанной на нѣмецкихъ образцахъ методологической догмы и широко использовать опытъ какъ нашей земской статистики, такъ частью — и первой всеобщей переписи. Принять всѣ мѣры къ улучшенію состава какъ регистрирующаго, такъ и руководящаго и контролирующаго персонала, использовавъ для этого всѣ наличныя статистическія силы страны и постаравшись заручиться общественнымъ сочувствіемъ. Развить содержаніе переписи въ соотвѣтствіе съ требованіями жизни, и прежде всего—объединить перепись населенія съ учетомъ занятій и предпріятій.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ
послѣ удачной охоты на Лобъ-Норъ весной 1885 г.

Н. М. ПРЖЕВАЛСКИЙ

Л. 5881 Коневъ Лео-Н-доу въ итогахъ охоты на Лодъ-Норъ весной 1885 г.

БИБЛИОТЕКА
ЛИИ Музееведения

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

П. Козлова.

Двадцатаго октября 1913 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника Н. М. Пржевальскаго. Мнѣ, какъ ученику и послѣдователю, предложено было отмѣтить этотъ день воспоминаніемъ о Пржевальскомъ ¹⁾.

...Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Н. М. Пржевальскій принадлежалъ къ числу немногихъ, счастливыхъ людей, ученая дѣятельность котораго еще при жизни была оцѣнена какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границею.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принялъ имя Кузьмы Ѳомича. Отецъ—Михаиль Кузьмичъ, въ чинѣ поручика, оставилъ службу, женился, и поселился на житье въ имѣніи...

¹⁾ Подробнѣе изложено въ книжкѣ «П. К. Козловъ. Николай Михайловичъ Пржевальскій—исслѣдователь природы Центральной Азіи». Съ двумя портретами, тремя таблицами, пятью рисунками въ текстѣ и одною отчетною картою путешествій Пржевальскаго. С.-Петербургъ, 1913. Цѣна 1 руб. 50 коп.

«Въ 1867-мъ году, говоритъ вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ. Черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому Обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправлявшимся въ путешествіе по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко, но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мирѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, Совѣтъ Общества не рѣшился... Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П. боясь разстаться съ нимъ, навсегда обѣщалъ Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, то по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацію со стороны Географическаго Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, гдѣ просвѣщенный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край. Въ теченіе полутора лѣтъ (1868—1869 г.) боролся Николай Михайловичъ со всевозможными трудностями, опасностями и лишеніями, блуждая и охотясь по дебрямъ и лѣсамъ Уссурійскаго края. Результатомъ его трудовъ было первое прекрасное и талантливое его сочиненіе «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ», изданное въ 1870 году. Императорское Русское Географическое Общество присудило Николаю Михайловичу первую почетную награду — серебряную медаль, причисливъ его съ этой поры къ своимъ непосредственнымъ дѣятелямъ.

Слово, данное П. П. Пржевальскому Семеновымъ Тянь-Шанскимъ было исполнено. По взаимному соглашенію былъ выработанъ планъ первой экспедиціи Пржевальскаго во Внутреннюю Азію

Ордось, Гань-су и Амдо'ское нагорье были избраны полемъ его дѣятельности, какъ географа натуралиста. Особенное вниманіе будущаго путешественника было обращено на природу узкой полосы Ганьсуйской провинціи, далеко вторгающуюся въ нагорную Азію между массивными горными хребтами, на склоны и долины этихъ хребтовъ и на Голубое озеро—Куку-норъ. Пржевальскій съ тремя только спутниками совершилъ съ 1870 по 1873 г. цѣлый рядъ блестящихъ географическихъ подвиговъ, прославившихъ его имя и вернулся черезъ Кяхту въ Петербургъ... Императорское Русское Географическое Общество присудило ему высшую свою награду—Константиновскую медаль. Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ Пржевальскому и тогдашній военный министръ графъ Д. А. Милютинъ.

Николай Михайловичъ прочелъ нѣсколько увлекательныхъ лекцій и вездѣ вызывалъ бурныя оваціи. Славный путешественникъ былъ героемъ дня и создалъ вокругъ себя географическую атмосферу.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ» Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успокоиться, сообщалъ онъ одному изъ друзей, и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно сочувственные отзывы министровъ военного и иностранныхъ дѣлъ дали возможность Совѣту Географическаго Общества просить Августѣйшаго Предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича, исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги и при этомъ выразилъ увѣренность «что экспедиція Пржевальскаго принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи»...

Двѣнадцатаго августа 1875 года Пржевальскій выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ.—«Илійская долина, говоритъ онъ,—это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ (китайцамъ), право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

«Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгоуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ; только и жить господамъ да скотинѣ».

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальскій попалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека Кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета или «Счастливецъ», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ, внѣ города, и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того, говоритъ Пржевальскій, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне не довольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Будучи очень подозрительнымъ Якубъ-бекъ недовѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ цѣлямъ Пржевальскаго.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора... Наконецъ онъ былъ полученъ и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось пробираться по лѣсу, или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго словно желѣзная щетка израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій прожилъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кромѣ опасности, весьма трудна по чуткости звѣря и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ періодически собираются миллионы плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добродушіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучилъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такіе дикари, писалъ онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ.

«...Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или кара-курчи-

нецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачеха-природа... Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Каракурчина, говоритъ Пржевальскій, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напомнившихъ собою примитивный бытъ человѣчества...»

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ, когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ вреднаго зуда, полученнаго отъ соеной пыли Лобъ-нора...

Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по пріѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго разстройства вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, «чему я очень радъ, писалъ Николай Михайловичъ. Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное»—родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ...»

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальскаго и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи въ Центральную Азію. Счастье опять улыбнулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21 марта 1879 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться—путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ—Гумбольдта и Рит-

тера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: «Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ и стремленій».

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія болѣе интересный какъ по своему характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. Грандіозная природа Азіи ознаменовала себя тамъ духомъ подавляющей массивности въ видѣ тибетскаго нагорья, поднятаго отъ 13—15000 до 18.000 футовъ надъ моремъ. Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтаютъ богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающіе. Встрѣчая на пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, Пржевальскій вначалѣ съ трудомъ вѣрилъ, чтобы то могли быть дикія животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускали къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь «завѣтной» страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ... Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшіе о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже небольшихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимовьюченія и развьючиванія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетскихъ разбойниковъ—ёграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа ёграи бросились на уходъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смятеніе, преградивъ дорогу экспедиціи. Сторожевые посты твердили: «не пустимъ пока не получимъ отвѣта изъ Лхасы столицы Тибета».

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Найчу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади—на Танъ-ла, несомнѣнно ёграи поджидали возвращенія путешественниковъ. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу...

...Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. «Трудно описать, говоритъ онъ въ письмѣ къ посланнику въ Пекинѣ, съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такова моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, закончитъ недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

Весна и лѣто были проведены экспедиціей частью на верховьѣ Желтой рѣки, частью на Куку-норѣ и въ Алашанѣ, а осень—въ пути по Гоби, которая была скоро и благополучно пройдена. Только послѣдній переходъ къ Ургѣ тянулся невыносимо долго... «Наконецъ, пишетъ Пржевальскій, съ послѣдняго перевала, передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся священный монгольскій городъ Урга. Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Родное европейское чувствовалось уже недалеко... Радужная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната взамѣнъ холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось грезами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московскій университетъ — почетнымъ докторомъ зоологіи, С.-Петербургскій университетъ — почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское Географическія Общества. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти Общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль...

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи Наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ Императору Николаю II, главнѣйшіе результаты своихъ путешествій по Средней Азіи...

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только-что прибрѣтенномъ имъ имѣніи «Слобода», Смоленской губерніи, Порѣчскаго уѣзда... Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, наполовину покрытой лѣсомъ, «да и лѣсъ, какъ сибирская тайга, писалъ новый владѣлецъ, а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ... Но все-таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховья Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь»...

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанію своего труда и подалъ въ Совѣтъ Общества проектъ о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральную Азію. Пока разрѣшался вопросъ объ экспедиціи Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки»...

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаньи, подарилъ Николаю Михайловичу зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился, и поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, писалъ онъ, переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата... Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 г. началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, пересѣкая третій разъ пустыню Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь, говоритъ Николай Михайловичъ, прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, рядомъ съ дикими скалами и каменными осыпями, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію».

Дальнѣйшій путь лежалъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, гдѣ экспедиціи въ теченіе лѣта удалось обслѣдовать большой районъ въ бассейнахъ Желтой рѣки и Янъ-цзы-цзяна... На озерахъ верхней Хуанъ-хэ Пржевальскій съ отрядомъ дважды подвергся лихимъ нападеніямъ тибетцевъ-разбойниковъ, племени н'голокъ, но обѣ атаки эти были блестяще отбиты. Слава о горсти русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ Западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальскаго былъ пересѣченъ почти на всемъ его протяженіи, караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ, и ровно черезъ два года, вступилъ на родную землю. Вблизи перваго русскаго города Каракола путешественники были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль»... а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами.

«Такъ сегодня—седьмого ноября, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, окончилось четвертое мое путешествіе въ Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живыя образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ»...

Императорское Русское Географическое Общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія Наукъ выразила неутомимому изслѣдователю особенную признательность и выбила въ честь Пржевальскаго золотую медаль на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ 1886, а на оборотѣ надпись: «Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи», окруженная лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычнаго пребыванія въ Петербургѣ, Пржевальскій поселился въ любимой имъ «Слободѣ» и занялся составленіемъ книги. Постоянными его гостями были его друзья—спутники: Роборовскій и Козловъ, а также гренадеры или казаки съ которыми онъ часто предпринималъ охотничьи экскурсіи и рыболовства. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ дикая «Слобода» для чуткой души Пржевальскаго была незамѣнима.

На слѣдующій годъ Пржевальскій задумалъ уже новое путешествіе.

Изданіе научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій

было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Пржевальскій считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству и исходатайствовалъ право о дозволеніи посвятить Государю Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи. Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издана подъ заглавіемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима».

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно прощался со «Слободой» и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешествія, онъ еще болѣе трогательно простился съ нами—спутниками...

— Похороните меня непременно на Иссыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты, обращаясь къ Роборовскому, сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пёрде.—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ, вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: «Ну, теперь я лягу».

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... Нѣсколько учащенныхъ дыханій, два-три глубокихъ вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждого изъ насъ... Мнѣ казалось, такое горе пережить нельзя... да оно и теперь еще не пережито!

...Послѣ отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много... На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ—киргизъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу, двѣнадцать верстъ, пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце играло по ледянымъ вѣнцамъ Тянь-шаня, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи.

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатости внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему, успокоить великую душу усопшаго раба Николая...

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи, и могила его находится у подножья Небеснаго хребта—тамъ, гдѣ высится стѣна этихъ горъ и гдѣ ихъ бѣлоснѣжныя вершины кажутся утопающими въ синихъ волнахъ Иссыкъ-куля...

Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ и душой и тѣломъ; самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ; да будетъ же твой завѣтъ навсегда хранимъ нами!..

Спб. Лѣто, 1913 года.

20-го октября 1913 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти Н. М. Пржевальскаго.—Императорское Русское Географическое Общество поручило своему Почетному Члену П. К. Козлову быть представителемъ Общества въ этотъ день на торжествѣ чествованія памяти покойнаго путешественника.—Вотъ какъ описывается въ мѣстныхъ газетахъ это торжество:

Пржевальскъ, 20 октября 1913 г.

Послѣ обѣдни въ церкви весь причтъ, вся администрація и почти весь городъ отправились на могилу Пржевальскаго, расположенную въ 12 верстахъ отъ города. Тамъ, послѣ торжественной панихиды съ подобающимъ пастырскимъ словомъ, полковникъ Козловъ, сказавъ трогательную, прекрасную по своему содержанию рѣчь, возложилъ на могилу Николая Михайловича привезенные имъ вѣнки: серебряные, отъ Императорскихъ—Географическаго Общества, Академіи Наукъ, Ботаническаго Сада Петра Великаго и Генеральнаго Штаба. Уѣзднымъ Начальникомъ под-

полковникомъ Ивановымъ были возложены вѣнки: отъ Туркестанскаго Генераль-Губернатора, Военнаго Губернатора Семирѣченской области и отъ Пржевальскаго уѣзда. Сказана была краткая трогательная рѣчь инспекторомъ народныхъ училищъ г. Соловьевымъ съ возложеніемъ вѣнковъ отъ женской прогимназіи и отъ учебныхъ заведеній. Говорилось еще нѣсколько рѣчей — городскимъ старостой, ученикомъ городского училища и представителемъ отъ населенія. Рѣчь послѣдняго такова: «Сегодня въ день 25-ой годовщины смерти великаго путешественника и ученаго генерала Пржевальскаго и наше населеніе киргизское счастливо принять участіе въ чествованіи памяти усопшаго. Всѣмъ намъ можно было поучиться у него его беззавѣтной храбрости и отвагѣ. А стрѣлокъ онъ былъ такой, что едва ли существовалъ такой подобный. Онъ могъ служить образцомъ для всякаго богатыря нашего». Народу у памятника собралось множество — почти весь городъ былъ тамъ. Трудно проѣхать черезъ толпу повозокъ — вся прилегающая дорога была буквально запружена ими.

Въ 3 съ половиной часа мѣстное городское общественное управленіе устроило въ общественномъ собраніи завтракъ, на которомъ было до 70 человѣкъ приглашенныхъ.

Въ началѣ завтрака полковникъ Козловъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора, а затѣмъ уже во время завтрака было сказано много рѣчей, посвященныхъ исключительно памяти покойнаго. Въ одной изъ своихъ 5 рѣчей полковникъ Козловъ сообщилъ собравшимся, что онъ, уже послѣ панихиды на могилѣ Пржевальскаго, получилъ отъ брата покойнаго генерала Евгенія Михайловича телеграмму, въ которой увѣдомляется о переводѣ имъ 1000 рублей для передачи городу на какую-нибудь благотворительную цѣль.

Вслѣдъ за симъ, городской староста А. А. Власовъ сказалъ краткую рѣчь, посвященную Пржевальскому:

«Двадцать пять лѣтъ тому назадъ скончался въ городѣ Караколѣ знаменитый изслѣдователь Центральной Азіи — Пржевальскій. Великій путешественникъ глубоко любилъ и понималъ природу, а потому онъ не могъ не любить прекраснаго синяго Иссыкъ-Куля, величественнаго Тянь-Шаня и того маленькаго, скромнаго города Каракола, который въ 1885 году встрѣчалъ Николая Михайловича и всю его побѣдоносную, но усталую отъ великихъ трудовъ экспедицію. Этому городу, о которомъ Пржевальскій вспоминалъ всегда съ удовольствіемъ, скоро суждено было получить второе крещеніе и съ того же всѣмъ памятнаго 1888 г. именоваться Пржевальскимъ. Съ этихъ поръ имя великаго путешественника стало для насъ роднымъ и близкимъ; мы гордимся тѣмъ, что прахъ Пржевальскаго покоится именно у насъ и что Россія намъ довѣрила охранять его. По мѣрѣ силъ и возможности мы бережемъ родную для насъ могилу и художественный Мавзолей, который является самымъ большимъ укра-

шеніемъ нашего города. Теперь въ ознаменованіе 25-лѣтней годовщины со дня смерти Николая Михайловича, городъ предполагаетъ основать музей его имени. Надѣмся, что эта мысль наша будетъ пріятна душѣ покойнаго и увѣрены, что Николай Михайловичъ при жизни принялъ бы въ этомъ начинаніи самое горячее участіе».

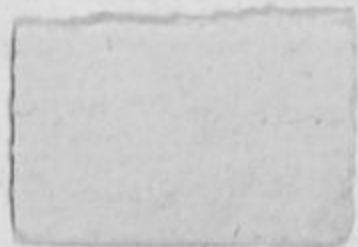
Тотчасъ же было организовано дѣло по подпискѣ и сбору на устройство музея денегъ, и въ какихъ-нибудь четверть часа собрано было 500 рублей, а съ присоединеніемъ сюда 1000 рублей, присланныхъ Евгеніемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ — получилась солидная для пржевальцевъ и для начала сумма въ 1500 рублей.

Непосредственно за этимъ была сказана рѣчь городскимъ старостой, который сообщилъ, что городское общественное управленіе въ знакъ глубокаго уваженія къ Петру Кузмичу Козлову, какъ ближайшему сотруднику и ученику Пржевальскаго, продолжающему дѣло и хранящаго идею его, постановило избрать и ходатайствовать объ утвержденіи П. К. Козлова почетнымъ гражданиномъ города Пржевальска.

Тутъ же съ завтрака были посланы телеграммы: 1) вице-предсѣдателю географическаго общества въ Петербургъ, 2) брату Николая Михайловича Пржевальскаго Евгенію Михайловичу Пржевальскому въ Москву и 3) военному губернатору Семирѣченской области.

Поѣздка лѣтомъ 1912 г. по восточному Кизылъ-куму и
замѣтка о разѣѣздѣ, произведенномъ въ немъ въ 1907 г.

Н. Зарудный.

ПАМЯТИ

подполковника А. П. ХОРОШИНА,

въ разныхъ направленіяхъ изслѣдовавшаго Туркестанскій край и убиатаго въ 1875 году въ дѣль при крѣпости Махрамъ,

посвящаетъ эту статью

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По порученію и на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества я предпринялъ лѣтомъ 1912 г. поѣздку по пустынѣ Кизылъ-кумъ. Цѣль этой поѣздки заключалась въ общемъ географическомъ описаніи преимущественно центральныхъ частей страны и, главнымъ образомъ, въ сборѣ всевозможныхъ зоологическихъ коллекцій, обработка которыхъ тѣми и другими специалистами должна въ разныхъ направленіяхъ разъяснить составъ мѣстной фауны, до сихъ поръ еще мало извѣстной и во многихъ отношеніяхъ загадочной.

Проектируя пробить въ пустынѣ около четырехъ мѣсяцевъ и сдѣлавъ предварительный расчетъ, я испрашивалъ у означеннаго Общества сумму въ 800 р., каковая и была мнѣ довѣрена. Этотъ расчетъ оказался настолько невѣрнымъ, что въ результатѣ мнѣ пришлось ровно вдвое сократить какъ предположенный маршрутъ, такъ и время. Между прочимъ сдѣлалъ я ошибку и въ томъ отношеніи, что нанялъ верблюдовъ изъ г. Туркестана на все протяженіе поѣздки, тогда какъ было бы выгоднѣе брать ихъ отъ этапа до этапа уже въ предѣлахъ пустыни, гдѣ, какъ оказалось, недостатка въ нихъ нѣтъ, и гдѣ они обходились бы много дешевле. Можно было съэкономить и на проводникѣ: я взялъ его на все время, да еще съ лошадыю, которую приходилось продовольствовать на свой счетъ, между тѣмъ какъ получилось бы во всѣхъ отношеніяхъ изрядная выгода при пользо-

ваніи знаніємъ дороги верблюжьихъ погонщиковъ, взятыхъ съ этапныхъ пунктовъ.

Считаю нравственнымъ своимъ долгомъ принести безконечную свою благодарность Императорскому Русскому Географическому Обществу, довѣрившему мнѣ разѣздъ по Кизыль-куму, и высокочтимому Вице-Президенту его Петру Петровичу Семенову-Тяньшанскому, всегда сочувственно относящемуся къ моимъ зоологическимъ изысканіямъ.

МАРШРУТЪ.

Ташкентъ.

5/v—г. Туркестанъ.

6/v—м. Канлы (переправа черезъ Сыръ-Дарью, 40 в.).

7/v—м. Калды (10 в.) въ урочищѣ Кавганъ.

8/v—к. Дортъ-кудукъ (8 в.).

9/v—к. Конай-кудукъ (9 в.), к. Турумбетъ-кудукъ ($9\frac{1}{2}$ в.).

10/v—к. Акъ-берды (4 в.), к. Бакай-кудукъ ($8\frac{1}{2}$ в.).

11/v—к. Сарыманъ-кудукъ и Біимәнъ (12 в.), к. Айдаръ-кудукъ (5 в.).

12/v—Разѣздъ въ пески на западъ и возвращеніе къ Айдаръ-кудукъ (въ оба конца 20 в.).

13/v—к. Тагамбетъ-кудукъ (15 в.), к. Десебай-кудукъ (4 в.).

14/v—к. Рыскельдэ (1 в.), к. Божманбай-кудукъ (17 в.).

15/v—к. Таугобай-кудукъ (5 в.), к. Тасты-кудукъ (13 в.).

16/v—Дневка.

17/v—к. Бейбетъ-бай (6 в.), к. Джилкебай-кудукъ (8 в.), к. Урмэ-кудукъ ($6\frac{1}{2}$ в.), стоянка въ $2\frac{1}{2}$ в. далѣе къ югу.

18/v—к. Джамедъ-кудукъ (3 в.), к. Ходжамъ-берды ($1\frac{1}{2}$ в.), к. Бай-гуанышъ (6 в.), к. Такыръ-кудукъ (9 в.), к. Дортъ-кудукъ ($1\frac{1}{2}$ в.).

19/v—к. Курманбетъ-кудукъ (4 в.), к. Аякъ-кудукъ (7 в.), стоянка въ $2\frac{1}{2}$ в. далѣе къ югу.

20/v—к. Куланбай-кудукъ (7 в.).

21/v—к. Акъ-джоллакъ ($5\frac{1}{2}$ в.), к. Бирчи ($3\frac{1}{4}$ в.), к. Баимәнъ-кудукъ (5 в.).

22/v—к. Малхаръ-кудукъ ($6\frac{1}{2}$ в.), к. Темиръ-бай-кудукъ ($2\frac{1}{2}$ в.), к. Алимбетъ-кудукъ (1 в.), стоянка въ $2\frac{1}{2}$ в. далѣе къ юго-западу.

23/v—к. Чукуръ-кудукъ (5 в.), к. Косъ-кудукъ (5 в.), стоянка въ 8 в. далѣе къ юго-западу.

24/v—к. Талбы-кудукъ ($1\frac{1}{2}$ в.), к. Джака-кудукъ ($3\frac{1}{2}$ в.), к. Халъ-Муратъ ($1\frac{1}{2}$ в.), к. Аксуръ-кудукъ ($3\frac{1}{2}$ в.), стоянка въ 1 верстѣ далѣе къ югу.

25/v—Дневка.

26/v—к. Бельгй-кудукъ (18 в.).

27/v—к. Косъ-кудукъ или Ащи-кудукъ ($1\frac{1}{2}$ в.), к. Досшанъ-кудукъ ($8\frac{1}{2}$ в.), стоянка въ 5 в. далѣе къ юго-западу.

28/v—к. Чарыкте-кудукъ, род. Ащи въ горахъ Аристанъ-бель (14 в.).

29/v—Экскурсія въ горахъ Аристанъ-бель.

30/v—Аристанъ-бель-кудукъ (колодцы-родники въ $2\frac{1}{4}$ в. отъ Ащи), стоянка къ сѣверу отъ горъ въ 9 в. отъ Аристанъ-бель-кудукъ.

31/v—к. Мурунъ-кудукъ или Кары-бай-кудукъ (12 в.).

1/vi—м. Тамды (17 в.).

2/vi—Экскурсія въ горы Акъ-тау, до которыхъ около 15 в.

3/vi—м. Тамды (15 в.).

4/vi—м. и к. Молла-Али ($15\frac{1}{2}$ в.).

5/vi—к. Айдарлы или Джанысбай-кудукъ ($11\frac{3}{4}$ в.), стоянка на водостокѣ, спускающемся съ горъ Джитымъ-тау (5 в.).

6/vi—м. Сукуты (10 в.).

7/vi—м. Кяризъ-кудукъ ($16\frac{1}{2}$ в.).

8/vi—р. въ горахъ Тохта-тау (4 в.).

9/vi—Экскурсія въ горахъ Тохта-тау.

10/vi—к. Огузъ-кудукъ (4 в.), к. Тилеукабыль ($8\frac{1}{2}$ в.), к. Алтынъ-кудукъ ($6\frac{3}{4}$ в.), «каменная грива» ($1\frac{1}{2}$ в.).

11/vi—Соляной приискъ ($1\frac{1}{3}$ в.), к. Кабакъ или Нарбай-кудукъ (20 в.)¹⁾.

12/vi—к. Етекъ (11 в.), остановка въ $5\frac{3}{4}$ в. далѣе къ востоку.

13/vi—к. Урумбай-кудукъ ($7\frac{1}{2}$ в.; въ группѣ Ниль-кудукъ), к. Ыркунъ-бай-кудукъ ($9\frac{1}{2}$ в.; въ группѣ Кизылъ-кудукъ), стоянка въ $1\frac{1}{4}$ в. далѣе къ востоку.

14/vi—к. Шиннымъ-кудукъ (3 в.), к. Джанту-кудукъ (2 в.), к. Сагындыкъ-кудукъ ($1\frac{3}{4}$ в.), к. Беркутъ-бай ($1\frac{1}{2}$ в.), к. Сайманъ ($4\frac{1}{2}$ в.), остановка въ 1 верстѣ далѣе къ востоку.

¹⁾ Шли кружнымъ путемъ. По кратчайшему разстоянію между «каменной гривой» и к. Кабакъ не больше 16—17 верстъ.

15/vi—к. Урмэ-кудукъ ($13\frac{1}{2}$ в.).

16/vi—к. Сарлыбай-кудукъ ($14\frac{1}{4}$ в.).

17/vi—Экскурсія въ пески на западъ и возвращеніе къ Сарлыбай-кудукъ (20 в. въ оба конца).

18/vi—к. Култай-кудукъ ($6\frac{1}{4}$ в.), к. Кудабай-кудукъ ($1\frac{3}{4}$ в.).

19/vi—к. Муспенъ-кудукъ (4 в.), стоянка въ $6\frac{1}{2}$ в. къ востоку.

20/vi—к. Алты (9 в.), стоянка въ 3 в. къ сѣверо-востоку.

21/vi—Экскурсія на 15 в. въ западномъ направленіи и возвращеніе къ стоянкѣ.

22/vi—к. Барлыбай-кудукъ (7 в.), к. Утемысъ-кудукъ (6 в.).

23/vi—к. Бай-ходжа-кудукъ, к. Нурчатай-кудукъ (9 в.).

24/vi—к. Уялы (4 в.), стоянка въ $5\frac{1}{2}$ в. къ сѣверо-востоку.

25/vi—к. Карача-кудукъ (14 в.).

26/vi—разв. Пчукъ (24 в.), стоянка въ $3\frac{1}{2}$ в. къ сѣверо-востоку.

27/vi—к. Бай-Назаръ ($6\frac{1}{2}$ в.), разв. города Артыгъ-ата (7 в.), переправа (черезъ Сыръ-Дарью) Учъ-каюкъ (8 в.), переправа черезъ нее же—Канлы ($5\frac{1}{2}$ в.).

28—29/vi—Экскурсія по урочищу Канлы (правый берегъ Сыръ-Дарьи).

30/vi—г. Туркестанъ (40 в.).

1/vii—Ташкентъ.

Итого караваномъ на верблюдахъ сдѣлано $820\frac{1}{3}$ верстъ, изъ которыхъ по Кизыль-куму, считая сыръ-дарьинскія окраины этой пустыни въ урочищѣ Кавганъ (начальный пунктъ) и въ мѣстности около колодца Бай-Назаръ (конечный пунктъ), пройдено 710 в.

Въ южномъ направленіи я прошелъ включительно до горъ Аристанъ-бель и въ западномъ включительно до горъ Акъ-тау. Въ предѣлахъ того же Кизыль-кума самымъ сѣвернымъ мѣстомъ моей поѣздки являются окрестности колодца Бай-Назаръ и самымъ восточнымъ—окраина урочища Кавганъ.

Считая г. Туркестанъ начальнымъ и конечнымъ пунктами моей поѣздки, каждая верста этой послѣдней обошлась около рубля изъ тѣхъ 800, которые были мнѣ выданы Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Такая цѣнность каждой версты не можетъ быть принята

за слишкомъ высокую, если принять во вниманіе стоимость верблюдовъ (336 р. за 56 дней), жалованье препаратору, переводчику и проводнику (всѣмъ вмѣстѣ 210 р. за два мѣсяца), предварительное снаряженіе, пищевое довольствіе (шесть человѣкъ и одна лошадь) и, наконецъ, неизбежныя у насъ въ Туркестанѣ «силяу» ¹⁾. Конечно, не мнѣ судить, соотвѣтствуетъ ли потраченная сумма (800 р. денегъ Общества) тѣмъ результатамъ, которые мною достигнуты. Могу сказать только, что тѣ сборы и наблюденія, которые касаются орнитологіи, составляющей предметъ моей специальности, а также герпетологіи, всегда меня интересовавшей, должны быть признаны весьма удачными.

Собранные мною обширные матеріалы по орнитологіи и герпетологіи составятъ отдѣльныя статьи, которыя обнимутъ также и наиболѣе существенное изъ данныхъ, полученныхъ моими предшественниками—зоологами и коллекторами. Сюда же войдутъ матеріалы, собранные мною въ 1907 г. въ сѣверо-западной части Кизылъ-кума и въ послѣдующіе годы вдоль Сыръ-Дарьинской окраины этой пустыни.

Въ статьѣ, ниже излагаемой, проводится главнымъ образомъ болѣе или менѣе подробное описаніе выполненнаго мною маршрута, затѣмъ дается перечень метеорологическихъ наблюденій и списокъ произведенныхъ гипсометрическихъ измѣреній ²⁾. Къ сожалѣнію, мнѣ не придется останавливаться на составѣ колодезныхъ водъ. Посуда, въ которой были заключены многочисленныя пробы (сухой осадокъ на килограммъ жидкости) и которая благополучно пришла на верблюдахъ въ г. Туркестанъ, оказалась разбитой при приѣмѣ вещей на желѣзнодорожной станціи въ Ташкентѣ. Жаль потраченнаго времени и труда!

Общія замѣчанія.

Страницы этой статьи не имѣютъ ни малѣйшей претензіи служить для занимательнаго чтенія и не для него предназначены. Описывая однообразную и скучную для не-натуралиста страну,

¹⁾ Денежныя и иныя подачки.

²⁾ Градусы гипсометрическихъ измѣреній приведены въ линейныя мѣры смотрителемъ Ташкентской Обсерваторіи Н. Ф. Булаевскимъ, за что приношу ему свою сердечную благодарность.

а также почти совсѣмъ не касаясь этнографіи и біологіи, которыя могли бы оживить ихъ, онѣ должны быть не только однообразны и скучны, но и утомительны въ чтеніи; вездѣ надоедливо повторяются на нихъ слова: песокъ, барханы, песчанья гряды, котловина, колодезь, глубина колодца, саксауль и т. д., и т. д. Несмотря на неполноту наблюденій, эти монотонныя страницы тѣмъ не менѣе заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ часто относятся къ пространствамъ, еще никѣмъ не описаннымъ. До нѣкоторой степени являются они поучительными, какъ справочный матеріалъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, которые могутъ возникнуть не только у скромнаго путешественника: исправляютъ онѣ нѣкоторыя неточности, допущенныя въ описаніяхъ моихъ предшественниковъ ¹⁾, и даютъ возможность уяснить тѣ условія, при которыхъ въ лѣтнее время протекаетъ здѣсь жизнь человѣка и всевозможныхъ животныхъ. Кромѣ того, въ нихъ содержится описаніе почти исключительно такихъ пространствъ, въ которыхъ господствующіе ландшафты представлены разными формами не особенно прочныхъ песчаныхъ образованій. Болѣе или менѣе точное обозначеніе современнаго состоянія этихъ послѣднихъ можетъ дать интересный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей.

Посѣщенная мною страна составляетъ восточную часть Кизылъ-

¹⁾ Вотъ первые попавшіеся примѣры. А. П. Хорошхинъ (Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края. 1876 г.) говоритъ, между прочимъ, объ огромномъ солонцѣ, идущемъ отъ Минбулака (32 мерид.) вдоль всего южнаго склона Буканской горной группы, вдоль горъ Тохта-тау и др. на востокъ и кончающемся приблизительно на 35 мерид. На самомъ же дѣлѣ солонцы, лежащія вдоль южныхъ подножій горъ Тохта-тау, отдѣлены отъ буканскихъ тѣми возвышенностями, которыя отходятъ отъ Кюйгенъ-тау и которыя пересѣкаются дорогой между колодцами Молла-Али и Айдарлы. Тотъ же авторъ опредѣляетъ разстояніе между Аристанды (Аристанъ-бель-кудукъ) и колодцемъ Мурунъ въ 35 верстъ и въ тѣ же 35 верстъ между Муруномъ и Тамды (по собственному маршруту), тогда какъ въ дѣйствительности между первыми пунктами всего 21, а между вторыми 17 верстъ.—М. Н. Богдановъ (Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-кумъ) говоритъ, что въ 1873 г. нашелъ на сѣверныхъ склонахъ горъ Аристанъ-бель-тау барханы, достигавшіе «громадныхъ размѣровъ». Въ нынѣшнемъ 1912 г. я проходилъ въ этой самой мѣстности лишь глинисто-полынною подгорною степью, по лицу которой были взметаны только невысокія песчанья гряды. Не говоритъ о громадныхъ барханахъ для этого мѣста и А. П. Хорошхинъ, бывшій здѣсь въ 1872 г. и описывающій его какъ неровную холмистую степь, кое-гдѣ покрытую песками.

кума. Съ южной стороны она ограничивается хребтомъ Нура-танынъ-тау, его западнымъ продолженіемъ—Кара-тау (между мѣстомъ Акчапъ на востокъ и колодцемъ Сулы на западѣ) и горами Аристанъ-бель-тау. На востокъ она примыкаетъ къ Голодной степи, а сѣвернѣе этой послѣдней ограничивается долиною Сыръ-Дарьи примѣрно отъ Сасыкъ-куля до развалинъ города Артыгъ-ата. Западная и сѣверо-западная граница составляются горами Ойгенекъ-тау, Бель-тау, Акъ-тау, Тамды-тау, Джитымъ-тау, Тохта-тау и линіей, проведенной отъ этихъ послѣднихъ къ развалинамъ Артыгъ-ата. Въ общемъ эта страна представляетъ какъ бы песчаное море, изъ нѣдръ котораго островами выдвигаются невысокія горы съ окружающими ихъ возвышенными полынными или щебнистыми степями. Это море какъ бы мгновенно застыло во время сильнѣйшей бури, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаживъ свое дно и мели, а въ сторону Сыръ-Дарьи забрызгавъ песчаными барханами, грядами и островами тѣ степи, которыя сопровождаютъ ея долину. Какъ бы тамъ ни было, но вездѣ здѣсь песчаная образованія преобладаютъ надъ какими бы то ни было другими. Громадное большинство этихъ песковъ носить характеръ именно тѣхъ, которые извѣстны подъ названіемъ бугристыхъ; настоящихъ сыпучихъ здѣсь мало. Многіе изъ нихъ очень высоки и похожи на горы съ крутыми подъемами и спусками, съ отрогами отъ хребтовъ и цѣпей, съ долинами и котловинами. Большинство грядъ вытянуто съ NO на SW. О мѣстныхъ ихъ особенностяхъ будетъ сказано ниже такъ же, какъ и о горахъ.

Древесная и кустарная растительность песковъ вообще можетъ быть названа изобильною: почти нигдѣ въ ихъ предѣлахъ нѣтъ недостатка въ топливѣ. Въ ряду ея представителей на первое мѣсто, конечно, надо поставить саксаулъ въ обѣихъ его формахъ (*Haloxylon ammodendron nigra* и *H. a. alba*). Онъ произрастаетъ вездѣ въ пескахъ (встрѣчается даже на глинахъ), разсыпаясь то болѣе или менѣе равномерно, то образуя низкорослые лѣса. Особенно пышны саксаульники въ урочищѣ Кара-Чубаръ и въ мѣстностяхъ, къ нему прилегающихъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать: куянъ-суюкъ (*Ammodendron Karelini*), каннымъ (кандымъ?), представленный тремя видами (*Calligonum arborescens*, *C. caput-medusae*, *C. setosum*), джузгенъ (*C. pallasia*), джузгунъ (*Pterococcus aphyllus*), тюя-сынгыръ (*Atraphaxis Fischeri*), бизбельдекъ (бизбильдекъ?), кизылча (*Ephedra* sp.?), кыръ-буунъ (похоже не-

много на кизылча ¹⁾), кара-бархынъ или карабуто. Всѣ эти растенія идутъ въ пищу верблюдамъ, а нѣкоторыя изъ нихъ охотно обгладываются мелкимъ рогатымъ скотомъ. Изъ травянистыхъ растеній песковъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о низкоросломъ, нѣжномъ, скоро высыхающемъ злакѣ, называемомъ киргизами аджерикъ-басъ и распространенномъ почти повсемѣстно. Несмотря на свои незначительные размѣры, эта травка способствуетъ закрѣпленію песковъ, во многихъ мѣстахъ образуя легкій дернъ. Обыкновененъ въ пескахъ какря и часто, преимущественно по особенно сыпучимъ барханамъ, кіикъ-отъ или кіякъ (*Carex caespitosa*) и бюургумъ (*Triticum desertorum*). Въ небольшомъ количествѣ и небольшими зарослями встрѣчается селеу (ковыль) ²⁾. Всѣ эти травы, даже въ сухомъ видѣ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, даютъ наилучшій кормъ мелкаго рогатаго скота и для лошадей. Обращаютъ на себя вниманіе травянистые необычайно-колючіе кусты акъ-шиконъ съ розоватыми цвѣтами. Въ колючей чащѣ этого растенія находятъ пріютъ самыя разнообразныя насѣкомыя (между прочимъ интереснѣйшіе клопы—*Amaucoris*) и пауки; въ пищу домашнимъ животнымъ не идетъ. Мѣстами въ изобиліи попадаетъ асса-фетида (*Scorodosma foetidum*) ³⁾. Пески болѣе плотные, слежавшіеся и проникнутые лессовою пылью, поростають полынью (джуссанъ) нѣсколькихъ видовъ. Та же полынь является самымъ характернымъ растеніемъ глинистыхъ участковъ, то островами выдвигающихся изъ песковъ, то оазами залегающихъ въ низинахъ среди этихъ послѣднихъ, то образующихъ болѣе или менѣе широкія полосы на пологихъ горныхъ склонахъ и въ подгоріяхъ ⁴⁾. Еще меньшее, чѣмъ эти полынныя степи, имѣютъ значеніе въ рельефѣ излѣдованной мною части Кизылъ-кума такъ называемые солонцы, представленные здѣсь тремя формами. 1) Хакъ (иначе «какъ») или та-

¹⁾ Поташъ, добываемый изъ кизылча и кыръ-бууна, составляетъ предметъ вывоза въ Бухару, гдѣ употребляется при приготовленіи мыла. Поташъ изъ кизылча идетъ, кромѣ того, на примѣсь къ нюхательному табаку «насвай» (щепотки этого табака закладываются подъ языкъ на слюнные железы).

²⁾ Иначе—силю.

³⁾ У киргизовъ: джеурекъ, каурякъ, сасыкъ-курай. Его сѣмена жуютъ отъ жажды.

⁴⁾ Значительныя полынныя степи залегаютъ только на окраинѣ песковъ со стороны Сыръ-Дарьи.

кыръ—это гладкія, ровныя, совершенно горизонтальныя пространства, какъ бы утрамбованныя; на ихъ солонцевато-глинистой или чисто глинистой поверхности часто не имѣется ни какихъ бы то ни было растеній, ни кочекъ, ни растительнаго сора, ни песка, ни даже пыли. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно замкнуты песками, тогда какъ другіе принимаютъ устья водостоковъ горъ или равнины. Дождевая вода въ томъ и другомъ случаѣ долго держится въ подобныхъ мѣстахъ, своими осадками совершенно нивелируя прежде не совсѣмъ ровную ихъ поверхность. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, такыры нигдѣ не достигаютъ въ изслѣдованной мѣстности такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ западномъ Кизылъ-кумѣ. 2) Соръ—рыхлый солонецъ на плотномъ, сыромъ или сыроватомъ скользкомъ грунтѣ; иногда онъ представляетъ просто сырую солонцевато-глинистую поверхность, иногда покрывается хрустящею подъ ногами корою, по внѣшнему виду чрезвычайно похожую на накипь паровыхъ котловъ. 3) Батпакъ—соляное болото. Между соромъ и батпакомъ существуютъ всевозможныя переходныя степени. Большой солонецъ ¹⁾, разстилающійся подъ южными подножіями горъ Тохта-тау, представляетъ частью соръ, частью батпакъ, частью эти переходныя степени. За исключеніемъ этого солонца и еще другого около колодца Алтынъ-кудукъ, несравненно меньшаго размѣра, всѣ остальные имѣютъ самое ничтожное развитіе.

Родники и ключи существуютъ только въ горахъ и около ихъ подножій. Самые значительные, конечно, тѣ, которые орошаютъ оазисъ Тамды. Временное значеніе имѣютъ воды (снѣговыя и дождевыя), скопляющіяся на такырахъ, какъ и тѣ, которыя стекаютъ по горнымъ лощинамъ и ущельямъ во время дождей и таянія снѣга. Судя по малой обкатанности минеральныхъ обломковъ, выстилающихъ дно водостоковъ, можно думать, что дѣйствіе водъ послѣдней категоріи весьма кратковременно и вообще незначительно.

Живой текучей воды до того мало въ Кизылъ-кумѣ, что только колодцы даютъ возможность существованію здѣсь кочевниковъ киргизовъ съ ихъ многочисленными стадами мелкаго рогатаго скота и верблюдовъ. Невозможно было бы безъ этихъ искусственныхъ сооружений и никакое караванное движеніе на болѣе или менѣе значительное разстояніе между Сыромъ и Аму.

¹⁾ Балямъ-соръ.

Часть ихъ была вырыта общинами кочевниковъ, другая—по распоряженію администраціи Бухары, Хивы и Кокана въ періодъ политической самостоятельности этихъ ханствъ. Съ присоединеніемъ къ Россійской Имперіи почти всего пространства этой пустыни ¹⁾ и водвореніемъ мира среди прежде враждовавшихъ отдѣльных племенъ и родовъ, количество колодцевъ значительно увеличилось, особенно поближе къ долинамъ обѣихъ рѣкъ и въ томъ районѣ, который лежитъ къ востоку отъ линіи, проведенной отъ развалинъ Мійрамъ-курганъ (близъ Сыра) на горы Тохта-тау и далѣе черезъ Тамды-тау на Аристанъ-бель-тау. Этотъ отрѣзокъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ плодородныхъ (въ смыслѣ обилія подножнаго корма) частей Кизылъ-кума.

Вырыть въ пустынѣ колодезь есть, по понятіямъ киргизовъ, дѣло богоугодное, которое весьма часто предпринимается на мѣсто паломничества къ отдаленнымъ святынямъ. Роютъ ихъ по тому или другому обѣту, по случаю какой-нибудь семейной радости, изъ-за чести и славы, до которыхъ такъ падки киргизы, роютъ ихъ, наконецъ, по необходимости. Въ первыхъ случаяхъ колодцы навсегда сохраняютъ имя своего строителя, почему многіе изъ нихъ носятъ одно и то же названіе. Часто помимо этого послѣдняго имъ приурочиваютъ какое-либо другое наименованіе, или характеризующее ту или другую ихъ особенность, напр., глубину, качество воды и т. п., или рисующее примѣты окружающей мѣстности, или напоминающее о какомъ-либо событіи. Нерѣдко цѣлая группа колодцевъ, изъ которыхъ каждый носитъ самостоятельное названіе, обозначается однимъ общимъ, напр. Аристанъ-бель-кудукъ, Дортъ-кудукъ, Тохта-кудукъ, Огузь-кудукъ и т. п.

Колодцы устроены болѣе или менѣе по одному и тому же типу ²⁾, различаясь только лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Изъ земли, вынимаемой при рытьѣ, складывается круглая или овальная платформа, высотой до аршина или до полутора. Эта платформа выводится такимъ образомъ, что отверстіе ко-

¹⁾ Бухарскій Кизылъ-кумъ занимаетъ лишь небольшой участокъ, который ограниченъ на сѣверѣ линіей, проведенной отъ Дуль-дуль-атъ-алганъ (на Аму-Дарьѣ) къ Аристанъ-бель-кудукъ и далѣе къ горамъ Нуръ-ата-тау. На югѣ онъ ограниченъ культурными землями, орошаемыми арыками изъ Зеравшана, и правымъ берегомъ долины Аму-Дарьи.

²⁾ Говорю о настоящихъ колодцахъ, а не тѣхъ, которые представляютъ лишь разработанные въ ямы родники.

лодца приходится ближе къ ея краю. Въ центральной ея части вырывается плоскій кругловатый бассейнъ, а ниже уровня этого послѣдняго, въ той части стѣны платформы, которая противоположна колодцу, выдѣлывается изъ того же матеріала водопойное корыто, имѣющее видъ жолоба. Стѣны колодца укрѣпляются грубымъ плетнемъ изъ толстыхъ вѣтвей саксаула. Этими же вѣтвями укрѣпляется снаружи платформа, а также бассейнъ и водопойное корыто. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поблизости можно имѣть плитнякъ (сланцевый, песчаниковый, фосфоритный), дерево замѣняется камнемъ (но не въ самомъ колодцѣ).

Вода поднимается по блоку, который вращается вокругъ горизонтальной жерди, укрѣпленной на двухъ вертикальныхъ стойкахъ. Жердь выдѣлывается предпочтительно изъ дерева куянь-суюкъ, а стойки изъ каннума или саксаула. Ведра не жестяныя, а сыромятныя кожаныя, гораздо болѣе въ данномъ случаѣ практичныя. Они представляютъ мѣшокъ, отверстіе котораго своими краями собрано къ концамъ небольшого, но крѣпкаго деревяннаго креста (большею частью изъ куянь-суюка); къ центру этого послѣдняго прикрѣплена подъемная веревка. Такимъ мягкимъ ведромъ можно набрать воды, особенно если ея мало (по мало-водности колодца вообще или потому, что она набѣгаетъ медленно), гораздо больше, чѣмъ металлическимъ: расплющиваясь въ водѣ, оно цѣликомъ наполняется ею, при чемъ благодаря тому, что его отверстіе стянуто, вода при поднятіи не расплескивается. Тяга совершается при помощи верблюда или лошади. Поднятая вода предварительно выливается въ бассейнъ, откуда при помощи шлюза самаго примитивнаго устройства (отверстіе, затыкаемое тряпкой, травой или камнемъ) она по мѣрѣ надобности выпускается въ водопойное корыто. Изрѣдка колодезь украшается однимъ-другимъ ивовымъ деревомъ (талъ), которое садится или въ самомъ бассейнѣ, или на платформѣ около. Еще рѣже, чтобы сохранить воду болѣе прохладною, надъ бассейномъ устраивается глинобитный куполъ или полукуполъ. Немаловажное значеніе имѣютъ колодцы для мѣстныхъ птицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ не могутъ обходиться безъ воды, тогда какъ для другихъ она является лишь временнымъ, но непродолжительнымъ лишеніемъ.

Громадное большинство колодцевъ, посѣщенныхъ мною во время странствованій по Кизылъ-куму, располагалось въ условіяхъ, сразу обращающихъ на себя вниманіе. Они были вырыты

то на днѣ котловинъ, окруженныхъ высокими песчаными грядами, высота которыхъ почти всегда превосходила высоту песковъ окрестностей, то въ долинахъ между такими же грядами, то около подножій особенно высокихъ бархановъ. Обращало на себя вниманіе и то обстоятельство, что всѣ эти пески были особенно сыпучи и что ихъ древесная и кустарная растительность отличалась особенною пышностью, свѣжестью и жизненностью ¹⁾).

Въ результатѣ возникалъ вопросъ: рылись ли или роются ли колодцы въ этихъ условіяхъ потому, что при ихъ наличности можно было дойти до воды легче, или потому, что подъ прикрытіемъ песчаныхъ возвышенностей не такъ трудно было хорониться отъ порою свирѣпствующихъ здѣсь вѣтровъ съ ихъ пылью и изнуряющими послѣдствіями не только для человѣка, но и для скота.

Опрошенные мною киргизы почти единогласно утверждали, что, разъ дѣло коснется отдаленія отъ горъ и сопутствующихъ имъ возвышенностей, то всегда скорѣе всего можно найти воду на наименьшей глубинѣ, именно, при условіи непосредственной близости высокихъ, сыпучихъ песчаныхъ массъ. Если это такъ и если принять во вниманіе дѣйствительно сравнительно пышную кустарную и древесную растительность на высокихъ и сыпучихъ пескахъ, то не будетъ ли права, хотя бы въ частности, общеизвѣстная теорія геолога д-ра Отто Фольгера, въ свое время заявившаго, что никакой родъ водъ, находящихся въ землѣ, не происходитъ отъ дождей и что почва обладаетъ такими свойствами, вслѣдствіе которыхъ вода никоимъ образомъ не можетъ проникать вглубь такъ, какъ это представляли себѣ прежде (т.-е. черезъ просачиваніе). Фундаментомъ этого заявленія должно быть заложено то положеніе, что въ атмосферномъ воздухѣ всегда заключается хотя бы ничтожное количество воды, соотвѣтственно съ его температурой, и что этотъ воздухъ, проходя черезъ воздухопроницаемые слои

¹⁾ На очень многихъ примѣрахъ мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что эта сыпучесть не зависѣла отъ потравы растительности скотомъ и что отсутствіе дерна или цементированнаго верхняго слоя не было результатомъ стоптанности подъ ногами скота. Такіе пески и такая растительность часто мнѣ попадалась вдали отъ колодцевъ и пастбищъ.

почвы ¹⁾ и встрѣчаясь въ ихъ глубинахъ съ болѣе холодною температурою, будетъ не только осаждать въ нихъ свою влагу, но и скоплять нѣкоторое количество воды.

Аргументація Отто Фольгера основана главнымъ образомъ на наблюденіяхъ въ Западной Европѣ, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго нашему Кизылъ-куму съ его грандіозными песками. Мнѣ кажется, что эти пески, особенно возвышающіеся надъ общимъ уровнемъ мѣстности и, въ частности, вышеозначеннымъ образомъ располагающіеся вблизи колодцевъ, въ исключительно большой степени способны конденсировать атмосферную влагу. По крайней мѣрѣ никакой другой теоріей нельзя пока объяснить пышность, сочность и жизненность тѣхъ растений, которыя обитаютъ въ нихъ. Замѣчу еще, что почти вездѣ, гдѣ песокъ наметанъ хотя бы не особенно значительными гривами, полосами, островками и ихъ группами, растительность на немъ является болѣе роскошною, чѣмъ по отношенію къ тѣмъ же самымъ видамъ, но растущимъ тутъ же по сосѣдству на другихъ почвахъ степи. Возможно, что конденсированная влага проникаетъ изъ песка вглубь: въ супески, суглинки и глины до водонепроницаемыхъ слоевъ, давая здѣсь воду колодцевъ (быть можетъ, вмѣстѣ съ тою, которая стекаетъ по этимъ слоямъ издали). Я далеко не специалистъ въ затронутомъ вопросѣ, но думаю, что теорія Фольгера, конечно, не во всемъ своемъ объемѣ, но въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ оправдывается у насъ въ Кизылъ-кумѣ. А. П. Хорошхинъ (l. c.) говоритъ, что въ этой странѣ колодцы роются исключительно на мѣстностяхъ, богатыхъ «кукушкинымъ льномъ», такъ какъ это растеніе является признакомъ близости подпочвенныхъ водъ. Это не совсѣмъ такъ. Названіе «кукушкинъ ленъ» съ давнихъ поръ носится особымъ видомъ мха, нигдѣ въ Кизылъ-кумѣ не встрѣчающимся (здѣсь часто попадаетъ совершенно другой видъ, сплошными коврами выстилающій днища котловинъ среди бугристыхъ песковъ и уже въ началѣ мая окончательно высыхающій). Это наименованіе авторъ приурочиваетъ, очевидно, растенію *Reganum harmala*, называемому киргизами «адра-спанъ» ²⁾ (у бухарцевъ—хазаръ-аспбандъ, т.-е. тысяча конскихъ привязей) ³⁾.

¹⁾ Очевидно, что воздухъ можетъ пройти вглубь почвъ и еще далѣе скорѣе, чѣмъ вода.

²⁾ У А. П. Хорошхина—«абраспанъ».

³⁾ У А. П. Хорошхина—«хазаръ-аспбандъ». Этотъ путешественникъ приводитъ и другой переводъ:—«тысяча потребностей».

Замѣтное большинство посѣщенныхъ мною колодцевъ не сопровождалось адраспаномъ, а затѣмъ я замѣтилъ, что онъ является главнымъ образомъ слѣдствіемъ колодца и скотскаго водопоя, вырастая преимущественно по такимъ мѣстамъ, которыя удобрены навозомъ и мочею. Приписывая этому растенію множество полезныхъ свойствъ, киргизы иногда нарочно засѣваютъ его около своихъ кибитокъ.

Колодцы обозначаются киргизами названіемъ «кудукъ». Тѣ изъ нихъ, которые по существу дѣла представляютъ родники, разработанные въ ямы, получаютъ названіе «булакъ».

Громадное большинство колодцевъ, черезъ мѣста расположенія которыхъ прошелъ мой путь, даетъ хорошую воду то совершенно прѣсную, то съ солоноватымъ или горьковатымъ привкусомъ.

Путь изъ г. Туркестана къ мѣсту Калды.

Вечеромъ 4/у, закончивъ необходимое снаряженіе, мы—я и препараторъ И. Ананьинъ—покинули Ташкентъ и желѣзною дорогою двинулись въ г. Туркестанъ, куда прибыли утромъ слѣдующаго дня. Благодаря обычной любезности друга моего, участковаго пристава Б. П. Тризна, въ тотъ же день удалось заключить условія по найму верблюдовъ, переводчика и проводника, намѣченныхъ еще недѣлю раньше, а также совершить закупку провіанта (мука, рисъ, масло, баранье сало, чай, сахаръ и разные другіе предметы пищевого довольствія), веревокъ, турсуковъ и желѣзныхъ битоновъ для воды, вьючныхъ мѣшковъ и всевозможныхъ мелочей, которыхъ не достать въ пустынь и которыя необходимы въ пути. Къ вечеру 6/у караванъ нашъ, составившійся изъ шести человѣкъ (сверхъ выше перечисленныхъ лицъ еще два лауча ¹⁾), семи верблюдовъ и одной лошади, сдѣлалъ 40 в. и прибылъ къ мѣсту Канглы ²⁾, гдѣ совершается переправа на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи.

Утромъ 7/у мы переправились черезъ рѣку на каюкѣ на тотъ берегъ и сдѣлали остановку въ нѣсколько часовъ: здѣсь располагается порядочный лѣсной тугай, и, такъ какъ въ это время шелъ еще сильный пролетъ мелкихъ птицъ, надлежало произ-

¹⁾ Погонщики верблюдовъ.

²⁾ Къ югу отъ переправы Учъ-каюкъ.

вести кое-какія орнитологическія наблюденія, прерванныя въ Ташкентѣ; кромѣ того, здѣсь мы имѣли возможность нарубить жерди и колья для палатокъ и пологовъ. Къ вечеру, сдѣлавъ 10 верстъ, прошли въ мѣсто Калды въ урочищѣ Кавганъ (или Балтакуль). Тропа къ этому послѣднему проходитъ сначала густыми зарослями чингиля, въ настоящее время засыпаннаго своими лиловато-розовыми цвѣтами; эти заросли вскорѣ рѣдѣютъ и, предварительно перемѣшавшись съ джингилемъ, разсыпаются на мелкіе островки и отдѣльные кусты на низменности съ преобладающимъ полыннымъ покровомъ. На 5-й верстѣ пересѣкаемъ старинный сухой капитальный арыкъ, а немного дальше—другой поменьше. Затѣмъ три раза переходимъ черезъ мелкія воды, проникшія на низины изъ оросительныхъ каналовъ и окруженныя то лугоподобными мѣстностями, то зарослями чингиля и джингиля. Останавливаемся около развалинъ города Кавганъ (Кавганъ-ата), около котораго проходитъ старинный капитальный арыкъ и разбросаны слѣды мелкихъ каналовъ, полей и садовъ. Въ настоящее время сохранился обширный, невысокій плосковерхій курганъ съ остатками построекъ на вершинѣ. Около располагается могила святого, украшенная деревяннымъ столбомъ и высокою жердью съ навязанными на нее тряпками. Вокругъ—негустыя джингилевыя заросли.

Путь изъ Кавганъ-ата къ колодцу Дортъ-кудукъ дальнему (8—18 мая).

За Кавганъ-ата джингиль (Tamarix) рѣдѣетъ и частью перебирается на вершины песковъ, которыя гривами и буграми разнообразятъ здѣсь мѣстность. Вскорѣ минуемъ колодезь, расположенный на такырной площадкѣ, и невдалекѣ отъ него, сдѣлавъ явственный подъемъ, покидаемъ сыръ-дарьинскую долину и вступаемъ въ Кизылъ-кумъ. Здѣсь тропа наша идетъ по глинистой плоскости, обрамленной песками и покрытой одинокими, широко разбросанными кустиками саксаула на фонѣ приземистой полынной заросли и совершенно обнаженныхъ пространствъ. Отсюда входимъ въ полосу бугристыхъ песковъ, среди которыхъ располагается котловина съ колодцами Дортъ-кудукъ. Изъ этихъ послѣднихъ функціонируетъ только одинъ съ слегка солоноватой и немного затхлой водой на глубинѣ $16\frac{1}{2}$ футовъ.

Окрестные пески покрыты довольно пышною кустарною растительностью, въ которой преобладаютъ джингиль ¹⁾, джузгуны и куянъ-суюкъ, въ настоящее время красующійся своими темно-лиловыми цвѣтами; саксаула очень мало. Въ отношеніи животнаго населенія они являются типичными для Кизылъ-кума: тѣ же ящерицы и змѣи, звѣрьки, а среди птицъ—интереснѣйшая саксаульная сойка (*Podoces panderi*). Вечеромъ въ воздухѣ ясно слышался запахъ цвѣтущей джидды съ сыръ-дарьинскихъ тугаевъ.

На слѣдующій день (9/v) мы прошли къ колодцу Турумбетъ-кудукъ. За бугристыми песками Дортъ-кудука разстилается широко-волнистая глинистая степь, поросшая полынью и далеко другъ отъ друга разбросанными кустами саксаула ²⁾; по лицу ея тамъ и здѣсь наметаны частью тяжелые, плоскіе, частью барханно-бугристые пески съ болѣе или менѣе пышною растительностью. Въ 9 верстахъ встрѣтили попутный колодезь «Конай-кудукъ» съ прѣсною, чуть солоноватою и замѣтно затхлою водою (глубина 16 арш.; глубина воды безъ малаго аршинъ). Выкопанъ на небольшой такырной площадкѣ среди слежавшихся песковъ. За этимъ колодцемъ, переваливъ черезъ бугристые пески, снова идемъ глинистою степью, имѣя по сторонамъ тропы то близко, то вдали высокія и низкія песчаная гряды. Въ углубленныхъ частяхъ тропы со времени послѣднихъ дождей держится мутная, бурая вода, къ которой для утоленія жажды подлетаютъ маленькія общества бѣлобрюхаго рябка (*Pterocles alchata Severzovi*) и даютъ намъ возможность имѣть къ обѣду мясное блюдо. Нельзя было не обратить вниманія на неимовѣрное множество цикадъ, летавшихъ въ разныхъ направленіяхъ съ самаго утра, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ въ лицо, сплошь усыпавшихъ кусты и наполнявшихъ воздухъ непрерывнымъ дребезжаніемъ. —Сдѣлавъ еще 9^{1/2} верстъ, мы останавливаемся около колодца Турумбетъ-кудукъ. Онъ расположенъ въ котловинѣ среди бугристыхъ песковъ и даетъ соленую воду, годную къ употребленію только въ случаѣ крайней необходимости. Глубина 17 аршинъ, изъ которыхъ одинъ приходится на воду. Въ пескахъ окрестностей имѣются цѣлыя заросли джеурека (асса-фетида, ? *Scorodosma foetidum* Bge.), который раньше попадался лишь одинокими экзем-

¹⁾ Tamarix.

²⁾ Нерѣдко также кусты другихъ породъ и часто группы цвѣтущаго степного ириса.

плярами или небольшими группами. Въ настоящее время это оригинальное растеніе уже отцвѣло, и зонтики, украшающіе вершину его толстаго высокаго штамба, несутъ почти поспѣвшіе плоды. Ради этихъ послѣднихъ здѣсь собралось множество крупныхъ жужелицъ-скаритовъ¹⁾: однѣ изъ нихъ обрываютъ плоды, порою, особенно въ вечернюю и ночную пору прямо-таки киша въ зонтикахъ, другія же, держа добычу въ своихъ длинныхъ челюстяхъ, проворно бѣгутъ по песчаной поверхности, чтобы сложить ее въ норку.

10 мая, миновавъ колодцы Акъ-берды (на гладкомъ какъ полъ такырчикѣ среди высокихъ бугристыхъ песковъ съ пышною кустарною растительностью; глубина 18 арш., изъ которыхъ $2\frac{1}{2}$ четверти заняты соленою водою) въ 4 верстахъ и Бакай-кудукъ (на такырной площади среди сыпучихъ бархановъ съ рѣдкими кустами; вода прѣсная, вкусная; глубина 21 аршинъ, изъ которыхъ одинъ приходится на воду) въ $8\frac{1}{2}$ в., мы сдѣлали еще 8 в. и остановились въ безводныхъ бугристыхъ пескахъ, ради ночной ловли насѣкомыхъ. И этотъ разъ нашъ путь проходить преимущественно ровною или чуть волнистою степью, частью солонцеватою. Растительность составляетъ главнымъ образомъ полыню; попадаются рѣдкія поросли солянокъ, широко разбросанные кусты саксаула и другихъ какихъ-то растеній. Пески взметаны вообще невысокими грядами и нигдѣ ни въ какомъ направленіи не скрываются изъ вида. Нѣкоторыя изъ тѣхъ грядъ, которыя были нами пересѣчены, имѣли до 2 верстъ въ ширину. Какъ и полагается, въ нихъ царила болѣе или менѣе пышная кустарная растительность. Среди травянистыхъ растеній я насчиталъ 12 цвѣтущихъ видовъ. Обращали на себя вниманіе колоніи *Eremurus* и рѣдкія поросли ковыля.

11 мая нашъ путь шелъ сначала полынною глинистою слабо волнистою степью, пересѣкая наметанные на нее гряды бугристыхъ песковъ. Въ 11 верстахъ мы вступили въ участокъ слежавшагося на поверхности, мѣстами сильно заглиненного песка, представлявшаго живописныя, глубокія котловины; вездѣ здѣсь въ изобиліи старый саксауль (не выше 6 футовъ), почти совсѣмъ вытѣснившій другія кустарныя породы; много цвѣтущихъ травъ (16 видовъ). Въ одной изъ такихъ котловинъ (въ 12 в. пути) два колодца: одинъ старый, обвалившійся — Сарыманъ-

¹⁾ *Diocetes lehmanni*.

кудукъ, другой, недавно вырытый—Біимэнъ-кудукъ (прѣсная вода слоемъ въ $\frac{3}{4}$ арш.; глубина колодца 17 арш.). Изъ послѣдней котловины поднимаемся на обширную глинистую площадь, однообразно заросшую невысокимъ саксауломъ и со временемъ переходящую въ малоукрѣпленные пески. Въ этихъ послѣднихъ на глинистой площадкѣ, въ 5 верс. отъ Біимэнъ-кудука располагается колодезь Айдаръ-кудукъ. Глубина 17 арш., вода вкусная, прѣсная и очень скоро набѣгаетъ, поднимаясь на 1 арш.

12/v я сдѣлалъ экскурсію въ пески въ западномъ направленіи на 10 в. и вернулся вечеромъ къ Айдаръ-кудуку. Эти пески большими и малыми группами набросаны на глину, мѣстами изобильно заросшую саксауломъ. Въ качествѣ трофеевъ собралъ гнѣзда съ яйцами саксаульной сайки (*Podoces panderi*), буланной славки (*Sylvia papa papa*), пустынной пересмѣшки (*S. curruca halimodendri*), малаго жаворонка (*Calandrella minor leucophaea*) и разныхъ другихъ видовъ. Вмѣстѣ съ найденными 8 и 9/v гнѣздами пустынныхъ ржанокъ (*Charadrius geoffrogi* *C. asiaticus*) эти находки представляютъ частью рѣдкости, частью научныя новости.

13 мая мы покидаемъ Айдаръ-кудукъ и, перейдя черезъ пески, окружающіе этотъ колодезь, вступаемъ въ песчано-глинистую площадь, густо поросшую саксауломъ и въ изобиліи покрытую его валежникомъ. Растетъ, какъ и вездѣ раньше, кустами. Эти послѣдніе достигаютъ въ высоту до полуторыхъ саженой, но такихъ мало. Вокругъ кустовъ, преимущественно особенно тѣнистыхъ, круглыми клумбами сожительствуютъ цвѣтушія травы. За площадью слѣдуемъ сильно цементированными бугристыми песками и все съ тѣмъ же болѣе, чѣмъ рѣшительнымъ, преобладаніемъ саксаула надъ какими бы то ни было другими деревянистыми породами. Въ 15 верстахъ подходимъ къ углубленной глинистой площадкѣ, на днѣ которой вырытъ колодезь Тагамбетъ-кудукъ. Глубина его равна 18 арш. Вода (1 арш.) великолѣпна на вкусъ и быстро набѣгаетъ. Отсюда тѣми же песками и саксаульникомъ дѣлаемъ еще 4 версты къ колодцу Десебай-кудукъ (иначе Огузъ-кудукъ). Выкопанъ на краю совершенно обнаженнаго и гладкаго какъ полъ плотнаго такыра, берега котораго состояются частью цементированными, частью сыпучими бугристыми песками, изобильно поросшими свѣжимъ, сочнымъ саксауломъ, джузгуномъ, деревьями каннымъ, куянь-суюкомъ и т. п. Въ общемъ на нѣкоторомъ разстояніи, особенно ночью при лунномъ свѣтѣ, чрезвычайно походить на озеро. Глубина колодца

равняется всего лишь 9 арш. Быстро набѣгающая и поднимающаяся на 2 арш. вода еще лучше, чѣмъ въ Тагамбетѣ. Около самого колодца изъ берегового песка такыра выдвигается песчаниковая масса. По словамъ киргизовъ, она прежде поднималась на нѣсколько сажень, теперь же снята въ своей вершинѣ для отдѣлки Десебая и другихъ сосѣднихъ колодцевъ, а также для прикрытія могилъ (обыкновенно могилы прикрываются хворостомъ и разнымъ валежникомъ, что дѣлается для сохраненія покойниковъ отъ собакъ и волковъ). Такія же песчаниковыя массы, большею частью засыпанныя пескомъ, наблюдаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ восточномъ и преимущественно въ западномъ направленіяхъ отъ Десебая. Немалая часть песковъ окрестностей является прямымъ результатомъ разрушенія этихъ песчаниковъ ¹⁾).

14/v, сдѣлавъ версту пути, минуемъ колодезь Рыскельдэ (17¹/₂ арш. глубины; вода прѣсная), расположенный на глинистой площадкѣ среди высокихъ песчаныхъ бугровъ съ пышнымъ саксауломъ. Отсюда проходимъ къ колодцу Божманбай-кудукъ, до котораго 17 в. (въ 7 верст. пути невдалекѣ отъ дороги и къ западу оставили колодезь Кутояръ-кудукъ). Пройденная мѣстность составляетъ частью бугристыми песками съ господствующимъ на нихъ саксауломъ, то плоско волнистыми между ними промежутками, частью заглиненными, частью поверхъ болѣе плотнаго грунта усыпанными рыхлымъ пескомъ. И эти промежутки заняты однообразными мелкорослыми саксаульниками (отдѣльные кусты лишь изрѣдка превышаютъ человѣческій ростъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ поднимаются до полутора сажень), изъ которыхъ нѣкоторые на многія десятины стоятъ полумертвыми. Такіе полумертвые лѣса наблюдались преимущественно по площадямъ, особенно сильно заглиненнымъ, и въ рѣзкомъ съ ними контрастѣ находились тѣ насажденія, которымъ удалось возрасти на болѣе чистыхъ и рыхлыхъ пескахъ.—Божманбай-кудукъ расположенъ на такырной площади среди сыпучихъ песковъ, мѣстами вздутыхъ въ довольно высокіе барханы. Его глубина равна 19 арш. Вода сильно солоновата, но для питья вполне пригодна.—Въ ряду разныхъ любопытныхъ находокъ, сдѣланныхъ на описанномъ переходѣ, не могу умолчать о гнѣздахъ благороднаго орла (*Aquila chrysaetos*) и пустыннаго ворона (*Cor-*

¹⁾ См. № 1-й примѣчаній.

vus umbrinus) на саксаулѣ и каннымѣ на ничтожной высотѣ въ полторы сажени, о гнѣздѣ бухарской сѣрой синицы (*Parus bochariensis*) въ верблюжемѣ черепѣ и гнѣздѣ пустынного сорокопута (*Lanius pallidirostris*).

15/v. За колодцемъ Божманбай-кудукъ идемъ бугристыми песками, поросшими саксауломъ, джузгунами и куянь-суюкомъ. Нѣкоторые бугры образуютъ очень высокія гряды, частью сыпучія. Въ 5 верстахъ пути проходимъ мимо колодца Таугобай-кудукъ ¹⁾, расположеннаго въ котловинкѣ и дающаго свѣжую, солоноватую воду. Пройдя высокими, живописными бугристыми песками, порою покрытыми весьма пышною кустарною растительностью, мы выходимъ въ 13 верстахъ на глинистую возвышенную равнину, по лицу которой тамъ и здѣсь наметаны невысокія гряды песковъ и которая покрыта зарослями полыни и рѣдкимъ саксауломъ. Къ западу отъ нашей тропы значительныя пространства этой равнины кажутся особенно ровными и совершенно лишенными кустарной растительности. Еще черезъ три версты мы оказываемся на участкѣ, усыпанномъ кусками камня; въ разныхъ мѣстахъ изъ-подъ глины и песка выступаютъ пласты этого послѣдняго и производятъ странное ощущеніе въ ногахъ, уже привыкшихъ ходить только по мягкимъ почвамъ. Здѣсь подъ глинами и песками захоронена фосфоритовая каменная гряда, понижающаяся въ западную сторону ²⁾. Къ востоку, невдалекѣ отъ нашей тропы она значительно возвышается надъ далѣе лежащими песками, видными отсюда на весьма значительное разстояніе. Покинувъ это мѣсто, мы вступаемъ въ бугристые пески и, постепенно спускаясь, достигаемъ котловины съ солонцевато-глинистымъ днищемъ. Здѣсь, въ 18 верстахъ пути находится колодезь Тасты-кудукъ. Глубина 20 аршинъ; вода, поднимающаяся на одинъ аршинъ, соленая, но для питья пригодная.

16/v дневали около Тасты-кудука и экскурсировали въ окрестностяхъ, сдѣлавъ въ общей сложности не меньше 20 верстъ. Очень хорошую воду намъ привезли изъ колодца Баскара-кудукъ (къ NW и въ 4 верстахъ отъ насъ; глубина 19 арш.; вода поднимается на одинъ арш.). Бродя по пескамъ, мнѣ случилось наткнуться въ нѣсколькихъ мѣстахъ, именно тамъ, гдѣ обнажились при помощи вѣтра основныя глины и камень, на слѣды старинныхъ

¹⁾ Глубина 18¹/₂ аршинъ.

²⁾ См. № 2-й примѣчаній.

кочеваній и стойбищъ въ видѣ обломковъ глиняныхъ и желѣзныхъ издѣлій, мелкихъ раковинъ съ сѣвернаго побережья Индійскаго океана и просверленныхъ кусочковъ краснаго коралла. Эти остатки были скоплены на опредѣленныхъ мѣстахъ и при томъ, повидимому, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Можно думать, что старинныя кочевья располагались на пескѣ и что упоминаемые предметы копились въ немъ и отчасти терялись (раковины и кораллы), въ послѣдствіи, когда пришелъ чередъ выдуться песку, по своей сравнительной тяжести оставшись на глинѣ и камнѣ. Такъ ли, иначе ли, но кизылъ-кумскіе киргизы приписываютъ эти остатки тому народу, который имъ здѣсь предшествовалъ; нѣкоторыя лица называли этотъ народъ калмыками.

17/v. Идемъ бугристыми песками, часто сильно заглиненными и взметанными въ гряды и барханы. Древесная растительность составляетъ почти исключительно рѣдкимъ саксауломъ, мѣстами группирующимся въ рощицы и перелѣски. Въ 6 верстахъ встрѣчаемъ колодезь Бейбетъ-бай (20 аршинъ глубины; сильно солоноватая вода, для питья все-таки пригодная, поднимается на высоту $1\frac{1}{4}$ арш.). Отсюда мы движемся глинисто-песчаными участками среди грядъ бугристыхъ песковъ, частью пересѣкая эти послѣднія. Древесная растительность составляетъ почти исключительно саксауломъ, свѣжимъ на пескѣ; на болѣе глинистой почвѣ онъ образуетъ частью мертвый, частью умирающій лѣсъ; масса крупнаго валежника, но среди тысячъ кустовъ, стоящихъ на корню, нѣтъ ни одного, который поднимался бы на высоту, превосходящую полторы сажени и который развивалъ бы такіе толстые стволы, какъ валяющіеся на землѣ. Въ 14 верст. пути минуемъ колодезь Джилкебай-кудукъ (глубина 24 арш.; вода соленая, поднимается на 1 арш. съ лишнимъ). Непосредственно за этимъ колодцемъ мы вступаемъ въ бугристые, очень часто сыпучіе пески съ богатою растительностью (главнымъ образомъ саксауль, затѣмъ джузгуны, куянъ-суюкъ, каннымъ и т. п.) и, сдѣлавъ еще нѣсколько верстъ, вступаемъ въ просторную котловину, поросшую густымъ, молодымъ, сочнымъ саксауломъ. Здѣсь, въ $20\frac{1}{2}$ верст. пути, находится колодезь Урмэ-кудукъ съ солоноватою водою. Такъ какъ около этого колодца стояло много кибитокъ и вся трава была выбита скотомъ, мы ушли на $2\frac{1}{2}$ версты дальше въ слежавшіеся пески съ многочисленными котловинами и изобильною кустарною растительностью. — Уже многія

сутки стоятъ лунныя ночи, и ночная ловля насѣкомыхъ даетъ лишь самую ничтожную добычу!

18/у, пройдя отъ мѣста стоянки 3 версты невысокими бугристыми песками, изобилующими котловинами (ихъ днища то песчаная, со супесчаная), мы встрѣчаемъ колодезь Джамедъ-кудукъ (глубина 19 арш.; вода, поднимающаяся на 1 арш., солоноватая), украшенный ивовымъ деревомъ. Около—крошечная бахча дынь... Въ полутора верстахъ дальше—колодезь Ходжамъ-берды (18¹/₂ арш. глубины; одинъ арш. солоноватой воды), около котораго другой, засыпанный. Далѣе, на разстояніи почти 6 верстъ слѣдуемъ всхолмленную песчаную и супесчаную степь, которая изобилуетъ саксауломъ и зеленѣетъ травами, (не тѣмъ нѣжнымъ, приземистымъ злакомъ, который изобилуетъ почти повсемѣстно въ пескахъ изслѣдованнаго района Кизылъ-кума и который теперь уже посохъ); тамъ и здѣсь по ней разбросаны площадки, серебрящіяся перьями ковыльныхъ плодовъ (сами плоды уже ввинтились въ почву). Въ 6 верстахъ отъ Ходжамъ-берды спускаемся въ котловину и находимъ на ея днѣ колодезь Бай-гуанышъ съ солоноватою водою. Въ 9 верстахъ дальше (бугристыми и сыпучими песками, мѣстами съ довольно густымъ саксауломъ и куянъ-суюкомъ) на просторной такырной площади колодезь Такыръ-кудукъ съ соленою водою, почти совсѣмъ непригодною для питья. Украшенъ ивовымъ деревомъ. Сдѣлавъ еще полторы версты, достигаемъ колодцевъ Дортъ-кудукъ. Ихъ четыре: два изъ нихъ, около которыхъ мы остановились, расположены въ плоской котловинѣ, густо заросшей молодымъ, сочнымъ саксауломъ; глубина всего 8 арш.; эти колодцы еще не были очищены, и мы взяли воду изъ Айтекъ-кудукъ, принадлежащаго къ той же группѣ, но расположеннаго въ сторонѣ (глубина 18 арш.; вода солоновата и поднята на одинъ арш.). Въ здѣшнихъ пескахъ имѣются обширныя заросли асса-фетиды.

Путь отъ колодца Дортъ-кудукъ къ роднику Ащи въ горахъ Аристанъ-бель (19—28 мая).

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дортъ-кудука въ NNW, W и SW сторонѣ поднимается невысокій кряжъ, сложенный изъ песчаника ¹⁾. По направленію къ названному колодцу онъ обра-

¹⁾ См. № 3-й примѣчаній.

зуетъ нѣсколько мысовъ и во многихъ мѣстахъ обрушивается кручами и скалами. Со всѣхъ сторонъ, особенно съ сѣверной и сѣверо-западной, на весьма значительную часть своей высоты засыпанъ толстымъ слоемъ песка, который поросъ саксауломъ и куянь-суюкомъ. Это Дортъ-кудукъ-тау.

19/v дорога идетъ первоначально по слабо-волнистой степи съ супесчаной почвою, поросшею саксауломъ и полынью. На ея поверхности взметано нѣсколько грядъ бугристаго песка. Въ 4 верстахъ пути встрѣчаемъ колодезь Курманбетъ-кудукъ (глубина 10 арш.; вода, поднятая на $1\frac{1}{2}$ арш., соленая, но для питья пригодная). Слѣдуя мѣстностью прежняго характера, мы вскорѣ пересѣкаемъ ложину, спускающуюся съ Дортъ-кудукъ-тау; въ ней произрастаетъ пышный, высокій (до $2\frac{1}{2}$ сажень), но тонкоствольный саксауль, къ которому подмѣшаны группы высокаго, свѣже-зеленаго, тѣнистаго гребенчука (нигдѣ не попадался, начиная съ колодца Конай-кудукъ). Отсюда идемъ тою же степью. Она переходитъ въ бугристые пески, обросшіе полынью и саксауломъ и образующіе мѣстами довольно глубокия котловины. Въ 11 верст. пути подходимъ къ колодцу Аякъ-кудукъ, расположенному на обнаженной глинистой плоскости на днѣ одной изъ такихъ котловинъ (ея склоны и отчасти днище густо заросли свѣжимъ, сочнымъ, молодымъ саксауломъ). Глубина его достигаетъ 26 аршинъ. Быстро набѣгающая прѣсная вода поднимается на 1 арш. съ лишнимъ. Забравъ съ собою необходимый запасъ воды и вскипятивъ гипсотермометръ, мы дѣлаемъ еще $2\frac{1}{2}$ версты, чтобы остановиться подальше отъ кибитокъ и многочисленныхъ стадъ, всегда мѣшающихъ ловлѣ насѣкомыхъ и стрѣльбѣ. Остановились на не совсѣмъ удачномъ мѣстѣ, именно въ слежавшихся бугристыхъ пескахъ, покрытыхъ рѣдкимъ саксауломъ.

20/v прошли 7 верстъ унылою мѣстностью, представляющею супесчаную степь, всхолмленную сильно цементировавшимися песками (древесная растительность все тотъ же мелкій, рѣдкій саксауль), и достигли колодца Куланбай-кудукъ (26 арш. глубины), который располагается въ котловинѣ среди сыпучихъ песковъ. Эта котловина густо заросла свѣжимъ, сочнымъ, мелкимъ саксауломъ, а собственно пески—старыми экземплярами этого растенія, широко-разбросанными или собранными въ небольшія группы; немало въ нихъ и красивыхъ деревцовъ куянь-суюка. Вода (поднимается на $1\frac{1}{2}$ аршина) такая же великолѣп-

ная, какъ въ Десебай-кудукъ. Въ грядахъ сыпучихъ песковъ, залегающихъ отсюда далѣе къ югу, можно было разсчитывать на успѣшный ночной ловъ насѣкомыхъ (особенно усиленно, но безуспѣшно, искалъ я въ Кизылъ-кумъ представителей рода *Discoptera*, которые обитаютъ именно такіе пески, и это несмотря на то, что я съ своимъ препараторомъ исходилъ по этимъ послѣднимъ въ разныхъ мѣстахъ въ ночную пору многія десятки верстъ), да и соекъ саксуальныхъ понаблюдать. Поэтому я рѣшилъ не итти дальше, и мы расположились лагеремъ въ полуверстѣ отъ колодца среди названныхъ песковъ.

Экскурсируя между прочимъ и въ направленіи дороги слѣдующаго дня, невдалекѣ въ юго-западной сторонѣ я спустился въ котловину, мѣстами весьма густо заросшую невысокимъ, сочнымъ саксауломъ. Въ ней имѣется колодезь, около котораго располагается кладбище, украшенное нѣсколькими очень старыми саксауловыми деревьями до 2 и 2¹/₂ сажень высоты. Могильныя насыпи покрыты крупнымъ валежникомъ или плитами песчаника; на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется родъ памятниковъ: массивные мраморные бруски съ вырѣзанными на нихъ именемъ покойника и годомъ кончины, рѣдко съ другими подробностями; изготовляются въ бухарскомъ городѣ Нуръ-ата. На одномъ изъ откосовъ котловины я набрелъ на небольшой плоскій выходъ песчаника ¹⁾ и тутъ же нашелъ слѣдъ стариннаго (если не сказать древняго) стойбища, обозначеннаго пропастью обломковъ самой разнообразной глиняной посуды и при томъ часто такой формы и такого рода выдѣлки, которая нынче не встрѣчается ни у сартовъ, ни у бухарцевъ. Два года тому назадъ мѣстный киргизъ нашелъ на этомъ самомъ мѣстѣ золотую монету (23 mm. въ діаметрѣ и около 2 mm. толщиною), повидимому, древне-иранскаго происхожденія. Онъ просилъ за свою находку слишкомъ дорого, и я не могъ пріобрѣсти ее. Всѣ эти остатки лежали на пескѣ, сдуваемомъ вѣтромъ.—Много было здѣсь зайцевъ, которые за предѣлами долины Сыръ-Дарьи и ближайшихъ къ ней мѣстностей попадались намъ далеко не часто.

21/v. За сыпучими высокими песками, окружающими вышеупомянутую котловину, идутъ пески бугристые, сильно слежа-

¹⁾ По словамъ киргизовъ, нѣсколько такихъ выходовъ имѣется въ разныхъ мѣстахъ къ юго-востоку отъ Куланбая; порою они засыпаются пескомъ, порою обнаруживаются. См. № 4-й примѣчаній.

вшіеся, чередующіеся съ плотными супесками и глинистыми площадками; растительность представлена полынью и мелкимъ саксауломъ. Въ $5\frac{1}{2}$ верст. колодезь Акъ-джоллакъ (26 арш. глубины; вода сильно солоноватая, поднимающаяся на $\frac{3}{4}$ арш.) и рядомъ съ нимъ Али-ходжа; расположены въ котловинѣ, окруженной сравнительно высокими, сыпучими барханами; и пески, и котловина довольно густо одѣты свѣжимъ, сочнымъ, крупнымъ (до $1\frac{1}{2}$ сажени въ высоту) саксауломъ съ подмѣсью куянь-суюка. Въ $3\frac{1}{4}$ верстахъ отсюда, пройдя волнистою глинисто-песчаною, частью чисто глинистою степью съ буграми цементировавшагося песка и во всѣхъ случаяхъ покрытою полынью и мелкимъ, рѣдкимъ саксауломъ, достигаемъ колодца Бирчи-кудукъ ($26\frac{1}{2}$ арш. глубины; сильно солоноватая вода занимаетъ $\frac{3}{4}$ арш.). Въ 5 верстахъ дальше колодезь Баимень-кудукъ (26 арш., съ сильно солоноватою водою). Какъ и предыдущій, расположенъ въ котловинѣ среди сыпучихъ бархановъ съ сравнительно пышнымъ саксауломъ. Путь сюда проходитъ степью, подобной той, которая только что упомянута. Закрѣпленія этихъ колодцевъ отчасти состоятъся плитами песчаника ¹⁾, тамъ и здѣсь, по словамъ киргизовъ, выдающагося изъ массъ сыпучаго и цементировавшагося песка окрестностей.

22/V. Сдѣлавъ $6\frac{1}{2}$ верстъ по волнистой супесчаной степи, во многихъ мѣстахъ засыпанной плоскими песками и порою разнообразящейся грядами песковъ бугристыхъ (растительность—мелкій саксаулъ и полынь), встрѣчаемъ колодезь Малхаръ-кудукъ ($27\frac{1}{2}$ арш. глубины; прѣсная, быстро набѣгающая вода поднимается на 1 арш. съ лишнимъ; засохшее ивовое дерево). Котловина, въ которой онъ расположенъ, обрамлена сыпучими барханами съ пышнымъ саксауломъ. Отсюда идемъ всхолмленною песчаною степью, вскорѣ переходящею въ полынную супесчаную, и, переваливъ черезъ гряды сыпучаго песка, подходимъ къ колодцу Темиръ-бай-кудукъ (29 арш. глубины; великолѣпная прѣсная вода) ²⁾, находящемуся въ $2\frac{1}{2}$ верст. отъ Малхаръ-кудука и украшенному крупнымъ умирающимъ ивовымъ деревомъ. Здѣсь стоитъ много кибитокъ, и имѣется школа (медресе)—маленькое, кубическое глинобитное зданіе, изъ котораго, несмотря на жаркіе часы дня, журчаніемъ льются голоса ребя-

¹⁾ См. № 5-й примѣчаній.

²⁾ На глинистой площади, завѣянной пескомъ.

тишекъ, вслухъ произносящихъ священные звуки молитвъ.— Еще одна верста,—и за грядою сыпучаго песка колодезь Алимбетъ-кудукъ съ прѣсною водою. Имѣя съ собою воду изъ Темиръ-бая, мы прошли на $2\frac{1}{2}$ версты дальше и остановились среди рѣдкаго саксаульника въ всхолмленныхъ бугристыхъ пескахъ.

23/v. Идемъ полынною степью и рѣдкимъ саксауломъ на слежавшемся волнистомъ и отчасти бугристомъ пескѣ, мѣстами сильно заглиненномъ и образовавшемъ глубокія котловины. Кончая 5-ю версту пути, переваливаемъ гряды сыпучаго песка съ пышными саксауловыми кустами и спускаемся въ котловину, на днѣ которой колодезь Чукуръ-кудукъ (26 аршинъ глубины; вода прѣсная) ¹⁾. Такая же степь и такой же песокъ отдѣляли насъ отъ колодцевъ Косъ-кудукъ, лежащихъ въ 5 верстахъ дальше. Глубина одного = 32, другого = 31 арш. Оба даютъ великолѣпную прѣсную воду, которою мы запасаемся для дальнѣйшаго движенія. Отсюда, переваливъ черезъ сыпучій песокъ съ пышнымъ саксауломъ, слѣдуемъ широко-волнистою, мѣстами бугристою песчаною, довольно плотною степью, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ взборождена барханами подвижного песка. Съ самыхъ высокихъ бархановъ ясно видны горы Аристанъ-бель на SSW и Ойгенекъ-тау на W. Растительность—полынь и саксауль; изрѣдка джузгуны и деревья каннымъ (конечно, не считая небольшого числа видовъ мелкихъ травянистыхъ породъ). На 8-й верстѣ отъ Косъ-кудука вступаемъ въ мѣстность, обильную барханами сыпучаго песка, изъ которыхъ нѣкоторые лишены какой бы то ни было растительности. Тутъ же поросли густого, сочнаго саксаула (до сажени въ высоту) на рыхломъ пескѣ; тутъ же типичный такыръ. Словомъ, мѣстность, обѣщающая удачу ночного сбора разныхъ животныхъ, и я останавливаюсь, немного не доходя до слѣдующаго колодца.

24/v. Минуемъ пески вчерашней остановки, проходимъ саксаульно-полынною песчаною степью, переваливаемъ черезъ барханы и спускаемся на глинистую площадь съ колодцемъ Талдыкудукъ, до котораго $1\frac{1}{2}$ версты. Отсюда разстилается песчанистая равнина, поросшая полынью и кустами зеленаго, сочнаго саксаула; она замыкается сыпучими барханами, окружающими

¹⁾ Въ средней части этого пути мало саксаула: въ сотнѣ, а то и въ двухъ сотняхъ шаговъ кустъ отъ куста.

глинистую плоскость съ колодцемъ Джака-кудукъ (34 аршина глубины; отличная прѣсная вода) въ $3\frac{1}{2}$ верст. отъ Талдыкудука. Въ полуторыхъ верстахъ отсюда два колодца Халъ-Муратъ-кудукъ (съ такою же водою) на плоскости, окруженной сыпучими барханами, частью совершенно обнаженными, частью обильно поросшими сочнымъ тѣнистымъ саксауломъ. Между плоскостями Джака и Халъ-Муратъ залегаетъ саксаульно-полынная песчаная степь, изобилующая глубокими котловинами. За барханами южной окраины халъ-муратской плоскости слѣдуютъ болѣе пологіе барханы, чередующіеся съ ровными участками саксаульно-полынной песчаной степи. Эта мѣстность вновь переходитъ въ высокіе сыпучіе барханы, за которыми мы спускаемся въ плоскую котловину съ глинистымъ дномъ, завѣяннымъ пескомъ. Здѣсь (въ $3\frac{1}{2}$ верст. отъ Халъ-Муратъ) колодезь Аксуръ-кудукъ. Глубина его равняется 39 арш. Вода прѣсная, вкусная, скоро набѣгаетъ и поднимается на одинъ аршинъ. Мы уходимъ отсюда на одну версту въ барханы сыпучихъ песковъ, ограничивающихъ названную котловину съ южной стороны, и заканчиваемъ дневной переходъ въ надеждѣ отдохнуть къ вечеру и найти что-нибудь интересное въ часы ночи.

25/v. Невольная дневка: ночью ушелъ съ пастбища недавно пріобрѣтенный нами верблюдъ, и наши лаучи съ утра отправились на его поиски. — Бродилъ по пескамъ окрестностей, но, какъ и минувшею ночью, нашелъ до отчаянія мало интереснаго. Древесная растительность здѣсь представлена кустами сочнаго саксаула и деревцами куянь-суюка, то широко разбросанными, то собранными въ небольшія группы. Въ мѣстахъ сдуванія песка ясно видно, что кусты саксаула по существу дѣла представляютъ деревья, главный стволъ которыхъ погруженъ въ почву такимъ образомъ, что надъ этою послѣднею высится только вѣтвистая кустарнообразная его крона.

26/v. Минувшею ночью явился одинъ изъ лаучей съ пропавшимъ верблюдомъ, другой долженъ нагнать насъ на лошади по слѣдамъ и разспросамъ. Сдѣлали переходъ къ колодцамъ Бельгъ¹⁾, до которыхъ не меньше 18 верстъ. Оставляемъ высокіе пески аксурской котловины и чередою бугристыхъ песковъ и болѣе или менѣе плоскихъ полынныхъ участковъ вступаемъ въ вол-

¹⁾ Иногда это названіе произносилось киргизами какъ «бельгэ».

нистую плотно-песчаную полынную степь съ рѣдкимъ саксауломъ, широко разбросаннымъ кустъ отъ куста (отъ нѣсколькихъ десятковъ до 200 шаговъ). Съ вершинъ нѣкоторыхъ волнъ видны горы Бельги-тау, Аристанъ-бель-тау, Акъ-тау и Тохта-тау. Отсюда слѣдуемъ площадями и площадками съ полынью, чередующимися съ барханами и группами бугристаго песка съ его обычно болѣе или менѣе пышною кустарною растительностью, и переходимъ въ волнистую, частью бугристую, плотно-песчаную степь съ частыми глубокими котловинами; по поверхности этой степи, поросшей полынью и одинокими кустами саксаула, разбросаны холмы и гривы сыпучаго песка съ пышными кустарниками; она кажется мѣстами зеленою, будучи покрыта какимъ-то низенькимъ сочнымъ травянистымъ растеніемъ. На 15-й верстѣ втягиваемся въ сыпучіе барханы, дѣлая по нимъ подъемы и спуски, порою трудные для верблюдовъ, и проходя мимо пышныхъ зарослей кустовъ саксаула и кара-буто; мѣстами попадаются рощицы куянъ-суюка, деревцовъ до 35 въ каждой. На днѣ одной изъ котловинъ въ этой мѣстности располагаются колодцы Бельги-кудукъ, вырытые въ суглинкѣ и глинѣ. Глубина ихъ достигаетъ 32 аршинъ. Быстро набѣгающая солончатая вода поднимается на одинъ аршинъ ¹⁾. Въ южной сторонѣ отъ этого пункта высится въ нѣсколькихъ верстахъ каменистый кряжъ Бельги-тау.—На пройденномъ сегодня пути я насчиталъ 8 видовъ цвѣтущихъ травянистыхъ растеній, изъ которыхъ 4 вида кончаютъ цвѣтеніе.

Уже много дней тому назадъ въ первый разъ обратилъ я вниманіе на кусочки какихъ-то странныхъ известковыхъ образований, валявшихся тамъ и здѣсь на поверхности сыпучихъ песковъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они раздувались или выдувались вѣтромъ (котловины, склоны и вершины бархановъ, верблюжьи тропы). Очевидно, что эти кусочки, съ перваго бѣглаго взгляда похожіе на обломки костей, были внѣдрены въ песокъ и что по мѣрѣ сдуванія этого послѣдняго они вслѣдствіе своей сравнительной тяжести оставались на поверхности еще не снятыхъ песчаныхъ массъ. Въ окрестностяхъ колодцевъ Тасты-кудукъ и Аксуръ-кудукъ они зачастую имѣли форму окаменѣлыхъ корней и не оставляли сомнѣнія въ существованіи непосредственной связи между своимъ образованіемъ и корнями раз-

¹⁾ Каждый украшенъ ивовымъ деревомъ.

ныхъ деревянистыхъ растеній, свойственныхъ рыхлымъ пескамъ. Въ пескахъ же Бельги-кудука, а также и въ разныхъ другихъ мѣстахъ по пути дальнѣйшаго нашего движенія, эти образованія имѣли весьма совершенныя формы окаменѣлыхъ корней и на мѣстахъ раздуванія издали бѣлѣли площадями во многія квадратныя сажени. Здѣсь было до очевидности ясно, что по крайней мѣрѣ корни каннума и разныхъ другихъ джузгуновъ, а также главнымъ образомъ кустарника кара-буто, послужили основаніемъ для ихъ происхожденія. Осторожно сбрасывая песокъ, мнѣ удалось выкопать такія корневидныя образованія, которыя достигали одного фута въ длину и сохраняли боковыя развѣтвленія. Во многихъ изъ нихъ были включены хорошо сохранившіяся волокна, на которыя распадаются истлѣвающіе корни названныхъ растеній, а въ нѣсколькихъ случаяхъ можно было разглядѣть на ихъ внѣшней поверхности овальные желваки, внутри которыхъ сохранились шелковыя нити, когда-то входившія въ составъ личиночныхъ коконовъ разныхъ насѣкомыхъ ¹⁾.

27/v. Дорога первоначально идетъ высокими сыпучими барханами, поросшими саксауломъ, кара-буто и куянъ-суюкомъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ затруднительна для груженыхъ верблюдовъ. Въ полутора верстахъ отъ Бельги-кудука въ котловинѣ между барханами находимъ колодезь Косъ-кудукъ (или Ащи-кудукъ) глубиною въ 36 арш., съ солоноватою водою и ивою 27-лѣтняго возраста. Дно котловины поросло во многихъ мѣстахъ адраспаномъ съ его темнозеленою листвою, бѣлыми цвѣтами и стеблями, развалившимися во всѣ стороны и дающими каждому растенію видъ круглой клумбочки. Отсюда слѣдуетъ нѣсколько верстъ нелегкаго для верблюдовъ пути черезъ сыпучіе барханы въ началѣ и высокіе бугристые пески въ послѣдствіи (и тамъ, и здѣсь, особенно мѣстами, прежняя кустарная растительность). За этою мѣстностью пересѣкаемъ длинную болѣе или менѣе плоскую долину, склоняющуюся въ западную сторону и заросшую полынью, надъ которою возвышаются одинокіе кусты саксаула. Противоположная сторона долины ограничивается въ $6\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Косъ-кудука завѣяною пескомъ глинистою кручею, изъ которой вправо отъ нашей тропы выставляются высокіе выходы каменной породы ²⁾. На

¹⁾ См. № 6-й примѣчаній.

²⁾ См. № 7-й примѣчаній.

вершинѣ одного изъ такихъ выходовъ я нашелъ слѣды стариннаго стойбища въ видѣ обломковъ глиняной посуды, пробуровленныхъ кусочковъ краснаго коралла и обломковъ желѣзнаго оружія. Упоминаемая круча выводитъ насъ на высокую волнистую глинистую степь, завѣянную пескомъ и заросшую полынью. На ея поверхности возникли плоскіе небольшіе барханы, изъ которыхъ одни состоятъ изъ сыпучаго, а другіе изъ слежавшагося песка; нѣкоторые изъ нихъ поросли мелкимъ саксауломъ и кара-буто. Вскорѣ переваливаемъ черезъ гряды совершенно обнаженнаго сыпучаго песка и спускаемся въ неглубокую ложину, изобильно заросшую адраспаномъ. Въ ней, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ отъ оставшейся позади насъ кручи, колодезь Досшанъ-кудукъ (или Косъ-кудукъ) глубиною въ 33 аршина и съ солоноватою водою. При остановкѣ на этомъ мѣстѣ слѣдуетъ запасаться топливомъ по дорогѣ. Отсюда поднимаемся въ обнаженные сыпучіе пески той стороны лощины, лежащіе на плотной глинѣ, которая прикрыта галькой, и выходимъ на просторную, высокую волнистую глинистую степь, завѣянную тонкимъ слоемъ песка и густо заросшую полынью. Тамъ и здѣсь по ней раскиданы низенькіе барханы сыпучаго песка съ кустарною, порою довольно пышною растительностью. Степныя волны мѣстами обрываются и подъ своею глиною обнаруживаютъ выходы каменныхъ породъ ¹⁾. Вся эта возвышенная степь составляетъ западное продолженіе горъ Бельги-тау. Пройдя отъ Досшанъ-кудука 5 верстъ и имѣя съ собою воду изъ Бельги-кудука, мы останавливаемся на одномъ изъ сейчасъ упомянутыхъ низенькихъ бархановъ, которые своими кустарными зарослями (много джузгуна) и цвѣтущими травами (7 видовъ) обѣщаютъ болѣе обильную зоологическую добычу, чѣмъ однообразная полынная степь.

28/v. Идемъ продолженіемъ той же полынной степи. Она образуетъ высокія волны, направляющіяся то параллельно восточной сторонѣ того тупого угла, который составляется грядою горъ Аристанъ-бель-тау, то въ разныхъ другихъ къ ней отношеніяхъ. Эта степь въ очень многихъ мѣстахъ завѣяна пескомъ, часто образующимъ невысокіе, плоскіе сыпучіе барханы, изобильно поросшіе джузгуномъ и кара-буто. Въ трехъ верстахъ пути оставляемъ вправо каменный бугоръ, выдвинувшійся изъ глины и песка и обломками загромождающій свои откосы ²⁾.

¹⁾ См. № 8-й примѣчаній.

²⁾ Образчики утеряны.

Отсюда спускаемся въ сравнительно глубокую котловину, на днѣ и по склонамъ необыкновенно густо заросшую разными кустарниками (преимущественно кара-буто) и деревцами куянъ-суюка. За этою котловиною, по пути нашего движенія, лежитъ другая, болѣе возвышенная и съ такою же обильною кустарною растительностью; кругомъ по откосамъ видны выступы каменныхъ породъ. На ея днѣ колодезь Чарыкте-кудукъ (23 арш. глубины; вода солоноватая) въ полутора верстахъ отъ упомянутаго каменнаго бугра. Въ эту котловину впадаетъ родъ долины среди высокихъ грядъ, заволоченныхъ пескомъ и заросшихъ густыми кустарниками. Наша тропа идетъ по ея дну вверхъ по уклону, мѣстами обнаруживая дикій камень, выходящій изъ глины, и гравій, насыпанный на поверхность этой послѣдней. Въ 2 верстахъ отъ Чарыкте-кудука высоты, сопровождающія насъ, становятся относительно гораздо болѣе низкими и почти сравниваются съ окрестною степью, а ихъ растительность дѣлается скудною. Долина превращается въ лощинку, мѣстами густо поросшую особливимъ видомъ зеленой полыни—«бургунъ». Она поднимается по глинистой степи, одѣтой обыкновенною полынью (джусанъ); это растеніе мѣстами на нѣсколько десятинъ стоитъ полумертвымъ и побурѣвшимъ, рѣзко выдѣляясь въ такихъ участкахъ на общемъ сѣро-зеленоватомъ фонѣ. Тамъ и здѣсь по поверхности этой степи наметаны невысокіе сыпучіе барханы, изъ которыхъ тѣ, что постарше, покрыты кустарною растительностью. И по нашей тропѣ, и въ разныхъ мѣстахъ по сторонамъ замѣчаемъ выходы камня и гальку. Все время поднимаясь, въ 8 верстахъ отъ Чарыкте-кудука вступаемъ въ сыпучіе пески, прикрывающіе пологій сѣверный склонъ горъ Аристанъ-бель-тау (главныя и притомъ скалистыя ихъ высоты остаются отъ насъ невдалекѣ къ западу) и въ очень многихъ мѣстахъ поросшіе мелкими деревьями куянъ-суюка. Еще въ полутора верстахъ песками достигаемъ перевала черезъ названныя горы; подъемъ на него представляетъ песчаную высокую степь, при чемъ ничто не указываетъ на то, что по существу дѣла мы находимся уже въ настоящихъ горахъ. Зато спускъ почти сразу выясняетъ сущность дѣла, такъ какъ мы оказываемся въ настоящемъ горномъ ущельѣ съ крутыми скалистыми склонами. Нѣкоторые изъ этихъ склоновъ сравнительно мягки въ своихъ очертаніяхъ, глинисты и завѣяны пескомъ, часто поросшимъ куянъ-суюкомъ. И какъ-то страннымъ кажется видѣть песокъ

рядомъ со скалами, видѣть куянъ-суюкъ—дерево сыпучихъ песковъ—рядомъ съ обнаженными каменными массами! Примѣрно въ верстѣ отъ перевала, все спускаясь по ущелью, встрѣчаемъ колодезь Ащи-кудукъ, который есть не что иное, какъ разработанный въ видѣ ямы родникъ. Вода (ее можно черпать прямо ведромъ) сносная, хотя солоновата и содержитъ, кромѣ поваренной, еще какія-то другія соли.

Мы пришли на Ащи-кудукъ рано днемъ, такъ что до вечера оставалось еще много времени для экскурсіи. Той же экскурсіи былъ посвященъ весь день 29/v и значительная часть 30/v. Въ общемъ мнѣ удалось довольно основательно познакомиться съ фауной позвоночныхъ Аристанъ-бель-тау, этого горнаго острова, поднимающагося изъ песчанаго моря. Въ немъ я сомкнулъ свои зоологическія изслѣдованія съ тѣми, которыя были произведены М. Н. Богдановымъ въ 1873 г. во время Хивинскаго похода.

Сѣверные склоны Аристанъ-бель-тау представляютъ вообще пологіе склоны, прикрытые глиною, на которую навѣянъ песокъ и на которой мѣстами лежитъ щебень. Тамъ и здѣсь наблюдаются выходы каменной породы. По линіи водораздѣла высятся скалы, особенно высокія близъ вершины того угла, который образуется кряжемъ этихъ горъ, и въ частности въ западной сторонѣ названнаго угла. Южные склоны не въ примѣръ болѣе круты и образуютъ рядъ ущелій съ скалистыми во многихъ мѣстахъ боками. Крутыми ребрами выставляются здѣсь пласты сланца, обыкновенно сѣраго цвѣта, но иногда окрашивающагося въ зеленоватый, красный или черноватый. Сланцевые пласты весьма часто проникаются въ поперечномъ направленіи жилами непрозрачнаго бѣлаго кварца. Именно они образуютъ скалистые вершины нашихъ горъ. Чтобы добраться къ нимъ со стороны описываемыхъ южныхъ склоновъ, приходится взбираться по крутымъ осыпямъ, брекчіямъ и проникнутымъ щебнемъ глинамъ. Составляя ядро горъ, сланцы обыкновенно прикрываются въ нихъ неслоистой каменною породою, выходы которой мы наблюдали раньше въ степи. Эта порода (часто непосредственно самъ сланецъ) въ свою очередь накрывается плотною, чистою глиною, на которой мощнымъ пластомъ лежатъ то брекчіи, то глины, перемежанныя съ щебнемъ, порою очень грубымъ. Мѣстами крѣпкія брекчіи покоятся прямо на сланцѣ ¹⁾. — Промежутки

¹⁾ См. № 9-й примѣчаній.

между ущельями представляют высокіе, крутые холмы съ глинистою степеподобною поверхностью, которая часто засыпана щебнемъ. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты рыхлымъ пескомъ, навѣяннмъ съ сѣверныхъ склоновъ, и въ такомъ случаѣ, несмотря на ничтожность песчаного покрова, порастаютъ деревцами куянь-суюка и асса-фетидой. Главная растительность составляетъ полыню; имѣется нѣсколько видовъ чисто горныхъ травянистыхъ растеній.—Въ ущельѣ, сосѣднемъ съ Ащи-кудукскимъ и лежащемъ сейчасъ же западнѣе, на днѣ русла имѣется крошечный родничекъ, тутъ же теряющійся; вода горько соленая, абсолютно негодная для человѣка (птицы пьютъ ее охотно). Невдалекѣ выше выкопанъ колодезь съ водою (на глубинѣ одной сажени) чуть лучшаго качества.

Въ $2\frac{1}{4}$ верстахъ отъ Ащи-кудука къ NW располагаются колодцы Аристанъ-бель-кудукъ. Они лежатъ на днѣ неширокой долины ¹⁾, спускающейся съ той сѣдловины, которая составляетъ вершину аристанъ-бель-таускаго угла, и оборудованы въ днищѣ имѣющагося здѣсь водостока. Всѣ колодцы (ихъ не меньше шести) даютъ отличную воду и имѣютъ ничтожную глубину (самые значительные: Джолаучи, Бекъ-бай, Аидъ-ходжа и Айдосъ). Около самага верхняго колодца пробѣгаетъ ручеекъ, высочившійся со дна водостока и шаговъ черезъ сотню въ немъ скрывающійся. Выйдя изъ горъ, упоминаемая долина и сопровождающій ее водостокъ открываются на глинистую площадь, расположенную между невысокими холмами и усѣянную щебнемъ, галькой и гравіемъ. Черезъ нее проходитъ дорога, ведущая отъ Аристанъ-бель-кудукъ къ колодцу Манамджанъ и далѣе въ замѣчательные мініатюрные оазисы Кендерли и Каракъ-ата.—Въ горахъ Аристанъ-бель-тау мы впервые за время поѣздки встрѣтили летучихъ мышей. Довольно часто видѣли джейрановъ (кара-куйрюкъ у киргизовъ) и нѣсколько разъ натыкались на волковъ и лисицъ.

Сообщая объ орнитофаунѣ горъ Кизыль-кумской пустыни, въ томъ числѣ и Аристанъ-бель-тау, М. Н. Богдановъ говоритъ, что птицы встрѣчаются въ нихъ въ такомъ ничтожномъ числѣ, что можно пробродить цѣлый день и встрѣтить счетомъ только десятокъ. Покойный профессоръ проходилъ названными горами

¹⁾ Мѣстами въ изобиліи поросла эта долина ромашкой, почти совсѣмъ уже отцвѣтшею.

въ первыхъ двухъ третяхъ апрѣля, когда шелъ пролетъ и когда нѣкоторые виды должны были уже располагаться на гнѣздовье, т.-е. въ то время, когда пернатые должны были быть особенно многочисленными. Вѣроятно, неблагоприятныя условія путешествія (М. Н. Богдановъ шелъ съ военнымъ отрядомъ на Хиву) послужили причиной такого вывода, такъ какъ горы, посѣщенные мною только въ гнѣздовое время, производили обратное впечатлѣніе. Мнѣ удалось сдѣлать въ нихъ крайне любопытныя находки, въ родѣ, напр., ястребиныхъ и благородныхъ орловъ (*Aquila fasciata* et *A. fulva*), рыжеголовыхъ соколовъ (*Falco babylonicus*), многочисленныхъ кекликовъ (*Caccabis chukar*), монгольскихъ розовыхъ вьюрковъ (*Erythropsiza mongolicus*) и разныхъ другихъ видовъ, о которыхъ я буду говорить въ специальной статьѣ.

Путь отъ колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ къ колодцамъ Огузъ-кудукъ около Тохта-тау (30/v—10/vi).

30/v. Отъ Ащи-кудукъ мы прошли къ колодцамъ Аристанъ-бель-кудукъ, чтобы отсюда держать путь къ NW въ оазисъ Тамды и горы Акъ-Тау. Отъ этихъ колодцевъ дѣлаемъ сначала короткій и крутой, потомъ болѣе пологій и длинный подъемъ на сѣдловину между обѣими сторонами аристанъ-бельскаго угла. Эта сѣдловина засыпана пескомъ, поросшимъ деревцами куянь-суюка, и составляетъ перевалъ (въ 2 верстахъ отъ самаго верхняго колодца). Отсюда до мѣста остановки дѣлаемъ только 7 верстъ, все время спускаясь. Дорога проходитъ холмистою глинистою степью, близъ Аристанъ-бель-тау сильно щебнистою и дающею выходы каменной породы; растительность состоитъ изъ полыньи, а мѣстами порослью бургуна и ковылемъ, образующимъ крошечные островки. Нѣкоторые участки степи прикрыты тонкимъ слоемъ песка и разнообразятся маленькими сыпучими барханами съ кустами разныхъ растений. Въ мѣстѣ остановки залегаютъ плоскіе, слабо-волнистые пески съ пышными кустами джужгуна, деревцами куянь-суюка и зарослями асса-фетиды, уже посохшей и поломанной (саксаула нѣтъ и въ поминѣ). Нашли мы здѣсь четыре вида цвѣтушихъ травъ, на которыхъ, несмотря на сильнѣйшій вѣтеръ, собрали цѣлый рядъ прелюбопытныхъ мухъ и перепончатокрылыхъ (*Hemiptera*) ¹⁾.

¹⁾ Путь мой между Аристанъ-бель-кудукъ и Тамды (черезъ колодезь Мурунъ-кудукъ) совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, который былъ сдѣланъ

31/v. Продолжаемъ спускаться (сначала песками, потомъ глинистою степью, заросшею полынью). Въ полоторыхъ верстахъ пересѣкаемъ маленькій, длинный, обнаженный такыръ. На его уровнѣ кончается аристанъ-бельскій спускъ и начинается непрерывный для сегодняшняго дня акъ-таускій подъемъ. Въ верстѣ отъ такыра поднимаемся на твердую глинисто-полынную степь, почти совсѣмъ лишенную кустарной растительности и лишь кое-гдѣ несущую сыпучіе барханчики съ мелкимъ джузгуномъ. Еще въ 5 верстахъ мы сравниваемся съ холмами юго-восточной окраины Акъ-таускаго массива ¹⁾, именно съ тѣми, которые съ мѣста вчерашней стоянки рисовались на горизонтѣ въ качествѣ самыхъ окраинныхъ; но отсюда передъ нами возникаютъ еще болѣе восточные. Перейдя передъ этимъ черезъ нѣсколько водостоковъ, изъ которыхъ два настолько значительны, что можно подозрѣвать ихъ начала въ коренныхъ горныхъ массахъ Акъ-тау, мы оказываемся здѣсь на высокой глинистой степи, поросшей полынью и на значительную глубину проникнутой щебнемъ; мѣстами сквозь ея поверхность выдвигается камень ²⁾. Холмы глинисты, лишь скудно одѣты полынью и весьма часто обнаруживаютъ камень своихъ основаній. Мы огибаемъ ихъ съ восточной стороны. По мѣрѣ нашего поднятія, они постепенно превращаются въ горы и становятся все болѣе и болѣе каменистыми. Въ 12 верстахъ пути достигаемъ плоскаго степного перевала, предварительно перейдя черезъ нѣсколько водостоковъ, и находимъ на немъ колодезь Мурунъ-кудукъ (или Кары-бай-кудукъ), лежащій близъ устья лощины, выходящей изъ горъ. Глубина 10 аршинъ. Вода очень хорошая. Около — громадная заросль адраспана. До поздняго вечера экскурсировалъ въ окрестностяхъ, при чемъ, если

въ 1873 г. М. Н. Богдановымъ. Описывая этотъ путь, покойный профессоръ говоритъ: «Мѣстность отъ Муруна постепенно становится все песчанѣе; у подошвы Аристанъ-бель-тау барханы достигали громадныхъ размѣровъ». Никакихъ «громадныхъ» бархановъ я нигдѣ здѣсь не видѣлъ, наблюдая исключительно только тѣ ничтожные, о которыхъ говорилъ выше. Можно было бы подумать, что барханы М. Н. Богданова дѣйствительно существовали въ свое время, но за истекшія 39 лѣтъ куда-либо передвинулись или развѣялись... Однако, А. П. Хорошхинъ (l. c.), проходившій этою самою мѣстностью въ 1872 г., описываетъ ее такою же, какою видѣлъ я.

¹⁾ Въ частности съ тѣми горами, которыя у киргизовъ носятъ названіе Бель-тау.

²⁾ См. № 10-й примѣчаній.

не считать нѣсколькихъ любопытныхъ змѣй, фалангъ и скорпіоновъ, собралъ самую ничтожную добычу. — Степь, прилегающая къ этимъ горамъ, врывается въ промежутки между возвышенностями, крѣпнетъ еще сильнѣе и, оставаясь одѣтой полынью, всползаетъ по крутымъ склонамъ вплоть до каменныхъ обнаженій вершинъ. Нашелъ шесть цвѣтущихъ травъ, не считая адра-спана, очень рѣдкихъ и весьма широко разбросанныхъ; лишь недавно отцвѣлъ макъ. — По словамъ киргизовъ, въ здѣшнихъ горахъ (Бель-тау), по крайней мѣрѣ, верстъ на 12 будто нигдѣ не имѣется какихъ бы то ни было родниковъ.

1/vi. Почти все время оставляя горы Бель-тау невдалекѣ слѣва, идемъ постепенно понижающеюся полынною степью, которая сначала представляетъ плато съ уклономъ въ NO сторону. Черезъ нѣкоторое время эта степь пріобрѣтаетъ болѣе мягкія почвы и поперекъ нашего пути пересѣкается узкими и широкими полосами песка съ зарослями джузгуна и кара-буто, а также одиночными кустами саксаула. Очень оживленными кажутся эти песчаные участки по сравненію съ полынною степью: и птицъ, и ящерицъ, и звѣрьковъ, и насѣкомыхъ въ нихъ несравненно больше. Часто видѣли здѣсь джейрановъ, какъ и на вчерашнемъ переходѣ. Въ 8 верстахъ пути пересѣкаемъ широкую, глубокую ложину съ водостокомъ и общимъ красноватымъ грунтомъ; берега засыпаны пескомъ и обнаруживаютъ выходы каменныхъ породъ. За ложиною степь повышается, а въ трехъ отъ нея верстахъ наша дорога даетъ двѣ вѣтви: на Большой и на Малый Тамды; мы отправляемся на этотъ послѣдній по лѣвой тропѣ, по крѣпкой глинистой степи. Дѣло происходитъ утромъ, и кругомъ мы видимъ несчетное множество рябчиковъ (*Pterocles Severzowi*, рѣже *P. agriarius*), торопящихся на тамдинскіе водопой. Вскорѣ проходимъ черезъ соленый такырчикъ, украшенный очень густою группою гребенчука, среди которой высачивается соленая вода. Около такырчика имѣется колодезь Аще-кудукъ (или Элемесь-кудукъ) съ соленою водою. Невдалекѣ отсюда дѣлаемъ маленькій перевалъ, за которымъ пересѣкаемъ водостокъ и продолжаемъ спускаться, оставляя этотъ послѣдній съ правой руки. Правый берегъ этого водостока обрамленъ безжизненными черными и черноватыми скалами ¹⁾, а къ лѣвой его сторонѣ примыкаютъ завѣянные пескомъ холмы, за которыми высятся бѣ-

¹⁾ Принадлежатъ холмистой группѣ Тамды-тау. См. № 11-й примѣчаній.

лѣсоватыя горы.—Немного спустя, наша тропа уже слѣдуетъ самимъ водостокомъ и его постепенно расширяющеюся долиною, которые въ 6 верстахъ отъ мѣста развѣтвленія дороги приводятъ насъ къ Малому Тамды. Подробно скажу о немъ нѣсколько ниже.

2/VI налегкѣ я предпринялъ экскурсію въ горы Акъ-тау, которыя изъ всѣхъ кизыль-кумскихъ возвышенностей должны считаться наиболѣе высокими (на этотъ разъ я не взялъ съ собою гипсотермометра, такъ какъ боялся и за его цѣлость, и за то, что онъ стѣснить меня на охотѣ). Эти горы располагаются къ SW отъ Тамды, верстахъ въ 15, и отсюда кажутся въ главныхъ своихъ массахъ крайне скалистыми и очень малодоступными. Дорога къ нимъ проходитъ плотною глинистою степью, въ очень многихъ мѣстахъ проникнутой грубымъ щебнемъ и завѣянной пескомъ, порою взметаннымъ въ невысокіе барханы; часты на ней, особенно поближе къ горнымъ подошвамъ, выходы каменныхъ породъ. Растительность составляетъ полынью, а тамъ, гдѣ песокъ, рѣдкими саксауловыми кустами, рощицами куянь-суюка, зарослями джузгуна и асса-фетиды. По пути пересѣкли нѣсколько водостоковъ, склоняющихся въ N и NO стороны. Мы остановились въ устьѣ одного изъ ущелій, гдѣ нашли два разработанныхъ въ колодцы родника съ довольно хорошою водою. Экскурсируя по горамъ (во многихъ мѣстахъ онѣ прямо-таки неприступны), мнѣ удалось собрать немало любопытнѣйшихъ зоологическихъ объектовъ, о которыхъ будетъ говорить въ своемъ мѣстѣ, но, къ моему отчаянію, главная цѣль этого развѣзда—добыть хотя бы одного архара (дикій баранъ)¹⁾—оказалась

¹⁾ О существованіи этихъ звѣрей въ Акъ-тау я впервые услыхалъ отъ аристанъ-бельскихъ киргизовъ. Въ названныхъ горахъ архаръ не представляетъ рѣдкости. Кстати, рассказывали мнѣ мѣстные киргизы о существованіи въ Акъ-тау какихъ-то странныхъ и таинственныхъ существъ—«джизтырнакъ» (мѣдные когти), имѣющихъ человѣческій образъ; они будто обросли шерстью и длинными волосами, а пальцы ихъ рукъ и ногъ снабжены крѣпкими изогнутыми когтями. Ведутъ ночной образъ жизни, проводя день въ пещерахъ. Ходятъ и по-человѣчески, и на четверенькахъ. Питаются разными животными, даже самыми мелкими, а также травами и луковицами; не гнушаются падалью. Ихъ голосъ похожъ то на ревъ, то на хохотъ. На человѣка нападаетъ рѣдко. Въ прежніе годы встрѣчался чаще, чѣмъ теперь.—О джизтырнакѣ говоритъ А. П. Хорошинъ (I. с.) въ своемъ описаніи горъ Акъ-тау. Не кроется ли въ легендѣ объ этомъ существѣ нѣчто реальное, относящееся къ медвѣдю или гіенѣ?

не достигнутой. Съ рискомъ переломать себѣ кости въ случаѣ паденія я карабкался по такимъ скаламъ, что кружилась голова, и жуть овладѣвала, нашелъ, наконецъ, звѣря, диковиннаго для совершенно изолированнаго горнаго массива среди песчаной пустыни, стрѣлялъ его шаговъ на триста изъ трехлинейной винтовки и... промахнулся. Усталъ и замучился до того, что отказался отъ дальнѣйшей охоты. — Древесная растительность и въ Акъ-тау отсутствуетъ вовсе. Впрочемъ, въ одной изъ щелей набрелъ я на крошечное арчевое деревцо (древовидный можжевельникъ), Богъ вѣсть какими судьбами сюда занесенное. Среди травъ мнѣ попало около десятка такихъ видовъ, которые не были замѣчены въ горахъ Аристанъ-бель-тау; изъ нихъ почти всѣ отцвѣтали или уже давно какъ окончили цвѣтеніе.

3/VI утромъ я вернулся въ Тамды. Малый Тамды располагается невдалекѣ отъ невысокихъ холмовъ. Орошается родникомъ съ великолѣпной водой. Этотъ родникъ разработанъ въ яму, загороженную каменною оградой. Черезъ отверстіе въ этой послѣдней вода изливается въ мелкій прудъ (длина = 67, ширина = 35 шагамъ). Надо замѣтить, что и родникъ, и прудъ находятся на тальвегѣ небольшой возвышенности, спина которой выравнена въ прямоугольную плоскость, когда-то окруженную стѣнами. Внутри этой плоскости и, главнымъ образомъ, по ея краямъ произрастаетъ около сотни деревьевъ (ива, джидда, тутъ, нѣсколько яблонь и урючниковъ, одинъ пирамидальный тополь)¹⁾, въ тѣни которыхъ пріютилось два домика русскихъ лѣсныхъ объѣзчиковъ. Вода, накапливающаяся въ прудѣ, выпускается по мѣрѣ надобности арыками на ничтожные посѣвы плоскости и, главнымъ образомъ, на болѣе значительные, лежащіе по сторонамъ тальвега (воздѣлывается клеверъ, эспарсетъ, ячмень и пшеница; имѣются бахчи дынь и арбузовъ). Въ общемъ культивируется около 10 десятинъ, но при болѣе благоразумной тратѣ воды это число можно было бы увеличить раза въ три. Малый Тамды когда-то принадлежалъ Бухарѣ (какъ и Большой), и его водою пользовались назначавшіеся сюда бэки. Въ настоящее

Такъ ли, иначе ли, но обломокъ черепа гіены съ задними коренными зубами, застрявшій въ узкой трещинѣ скалы, былъ найденъ мною въ здѣшнихъ горахъ во время описываемой экскурсіи.

¹⁾ Говорили мнѣ, что до 1873 г. воздѣлывался и виноградъ, но что въ названномъ году его лозы, какъ и значительное число деревьевъ, были истреблены на топливо русскими войсками, шедшими на Хиву.

время на владѣніе этимъ мѣстомъ претендуетъ одно киргизское семейство.—Ближайшія окрестности завѣяны пескомъ, на которомъ выросли рощи мелкорослаго куянъ-суюка, а въ одной изъ низинъ, куда сбрасываются лишнія воды, развилась довольно густая гребенчуковая заросль (питается она также водами, сбѣгающими весною и во время дождей по одной изъ лощинъ Большого Тамды).

Родникъ Большого Тамды находится къ Ю отсюда въ одной верстѣ. Располагается у подножія невысокихъ холмовъ со скуднымъ полыннымъ покровомъ и бьетъ нѣсколькими струями. Вершина холма, ближайшаго къ роднику, занята развалинами почти квадратнаго укрѣпленія, стѣны котораго сложены изъ камня; внутри и въ западной половинѣ имѣлась цитадель, построенная изъ того же матеріала и, кромѣ того, изъ сырцоваго кирпича ¹⁾. Это бывшая резиденція бэка, взимавшаго подати съ кочевниковъ. Родникъ даетъ прекрасную воду и въ общемъ можетъ оросить не менѣе 125 десятинъ (при мнѣ было воздѣлано около 50). По берегамъ арыковъ, выведенныхъ частью прямо изъ родниковыхъ головъ, частью изъ небольшого пруда, въ которомъ вода предварительно скопляется, произрастаютъ тѣ же деревья, что и въ Маломъ Тамды. Въ ряду многихъ травъ, не попадавшихся намъ съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули долину Сыръ-Дарьи, много здѣсь колючки (*Alchagi camelorum*). Она извѣстна у киргизовъ подъ названіемъ «джантакъ». Тли, живущія на этой колючкѣ, выделяютъ сахаристыя, сначала прозрачныя, потомъ мутнѣющія и бѣлѣющія капли, иногда весьма густо покрывающія вѣточки растенія. Въ Бухарѣ, Ферганѣ и во многихъ мѣстахъ по Сыръ-Дарьѣ эти выделения собираются сартами и поступаютъ на рынокъ подъ названіемъ «янтакъ-шакаръ». Замѣчу кстати, что подобныя сахаристыя вещества выделяются червецами, обитающими на саксаулѣ почти повсемѣстно въ Кызылъ-кумѣ. Очень часто они на цѣлые дюймы обволакиваютъ саксауловыя вѣточки и тяжелыми каплями подаютъ на песокъ.—Благодаря сравнительному обилію прѣсной воды, сюда въ величайшемъ множествѣ прилетаютъ для водопоя рябки, которыхъ въ самое короткое время можно настрѣлять много десятковъ. Сборъ насѣкомыхъ оказался

¹⁾ Ширина каждой стороны всего укрѣпленія равняется примѣрно 65—75 шагамъ. Около головы родника имѣются слѣды подземнаго хода, который когда-то велъ въ крѣпость. Со стороны этой послѣдней онъ засыпанъ кирпичами и мусоромъ.

въ достаточной мѣрѣ удачнымъ такъ же, какъ птицъ, рептилій, звѣрьковъ, пауковъ и т. п. Комаровъ и москитовъ мы не испытывали.

Русло, по которому мы пришли въ Малый Тамды, склоняется къ NW и уходитъ въ этомъ направленіи на многія версты. Къ N и W отсюда виднѣется возвышенность, занесенная мощными песками. Эти пески обозначаются названіемъ Джаманъ-кизылъ-кумъ; ими мы пойдемъ завтра.

По словамъ тамдинскихъ объѣзчиковъ, къ N отъ Тамды и по ту сторону горной цѣпи Джитымъ-тау находятся громадныя саксаульники, представляющіе настоящіе лѣса. По густотѣ этого послѣдняго и по обилію валежника, проѣзжать многими его мѣстами будто прямо-таки затруднительно. Вслѣдствіе отсутствія колодцевъ, киргизы лѣтомъ тамъ совсѣмъ не кочуютъ, да и зимою бываютъ только тогда, когда выпадаетъ исключительно много снѣга.

Интересна киргизская легенда о происхожденіи оазиса Тамды. Вотъ какъ передаетъ ее А. П. Хорошхинъ (l. c.). «Святые: ходжа Богаватдинъ (могила его находится около Бухары) и Хазретъ-султанъ (могила его въ Туркестанѣ) заспорили однажды о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе? Споръ кончился тѣмъ, что Хазретъ-султанъ забралъ всю воду Аму-Дарьи въ свой платокъ и полетѣлъ черезъ Кизылъ-кумы въ г. Туркестанъ. Одно преданіе говоритъ, что, пролетая надъ мѣстомъ, гдѣ теперь находится урочище Тамды, оазисъ среди песчаной степи, онъ уронилъ каплю воды, и она превратилась въ ключи, называемые потому и доселѣ Тамлы, а по киргизскому выговору Тамды, т.-е. капельные. Другое преданіе гласитъ, что Хазретъ спустился здѣсь для намаза и, должно, употреблялъ имѣвшуюся при немъ воду для омовенія (тарать)»... Со временемъ Хазретъ-султанъ пощадилъ ходжу Богаватдина и возвратилъ ему аму-дарьинскую воду. Точь-въ-точь такую же легенду слыхалъ и я отъ мѣстныхъ киргизовъ ¹⁾.

Ознакомившись съ Тамды, держимъ свой путь на Огузъ-кудукъ, вообще въ NO сторону.

¹⁾ Есть у киргизовъ еще легенда, по которой Тамды было открыто бѣглымъ рабомъ персіяниномъ Басанъ Тиномъ (Басанъ-тиинъ-алебъ), похитившимъ дочь хивинскаго хана и поселившимся здѣсь ради малой доступности мѣста и возможности грабить мимо проходящіе караваны.

4/vi. Спускаемся по щебнистой степи ¹⁾, завѣянной пескомъ и мѣстами изобильно поросшей куянъ-суюкомъ. Въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ достигаемъ цѣпи такырныхъ площадокъ, за которыми дѣлаемъ подъемъ на Джаманъ-кизылъ-кумъ. Эти пески кажутся живописными и пышно покрыты тѣмъ же куянъ-суюкомъ, затѣмъ джузгунами, саксауломъ, кара-буто и т. д.; красивы здѣсь группы деревьевъ каннымъ, достигающихъ $2\frac{1}{2}$ сажень въ высоту. Въ $2\frac{1}{2}$ в. дальше достигаемъ наивысшаго пункта сегодняшняго пути. Общій спускъ ведетъ по болѣе слежавшимся и цементировавшимся пескамъ, заросшимъ саксауломъ и частью джузгунами. Только въ одномъ мѣстѣ мы переваливаемъ черезъ сыпучую песчаную гряду, да непосредственно передъ мѣстомъ Молла-Али встрѣчаемъ высокіе сыпучіе барханы (въ томъ и другомъ случаѣ эти пески далеки отъ полной обнаженности, такъ какъ покрыты болѣе или менѣе пышными кустами саксаула, деревцами куянъ-суюка и каннымъ, кара-буто и покрыты обычною травкою, уже давно сухою). — Мѣсто Молла-Али находится въ $15\frac{1}{2}$ верст. отъ Тамды и представляетъ такырную площадь съ 10 колодцами и многочисленными кибитками. За исключеніемъ одного, эти колодцы даютъ солоноватую воду. Глубина ихъ такова:

Аймакъ-кудукъ	14 арш.
Телькара-кудукъ	13 »
Нурманъ-кудукъ	12 »
Достубай-кудукъ	12 »
Джумакулъ-кудукъ	12 »
Джанысбай-кудукъ	13 »
Тулегель-кудукъ	13 »
Таскара-кудукъ	13 »
Бермень-кудукъ	12 »
Танадъ-кудукъ	12 »

Около прѣснаго колодца имѣется крошечная дынная бахча въ нѣсколько шаговъ вдоль и поперекъ.

5/vi. Молла-Алинскій такыръ вытянутъ съ W на O. И по сѣверному его краю поднимаются довольно высокіе пески ²⁾.

¹⁾ Ея подпочва выстроена, главнымъ образомъ, изъ щебня, во многихъ мѣстахъ превратившагося въ брекчіи.

²⁾ Они, все еще относясь къ Джаманъ-кизылъ-куму, тянутся на нѣсколько верстъ къ N, пока не смѣнятся подгорными полынными степями и солонцами у подножья горъ Джитымъ-тау.

Въ общемъ онъ представляетъ дно котловины, болѣе или менѣе открытой въ восточную сторону. Пройдя его предѣлами одну версту, мы достигаемъ восточной окраины и вступаемъ въ плоскіе, мало-сыпучіе пески съ саксауломъ и другими кустарниками. За этимъ участкомъ идемъ крѣпко-почвенною глинистою степью, нѣсколько волнистою, поросшею полынью и широко разбросанными саксаульными кустами; во многихъ мѣстахъ она завѣяна тонкимъ слоемъ песка и обнаруживаетъ мелкую гальку. Затѣмъ дѣлаемъ длинный спускъ песками, сначала усѣянными мелкою галькою ¹⁾ и крупными песчинками ²⁾, потомъ чистыми съ обильными кустарниками, и выходимъ къ обширному такыру, вытянутому болѣе или менѣе съ W на O. Наша тропа слѣдуетъ южною окраиною этого послѣдняго и близъ восточнаго его окончанія приводитъ къ колодцу Джанысбай-кудукъ (16 арш. глубины). Этотъ колодезь съ нѣсколькими другими, около лежащими, образуетъ группу, извѣстную подъ названіемъ Айдарлы-кудукъ. Несмотря на соленую воду колодцевъ, здѣсь мы застали не менѣе 50 кибитокъ (прѣсную воду привозятъ изъ Молла-Али-кудукъ, до котораго отсюда $11\frac{3}{4}$ верст., а удивительно многочисленный скотъ довольствуется мѣстною, соленою). Съ сѣверной стороны упоминаемая такырная котловина ограничена высокою степью, падающею къ ней кручами, раздутыми вѣтрами и размытыми водою; во многихъ мѣстахъ обнаруживаются на нихъ выходы каменныхъ породъ. Къ югу отъ нея располагается невдалекѣ типичная крутобокая столовая гора съ такими же выходами по бокамъ. — Отъ Джанысбай-кудука идемъ густою порослью адраспана, а за нею мягкимъ пескомъ съ саксаульными кустами, чтобы, миновавъ бѣловатыя и красноватыя кручи, усыпанныя обломками какого-то камня ³⁾, подняться на плотную полынную степь ($1\frac{1}{4}$ в. отъ Джанысбай-кудука). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поверхности этихъ песковъ валяются странныя, шарообразныя каменные образованія, достигающія въ поперечникѣ до 8 сант. ⁴⁾.

Цѣлыми десятинами стоитъ полынь на этой степи помертвѣлою, и эти участки рѣзко выдѣляются на общемъ живомъ фонѣ. Впереди видны новыя столовыя возвышенности: онѣ возвышаются

¹⁾ Отдѣльные экземпляры достигаютъ 10 мм. въ поперечникѣ.

²⁾ См. № 12-й примѣчаній.

³⁾ См. № 13-й примѣчаній.

⁴⁾ См. № 14-й примѣчаній.

надъ нашею дорогою вездѣ, частью сравниваясь, частью даже слегка превышая уровень той мѣстности, которою пойдѣмъ завтра. Вскорѣ спускаемся въ просторную низину и оставляемъ эти высоты невдалекѣ влѣво. Въ началѣ она покрыта полынью, потомъ какими-то солянковыми растеніями. Мѣстами на ней попадаются чуть углубленныя площадки глины, на которыхъ держатся нѣкое время снѣговья и дождевыя воды весны. Ясно видны на нихъ отпечатки лапъ разныхъ водоплавающихъ и болотныхъ птицъ: утокъ, нырковъ, гусей (между ними и несомнѣннаго лебединаго гуся — *Anser cygnoides*), кроншнеповъ, пиголицъ трехъ видовъ (*Vanellus cristatus*, *Chettusia leucurus* и *C. gregaria*), морскихъ сорокъ, разныхъ улитовъ (*Totanus*) и песочниковъ (*Tringa*). И вся душа рвется побывать въ Кизыль-кумахъ раннею весною!— Эта низина, какъ и айдарлинская, склоняется къ югу, а высоты, ограничивающія ее съ остальныхъ сторонъ, составляютъ подгорія горъ Джитымъ-тау, главныя массы которыхъ остаются отъ насъ къ NNW. Сдѣлавъ $4\frac{3}{4}$ в. отъ Джанысбай-кудука, мы поднимаемся на степеподобный полыннй мысъ, вдавшійся съ сѣверной стороны, пересѣкаемъ его и въ $\frac{1}{4}$ в. спускаемся въ лощину съ великолѣпно выработаннымъ водостокомъ. Днище его засыпано камнемъ ¹⁾, щебнемъ, что свидѣтельствуется о маловодности въ водное время, и галькой, располагающейся струями по общему руслу. Первая терраса лощины завѣяна мѣстами пескомъ, поросшимъ саксауломъ. Здѣсь мы останавливаемся, пройдя $16\frac{3}{4}$ в. отъ Молла-Али-кудукъ.—Лощина спускается къ югу, гдѣ соединяется съ вышеупомянутой низиной. Лѣвый ея берегъ составляется кручами, основаніе которыхъ состоитъ изъ плотнаго бѣлаго мелкаго песка ²⁾, на немъ лежитъ плотная, нѣжно-слоистая илистая глина (бѣлесаго цвѣта) ³⁾, прикрытая мощнымъ слоемъ щебнистой глины, которая въ верхнемъ своемъ горизонтѣ переходитъ въ почву полыннй степи.

Вверхъ по лощинѣ, ближе къ вечеру, летѣли стайки рябковъ (*Pterocles*), очевидно, на водопой къ какимъ-либо водамъ (колодезь въ той сторонѣ не имѣется), а на первой террасѣ, близъ нашего лагеря, вверхъ и внизъ, я нашелъ поразительное множество норокъ тарантуловъ, самыхъ крупныхъ изъ всѣхъ тур-

¹⁾ Между прочимъ, многочисленными обломками селенита.

²⁾ См. № 15 примѣчаній.

³⁾ См. № 16 примѣчаній.

кестанских¹⁾. Интересенъ былъ и ночной ловъ насѣкомыхъ на свѣтъ фонаря.

6/vi. Идемъ высокою полынною степью, частью волнистою, частью холмистою. Она продолжаетъ составлять подгоріе Джитымъ-тау и его восточнаго болѣе низкаго окончанія. Пересѣкаемъ нѣсколько водостоковъ, бѣгущихъ къ югу и частью открывающихся на такыры и солонцы. Мѣстами наблюдаются выходы песчаника²⁾ и фосфоритовъ³⁾.

Въ шести верстахъ пути степь понижается и покрывается песками, заросшими невысокимъ саксауломъ (раньше попадался лишь одинокими экземплярами въ значительномъ разстояніи одинъ отъ одного). На одной изъ ея волнъ поверхность песка усѣяна гравіемъ, а въ низинѣ, за нею слѣдующей, песокъ наметанъ на глину, этимъ гравіемъ проникнутую. Песчанки (Me-giones), суслики и тушканчики, выкапывая свои норы, выносятъ на поверхность этой гравійной глины еще двѣ особенныхъ породы: одну — глинистую, мелко слоистую, свѣтлую и илистую, о которой я говорилъ въ описаніи предыдущаго перехода, и другую — глинисто-песчаную, ярко-красноватую⁴⁾. Эта послѣдняя извлекается изъ-подъ почвы также термитами, которые покрываютъ ея обреченный на съѣденіе сушнякъ саксаула и ассафетиды. Красная порода видна во многихъ мѣстахъ сегодняшняго пути: частью выступающею прямо изъ почвы, частью лежащею пластами въ обнаженіяхъ овражныхъ береговъ. Мѣстами она переходитъ въ красную охру, которая употребляется киргизами на окраску деревяннаго остова кибитокъ, рукоятокъ камчей (нагайка, плеть), посуды и т. п.; ею мѣтятъ барановъ, марая спину или голову. Въ слѣдующихъ трехъ верстахъ поднимаемся

¹⁾ Вокругъ отверстія каждой норки тарантулъ (у киргизовъ — «бію») выдѣлываютъ родъ забора (въ высоту до 50 мм.) изъ сухихъ былиннокъ, колосковъ и разнаго растительнаго сора; этотъ матеріаль скрѣпленъ паутиной. Подобные заборы съ успѣхомъ предохраняютъ норку отъ засыпанія пескомъ или пылью. — Киргизы боятся тарантула сильнѣе, чѣмъ скорпіона (чіянъ) и фалангу (саразбанъ). По ихъ мнѣнію, человѣкъ, укушенный тарантуломъ, прежде всего долженъ помочиться, такъ какъ будто въ самомъ скоромъ времени послѣ укуса это отправленіе станетъ крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ.

²⁾ См. № 17-й примѣчаній.

³⁾ См. № 18-й примѣчаній.

⁴⁾ См. № 19-й примѣчаній.

на высокій уваль сыпучаго песка съ пышнымъ саксауломъ и куянь-суюкомъ, а въ верстѣ дальше достигаемъ мѣста Сукуты.

Сукуты (иначе Суккуты, Сугутты) представляетъ котловину, съ сѣверной стороны огороженную кручами (ими здѣсь обрывается высокая, холмистая степь) съ выступами каменныхъ породъ и пластами красноватой и сѣроватой глины. Эти возвышенности носятъ названіе Кюйгенъ-тау. Къ NW отъ нихъ поднимаются болѣе значительные холмы Улу-кизыль-тау, составляющіе части Джитымъ-тау. На днѣ котловины (она песчанисто-соленцевата) имѣется прѣсноводный родникъ, бьющій изъ выходовъ камня и разработанный въ колодезь ($1\frac{1}{2}$ арш. глубины). Имѣется здѣсь еще нѣсколько настоящихъ колодцевъ, но вода въ нихъ солоновата.—А. П. Хорошхинъ (l. c.) говоритъ: «О ключахъ Сугутты есть также преданіе, а именно, что у святого Хазрета туркестанскаго, когда онъ летѣлъ черезъ Кизыль-кумы съ водою всей Аму-Дарьи, распоролся въ этомъ мѣстѣ турсукъ съ водою. (Сюкгольмакъ—по-киргизски значитъ распороться)¹⁾. Хотя во время своего воздушнаго путешествія Хазретъ уронилъ надъ урочищемъ Тамды только одну каплю (тамъ), а подъ Сугутты разлилъ цѣлый турсукъ, но послѣднее урочище все-таки не можетъ похвастаться обиліемъ воды и ея качествами, тогда какъ тамдинскій ключъ, по справедливости, можетъ быть названъ источникомъ жизни и т. п. поэтическими выдумками». Мѣстные киргизы передавали мнѣ эту легенду въ нѣсколько иной версіи. По ихъ словамъ, вода въ прежнее время была здѣсь въ изобиліи и даже стекала на теперешній огромный солончакъ Балямъ-соръ, гдѣ образовывала глубокое озеро. Однако, бухарскій святой ходжа Багаватдинъ, несмотря на примиреніе съ султаномъ Хазретомъ, часть этихъ водъ перенесъ обратно въ Аму-Дарью, а большую часть остальныхъ сдѣлалъ соленою, т.-е. въ буквальномъ смыслѣ насолилъ своему могущественному туркестанскому сопернику.

7/vi. Пересѣкаемъ котловину Сукуты съ W на O и поднимаемся на холмистую степь, сначала засыпанную пескомъ съ обычною на немъ растительностью²⁾. Здѣсь отъ нашей тропы

¹⁾ Нѣкоторые киргизы обозначали мнѣ это мѣсто какъ «Су-киты», т.-е. «ушедшая вода».

²⁾ А. П. Хорошхинъ (l. c.), перечисляя растенія песковъ, нерѣдко упоминаетъ о тамариксѣ и при томъ для такихъ, между прочимъ, мѣстностей, въ которыхъ проходилъ и я. Это неточность: въ пройденномъ мною районѣ

отдѣляется другая, ведущая на колодезь Бастай (Базсай)-кудукъ и далѣе на Тохта-кудукъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ сдутъ, на плотной поверхности почвы валяются во множествѣ шарообразные камни, о которыхъ я упоминалъ раньше ¹⁾. Затѣмъ степь покрывается гравіемъ и порастаетъ полынью; откосы очень многихъ холмовъ желтѣютъ посохшею травкою. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько маленькихъ такыровъ съ отпечатками лапъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ. Нѣкоторыя пространства покрыты плоскими, тяжелыми песками и такимъ гравіемъ, который можетъ послужить матеріаломъ для образованія какъ этихъ послѣднихъ, такъ и барханныхъ. Въ 10^{1/2} в. вступаемъ въ пески, порою толстымъ слоемъ наметанные на каменистый грунтъ; мѣстами они пробиваются выходами каменныхъ породъ. Среди этихъ песковъ, обильно заросшихъ саксауломъ и куянь-суюкомъ, мы пересѣкаемъ водостокъ, устланный щебнемъ, галькой и гравіемъ. Онъ беретъ начало въ горахъ Тохта-тау ²⁾ и склоняется къ югу на солонцы. Пройдя этими песками около 3 вер., поднимаемся на плотную, высокую степь, заросшую полынью, усыпанную щебнемъ, галькой и гравіемъ и прорѣзанную нѣсколькими маленькими водостоками. Степь вскорѣ становится еще болѣе каменистою, тамъ и здѣсь обнажая участки красной горшечной глины и съ сѣверной стороны, невдалекѣ отъ нашей тропы, ограничиваясь цѣпью холмовъ съ выходами каменныхъ породъ. Сдѣлавъ еще 1^{1/2} версты, мы приходимъ къ мѣсту Косъ-кудукъ. Здѣсь имѣется цѣлый рядъ родниковъ, разработанныхъ въ мелкіе колодцы съ очень хорошою водою. Они располагаются на каменистомъ склонѣ среди самой безжизненной мѣстности. Невдалекѣ южнѣе бѣлѣетъ очень большой солончакъ Балямъ-соръ; принявъ въ западной своей части цѣпь вышеупомянутыхъ такыровъ и мелкихъ солонцовъ, онъ тянется на нѣсколько верстъ въ юго-восточномъ направленіи.—Въ полутора верстахъ дальше, слѣдуя тою же бесплодною каменистою степью и имѣя

это растеніе попало всего лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, указанныхъ на страницахъ статьи.

¹⁾ См. № 20-й примѣчаній.

²⁾ Эти горы по существу дѣла составляютъ восточное продолженіе Джитымъ-тау, отъ которыхъ отдѣляются сѣдловинами, частью засыпанными пескомъ, частью представляющими высокія, крѣпкія полынные степи.

слѣва холмы, а справа тотъ же солончакъ, останавливаемся въ мѣстѣ Кяризъ-кудукъ.

Въ прежнее время здѣсь имѣлся родничекъ, вода котораго высачивалась изъ почвы и образовывала маленькое болотце. Около 40 лѣтъ тому назадъ онъ былъ разработанъ въ колодезь (глубиною сажени въ полторы съ лишнимъ), а вода его посредствомъ канавы стала выводиться внизъ по откосу въ прудъ, теперь украшенный двумя ивовыми деревьями. Въ немъ поятъ скотъ, а лишнюю влагу выпускаютъ на дынную бахчу, клеверный посѣвъ и грядки лука. Вода колодца удивительно хороша. — Въ жаркіе часы дня сюда во множествѣ явились пустынные вороны (*Corvus umbrinus*), курганники (*Buteo ferox*) и разная мелкая птаха, а въ послѣполуденное время — рябки (*Pterocles*). — Солончакъ во многихъ мѣстахъ не только сыроватъ, но содержитъ мелкія лужи воды, сажающей соль на дно и часто прикрытой соляною корою. Для добыванія этого продукта киргизы выкапываютъ ямы, въ которыя быстро набѣгаютъ самосадочныя воды. — На берегахъ солончака выводится одна изъ замѣчательнѣйшихъ птицъ Туркестана, именно толстоклювый зукъ (*Charadrius geoffrogi*).

8/VI мы прошли только 4 версты и остановились на низовомъ родникѣ Тохта-кудукскаго ущелья. Это послѣднее находится въ главныхъ массахъ горъ Тохта-тау, съ природой которыхъ намъ надлежало ознакомиться. Стояли здѣсь лагеремъ и весь день 9/VI. Дорога къ названному роднику ведетъ каменистою степью, въ общемъ все время поднимающеюся. Онъ весьма незначителенъ и выбивается на днѣ ущелья; его вода (прѣсная) выводится на искусственно углубленную площадку, на которой поятъ скотъ. Около его вершины имѣется другой родникъ, заключенный въ ямѣ, которая вырыта подъ навѣсомъ изъ конгломерата и изъ которой вода не выливается. На земляхъ, прикрывающихъ этотъ конгломератовый пластъ, выросла небольшая, но непроницаемая чаща колючаго *Licium*'а. — Просачивается вода на днѣ ущелья и невдалекѣ выше отъ нашей стоянки (здѣсь густѣйшая заросль чингиля), а въ верстѣ еще выше находится мѣсто Тохта-кудукъ съ нѣсколькими сильными родниками, разработанными въ неглубокіе колодцы съ великолѣпной водой. Экскурсируя два дня въ Тохта-тау и за это время исходивъ немалое его пространство, я натыкался въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ высотахъ на сыроватыя земли и камни, а также на такіе крошечные роднички, воды которыхъ хватало лишь на нѣсколько

глотковъ. Преимущественно около такихъ мѣстъ ютятся мелкія птицы и собираются для водопоя каменные куропатки (*Cassaris chukar*). Въ ущельѣ, сосѣднемъ съ Тохта-кудукскимъ, я набрелъ на неглубокій колодезь, которымъ въ настоящее время не пользуются; его вода вычерпывалась для орошенія миниатюрныхъ посѣвовъ, оставившихъ ясные слѣды. Нѣсколько колодцевъ имѣется въ системѣ того ущелья, которое открывается противъ мѣстоположенія Огузъ-қудука. — Тохта-тау каменистъ, мѣстами развиваетъ степеподобные крутые склоны, мѣстами образуетъ крутые пади, утесы и скалы. Растительность чрезвычайно скудна, представляясь, главнымъ образомъ, кустиками полыни и нѣсколькихъ горныхъ видовъ; тамъ и здѣсь около родничковъ попадаются деревца чингиля (*Halimodendron argenteum*), а по днищамъ ущелій куянь-суюкъ и даже саксауль. Основная порода этихъ горъ построена изъ сланцевъ (черныхъ, сѣрыхъ и красныхъ) ¹⁾. На эти послѣдніе нагромождены толстѣйшіе пласты древняго конгломерата ²⁾, на которомъ лежатъ конгломераты новѣйшіе, наверху разрушенные, заглиненные и переходящіе въ почвы. Древній конгломератъ мѣстами образуетъ отвѣсные обрывы съ отшлифованною поверхностью (шлифовка произошла, очевидно, при сбросѣ и опусканіи одного изъ его крыльевъ). Далеко со всѣхъ сторонъ видны зубцы и вообще вершины самыхъ высокихъ частей этихъ горъ (къ востоку отъ нашей стоянки) состоятъ, главнымъ образомъ, именно изъ этой породы. Интересны попадающіеся во многихъ мѣстахъ мелко-зернистые конгломераты ³⁾, при своемъ разрушеніи и обкатываніи дающіе песокъ. — Несмотря на самые тщательные поиски, мы нашли чрезвычайно мало насѣкомыхъ. Нельзя сказать того же о птицахъ, среди которыхъ намъ попались такіе интересные виды, какъ орлы: благородный (*Aquila fulvus*), ястребиный (*A. fasciatus*) и степной (*A. nipalensis*), затѣмъ туркменскій филинъ (*Buho turcomanus*), соколъ (*Falco ba-*

¹⁾ Мѣстами пронизываются кварцевыми жилами. Собирая образчики горныхъ породъ, я захватилъ и нѣсколько кусочковъ жильнаго кварца. Какъ выяснилось уже по возвращеніи домой, въ этихъ послѣднихъ содержались включенія золота... По словамъ П. С. Назарова, это первая находка настоящаго коренного жильнаго золота въ Туркестанскомъ краѣ, въ которомъ до сихъ оно было извѣстно только въ розсыпяхъ. См. № 21-й примѣчаній.

²⁾ См. № 22-й примѣчаній.

³⁾ См. № 23-й примѣчаній.

bylonicus); монгольскій व्यюрокъ (*Erythospiza mongolicus*). Каменная куропатка является здѣсь весьма многочисленной, а рябки (*Ptérocles*) цѣлыми тысячами прилетаютъ на водопой къ тому роднику, около котораго мы остановились ¹⁾).

10/vi. Дорога залегаетъ высокою подгорною степью, каменистою, волнистою и заросшею полынью въ кустиками немногихъ видовъ горныхъ растеній. Тамъ, гдѣ почва становится болѣе рыхлою, попадаютъ деревца куянь-суюка. Въ 4 верстахъ пути проходимъ черезъ мѣсто Огузь-кудукъ. Здѣсь нѣсколько колодцевъ съ великолѣпною водою на самой незначительной глубинѣ (это все разработанные родники), святое мѣсто (аулье) съ густою зарослью *Licium*'а ²⁾, много кибитокъ и глинобитная куполообразная школа (медресе); около нѣкоторыхъ колодцевъ растетъ по одной ивѣ.

Путь отъ колодцевъ Огузь-кудукъ въ г. Туркестанъ (10/vi—30/vi).

Путь, сдѣланный нами въ этомъ районѣ, имѣетъ въ общемъ NO направленье.

Пройдя 10/v черезъ мѣсто Огузь-кудукъ, мы продолжаемъ двигаться волнистою полынною степью. По мѣрѣ своего пониженія, она пріобрѣтаетъ болѣе мягкую почву и вскорѣ засыпается пескомъ, который во многихъ мѣстахъ смѣшанъ съ гравіемъ. Далѣе пересѣкаемъ возвышенныя песчаныя полосы съ саксаульными перелѣсками и въ 5 верстахъ входимъ въ сплошные пески съ частымъ кустарнымъ саксауломъ и обильной асфетидой. Въ слѣдующихъ $3\frac{1}{2}$ верстахъ на площади, среди сыпучихъ песковъ съ весьма многочисленными на немъ деревцами куянь-суюка, встрѣчаемъ колодезь Тилеукабыль, около котораго тѣнистая ива. Глубина его равна 14 аршинамъ; вода (прѣсная) под-

¹⁾ Черезъ Тохта-кудукское ущелье проходитъ большая дорога на Перовскъ.

²⁾ У киргизовъ — акъ-чингиль. Эта заросль, пестрящая многочисленными бѣлыми тряпками, которыя привязаны къ вѣтвямъ, окружена каменною оградой. Собственно святыми считаются сами кусты. Обогащенье этого растенія принадлежитъ, главнымъ образомъ, киргизскимъ женщинамъ и наблюдалось А. П. Хорошхинымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Кизыль-кума.

нята безпримѣрно высоко, именно на цѣлыхъ 8 аршинъ! Отсюда снова разстилаются пески съ саксауломъ, и въ $6\frac{3}{4}$ в. мы минуемъ колодезь Алтынъ-кудукъ¹⁾ съ ивой; расположенъ на площади среди болѣе сыпучихъ и высокихъ песковъ; глубина равна 16 арш., вода ясно солоноватая и поднята на 2 арш. Въ полутора верстахъ отсюда проходимъ мимо двухъ рядомъ расположенныхъ колодцевъ, выкопанныхъ на площади съ супесчаной почвой (ихъ вода, какъ видно по слѣдамъ, шла, между прочимъ, на орошеніе нѣсколькихъ квадратныхъ сажень какихъ-то посѣвовъ). Сейчасъ же за этою площадью пересѣкаемъ «каменную гриву»²⁾, выдвинувшуюся съ N на S изъ мягкихъ почвъ, и заканчиваемъ свой переходъ тутъ же среди мягкихъ бугристыхъ песковъ съ изобильнымъ саксауломъ.

11/vi. Въ $1\frac{1}{3}$ верстѣ къ О отъ нашей стоянки, среди песковъ, располагается солонецъ, потемнѣвшій послѣ дождя, выпавшаго вчера. Онъ имѣетъ нѣсколько сотъ шаговъ вдоль и поперекъ, буквально лишенъ какой бы то ни было растительности и эксплуатируется киргизами для добыванія соли. Съ этою цѣлью выкапываются здѣсь ямы, въ которыя быстро просачивается соленая вода, поднимающаяся на аршинъ въ высоту и быстро сядящая соль. Эта послѣдняя весьма высокаго качества по вкусу, по чистотѣ и по своей бѣлизнѣ (соль тохта-таускаго солонца часто окрашена въ розоватый, красноватый и даже черноватый цвѣта). Земли упоминаемаго солонца заключаютъ въ себѣ множество кристалловъ гипса³⁾, идеально правильнаго развитія, представленныхъ то одиночками, то двойниками; одни изъ этихъ послѣднихъ развиваются въ одной и той же плоскости, тогда какъ въ другихъ отдѣльные кристаллы прорѣзаютъ другъ друга подъ нѣкоторымъ угломъ. Обиліе этой породы объясняетъ чистоту самосадочной соли.—Отойдя отъ солонца нѣсколько верстъ, мы убѣдились въ томъ, что заблудились, но продолжали итти безъ дороги по примѣтамъ, извѣстнымъ нашему проводнику. Сдѣлавъ 15 верстъ, мы остановились и по свѣжимъ слѣдамъ отары козъ и барановъ нашли пастуха, который вывелъ насъ къ колодцу Кабакъ-кудукъ (или Нарбай-кудукъ), лежащему въ 5 верст. отъ остановки и отъ нея въ сѣверной сторонѣ на настоящей

¹⁾ Иначе Чункуй-кудукъ.

²⁾ См. № 24-й примѣчаній.

³⁾ См. № 25-й примѣчаній.

дорогѣ. По этой послѣдней между «каменной гривой» и названнымъ колодцемъ не больше 16—17 верстѣ.—Пройденная мѣстность есть не что иное, какъ волнистая глинистая степь, большею частью прикрытая бугристыми песками; обнаженные ея пространства (и на вершинахъ волнъ, и въ низинахъ между ними) часто усыпаны мелкимъ гравіемъ. Въ двухъ мѣстахъ замѣчены выходы каменной породы ¹⁾. И глина, и песокъ поросли нѣжною, сухою травкою, которая, не успѣвъ просохнуть послѣ вчерашняго дождя, издаетъ теперь пріятный запахъ сѣна. Мѣстами много полыни. Вездѣ саксаулъ и его валежникъ; нѣкоторые стволы достигаютъ $1\frac{3}{4}$ фута въ отрубѣ, само же дерево попрежнему остается невысокимъ, нигдѣ не поднимаясь выше двухъ сажень. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются джужгуны, каннымъ, кара-буто, и куянъ-суюкъ.

Колодезь Кабакъ-кудукъ располагается на площади, съ западной стороны ограниченной высокими барханами съ пышными кустарниками; нѣкоторые изъ этихъ бархановъ сыпучи и почти совсѣмъ обнажены. Глубина колодца 25 арш.; вода солоновата и поднимается на два аршина.

12/vi. За колодцемъ Кабакъ-кудукъ пересѣкаемъ площадь, на которой онъ расположенъ, и, направляясь въ восточную сторону, слѣдуемъ глинистыми и супесчаными пространствами, поросшими полынью (саксаулъ изрѣдка, отдѣльными кустами) и усыпанными гравіемъ, который порою переходитъ въ гальку. Вскорѣ переходимъ черезъ широкую гряду слежавшагося песка, заросшаго пышною кустарною растительностью (саксаулъ, куянъ-суюкъ, кара-буто, джужгуны). Отсюда опять полынно-гравійная степь, частью безъ всякой древесной или кустарной растительности, частью лишь съ рѣдкими саксауловыми деревцами. Изрѣдка на ней наметаны плоскіе пески съ кустами, имъ присущими.

Въ 11 верстахъ оставляемъ вправо въ плоской котловинѣ, среди щебнистой полынной степи колодцы Етекъ-кудукъ (ихъ два: старый и новый). Съ высоты нѣкоторыхъ степныхъ волнъ дальнѣйшаго пути ясно вырисовываются въ ОНО сторонѣ возвышенности Дортъ-кудукъ-тау. Въ $2\frac{3}{4}$ верст. пересѣкаемъ на увалѣ выходы каменныхъ породъ, тѣхъ самыхъ, которыя были примѣчены около Тасты-кудука, между Бельги-кудукомъ и Чарыкте-кудукомъ, а также въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ, выше

¹⁾ См. № 26-й примѣчаній.

упомянутых¹⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ даютъ для описываемой мѣстности много щебня и гравія. Въ 3 верстахъ отсюда мы вступаемъ въ бугристые пески съ весьма пышною и достаточно разнообразною кустарною растительностью, предварительно пройдя маленькими такырами среди степныхъ волнъ. Дальше мы не пошли: въ изобиліи цвѣло здѣсь какое-то зонтичное растеніе, обѣщая интересный энтомологическій сборъ. Оно не обмануло меня, я не ошибся въ своемъ разсчетѣ: было наловлено сравнительно много интересныхъ насѣкомыхъ (преимущественно Heminoptera), такъ много, какъ не лавливалось, къ моему горю, уже многіе дни подъ-рядъ.

13/vi. Въ $7\frac{1}{2}$ верст. пути достигаемъ мѣста Нилъ-кудукъ. Оно имѣетъ видъ узкой долины среди высокихъ сыпучихъ бархановъ (дорога къ нему слѣдуетъ бугристыми, слежавшимися песками) съ рощицами саксаула и куянь-суюка. Въ суглинистомъ его грунтѣ выкопано четыре колодца. Тотъ, къ которому мы подошли, называется Урумбай-кудукъ (глубина 28 арш.), остальные, невдалекѣ лежащіе, — Калбай, Баракъ Кетаубай. Всѣ съ прѣсною водою. — За барханами противоположной стороны идемъ опять бугристыми песками, болѣе или менѣе густо заросшими саксауломъ (однообразные кусты). Въ $9\frac{1}{2}$ верстахъ встрѣчаемъ колодцы Кизылъ-кудукъ. Ихъ четыре. Мы вышли къ самому южному, именно Ыркумъ-бай-кудукъ (вода прѣсная, какъ и во всѣхъ остальныхъ). Расположены въ суглинистой низинѣ между сыпучими барханными песками. Мы закончили переходъ этого дня среди этихъ послѣднихъ въ $1\frac{1}{4}$ верст. къ юго-востоку отъ сейчасъ названнаго колодца. Обманули меня здѣшніе сыпучіе пески: безъ малаго цѣлую ночь бродилъ я съ фонаремъ по барханамъ и, если не считать разныхъ ночныхъ ящерицъ и змѣй, ничего не нашелъ путнаго.

14/vi. Предварительно идемъ на колодезь Шиннымъ-(? Чиннымъ)-кудукъ, находящійся отъ мѣста ночлега въ 3 верстахъ къ сѣверу²⁾. Здѣсь залегаютъ высокіе сыпучіе барханы съ великолѣпными зарослями куянь-суюка (до $2\frac{1}{2}$ саж. въ высоту) и джузгуна (саженнаго роста) съ густыми кустами злака быюргумъ. Нѣкоторыя изъ этихъ бархановъ стоятъ почти совсѣмъ обна-

¹⁾ См. №№ 27-й, 28-й и 29-й примѣчаній.

²⁾ Тропа, близъ которой мы стали на ночлегъ 13/vi, ведетъ отъ Ыркумъ-бай-кудукъ къ Дортъ-кудукъ.

женными. Съ бархановъ спускаемся въ густой саксаульникъ на слежавшихся пескахъ, среди которыхъ въ низенькой котловинѣ помѣщается сейчасъ упомянутый колодезь (глубина 27 арш.; вода великолѣпная). Отъ мѣста Кизыль-кудукъ его котловина отдѣлена высокими сыпучими барханами. Дальнѣйшій нашъ путь пролегаетъ въ общемъ бугристыми песками, слежавшимися и цементированными; растительность составляетъ почти чистымъ саксауломъ (отдѣльные стволы до $\frac{3}{4}$ аршина въ отрубѣ) и полынью. Въ 2 верстахъ колодезь Джанту-кудукъ (28 арш. глубины; вода хорошая, какъ и во всѣхъ нижеслѣдующихъ) и Сарлыбай-кудукъ, а въ 10 минутахъ верблюжьяго хода дальше—Нурманъ-кудукъ. Въ $1\frac{3}{4}$ верст. отъ Сарлыбая колодезь Сагындыкъ-кудукъ. Въ полоторыхъ верстахъ отсюда миновали колодезь Беркутъ-бай. Отъ этого послѣдняго пошли на колодезь Сайманъ-кудукъ, до котораго $4\frac{1}{2}$ версты, и остановились въ верстѣ дальше. Всѣ эти колодцы расположены въ котловинахъ, завѣянныхъ пескомъ и окруженныхъ сыпучими барханами, болѣе высокими, чѣмъ промежуточные слежавшіеся пески. Около Сайманъ-кудука нѣкоторые барханы совершенно обнажены ¹⁾).

15/vi. Прошли къ колодцу Урмэ-кудукъ, мимо котораго мы проходили 17/v. Сюда $13\frac{1}{2}$ верстъ. Путь проходитъ слежавшимися, мѣстами сыпучими, бугристыми песками, изобильно поросшими саксауломъ, среди котораго немало джузгуна, большею частью засохшаго. Въ $7\frac{1}{4}$ верст. выходимъ на колодезь Ходжамъ-берды (Ходжамъ-бергенъ) и затѣмъ въ полоторыхъ верстахъ дальше на Джамедъ-кудукъ (Талды-кудукъ); на этихъ колодцахъ мы были 18/v, и мѣстность, ихъ окружающую, я не описываю.

16/vi. Отъ Урмэ-кудука мы идемъ новою дорогою, состояющею повтореніе пути на Ходжамъ-берды отъ Сайманъ-кудука, на колодезь Сарлыбай-кудукъ, до котораго $14\frac{1}{4}$ верстъ. Располагается въ котловинѣ между невысокими, болѣе или менѣе сыпучими песками; вода прѣсная.

17/vi. Дневали на Сарлыбай-кудукъ, при чемъ я предпринялъ экскурсію въ западную сторону на 10 верстъ. Пройденная мѣст-

¹⁾ Въ теченіе описаннаго перехода мы оставили горы Дортъ-кудукъ-тау къ OSO сторонѣ. Возвышенности (съ выходами каменныхъ породъ), о которыхъ я упоминалъ при описаніи переходовъ 11—12/vi, связываютъ эти горы съ Тохта-тау.

ность составляется бугристыми песками, изобильно поросшими саксауломъ, джузгунами и кизыль-ча (*Ephedra*). По пути пересѣкли три длинныхъ гряды сыпучихъ бархановъ. На одной изъ этихъ грядъ (верстахъ въ 9 отъ колодца) роща крупныхъ деревьевъ каннымъ (около полусотни штукъ и до $2\frac{1}{2}$ саженой въ высоту каждое).

18/vi. Въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ проходимъ мимо заброшеннаго колодца, названіе котораго осталось для насъ неизвѣстнымъ. Въ $\frac{3}{4}$ версты отсюда встрѣчаемъ колодезь Култай-кудукъ съ великолѣпною водою. Сдѣлавъ запасъ этой послѣдней, сворачиваемъ къ востоку и въ $1\frac{3}{4}$ в. достигаемъ колодца Кудабай-кудукъ (вода изсякла, и онъ заброшенъ). Останавливаемся въ $\frac{1}{4}$ версты отсюда. Названные колодцы располагаются въ котловинахъ между песками, болѣе высокими, чѣмъ промежуточные. Большая часть пути проложена по низинамъ среди бугристыхъ песковъ. Растительность составляется саксауломъ, среди котораго много джузгуна, а также кизыль-ча.

19/vi. Идемъ по торной тропѣ слежавшимися песками, большею частью среди бархановъ, частью сыпучихъ. Въ 4 верстахъ колодезь Муспенъ-кудукъ (15 арш. глубины; вода солоновата, но для питья вполне пригодна). Располагается въ долину между двумя группами высокихъ сыпучихъ бархановъ, на западѣ соединяющихся одна съ другой. Отойдя немного отъ этого колодца, оставляемъ большую тропу и круто сворачиваемъ на востокъ, пересѣкая довольно высокіе барханы и раздѣляющія ихъ низины. Эти послѣднія густо заросли крупнымъ, но невысокимъ саксауломъ, нѣкоторые участки котораго стоятъ мертвыми и полумертвыми; масса валежника. Останавливаемся въ $6\frac{1}{2}$ верст. отъ Муспенъ-кудука. Въ мѣстѣ остановки барханы и низины съ болѣе слежавшимся пескомъ. Много саксаула, джузгуна, кизыль-ча и бизбельдека. На барханахъ разбросаны живописныя группы деревьевъ каннымъ.

20/vi. Слѣдуемъ волнистыми слежавшимися песками, довольно густо заросшими саксауломъ. Пересѣкаемъ незначительные барханы и имѣемъ по сторонѣ гораздо болѣе высокія гряды. Въ 9 верстахъ приходимъ къ колодцу Алты-кудукъ (18 аршинъ глубины; вода слегка солоновата). Онъ расположенъ на площади, завѣянной пескомъ и помѣщенной среди высокихъ сыпучихъ бархановъ, поросшихъ свѣжимъ, сочнымъ саксауломъ. Эти барханы сливаются въ сѣверо-западной сторонѣ площади, оставляя

къ юго-востоку родъ долины. Отсюда идемъ бугристыми, мѣстами сыпучими песками, уплотненными на днѣ котловинъ, и останавливаемся въ 3 верст. дальше въ мѣстности, довольно пышно заросшей кустарникомъ.—Во время обычной ночной ловли насѣкомыхъ явились на свѣтъ фонарей водяные жуки (донаціи, плавунчики и др.) и клопы, а также въ значительномъ числѣ жалящіе комары, которыхъ мы не видѣли съ тѣхъ поръ, какъ покинули долину Сыръ-Дарьи. Въ то же время пролетали надъ нами въ южную сторону кулики (*Totanus stagnatilis* и *T. glottis*) и крачки (*Sterna tibetana*). Очевидно, что всѣ эти необычные гости были сбиты изъ рѣчной долины той бурей, которая свирѣпствовала днемъ.

21/vi. Оставивъ караванъ на старомъ мѣстѣ близъ колодца Алты-кудукъ, я предпринялъ экскурсію на 15 верстъ въ западномъ направленіи и къ вечеру вернулся на станъ. Въ пройденной мѣстности нигдѣ не было видно основныхъ глинъ: вездѣ онѣ были прикрыты пескомъ, на низинахъ слежавшимся и цементированнымъ. По пути пересѣкъ нѣсколько грядъ высокихъ бархановъ. Вездѣ много саксаула, а тамъ, гдѣ песокъ порыхлѣе, на немъ развиваются порою весьма пышные кусты джужгуна, кизылъ-ча и бизбельдека, то широко разбросанные, то сгруппированные въ небольшія заросли. Изрѣдка попадались деревья каннымъ.

22/vi. Дорога идетъ сначала бугристыми песками, большею частью слежавшимися. Эти пески вскорѣ переходятъ въ высокіе барханные съ пышною саксауловою порослью, среди которой много джужгуна и немало канныма. Отсюда мы вступаемъ на просторное, болѣе или менѣе ровное пространство сильно слежавшагося песка, справа и слѣва ограниченное довольно высокими барханами и заросшее густымъ саксауломъ. Сдѣлавъ 7 верстъ, подходимъ къ колодцу Барлыбай-кудукъ (17 арш. глубины; вода прѣсная, вкусная).

Расположенъ на плотно-песчаной площади между двумя высокими барханами съ пышною растительностью; невдалекѣ колодца къ NW эти барханы сливаются. Отсюда слѣдуемъ бугристыми песками и плотно-песчаными низинами; и тѣ, и другія заросли саксауломъ. Въ 6 верстахъ достигаемъ колодца Утемысь-кудукъ. ¹⁾ Располагается на плотно-песчаной площади

¹⁾ Глубина 17 арш.; вода очень хорошая.

около подножій барханныхъ песковъ. Эти послѣдніе во многихъ мѣстахъ среди обычныхъ кустарныхъ породъ заросли желто-зеленою колючею травкою съ мелкими желтыми цвѣтами, давшими мнѣ хорошій энтомологическій сборъ (преимущественно по части Heminoptera и Diptera). Упоминаемое растеніе зацвѣло нѣсколько дней тому назадъ, было почти единственнымъ цвѣтущимъ видомъ въ данное время и привлекало много насѣкомыхъ. Обращали на себя вниманіе многочисленныя стрекозы (*Libellula*, *Aeschna*), среди которыхъ я примѣтилъ нѣсколько штукъ лютокъ (*Calopteryx*). Это все слѣдствіе бури 20/vi.

23/vi. Переваливъ черезъ утемысь-кудукскіе барханы, идемъ заглиненными песчаными площадями среди бугристыхъ и барханныхъ песковъ; вездѣ въ изобиліи саксаулъ, а тамъ и здѣсь заросли полыни, которая либо отсутствовала, либо попадалась лишь изрѣдка въ теченіе послѣднихъ переходовъ. Вновь входимъ въ барханные пески, среди которыхъ оставляемъ въ W сторонѣ колодезь Бай-ходжа-кудукъ съ хорошою водою. Сдѣлавъ всего 8 верстъ и не доходя одной версты до колодца Нурчатай-кудукъ, останавливаемся на такырныхъ участкахъ и выступаемъ коренной глины среди песковъ.

24/vi. Нурчатай-кудукъ расположенъ на площади среди сыпучихъ песковъ и даетъ хорошую воду. За этими песками идемъ узкими такырами среди невысокихъ песчаныхъ грядъ, затѣмъ поднимаемся въ сыпучіе невысокіе барханы и спускаемся въ лежащую между ними котловину, на днѣ которой колодезь Уялы-кудукъ (въ 4 верстахъ отъ Нурчатай; глубина 15 аршинъ, вода чудесная, холодная). Отсюда беремъ тропу на Кара-ча и слѣдуемъ такырами среди песковъ. Останавливаемся въ котловинкѣ среди песчаныхъ грядъ, сдѣлавъ еще $5\frac{1}{2}$ верстъ. Такыры частью совершенно обнажены, а пески заросли саксауломъ и джузгунами.

25/vi. Уже сказывается близость окраины Кизыль-кумской пустыни! Идемъ мѣстностью, въ которой такыры и глинистыя площади рѣшительно преобладаютъ надъ песками. Эти послѣдніе взметаны невысокими грядами, сохраняющими прежнюю кустарную растительность (саксаулъ, джузгунъ, кизыль-ча, бизбельдекъ, тюё-сынкыръ). Глины заросли полынью, а по окраинамъ такыровъ попадаютъ кусты гребенчука. Въ $5\frac{3}{4}$ верст. входимъ въ котловину съ кустами пышнаго, сочнаго, темнозеленаго саксаула, съ кладбищемъ и заброшеннымъ колодцемъ. Она окружена невысокими сыпучими барханами, заросшими кустарниками,

и лежитъ ниже общаго степного уровня. Отъ этого мѣста идемъ крайне унылою полынною степью; тамъ и здѣсь разбросаны на ней одинокіе кусты саксаула, порою группирующіеся въ мініатюрныя рощицы. Мѣстами попадаются крошечныя грядки песковъ, которыя, несмотря на свои поистинѣ ничтожные размѣры, порастаютъ джузгуномъ, кизылъ-ча и тюё-сынкыромъ. Въ $7\frac{3}{4}$ верст. отъ котловины втягиваемся въ плоскости между невысокими сыпучими барханами съ довольно пышною кустарною растительностью. Въ полуверстѣ дальше, среди этихъ бархановъ, находимъ новую котловину, лежащую также ниже уровня глинистой степи. Въ ней колодезь Карача-кудукъ (13 аршинъ глубины; вода очень хорошая)—Здѣшніе пески остаются типичными для Кизылъ-кума какъ по герпетологической, такъ и по орнитологической своей фаунѣ (въ послѣдній разъ наблюдалась саксаульная сойка—*Podoces panderi*).

26/vi. Пройдя песками, лежащими около Карача, слѣдуемъ глинистою полынною степью, по которой тамъ и здѣсь разбросаны маленькіе, неширокіе барханы съ кустарною растительностью, а также кусты саксаула, стоящіе большею частью одиноко. Въ 8 верстахъ дорога пересѣкаетъ такырчикъ, на которомъ вырыты ямы для стока дождевыхъ водъ. Невдалекѣ отсюда переходимъ черезъ обширный, совершенно обнаженный такыръ. Останавливаемся въ 11 верстахъ отъ упомянутыхъ ямъ съ тѣмъ, чтобы къ вечеру подвинуться дальше. На этомъ пространствѣ залегаетъ все та же степь, но песка на ней еще меньше. Въ 5 верстахъ предвечерняго перехода приходимъ на мѣсто Пчукъ. Здѣсь находимъ развалины маленькаго укрѣпленія, старинный сухой капитальный арыкъ съ слѣдами водяной мельницы и давнымъ-давно заброшенныхъ обширныхъ полей. Центръ этого мѣста составляется возвышенною глиняною площадкою, которая усѣяна черепками массивной и толстостѣнной посуды. Останавливаемся въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отсюда на берегу сухого стариннаго арыка (по пути сюда пересѣкли еще два такихъ же). Эти оросительные каналы отходятъ со стороны развалинъ города Ковганъ-ата, лежащаго отъ насъ въ SO сторонѣ. Къ югу отъ мѣста остановки виднѣются возвышенные пески, среди которыхъ расположены колодцы Дортъ-кудукъ, посѣщенные нами 8/v.—На пространствѣ второй части описаннаго перехода степь кажется покрытою болѣе густою травянистою растительностью и при томъ на столько, что представляется явственно зеленоватою.

Вблизи вышеупомянутыхъ арыковъ одиночки и группы свѣжаго, сочнаго темнозеленаго саксаула, дающаго пріютъ многочисленнымъ красивымъ жукамъ златкамъ (изъ бупрестидъ)¹⁾. Ночь этого дня для моего препаратора чуть не обошлась катастрофой. Мы сидѣли невдалекѣ другъ отъ друга и до самаго поздняго времени ловили насѣкомыхъ на фонари. По сосѣдству съ собой я нѣсколько разъ слышалъ змѣиное шипѣніе, но, увлекшись ловлей, не придавалъ этому значенія. Когда мы улеглись спать (постелями намъ служили кошмы, разостланныя прямо на землю), я былъ разбуженъ крикомъ препаратора, звавшаго меня помочь ему взять какую-то тварь, которую онъ придавилъ ружейнымъ прикладомъ. Эта тварь оказалась очень крупнымъ экземпляромъ весьма ядовитой змѣи щитомордника (*Ancistrodon halys*). Она подползла къ головѣ заснувшаго моего помощника и пробудила его своимъ шипѣніемъ и прикосновеніями языка къ лицу. Одно неловкое движеніе, и послѣдовалъ бы укусъ прямо въ это послѣднее. Послѣдствія укуса, очевидно, были бы роковыми, принимая во вниманіе мѣсто пораненья, крупный родъ змѣи и тѣ жары, которыя царили послѣдніе дни.

27/VI. Сейчасъ же за арыкомъ, около котораго мы ночевали, выходимъ на болѣе низменную равнину, которая уже принадлежитъ долинѣ Сыръ-Дарьи. Кизыль-кумъ остался за нами! Здѣсь заросли цвѣтущаго гребенчука и чингиля, обычныя травы, поля, арыки и разливы. Въ $6\frac{1}{2}$ верст. проходимъ мимо колодца Бай-Назаръ-кудукъ (съ хорошею водою), откуда направляемся на бугоръ и развалины стариннаго города Артыгъ-ата (7 в.), чтобы отсюда двигаться на переправу Учъ-каюкъ (8 в.). На этой послѣдней узнаемъ, что каюки снесены, и потому переправляемся черезъ рѣку въ $5\frac{1}{2}$ верст. выше, въ мѣстѣ Канлы.

28 и 29/VI я экскурсировалъ по урочищу Канлы, описаніе котораго, какъ и дороги отсюда въ г. Туркестанъ (40 в.), сдѣланной нами на слѣдующій день, не входитъ въ задачу этого отчета.

¹⁾ Крупные, металлически-зеленые, обсыпанные золотистою и бѣлою пылью.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Привезенные мною образцы горныхъ породъ были опредѣлены въ Ташкентѣ знатокомъ уральской и туркестанской геологіи П. С. Назаровымъ. Прилагаю статью, имъ для меня составленную, и приношу ему свою глубочайшую благодарность за помощь въ дѣлѣ, мнѣ мало знакомомъ. Номера статьи составляютъ примѣчанія къ даннымъ, помѣщеннымъ въ текстѣ моей работы.

**Горныя породы, собранныя въ Кизыль-кумахъ
Н. А. Заруднымъ въ 1912 г.**

П. НАЗАРОВЪ.

№ 1. Плотный, сѣрый мелкозернистый песчаникъ.

№ 2. Фосфориты.

№ 3. Мелкозернистый, плотный песчаникъ сѣроватого и желтоватаго цвѣта, мѣстами съ желѣзистою окраскою.

№ 4. Онъ же.

№ 5. Онъ же.

№ 6. Инкрустаціи извести по растительнымъ остаткамъ въ пескѣ.

Громадное содержаніе извести въ пескахъ Кизыль-кумовъ обусловливаетъ интересное явленіе современныхъ ископаемыхъ. Влага, осаждающаяся въ толщѣ песка изъ воздуха (теорія Фольгера), даетъ начало почвенной водѣ, такъ сказать, дистиллированной и поэтому обладающей сильною растворительною способностью. Насыщенная известью, эта почвенная вода въ силу волосности поднимается по корнямъ и стволамъ отжившихъ растений, погребенныхъ въ пескѣ, и, испаряясь, инкрустируетъ ихъ известью, давая намъ интересные образцы окаменѣлостей современной эпохи.

№ 7. Фосфориты и рогообманковый сланецъ.

№ 8. Они же.

№ 9. Аристанъ-бель-тау сложены изъ зеленовато-сѣрыхъ филлитовъ, красныхъ тонкослоистыхъ тальково-глинистыхъ сланцевъ, бурыхъ грубо-зернистыхъ глинистыхъ сланцевъ, разбитыхъ многочисленными трещинами, которыя заполнены кремнистою массою.

Сланцы и филлиты прорѣзаны многочисленными жилами молочноблаго кварца.

Здѣсь же находится кварцитовый сланецъ.

№ 10. Бѣлый мелкозернистый известковистый песчаникъ.

Кремнистый сланецъ. Черный кремнистый сланецъ (пробирный камень—лиддитъ).

№ 11. Лиддитъ.

№ 12. Крупнозернистый песокъ краснобураго цвѣта съ хорошо отсортированными, какъ бы промытыми водою зернами, отвѣянными дѣйствіемъ вѣтра.

№ 13. Фосфоритъ.

№ 14. Шаровыя песчанистыя конкреціи.

№ 15. Мелкозернистый рыхлый песчаникъ блѣдносѣраго цвѣта.

№ 16. Тонкослоистый иль сѣраго цвѣта; повидимому, озернаго происхожденія.

№ 17. Мелкозернистый плотный песчаникъ сѣроватаго и желтоватаго цвѣта съ желѣзистою окраскою мѣстами.

№ 18. Фосфоритовый известнякъ съ сильно разѣденною поверхностью.

№ 19. Красный мелкозернистый рыхлый песчаникъ.

№ 20. Шаровыя песчанистыя конкреціи.

№ 21. Кремнистые сланцы и сѣрые грубозернистые глинистые сланцы съ неровною слоистостью, разбитые неправильною трещиноватостью. Сланцы эти прорѣзаны кварцевыми жилами. Жильный кварцъ молочноблаго цвѣта, часто ноздреватый, окрышенный мѣстами окислами желѣза, мѣстами кое-гдѣ въ гнѣздахъ имѣетъ окислы мѣди. Общій характеръ и видъ этихъ кварцевыхъ жилъ вполне золотоносный, но золота, какъ показало изслѣдованіе, онѣ не содержатъ. Наоборотъ, другая кварцевая жила, прорѣзающая эти сланцы во всѣхъ направленіяхъ, тоненькая, не толще 2 дюймовъ, сѣровато-бѣлаго цвѣта, содержитъ ясно видимое золото и въ большомъ, повидимому, количествѣ.

Это первый случай нахожденія въ Туркестанѣ жильнаго золота «in situ». О томъ, что жильное золото у насъ въ Туркестанѣ должно было находиться въ кварцевыхъ жилахъ, проходящихъ въ сланцахъ, можно было догадываться по аналогіи съ извѣстными мѣсторожденіями жильнаго золота въ Хотанѣ, изслѣдованными проф. Богдановичемъ. Подтвержденіемъ этого служили также изслѣдованія инженера В. Н. Вебера, которому удалось

показать, что нѣкоторыя кварцевыя прожилки въ сланцахъ горъ Кара-тау и Алая при химической пробѣ обнаруживаютъ признаки золота. Находка кварцевой жилы съ видимымъ золотомъ въ горахъ Тохта-тау является, такимъ образомъ, первымъ достовернымъ и точнымъ открытіемъ коренного мѣсторожденія золота въ Туркестанскомъ краѣ. Открытіе это сдѣлано тамъ, гдѣ его золотопромышленники менѣе всего ожидали. Все вниманіе послѣднихъ было обращено на долину рр. Чаткала, Нарына, на Алайскую долину и бухарскія владѣнія, хотя уже тѣ данныя геологическаго строенія Кизылъ-кумовъ, которыя были извѣстны до сихъ поръ, обнаруживали чрезвычайное сходство кизылъ-кумскихъ возвышенностей съ горами Урала и заставляли предполагать присутствіе тамъ минераловъ и рудъ, характерныхъ для Урала. Возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія этой удаленной и глухой нашей окраины дадутъ еще немало интересныхъ и полезныхъ открытій ¹⁾).

№ 22. Древніе конгломераты изъ зеренъ кварца, зеленоватаго кремня, кремнистаго сланца, связанныхъ плотнымъ желѣзистымъ цементомъ бураго цвѣта. Конгломераты эти обнаруживаютъ полировку по плоскостямъ сбросовъ (или сдвиговъ).

№ 23. Крупнозернистые сѣрые песчаники.

№ 24. Фосфоритовый известнякъ съ сильно разѣденною поверхностью.

№ 25. Кристаллы гипса (сцементированный гипсомъ песокъ) въ видѣ ромбоэдровъ, иногда сросшихся крестообразно. Кристаллы эти прекрасно образованы, съ острыми гранями и ровными плоскостями (по клинопинакоиду).

№ 26. Мелкозернистый плотный песчаникъ сѣроватаго и желтоватаго цвѣта съ желѣзистою окраскою мѣстами.

¹⁾ Ради обстоятельнаго обслѣдованія находки жильнаго золота въ Тохта-тау, эти горы нынѣшнею осенью были посѣщены извѣстнымъ золотоискателемъ въ Туркестанѣ В. В. Поклевскимъ-Козеллѣ, который не только не нашелъ въ нихъ этого металла, но утверждаетъ, что по всѣмъ видимостямъ его не можетъ здѣсь существовать. Принимая во вниманіе громаднѣйшія знанія и опытъ В. В. Поклевскаго-Козеллѣ въ дѣлѣ золотоисканія, мнѣ приходится предполагать одно изъ двухъ: или что найденная мною жила по своей ничтожности ускользнула изъ вниманія опытнаго профессионала, или что въ данномъ случаѣ я перепуталъ этикетки къ собраннымъ мною породамъ. Золото я обнаружилъ въ кусочкахъ кварца не на мѣстѣ, а при разборкѣ своего багажа въ г. Туркестанѣ и отправкѣ его въ Ташкентъ. Н. Зарудный.

Фосфоритовый известнякъ съ сильно разѣденною поверхностью.

№ 27. Такой же известнякъ.

№ 28. Такой же песчаникъ.

№ 29. Плотный мелкозернистый бурый песчаникъ и красновато-бурый кремнистый сланецъ.

№ 30. Изъ окрестностей колодца Карача-кудукъ. Мелкій песокъ, состоящій изъ зеренъ кварца, кремнистыхъ сланцевъ и яшмы; очень большое содержаніе извести.

№ 31. Изъ окрестностей колодца Аксуръ - кудукъ. Песокъ такой же, какъ предыдущій, но нѣсколько болѣе мелкій.

№ 32. Изъ окрестностей колодца Бельги - кудукъ. Песокъ такой же.

ВЫВОДЫ.

Собранные образцы подтверждаютъ высказанное извѣстнымъ изслѣдователемъ Туркестана И. В. Мушкетовымъ предположеніе, что по своему геологическому характеру и литологическому составу породы Кизыль-кумскихъ горъ стоятъ ближе къ Уральскимъ, чѣмъ къ Туркестанскимъ. Этотъ выводъ былъ сдѣланъ Мушкетовымъ изъ изученія доставленныхъ ему образцовъ изъ Шейхъ-Джели (южная гряда Кизыль-кумовъ). Собранные изъ центральныхъ горныхъ грядъ образцы вполне подтверждаютъ то же положеніе. Горныя гряды Кизыль-кумовъ подверглись также интенсивному разрушенію, подобно горамъ Урала, и тонутъ, такъ сказать, въ морѣ песка, происшедшаго, въ противность мнѣнія, распространеннаго среди публики, не отъ дѣйствія волнъ морскихъ, а отъ дѣйствія вѣтра. Легко разрушаемые песчаники, въ силу климатическихъ причинъ не скрѣпленные растительностью, лишенные даже слоя растительной земли, дали матеріалъ для того песчаного моря, которое окружаетъ, разрушаетъ и продолжаетъ погребать остатки мощныхъ когда-то хребтовъ. Все пространство Кизыль-кумовъ — обширная площадь эоловыхъ образованій, гдѣ динамическая дѣятельность воздушныхъ теченій, въ силу климатическихъ особенностей края, выражается чрезвычайно ярко и характерно. Обиліе извести въ Кизыль-кумскихъ пескахъ и обширныя глинистыя площади — такры дали и продолжаютъ давать тотъ матеріалъ — тонкую глинистую пыль и

известъ,—который, будучи переработанъ воздушными теченіями, отлагаетъ мощные слои нашего лёсса у подножія горъ, какъ у естественнаго барьера, изъ Кизыль-кумскихъ пыльных бурановъ (теорія Рихгофена образованія лёсса). Такимъ образомъ, Кизыль-кумы являютъ намъ характерный примѣръ того, въ какой зависимости отъ климатическихъ условій и особенностей находятся геологическіе процессы. Вслѣдствіе сухости климата и отсутствія поэтому растительнаго покрова, площадь Кизыль-кумскихъ горъ и равнинъ сдѣлалась обширною ареною золотой дѣятельности, что привело къ образованію на ней сыпучихъ песковъ, бархановъ, а также и скопленію въ сосѣдствѣ горъ Тянь-Шана и Памирско-Алайской системы мощныхъ отложеній отмученнаго вѣтромъ и отсортированнаго матеріала, создавшаго лёссъ—основу плодородія въ нашемъ краѣ.

Метеорологическія наблюденія.

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура ¹⁾ .		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
5/v	г. Тур- ке- станъ.	Небо переменное. Между 11 ч. утра и 1 ч. пополудни сильный дождь.			
6/v	Кан- лы.	Небо переменное. Утромъ сильный дождь. Довольно сильный дождь между 5 и 7 ч. пополудни, а также ночью на 7/v.			
7/v	Кал- ды.	Небо почти безоблачно. Тихо.	7 ч. +15°	+31°	7 ч. +27°
8/v	Дортъ- кудукъ.	Небо переменное. Съ утра и до 4 ч. пополудни довольно сильный SW вѣтеръ. Затихъ въ 7 ч. пополудни, при чемъ на SW густыя тучи, молніи и громъ. Ночью вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, нѣсколько разъ дождь и гроза.	6 ч. +14 ² / ₅ °	+30°	2 ч. +28° 7 ч. +22 ² / ₅ °
9/v	Турум- бетъ- кудукъ.	Въ разныхъ сторонахъ небосклона тучи, дающія полосы дождя. Около 4 и 6 ч. пополудни легкій дождь надъ нами при O вѣтрѣ. Вечеромъ небо безоблачное и легкій N вѣтеръ.	5 ¹ / ₂ ч. +16 ⁴ / ₅ °	+29°	7 ч. +25 ¹ / ₂ °
10/v	Бакай- кудукъ.	Небо абсолютно безоблачное. Съ 9 ч. утра NO вѣтеръ, перешедшій въ бурю между 10 ч. утра и 3 ч. пополудни; не затихъ къ 9 ч. вечера.	4 ¹ / ₂ ч. +14 ⁴ / ₅ °	+29 ² / ₅ °	2 ч. +30° 7 ч. +25°
11/v	Айдаръ- кудукъ.	Небо абсолютно безоблачное. Порою легкій NO вѣтеръ.	4 ¹ / ₂ ч. +12 ³ / ₅ °	+30°	2 ч. +32° 7 ч. +26°
12/v	Айдаръ- кудукъ.	Утромъ облачное небо. Къ полудню небо на ² / ₃ чисто. Съ 1 ч. пополудни и до вечера легкія барашковыя облака. Съ 8 ч. утра и до 5 ч. пополудни легкій SW вѣтеръ.	4 ¹ / ₂ ч. +16° 7 ч. +22°	+34°	7 ч. +29 ⁴ / ₅ °
13/v	Десебай-кудукъ.	День маревый; тамъ и здѣсь носятся дождевыя тучи. Въ 8 ч. утра легкій крупно-капельный дождь. Съ разсвѣта несильный SW вѣтеръ, стихнувшій къ вечеру. Вечеромъ густыя тучи на W и SW, сильная гроза и ливень, разразившіеся невдалекѣ отъ насъ (на нашу долю—лишь нѣсколько дождевыхъ капель).	5 ч. +17 ⁴ / ₅ °	+28 ² / ₅ °	5 ч. +31 ⁴ / ₅ ° 7 ч. +27 ² / ₅ °

1) Въ градусахъ Цельзія.

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
14/v	Божманбай- кудукъ.	Цѣлый день въ разныхъ сторонахъ дож- девыя тучи. Съ 9 ч. утра сильный S вѣтеръ, перешедшій между 10 ¹ / ₂ ч. утра и 4 ч. по- полудни въ бурю. Стихло въ 6 ч. пополудни, послѣ чего кратковременный крупно-капель- ный, рѣдкій дождь.	4 ч. +16°	+34°	6 ч. +33 ² / ₅ °
15/v	Тасты- кудукъ.	Небо абсолютно безоблачное. Съ утра и до 7 ч. пополудни, когда наступила совер- шенная тишина, SW вѣтеръ, перешедшій въ бурю въ самые жаркіе часы дня.	5 ч. +14 ² / ₅ °	+29 ² / ₅ °	5 ч. +23° 7 ч. +22°
16/v	Тасты- кудукъ.	Утро ясное. Въ средніе часы дня тамъ и здѣсь возникли дождевыя облака, скоро исчезнувшія. Вечеромъ на S и W густыя тучи.	5 ч. +14 ⁴ / ₅ °	+28°	7 ч. +24 ⁴ / ₅ °
17/v	Урма- кудукъ.	Небо безоблачное. Къ вечеру на W тучи. Съ утра NNO вѣтеръ, прекратившійся къ 6 ¹ / ₂ ч. пополудни.	5 ¹ / ₂ ч. +16 ³ / ₅ °	+31 ⁴ / ₅ °	2 ч. +32 ³ / ₅ ° 7 ч. +27 ² / ₅ °
18/v	Дортъ- кудукъ.	День ясный. Къ вечеру рѣдкія бараш- ковыя облака.	5 ч. +10°	+35°	2 ч. +34 ² / ₅ ° 7 ч. +30°
19/v	Аякъ- кудукъ.	День ясный, абсолютно безоблачный. Съ 8 ч. утра сильный NNO вѣтеръ, стихнувшій, но не прекратившійся къ 10 ч. вечера.	5 ч. +15 ² / ₅ °	+32 ¹ / ₅ °	2 ч. +35 ² / ₅ ° 7 ч. +34 ¹ / ₅ °
20/v	Куланбай- кудукъ.	День совершенно безоблачный. Съ 3 ч. пополудни NO вѣтеръ, бурей дувшій между 10 ч. утра и 5 ч. пополудни. Станнымъ образомъ окончательно затихалъ на нѣ- сколько моментовъ и вдругъ внезапно за- дувалъ съ новою силою; такое явленіе не- однократно примѣчалось и въ послѣдующіе вѣтряные дни.	5 ч. +15 ⁴ / ₅ °	+34 ¹ / ₅ °	2 ч. +36° 6 ¹ / ₂ ч. +31 ⁴ / ₅ ° 8 ч. +28 ³ / ₅ °
21/v	Байманъ- кудукъ.	День такой же. Съ 7 ч. утра NO вѣ- теръ, разбушевавшійся въ самые жаркіе часы дня и прекратившійся около 7 ч. ве- чера. Минувшая ночь тихая.	4 ч. +14 ⁴ / ₅ °	+37 ³ / ₅ °	4 ч. +36 ³ / ₅ ° 7 ч. +32° 10 ч. +27°

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
22/v	Алибѣт- кудукъ.	День такой же. Минувшая ночь тихая. Между 9 ч. утра и 4 ч. пополудни легкій NO вѣтеръ.	5 ч. +15°	+36 ¹ / ₅ °	2 ч. +37 ¹ / ₅ ° 7 ч. +31 ¹ / ₅ ° 9 ч. +28 ¹ / ₅ °
23/v	8 в. на SW отъ Косъ- кудукъ.	День и ночь такіе же. Порою легкій W вѣтеръ да въ жаркіе часы дня неожиданные вихри.	4 ¹ / ₂ ч. +16 ⁴ / ₅ °	+37 ³ / ₅ °	2 ч. +38 ¹ / ₅ ° 4 ч. +39 ² / ₅ ° 7 ч. +32°
24/v	Аксуръ- кудукъ.	День и ночь такіе же. Въ жаркіе часы дня довольно сильный W вѣтеръ.	6 ч. +19°	+38 ² / ₅ °	2 ч. +40 ³ / ₅ ° 5 ч. +39 ¹ / ₅ ° 7 ч. +35° 10 ч. +29 ² / ₅ °
25/v	Аксуръ- кудукъ.	Днемъ рѣдкія перистыя облака. Минувшая ночь тихая. Съ 8 ч. утра NW вѣтеръ, въ 11 ч. утра смѣнившійся на S и SO.	5 ч. +19°	+36 ¹ / ₅ °	2 ч. +38 ² / ₅ ° 4 ч. +41° 7 ч. +32° 10 ч. +26 ² / ₅ ° полночь +23 ⁴ / ₅ °
26/v	Бельги- кудукъ.	Минувшая ночь тихая. Въ средніе часы дня самыя легкія дождевыя тучи, давшія нѣсколько капель дождя. Съ 11 ч. утра и до 6 ч. пополудни довольно сильный NW вѣтеръ.	4 ¹ / ₂ ч. +18°	+33 ¹ / ₅ °	3 ч. +33 ⁴ / ₅ ° 7 ч. +31° полночь +23°
27/v	Стоянка въ 5 в. къ NW отъ Дос- шанъ-кудука.	Минувшая ночь такая же. Днемъ небо въ барашковыхъ облакахъ. Вечеромъ на N густыя тучи. Съ полудня довольно сильный N вѣтеръ, уклоняющійся то къ O, то къ W. Затихъ въ 6 ч. пополудни.	6 ч. +14 ² / ₅ °	+33 ³ / ₅ °	2 ч. +34 ² / ₅ ° 4 ч. +33 ² / ₅ ° 7 ч. +29 ¹ / ₅ °
28/v	Родникъ Ащи.	Минувшая ночь и день тихіе и безоблачные.	5 ч. +13 ⁴ / ₅ °	+35°	2 ч. +33 ² / ₅ ° 5 ч. +31 ¹ / ₅ ° 7 ч. +30 ¹ / ₅ °

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
29/v	Родникъ Ащи.	Минувшая ночь тихая, прохладная. Съ 9 ч. утра сильный W вѣтеръ, нагнавшій на безоблачное до того небо густыя дождевыя тучи. Съ 11 ч. утра и до 3 ч. пополудни съ небольшими перерывами сильный дождь, прекратившійся около 3 ч. пополудни. Небо послѣ того быстро разъяснилось, оставивъ лишь рѣдкія барашковыя облака, а вѣтеръ почти стихъ. Послѣ 7 ч. пополудни съ W вертикальною стѣною стала надвигаться густая, непроницаемая туча: это была пыль. Затѣмъ подулъ вѣтеръ, и пыль заволокла все окружающее. Вѣтеръ вскорѣ обратился въ бурю, нагнавшую настоящія тучи; разразился дождь, шедшій до 2 ч. ночи.	3 ч. +12° 11 ч. +23 ² / ₅ °	+22 ² / ₅ °	4 ч. +24 ² / ₅ ° 7 ч. +23 ² / ₅ °
30/v	Стоянка въ 9 в. на Нотъ Аристанъ- бель-кудукъ.	На разсвѣтъ небо болѣе или менѣе безоблачное, тихій западный вѣтеръ, обратившійся съ 11 ч. утра въ бурю, которая съ 7 ч. веч. смѣнилась слабымъ W вѣтромъ. Около полудня пыльная и дождевыя тучи, давшія нѣсколько капель дождя. Около 7 ч. веч., когда буря стихла, кругомъ густая пыль, позволявшая видѣть съ ясностью только на сотню шаговъ.	4 ч. +12°	+24 ³ / ₅ °	3 ч. +25 ² / ₅ ° 7 ч. +24 ¹ / ₅ ° 10 ч. +21 ¹ / ₅ °
31/v	Мурунъ- кудукъ.	Минувшая ночь тихая. На разсвѣтъ и утромъ на W густыя тучи. Надъ нами барашковыя и барашково-кучевыя облака, державшіяся до вечера. Съ 9 ч. утра легкій W и NW вѣтеръ, стихнувшій только къ вечеру.	4 ¹ / ₂ ч. +16°	+23 ¹ / ₅ °	2 ч. +29° 7 ч. +25° 10 ч. +18 ¹ / ₅ °
1/vi	Малый Тамды.	Минувшая ночь тихая. Днемъ рѣдкія барашковыя облака. Съ 2 ч. пополудни довольно сильный W вѣтеръ, стихнувшій къ 7 ч. и вновь задувшій черезъ часъ. Стихъ ночью.	4 ч. +14°	+29 ³ / ₅ °	3 ч. +31° 7 ч. +28 ² / ₃ ° 11 ч. +19°
2/vi	Ibid.	Небо въ рѣдкихъ барашковыхъ облакахъ, съ 2 ч. пополудни безоблачное. Сильный NW вѣтеръ съ 2 ¹ / ₂ ч. пополудни. Стихнулъ въ 9 ч. вечера и при томъ на самое непродолжительное время.	5 ч. +20° 11 ч. +30 ¹ / ₅ °		2 ч. +34° 7 ч. +30°
3/vi	Ibid.	Вѣтеръ продолжался всю минувшую ночь, а также весь день, достигнувъ состоянія бури (съ NO) между часомъ пополудни и 4 ч. Небо болѣе или менѣе безоблачное. Вѣтеръ стихъ въ 11 ч. пополудни.	5 ч. +19 ³ / ₅ °	+31 ³ / ₅ °	2 ч. +32° 7 ч. +29 ¹ / ₅ °

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд- часы.
4/vi	Молла-Али- кудукъ.	День почти безоблачный. Съ 9 ч. утра сильный NO вѣтеръ, стихнувшій, но не прекратившійся къ вечеру.	5 ч. $+20\frac{1}{5}^{\circ}$	$+33\frac{1}{5}^{\circ}$	2 ч. $+35^{\circ}$ 7 ч. $+31\frac{2}{5}^{\circ}$ 11 ч. $+28\frac{2}{5}^{\circ}$
5/vi	Водостокъ въ Бв. къ О отъ Айдарлы-кудукъ.	Небо то болѣе или менѣе безоблачное, то съ густыми барашковыми облаками. Съ 9 ч. утра сильный NO вѣтеръ, стихнувшій около 1 ч. пополудни.	$4\frac{1}{2}$ ч. $+18\frac{3}{5}^{\circ}$	$+36^{\circ}$	3 ч. $+38^{\circ}$ 5 ч. $+36\frac{1}{5}^{\circ}$ 7 ч. $+33\frac{4}{5}^{\circ}$ 12 ч. $+27^{\circ}$
6/vi	м. Сукуты.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. Утромъ барашковыя облака, скоро сгустившіяся въ кучевыя. Съ 10 ч. утра NO вѣтеръ, нагнавшій тучи. Между часомъ пополудни и тремя нѣсколько сильныхъ ударовъ грома и нѣсколько разъ кратковременный крупно-капельный дождь. Тучи отнесло къ Тамды и Акъ-тау. Вечеромъ густыя тучи на О и SO; вечеромъ тамъ играла зарница.	$4\frac{1}{2}$ ч. $+20\frac{2}{5}^{\circ}$	$+35^{\circ}$	2 ч. $+31\frac{3}{5}^{\circ}$ 7 ч. $+28\frac{1}{5}^{\circ}$ 11 ч. $+25^{\circ}$
7/vi	Кяризъ- кудукъ.	Минувшая ночь тихая. Днемъ довольно частыя барашковыя облака. До полудня абсолютная тишина, послѣ чего слабый О и NO вѣтеръ, лишь съ нѣсколькими сильными порывами. Тихо съ 7 ч. пополудни.	5 ч. $+18\frac{2}{5}^{\circ}$	$+38\frac{1}{5}^{\circ}$	3 ч. $+39\frac{4}{5}^{\circ}$ 7 ч. $+34\frac{2}{5}^{\circ}$ 12 ч. $+27\frac{2}{5}^{\circ}$
8/vi	Тохта- кудукъ.	Минувшая ночь тихая и безоблачная. Днемъ рѣдкія барашковыя облака. Съ $4\frac{1}{2}$ ч. пополудни сильный NW вѣтеръ, прекратившійся около 8 ч. и потомъ снова задувшій.	$4\frac{1}{2}$ ч. $+23\frac{4}{5}^{\circ}$	$+38\frac{2}{5}^{\circ}$	4 ч. $+38^{\circ}$ 7 ч. $+31^{\circ}$ 10 ч. $+27^{\circ}$
9/vi	Иbid.	Вчерашній вѣтеръ прекратился незадолго передъ разсвѣтомъ. Утро безоблачное. Днемъ рѣдкія барашковыя облака. Часовъ съ 11 утра несильный NW вѣтеръ, прекратившійся около 7 ч. пополудни.	$5\frac{1}{2}$ ч. $+20\frac{4}{5}^{\circ}$	$+39^{\circ}$	2 ч. $+37\frac{1}{5}^{\circ}$ 7 ч. $+32\frac{4}{5}^{\circ}$ 11 ч. $+27\frac{1}{5}^{\circ}$
10/vi	Каменная грива около Алтынъ-кудука.	Съ полуночи появились на N дождевыя тучи, и поднялся NNO вѣтеръ. Въ 4 ч. утра дождевыя облака и легкій дождь. Въ 6 ч. утра небо разъяснило; тихо и покойно. Съ часа пополудни сильный N и NNO вѣтеръ и съ той же стороны тучи. До $3\frac{1}{2}$ ч. дня шелъ съ перерывами сильный дождь. Съ 5 ч. дня тихо и безоблачно.	4 ч. $+24\frac{1}{5}^{\circ}$	$+33\frac{3}{5}^{\circ}$	2 ч. $+28^{\circ}$ 5 ч. $+25\frac{3}{5}^{\circ}$ 7 ч. $+23\frac{4}{5}^{\circ}$ 10 ч. $+20^{\circ}$

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
11/vi	Нарбай- кудукъ.	Съ полуночи стали заходить тучи. Въ 4 ч. небо сплошь облачное и сильный NO вѣтеръ. Въ 8 ч. утра разъяснило, но вѣтеръ прекратился только къ 7 ч. вечера.	5 ч. +18°	+29°	3 ч. +29 ² / ₅ ° 7 ч. +27 ¹ / ₅ °
12/vi	6 в. къ О отъ Етекъ- кудукъ.	Ночь прохладная, безоблачная. Съ полуночи и до полудня сильный NO вѣтеръ; потомъ онъ стихъ и прекратился около 4 ч. вечера. Небо безоблачное.	5 ч. +15 ² / ₅ °	+32 ⁴ / ₅ °	2 ч. +33 ² / ₅ ° 7 ч. +27° 11 ч. +22 ¹ / ₅ °
13/vi	Ыркумъ- бай-кудукъ.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. Небо безоблачное; по временамъ легкій NO вѣтеръ.	4 ч. +17 ² / ₅ °	+36°	2 ч. +38 ⁴ / ₅ ° 4 ч. +37 ⁴ / ₅ ° 7 ч. +32 ² / ₅ °
14/vi	Сайманъ- кудукъ.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. День абсолютно безоблачный. Съ 10 ч. утра и до 5 ч. пополудни съ небольшими перерывами NO вѣтеръ; въ жаркіе часы дня нѣсколько сильныхъ вихрей, ломавшихъ саксаулъ, скручивавшихъ куянъ-суюкъ и поднимавшихъ на воздухъ штабы ассафетиды.	4 ч. +14 ⁴ / ₅ °	+38°	2 ч. +41 ² / ₅ ° 7 ч. +35° 11 ч. +29°
15/vi	Урмэ- кудукъ.	Минувшая ночь тихая, ясная. День безоблачный. Въ жаркіе часы дня неожиданно налетали вихри.	3 ¹ / ₂ ч. +15°	+40°	2 ч. +40 ³ / ₅ ° 7 ч. +34 ³ / ₅ ° 11 ч. +26°
16/vi	Сарлыбай- кудукъ.	Минувшая ночь тихая, совершенно ясная. Примѣрно съ 3 ч. пополудни показались барашково-кучевыя облака, и подулъ легкій NW вѣтеръ. Въ 6 ¹ / ₂ ч. пополудни съ SW налетѣлъ шквалъ, поднявшій тучи пыли и обдавшій насъ дождевыми каплями.	4 ч. +16 ¹ / ₅ °	+41 ³ / ₅ °	3 ч. +43 ² / ₅ ° 7 ч. +33 ² / ₅ ° 10 ч. +22° 12 ч. +19°
17/vi	Ibid.	Минувшая ночь тихая. Съ позднего вечера объявлялись тучи, на короткое время затемнявшія луну. Съ 11 ч. утра довольно сильный NW вѣтеръ. Въ 2 ¹ / ₂ часа дня внезапно, послѣ самаго короткаго промежутка, задулъ SO вѣтеръ и пригналъ дождевыя тучи, разразившіяся рѣдкимъ, крупно-капельнымъ дождемъ, который падалъ не больше 5 минутъ. Потомъ снова NW, порою переходившій въ бурю и не стихнувшій къ полуночи. Съ 4 ч. дня небо безоблачное.	4 ч. +16°	+43 ² / ₅ °	3 ч. +41 ³ / ₅ ° 7 ч. +36° 12 ч. +28°

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
18/vi	Кудабай-кудукъ.	Минувшая ночь безоблачная. Вѣтеръ прекратился въ 2 ч. утра. Днемъ небо въ рѣдкихъ перистыхъ облакахъ, затуманенныхъ пылью. Съ 8 ч. утра сильный NW вѣтеръ, затихшій въ 5 ч. дня. Позднимъ вечеромъ густая пыль опускается кругомъ: луна едва просвѣчиваетъ, звѣзды абсолютно не видно.	4 ¹ / ₂ ч. +18 ⁴ / ₅ °	+32 ¹ / ₅ °	2 ч. +34° 7 ч. +31. 10 ч. +28 ² / ₅ °
19/vi	6 ¹ / ₂ в. отъ Муспенъ-кудукъ на О.	Минувшая ночь тихая, ясная. Съ 8 ч. утра и до вечера довольно густыя перисто-кучевыя облака, не особенно затемняющія солнце. Съ 10 ч. утра довольно сильный NO вѣтеръ, съ очень сильными отдѣльными порывами; затихъ, но не прекратился, къ 7 ч. вечера. Съ новою силою задулъ въ 9 ч. вечера и стихъ окончательно къ полуночи.	4 ч. +15 ³ / ₅ °	+34 ³ / ₅ °	3 ч. +35 ¹ / ₅ ° 7 ч. +31 ² / ₅ ° 12 ч. +25°
20/vi	Алты-кудукъ.	Минувшая ночь тихая, ясная. Довольно сильный NW вѣтеръ съ 8 ч. утра. Съ часа дня густыя дождевыя тучи на W и очень сильный NW вѣтеръ. Въ 3 ч. дня сильнѣйшій вѣтеръ, понесшій пыльную мглу. Вскорѣ пошелъ грязный дождь, и разразилась гроза. Въ 5 ч. дня вѣтеръ и дождь прекратились; до вечера тамъ и здѣсь дождевыя тучи, а въ южной сторонѣ громыхалъ громъ. Въ началѣ ночи на N, S и O играетъ зарница.	5 ч. +17°	+33 ⁴ / ₅ °	2 ч. +31 ⁴ / ₅ ° 7 ч. +24° 11 ч. +19 ¹ / ₅ °
21/vi	Ibid.	Ночью сильная роса. Съ утра легкія барашковыя облака, потомъ небо безоблачно. Съ 8 ¹ / ₂ ч. утра сильный W вѣтеръ, уклонившійся то къ N, то къ S. Вслѣдъ за весьма короткими промежутками затишья иногда налетали съ O стороны сильные вихри. Вѣтеръ прекратился въ 8 ч. полудни.	4 ч. +15 ³ / ₅ °	+34°	3 ч. +35 ⁴ / ₅ ° 7 ч. +29 ² / ₅ °
22/vi	Утемысъ- кудукъ.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. До 5 ч. дня небо безоблачное, но пыльное. Потомъ рѣдкія перисто-кучевыя облака. Съ 9 ч. утра вѣтеръ то NW, то (большею частью) NO. Затихъ къ 6 ч. вечера.	4 ¹ / ₂ ч. +14 ² / ₅ °	+34°	2 ч. +37 ¹ / ₅ ° 7 ч. +32 ² / ₅ °
23/vi	Нурчатай- кудукъ.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. Съ 4 ч. дня небо почти сплошь покрыто слоисто-кучевыми облаками (зашли съ W стороны). Съ 9 ч. утра довольно сильный NO вѣтеръ, порою прерывавшійся короткими промежутками полнѣйшаго штиля. Прекратился къ 4 ч. дня.	4 ч. +17 ² / ₅ °	+40 ³ / ₅ °	3 ч. +41 ¹ / ₅ ° 7 ч. +34 ¹ / ₅ °

Числа мѣ- сяца.	Мѣсто на- блюд.	СОСТОЯНІЕ НЕБА И ПОГОДЫ.	Температура.		
			Утрен. часы.	Пол- день.	Послѣд. часы.
24/v1	Уялы-кудукъ.	Минувшая ночь тихая, пасмурная. Утромъ небо въ легкихъ облакахъ, которыя, постепенно сгущаясь, почти сплошь заволочили его въ полуденные часы. Къ 5 ¹ / ₂ ч. дня остались лишь рѣдкія перисто-кучевыя облака. Съ 8 ¹ / ₂ ч. утра сильный вѣтеръ, сначала съ SO, потомъ съ S и, наконецъ, особенно сильный съ SW; прекратился въ 6 ч. вечера.	4 ч. +21°	+43 ² / ₅ °	2 ч. +42 ¹ / ₅ ° 7 ч. +38 ¹ / ₅ ° 11 ч. +29 ³ / ₅ °
25/v1	Карача-кудукъ.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. День абсолютно безоблачный. Съ 10 ч. утра горячій NW вѣтеръ, послѣ 2 ч. дня смѣнившійся на NO. Стихъ въ 6 ¹ / ₂ ч. дня.	4 ч. +22 ³ / ₅ °	+44 ¹ / ₅ °	3 ч. +44 ³ / ₅ ° 7 ч. +38 ⁴ / ₅ ° 11 ч. +28°
26/v1	Стоянка въ 3 ¹ / ₂ в. на NO отъ Пчукъ.	Съ полуночи поднялся NO вѣтеръ, сдѣлавшійся очень сильнымъ съ 7 ч. утра; отдѣльные его порывы, длившіеся до 2 минутъ, принимали характеръ бури. Стихъ въ 5 ¹ / ₂ ч. дня. Небо безоблачное.	4 ч. +23 ² / ₅ °	+44 ³ / ₅ °	2 ч. +44° 7 ч. +35° 11 ч. +26 ¹ / ₅ °
27/v1	Переправа Канлы.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. День безоблачный. По временамъ легкій NO вѣтеръ.	4 ч. +19 ² / ₅ °	+39 ¹ / ₅ °	3 ч. +38° 7 ч. +32 ¹ / ₅ °
28/v1	Ibid.	Минувшая ночь тихая, безоблачная. День такой же.	4 ч. +15 ¹ / ₅ °	+39°	2 ч. +38° 7 ч. +30°
29/v1	Ibid.	Ночь и день такіе же.	4 ч. +16°	+39 ¹ / ₅ °	2 ч. +40° 7 ч. +28 ² / ₅ °
30/v1	г. Тур-ке-станъ.	Ночь и день такіе же.	4 ч. +15 ⁴ / ₅ °	+39°	

Примѣчанія:

1. Проверка часовъ производилась опредѣленіемъ полудня по наименьшей тѣни вертикально воткнутой иглки.

2. Утреннія показанія термометра относятся къ мѣстамъ, на которыхъ мы останавливались, кончая предшествовавшій переходъ. Полуденныя и послѣдующія — къ мѣстамъ окончанія перехода (лишь немногія изъ полуденныхъ — къ промежуточнымъ пунктамъ).

Списокъ гипсотермометрическихъ измѣреній ¹⁾.

1. Дортъ-кудукъ—202,6.
2. Конай-кудукъ—200,8.
3. Айдаръ-Кудукъ—218,6.
4. Сарыманъ-кудукъ—234,9.
5. Турумбетъ-кудукъ—181,7.
6. Тагамбетъ-кудукъ—204,2.
7. Десебай-кудукъ—197,6.
8. Божманбай-кудукъ—245,9.
9. Тасты-кудукъ—230,1.
10. Баскара-кудукъ—247,6.
11. Урмэ-кудукъ—271,0.
12. Дортъ-кудукъ (дальній)—256,2.
13. Аякъ-кудукъ—232,7.
14. Куланбай-кудукъ—231,5.
15. Алимбетъ-кудукъ—234,5.
16. Чукуръ-кудукъ—250,2.
17. Такыръ въ 8 верстахъ къ SO отъ Кось-кудука—270,5.
18. Талды-кудукъ—269,5.
19. Аксуръ-кудукъ—261,5.
20. Бельги-кудукъ—266,2.
21. Стоянка въ 5 верстахъ къ SW отъ Досшанъ-кудука—423,7.
22. Мѣсто Молла-Али—514,2.
23. Водостокъ по дорогѣ изъ Айдарлы въ Сукуты—560,0.
24. Мѣсто Сукуты—525,0.
25. Кяризъ-кудукъ—324,6.
26. Низовой родникъ ущелья Тохта-кудукскаго—383,9.
27. Вершина Каменной гривы—240,3.
28. Ыркумъ-бай-кудукъ—222,7.
29. Сарлыбай-кудукъ—140,3.
30. Кудабай-кудукъ—193,5.
31. Муспенъ-кудукъ—154,4.
32. Нурчатай-кудукъ—82,6.
33. Уялы-кудукъ—82,9.

¹⁾ Высоты даны въ метрахъ.

Примѣчаніе Н. Θ. Булаевскаго.

Показанія гипсотермометра сравнены съ показаніями нормальнаго барометра. При вычисленіи для сравненія высотъ брались показанія термометра и барометра станцій Ташкентъ, Туркестанъ, Петро-Александровскъ и Джизакъ. Высоты выведены всегда изъ показаній двухъ, иногда трехъ станцій.

Замѣтка о разѣздѣ, произведенномъ въ Кизыль-кумѣ въ 1907 г.

Въ 1907 г., выполняя поѣздку, порученную мнѣ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, я послѣ зоографическихъ изысканій въ горахъ Чаткалъ-, Ала- и Кара-тау, а также въ долину Сыръ-Дарьи къ западу отъ желѣзнодорожной станціи Акъ-кумъ, совершилъ небольшой разѣздъ по Кизыль-куму. Онъ касается того участка этой пустыни, который залегаетъ къ западу отъ названной станціи, и былъ проведенъ по такому маршруту:

10—13/вн. Тугаи долины Сыръ-Дарьи къ западу и юго-западу отъ ст. Акъ-кумъ.

14/вн. Урочище Кара-кумъ (12 в. отъ рѣки).

15—17/вн. Урочище Кара-кумъ и разѣзды отъ него въ разныхъ направленіяхъ въ западную сторону.

18/вн. Колодезь Пальванъ-кудукъ (16 в.).

19/вн. Дневка.

20/вн. Песками на 20 в. къ юго-востоку.

21/вн. Возвращеніе къ Пальванъ-кудукъ.

22/вн. Колодезь Кудукъ-кекенъ (23 в. къ западу отъ Пальванъ-кудукъ).

23/вн. Колодезь Карай-кудукъ (къ югу отъ Кудукъ-кекенъ верстахъ въ 15).

24/вн. Колодезь Мусабай-кудукъ (къ юго-востоку отъ Карай-кудукъ верстахъ въ 10).

25/вн. Карай-кудукъ (10 в.); прошли на нѣсколько верстъ по направленію къ Кудукъ-кекенъ.

26/vii. Колодезь Топъ-кудукъ (верстахъ въ 22—25 отъ Кудукъ-кекенъ) ¹⁾.

27/vii. Пальванъ-кудукъ (разстояніе не берусь опредѣлить: выйдя изъ Топъ-кудукъ передъ разсвѣтомъ, пришли на мѣсто только къ вечеру).

28/vii. Кара-кумъ (старою дорогою).

Послѣ этого разѣзда я посѣщалъ въ послѣдующіе годы въ холодное время, а въ 1911 г. и лѣтомъ, подступы Кизыль-кума къ Сыръ-Дарьинской долины. Описаніе этихъ участков войдетъ въ уже почти готовую статью мою: «Долина Сыръ-Дарьи и ея орнитологическая фауна», а теперь я сообщу лишь кое-какія свѣдѣнія о разѣздѣ 1907 г., такъ какъ эти свѣдѣнія, хотя до нѣкоторой степени, могутъ разъяснить условія жизни тѣхъ безпозвоночныхъ (насекомыя, фаланги, пауки и т. п.) моего сбора, относительно которыхъ и А. П. Семеновъ-Тяншанскій, и А. А. Бируля-Бялыницкій частью писали мнѣ много лестнаго, частью уже напечатали научно-неожиданное въ смыслѣ географическаго распространенія тѣхъ или другихъ видовъ и систематическихъ новостей. Добытыя въ этой мѣстности орнитологическія данныя войдутъ вмѣстѣ съ тѣми, которыя были получены въ 1912 г., въ отдѣльную статью о птицахъ Кизыль-кума.

Покинувъ тугай долины Сыръ-Дарьи, мы утромъ 14/vii перешли въ урочище Кара-кумъ, непосредственно примыкающее къ пустынь. Дорога сюда проходитъ ровною мѣстностью съ лёссовою почвою, въ очень многихъ мѣстахъ воздѣланною подъ поля и бахчи. По пути пересѣкаемъ нѣсколько арыковъ, на которыхъ тамъ и здѣсь устроены чигири ²⁾, на далекое разстояніе оглашающіе окрестности своимъ неистовымъ скрипучимъ ревомъ. Ближе къ урочищу попадаются просторныя, гладкія такырныя площади, на которыхъ застаиваются снѣговья и дождевыя воды; тутъ же встрѣчаются первыя саксауловыя деревца, очень мелкія и широко разбросанныя. Попутная растительность представляетъ въ общемъ довольно густой травянистый покровъ изъ джантака, полыни, солянокъ и т. п.

15—17/vii мы экскурсировали какъ по самому урочищу, такъ

¹⁾ За разстоянія не отвѣчаю: шелъ экскурсіей съ проводникомъ, безпрестанно отвлекаясь въ стороны для стрѣльбы дичи и вообще птицъ.

²⁾ Водоподъемныя сооруженія первобытнаго устройства; приводятся въ дѣйствіе верблюдами или лошадьми.

и въ разныхъ отъ него направлєніяхъ въ западную сторону. Оно представляетъ мягко-земельныя площади, орошаемыя самымъ крайнимъ арыкомъ, и не имѣетъ опредѣленныхъ границъ. Растительность составляется невысокими кустами разныхъ породъ; много кустарнаго саксаула, мѣстами образующаго нѣчто въ родѣ рощицъ и часто достигающаго человѣческаго роста или немного больше. Верстахъ въ двухъ къ западу отъ упомянутаго арыка проходитъ широкое, извилистое русло, мѣстами съ сырымъ и солонцеватымъ днищемъ. Это, повидимому, одинъ изъ древнихъ протоковъ Сыръ-Дарьи. На берегу его возвышаются развалины глинобитныхъ построекъ. По лицу урочища разбросаны многочисленныя площадки, совершенно обнаженныя, иногда солонцеватыя. Въ весеннее время, когда на нихъ держится вода, онѣ являются присадами для дикихъ гусей; нѣкоторыя изъ нихъ сплошь испещрены слѣдами этихъ птицъ. За упомянутымъ русломъ залегаетъ нѣсколько грядъ сильно слежавшихся бугристыхъ песковъ, составляющихъ авангардъ песковъ Кизыль-кума. Они заросли мелкимъ саксауломъ и другими кустарниками. Подобныя гряды, раздѣленныя широкими и узкими пространствами съ мелкимъ саксауломъ, полыню и весьма часто съ кормовыми травами, встрѣчались намъ во многихъ мѣстахъ во время разѣздовъ изъ Кара-кума какъ въ юго-западную, такъ и въ сѣверо-западную стороны.

18/vii. Перешли къ колодцу Пальванъ-кудукъ. За вышеупомянутымъ русломъ пересѣкаемъ первую гряду песковъ, за которою лежитъ плоская или слегка волнистая мягко-глинистая равнина, поросшая рѣдкимъ невысокимъ саксауломъ. За нею пересѣкаемъ нѣсколько грядъ бугристыхъ песковъ, раздѣленныхъ плоскими глинистыми участками, и встрѣчаемъ широкій, сухой, древній оросительный каналъ съ хорошо сохранившимися боковыми валами. Направляется издали и куда-то вдаль, въ сѣверо-западную сторону. За этимъ каналомъ пересѣкаемъ узкія и широкія гряды бугристыхъ и сыпучихъ песковъ, чередующіяся съ ровными глинистыми площадями, и, наконецъ, достигаемъ Пальванъ-кудука. Онъ вырытъ на днѣ котловины среди довольно высокихъ бархановъ, изъ которыхъ нѣкоторые сыпучи. Окрестные пески довольно изобильно поросли невысокимъ саксауломъ (до сажени въ высоту), къ которому мѣстами подмѣшанъ куянъ-суюкъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ этотъ послѣдній образуетъ самостоятельныя мініатюрныя рощицы.

Продневавъ 19/vii на Пальванъ-кудукъ, мы на слѣдующій день прошли верстъ на 20 къ юго-востоку, переночевали здѣсь въ пескахъ и вернулись на старое мѣсто 21/vii. Пройденная мѣстность представляетъ частью пески (преимущественно бугристаго типа), мѣстами изобильно поросшіе саксауломъ, частью плоскія глинистыя равнины, покрытыя полынью и посохшими кормовыми травами. Таковыя равнины вездѣ преобладаютъ надъ песками. Песчаная гряда большею частью направлены параллельно Сыръ-Дарьѣ.

Ночи этихъ дней давали хорошіе сборы насѣкомыхъ на свѣтъ фонарей. Если дѣло происходило около колодца, то такъ же, какъ и въ Кара-кумъ, сбору изрядно мѣшали тысячи водяныхъ клоповъ (Corixa), прилетавшихъ на огонь. Въ короткое время на энтомологической скатерти собирался цѣлый ихъ рой. Бывало сгребешь ихъ обѣими руками и глубоко закопаешь въ песокъ, но пройдетъ лишь нѣсколько минутъ, и снова кишатъ передъ глазами новыя тысячи. Немало мѣшали эти клопы при ловлѣ насѣкомыхъ около нижеслѣдующихъ колодцевъ.

22/vii мы перешли къ колодцу Кудукъ-кекенъ. За Пальванъ-кудукомъ разстилается глинистая равнина, заросшая полынью и посохшими травами. Тамъ и здѣсь на ея поверхности виднѣются совершенно оголенные площади. Эта равнина засыпана сравнительно узкими грядами песковъ, большею частью слежавшихся и покрытыхъ мелкимъ саксауломъ. Въ 6—7 верстахъ не доходя до колодца, идутъ сплошные бугристые пески, во многихъ мѣстахъ образующіе высокіе барханы и глубокія котловины. Эти пески сильно цементированы и заняты почти сплошнымъ саксаульникомъ, особенно пышнымъ въ котловинахъ. Вокругъ колодца на версту съ лишнимъ крупный саксауль уничтоженъ ради добычи угля.

Вообще же самые рослые экземпляры этой мѣстности не превосходили полуторыхъ сажень въ высоту при одномъ футѣ толщины ствола (въ аршинѣ отъ корня). Куянъ-суюкъ здѣсь рѣдокъ, какъ и на пути сюда.

Кудукъ-кекенъ вырытъ около высокаго, мѣстами сильно сыпучаго бархана на площади сильно слежавшагося и цементировавшагося песка. Вода холодная, солоноватая, съ затхлымъ вкусомъ (въ Пальванъ-кудукъ она еще болѣе затхла и при томъ горьковата).

23/vii прошли къ колодцу Карай-кудукъ. Дорога сюда ведетъ

сначала сплошными песками, потомъ большею частью глинистыми площадями среди песковъ. Вездѣ много саксаула и посохшей травы. Вода такая же, какъ въ Кудукъ-кекенѣ, но худшаго качества.

24/vii сдѣлали переходъ къ колодцу Мусабай-кудукъ. Дорога слѣдуетъ бугристыми песками и площадями между ними. Саксаула меньше, чѣмъ раньше, и онъ мельче. Вода хорошая, но слегка солоноватая.

25/vii вернулись въ Карай-кудукъ и прошли на нѣсколько верстъ дальше по направленію къ Кудукъ-кекелю.

26/vii. Отъ Кудукъ-кекелю къ Топъ-кудукъ дорога почти все время проходитъ черезъ барханы, порою весьма высокіе и мѣстами занятые еще дѣвственными саксаульниками. Въ этихъ послѣднихъ намъ попадались деревья, достигавшія въ высоту до $8\frac{1}{2}$ аршинъ при одномъ футѣ толщины на аршинъ отъ корня. Судя по годичнымъ слоямъ, такіе экземпляры прожили болѣе 180 лѣтъ. Средняя высота деревьевъ не превосходила 6 аршинъ. Куянь-суюкъ встрѣчался лишь изрѣдка и при томъ тамъ, гдѣ песокъ былъ болѣе сыпучъ. Растетъ также медленно. Взятый мною обрубокъ въ $2\frac{1}{2}$ дюйма діаметромъ имѣлъ за собою 28-лѣтній возрастъ. Попадавшіеся на пути пески бугристаго типа обладали обычною кустарною растительностью изъ саксаула, тюя-сынгиръ, джузгуна, джузгена нѣсколькихъ видовъ, боялыша и т. д. Вездѣ довольно обильный травянистый покровъ, конечно, уже давно посохшій.

27/vii вернулись на Пальванъ-кудукъ, пересѣкая песчаная гряды и ленты плоской глины, ихъ раздѣляющія. Вездѣ много саксаула, но ближе къ Топъ- и Пальванъ-кудукъ онъ чрезвычайно сильно истребленъ. 28/vii старою дорогою мы возвратились въ урочище Кара-кумъ.

Ко времени разѣзда по пустынь наши термометры оказались разбитыми, и я не могу ничего сообщить о температурѣ этихъ дней. Скажу только, что было очень жарко.

15/vii съ 5 ч. пополудни съ сѣверо-запада стали надвигаться густыя тучи. Съ 6 и до 7 ч. лилъ дождь, и гроза освѣжала воздухъ. Съ 9 ч. снова дождь, шедшій съ перерывомъ до 3 ч. утра 16/vii; послѣ того небо быстро разъяснилось. Главная масса тучъ направлялась вверхъ по долину Сыръ-Дарьи, оставляя въ сторонѣ горы Кара-тау и Кизыль-кумъ.

20/vii утромъ небольшой дождь. Съ полудня сильный СЗ вѣ-

теръ, порою переходившій въ ураганъ и стихшій только вечеромъ. Густыя тучи на СЗ весь день. Съ $4\frac{1}{2}$ ч. пополудни и до 6 ч. дождь и гроза. Съ 10 ч. пополудни и до разсвѣта 21/VI сильный вѣтеръ съ СЗ. Остальные дни были безоблачны, но ихъ покой нарушался сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ.

Ташкентъ.

15 октября 1912 г.

По островамъ Малайскаго архипелага, Молуккскаго и Ару съ мирмекологической цѣлью. Общія впечатлѣнія и наблюденія натуралиста.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической И. Р. Г. О.).

В. А. Караваевъ.

Путешествіе, общій обзоръ котораго составляетъ содержаніе настоящей статьи, представляетъ собою не первое мое знакомство съ тропическимъ міромъ. Съ величіемъ его мнѣ довелось познакомиться впервые уже четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я провелъ цѣлую зиму на Явѣ, работая главнымъ образомъ въ «Fremdenlaboratorium» Бейтензоргскаго Ботаническаго сада. Тогда я занимался собираніемъ матеріала по различнымъ вопросамъ зоологической морфологіи и коллектированіемъ различныхъ животныхъ, главнымъ образомъ, насѣкомыхъ ¹⁾).

Въ послѣдніе годы я специализировался на изученіи муравьевъ, совершивъ съ цѣлью собиранія и изученія ихъ нѣсколько поѣздокъ (въ Среднюю Азію, Египетъ, Суданъ, Тунисъ и Алжиръ). Уже давно я лелѣялъ мечту снова отправиться въ тропики, чтобы теперь, какъ мирмекологъ, заняться изученіемъ и собираніемъ муравьевъ въ этихъ обѣтованныхъ странахъ. Специалисты мирмекологи отправляются въ тропики для собиранія муравьевъ и наблюденій надъ ними лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ подавляющемъ же

¹⁾ См. мою книгу общаго характера: В. А. Караваевъ, Поѣздка на островъ Яву. Впечатлѣнія натуралиста. (Кіевскія «Университетскія Извѣстія» и отд. изд., Кіевъ, 1900 г. 166+III стр., съ 18 цинкогр. и 10 фототипіями).

большинствѣ случаевъ они пользуются матеріаломъ, собраннымъ другими. Такими собирателями являются, съ одной стороны, зоологи, почти всегда собирающіе въ то же время и другихъ животныхъ, благодаря чему, при разносторонности ихъ интересовъ, муравьямъ не можетъ быть оказываемо достаточно вниманія. Съ другой стороны—имѣется не мало лицъ, часто даже не зоологовъ, которые, живя въ тропикахъ болѣе или менѣе осѣдло, собираютъ муравьевъ для извѣстныхъ спеціалистовъ, часто по просьбѣ послѣднихъ. Среди этой категоріи имѣются собиратели очень тщательные, но для полного успѣха они не всегда обладаютъ достаточными знаніями. Что касается біологіи муравьевъ, то на эту сторону, къ сожалѣнію, большей частью обращается очень мало вниманія. Еще рѣже собираются и высылаются спеціалистамъ гнѣзда муравьевъ, что, впрочемъ, понятно въ виду тѣхъ затрудненій, какія представляетъ сохраненіе этихъ, въ большинствѣ случаевъ, рыхлыхъ и легко повреждаемыхъ сооружений. До сихъ поръ я имѣлъ въ виду ученыхъ или вообще лицъ, собирающихъ животныхъ съ безкорыстной цѣлью служенія наукѣ, что же касается коллекторовъ-продавцовъ, то таковые муравьевъ обыкновенно не собираютъ вовсе, такъ какъ на энтомологическомъ рынкѣ на этихъ насѣкомыхъ, не блещущихъ эффектной внѣшностью, не существуетъ почти никакого спроса. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы видѣть, что муравьи представляютъ достаточное поле для изслѣдованія даже въ тѣхъ тропическихъ странахъ, въ которыхъ фауна ихъ сравнительно хорошо изслѣдована. Но не скрою, что, помимо изслѣдованія муравьевъ, въ тропики влеко меня также и непосредственное стремленіе снова насладиться лицезрѣніемъ могучей природы. Въ даль меня влекло и заложенное въ моей душѣ стремленіе къ бродяжничеству.

Въ силу старыхъ воспоминаній я стремился прежде всего въ Бейтензоргъ. Кромѣ того, сначала хотѣлось заняться изслѣдованіемъ муравьевъ при хорошихъ условіяхъ жизни, чтобы затѣмъ, лучше оріентировавшись, отправиться въ мѣстность, менѣе затронутую культурой. Въ Бейтензоргѣ муравьевъ собирали уже многіе зоологи, такъ что фауна этой мѣстности уже въ значительной степени извѣстна, но для меня имѣло большое значеніе пополнить свою коллекцію, а затѣмъ, помимо одного коллектированія муравьевъ, заняться наблюденіемъ надъ ихъ жизнью и собираніемъ гнѣздъ.

Значительная часть Явы чрезвычайно культивирована, и по-

этому это островъ совсѣмъ не подходящій для ознакомленія съ нетронутой тропической природой. Исключеніе составляетъ крайняя западная часть острова, но тамъ нѣтъ возможности найти для себя пріютъ. Между тѣмъ меня влекло въ глушь, въ которой я могъ бы видѣть тропическій міръ въ его нетронутомъ видѣ, въ которой я могъ бы пожить по возможности ближе къ природѣ. Какъ мирмеколога, меня вмѣстѣ съ тѣмъ привлекали мѣстности, менѣе изслѣдованныя въ отношеніи фауны муравьевъ. Куда направиться? «Словъ нѣтъ», говоритъ К. Н. Давыдовъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Индонезію ¹⁾, «на Малайскомъ архипелагѣ есть не мало мѣстъ, гдѣ натуралистъ найдетъ своего рода зоологическое эльдорадо, но пребываніе въ этихъ мѣстахъ будетъ связано съ рядомъ такихъ авантуръ, что спокойная научная работа отступить на второй планъ, и натуралистъ *volens nolens* окажется въ нежелательной для серьезнаго работника роли одного изъ героев Майнъ Рида. Многія мѣстности западнаго побережья Новой Гвинеи могутъ быть тому примѣромъ. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ, столь же глухихъ, столь же мало изученныхъ, куда рѣдко ступаетъ нога европейца, натуралистъ имѣетъ полное основаніе надѣяться и хорошо, продуктивно поработать, и пріятно поэкскурсировать, и пожить съ пользою для выработки правильнаго взгляда на тропическій міръ». Въ виду такихъ соображеній вопросъ о выборѣ мѣстности для изслѣдованій не представляется простымъ. Программу своей поѣздки я намѣтилъ заранѣе. Ознакомившись съ мирмекологической фауной Бейтензорга и совершивъ изъ этого пункта рядъ болѣе или менѣе отдаленныхъ экскурсій, я направился въ Амбонъ на Амбойнѣ и затѣмъ въ Добо на архипелагѣ Ару. Первый изъ этихъ пунктовъ представляетъ собою вполне культурный центръ, и лѣса этого острова уже сильно пощипаны «культурой», хотя въ мирмекологическомъ отношеніи онъ представлялъ для меня большой интересъ, второй же пунктъ представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ идеаль для натуралиста. Не скрою, что меня беспокоила нѣсколько мысль объ условіяхъ жизни въ Добо, но съ тѣхъ поръ, какъ К. Н. Давыдову приходилось вести въ немъ жизнь,

¹⁾ К. Н. Давыдовъ, По островамъ Индо-Австралійскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста. Извѣстія Императ. Академіи Наукъ. Ч. I. На островѣ Явѣ: т. XXI, № 4, 1905, стр. 173—230; Ч. II. Молуккскій архипелагъ: т. XXII, № 4 и 5, 1905, стр. 167—246; Ч. III. На островахъ Ару: т. XXV, № 5, 1905 (1908), стр. 245—351.

полную приключеній, онъ, какъ я узналъ изъ книги Арнольди ¹⁾, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ благоустройства и обезпеченія безопасности жизни.

Намѣчая программу своей поѣздки, я думалъ-было, закончивъ свое пребываніе въ Нидерландской Индіи, на обратномъ пути въ Россію посѣтить еще и Пераденію на Цейлонѣ и поработать надъ муравьями еще и тамъ. Въ Пераденіи муравьевъ (и термитовъ, которые составляли главную цѣль его поѣздки) собиралъ недавно проф. Эшерихъ ²⁾, а потому въ мирмекологическомъ отношеніи Пераденія представляла для меня сравнительно небольшой интересъ, тѣмъ болѣе, что въ моей коллекціи имѣются дублеты почти всѣхъ видовъ муравьевъ, собранныхъ тамъ Эшерихомъ, но я еще не видѣлъ Пераденіи и ея роскошнаго Ботаническаго сада, а потому поѣздка эта сама по себѣ была для меня очень заманчивой. Намѣренію этому на этотъ разъ не суждено было осуществиться.

Маршрутъ моего путешествія былъ слѣдующій. Отплывши 20 октября 1912 года изъ Одессы на пароходѣ Добровольнаго Флота «Владиміръ», я пересѣлъ въ Сингапурѣ на пароходъ компании Norddeutscher Lloyd «Manila», доставившій меня въ портъ Батавіи Tondjonk Priok. Въ Бейтензоргѣ я пробылъ около полутора мѣсяца (съ 29 нояб. 1912 по 18 янв. 1913 г.), совершая отсюда, какъ я уже указалъ выше, время отъ времени болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи. Затѣмъ я направился на пароходѣ голландскаго Paketvaart'a на востокъ, пробывъ двѣ недѣли въ Амбонѣ (на Амбойнѣ, съ 27 янв. по 12 февр.) и пять недѣль въ Добо на островѣ Ваммарѣ архипелага Ару (съ 15 фев. по 24 марта), откуда я совершалъ кратковременныя экскурсіи и внутрь архипелага. Но это были не единственные посѣщенные мною острова. Пароходы Paketvaart'a останавливаются по пути у множества острововъ, при чемъ почти всегда имѣется возможность сойти на берегъ и хоть немного походить и даже поколлектировать. Этой возможностью, когда она была, я всегда пользовался. Если не было возможности сойти на берегъ, то я

¹⁾ Проф. В. Арнольди, По островамъ Малайскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста. Москва, 1911. (Изд. «Научное Слово»). 219 стр., съ 17 табл. фототипій.

²⁾ См. K. Escherich, Termitenleben auf Ceylon, Jena, 1911. Къ этой книгѣ, въ числѣ другихъ, приложена статья A. Forel'я, Ameisen aus Ceylon, gesammelt von Prof. K. Escherich (einige von Prof. Bugnion).

во всякомъ случаѣ и наблюдая съ парохода могъ знакомиться съ общимъ характеромъ природы въ окрестностяхъ мѣста остановки. Во многихъ случаяхъ я имѣлъ возможность наблюдать картины природы и помимо остановокъ, такъ какъ у многихъ острововъ пароходъ проходитъ на очень близкомъ разстояніи. По пути впередъ и въ обратномъ (нѣсколько иномъ) направленіи мы останавливались у слѣдующихъ пунктовъ: Булеленгъ или Сингараджа (на остр. Бали), Ампенанъ (остр. Ломбокъ), Сумбава-Бесааръ (Сумбава), Макассеръ (Селебесъ), Бутонъ, Тифу (Буру), Амбонъ (Амбойна), Сапаруа, Банда-Нейра, Гессеръ, Туаль (на Маломъ Кей), Элатъ (Большой Кей) и Добо (Ваммаръ архип. Ару). Покинувъ Добо, я вернулся въ Бейтензоргъ, въ которомъ пробылъ на этотъ разъ всего нѣсколько дней, чтобы окончательно собраться въ обратный путь. Изъ Сингапура, въ которомъ я сѣлъ 24 апрѣля на пароходъ Добр. Фл. «Кишиневъ», я направился теперь во Владивостокъ, въ который прибылъ 8 мая. Отсюда я совершилъ переѣздъ въ свой родной Кіевъ по великому Сибирскому пути.

Параллельно съ изученіемъ муравьевъ я предполагалъ-было заниматься спеціально и термитами, но при богатствѣ фауны муравьевъ въ тропикахъ обѣ эти задачи оказались трудно совмѣстимыми, и спеціальныя занятія термитами я вскорѣ оставилъ. Попутно я собиралъ и насѣкомыхъ вообще, а на островахъ Ару стрѣлялъ и препарировалъ птицъ. Имѣя при себѣ ружье и странствуя по этимъ островамъ, не имѣющимъ себѣ равныхъ по богатству и красотѣ птицъ, трудно было удержаться отъ того, чтобы не стрѣлять и не препарировать ихъ хоть въ небольшомъ количествѣ.

Предстоящее детальное изученіе собранныхъ муравьевъ, количество которыхъ очень значительно (сдѣлано около 500 отдѣльныхъ сборовъ), потребуетъ много времени, и указать въ настоящее время число собранныхъ видовъ, хотя бы приблизительно, совершенно невозможно. Среди нихъ, несомнѣнно, окажется не мало новыхъ, такъ какъ мирмекологическая фауна посѣщенныхъ мною острововъ изслѣдована еще очень неполно. На это указываетъ и начатое уже мною изученіе собраннаго матеріала. Конечно, при богатствѣ фауны муравьевъ въ тропикахъ, мои сборы, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ я оставался болѣе продолжительное время, никоимъ образомъ не могутъ претендовать даже на относительную полноту. Да и при

какихъ условіяхъ возможна полнота сборовъ? Другой разъ собираешь въ той же мѣстности тщательнѣйшимъ образомъ десять лѣтъ и подъ конецъ не находишь ничего новаго, а на одиннадцатый вдругъ и найдешь. Я собралъ также большое количество муравьиныхъ гнѣздъ, большинство которыхъ до сихъ поръ не было извѣстно. Мнѣ удалось сдѣлать надъ муравьями также и кое-какія интересныя біологическія наблюденія. На нѣкоторыя изъ нихъ указано будетъ въ общихъ чертахъ при обзорѣ моихъ изслѣдованій на отдѣльныхъ островахъ.

Всѣ собранные мною термиты и нѣсколько гнѣздъ послѣднихъ поступили въ полное распоряженіе нашего петербургскаго энтомолога Оскара Ивановича Юна, который одновременно со мною занимался спеціально изслѣдованіемъ термитовъ на Суматрѣ и полуостровѣ Малаккѣ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтить его въ Сингапурѣ при своемъ пребываніи въ немъ на обратномъ пути. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить ему свою благодарность за собранныхъ имъ во время этого путешествія и предоставленныхъ въ мое распоряженіе муравьевъ. Значительная часть послѣднихъ собрана имъ въ гнѣздахъ термитовъ и потому представляетъ для меня особенный интересъ.

Благодаря субсидіи Императ. Академіи Наукъ, установленной для ботаниковъ и зоологовъ, командируемыхъ съ научной цѣлью въ Бейтензоргъ, путь къ нему сталъ, такъ сказать, протореннымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, многіе натуралисты не ограничиваются пребываніемъ въ одномъ только Бейтензоргѣ и расширяютъ рамки своей поѣздки путешествіемъ и на другіе острова Индо-Австралійскаго архипелага. Благодаря частымъ поѣздкамъ уже создалась довольно обширная русская литература, въ значительной степени облегчающая предварительное ознакомленіе съ мѣстностью, а главное, съ условіями работы въ ней. Когда я направлялся на Яву четырнадцать лѣтъ тому назадъ, то изъ русской литературы, имѣющей значеніе для натуралиста, существовалъ только отчетъ проф. А. Коротнева ¹⁾ и книга проф. А. Краснова ²⁾. Послѣ моей книги о поѣздкѣ на Яву ³⁾ появился

¹⁾ А. А. Коротневъ, Отчетъ ученаго путешествія въ Нидерландскую Индію, представленный Обществу Естествоиспытателей. 1886. 36 стр. I томъ Трудовъ Отдѣленія Зоологіи и Физіологіи С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей.

²⁾ А. Н. Красновъ, По островамъ далекаго востока. Спб. 1895 г. (Изд. ред. «Недѣли»). 443 стр.

³⁾ См. прим. 1 на стр. 395.

обширный отчетъ о поѣздкѣ на острова Индо-Австралійскаго архипелага К. Н. Давыдова ¹⁾ и книга проф. В. Арнольди ²⁾.

Изъ русской литературы общаго характера имѣется о Явѣ еще статья нашего бывшаго консула въ Батавіи М. Бакунина ³⁾ и объемистая книга О. Щербатовой ⁴⁾.

Изъ всей русской естественно-исторической литературы объ Индо-Австралійскомъ архипелагѣ наиболѣе богатымъ по содержанію и охватывающимъ наибольшее число острововъ является необыкновенно талантливо написанный отчетъ К. Н. Давыдова. Я могу прямо сказать, что, на мой взглядъ, онъ является образцомъ отчетовъ подобнаго рода и для натуралиста, въ особенности для зоолога, по массѣ содержащихся въ немъ практическихъ указаній, является прямо неоцѣнимымъ. Изложеніе мѣстами можно назвать художественнымъ ⁵⁾.

Касаясь въ своемъ отчетѣ Явы, т.-е. главнымъ образомъ Бейтензорга, его научныхъ учрежденій и условій научной работы,

¹⁾ См. прим. 1 на стр. 397.

²⁾ См. прим. 1 на стр. 398.

³⁾ М. М. Бакунинъ, Тропическая Голландія. «Русскій Вѣстникъ» за 1895—98 гг.

⁴⁾ Княгиня О. А. Щербатова, Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ 1893 года. Съ географическимъ, историческимъ и политическимъ обзоромъ Малайскаго архипелага и Явы. Спб., 1897 г. VII + 348 стр.; съ 10 фототипіями, 100 рис. въ текстѣ и картой.

Названная книга изобилуетъ прекрасно исполненными цинкографіями и фототипіями, но онѣ представляютъ, къ сожалѣнію, единственное ея достоинство. Текстъ, въ формѣ дневника, изобилуетъ общими фразами и не даетъ опредѣленнаго представленія о посѣщенныхъ мѣстностяхъ. Очень много мѣста удѣлено личному элементу. Правописаніе туземныхъ названій въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуетъ ни мѣстному правописанію, ни произношенію ихъ, попутныя же экскурсіи въ область зоологіи и ботаники являются болѣе чѣмъ неудачными.

⁵⁾ Изъ иностранной литературы я укажу на слѣдующую:

H. von Rosenberg, Der malayische Archipel. Land und Leute in Schilderungen, gesammelt während eines dreissigjährigen Aufenthaltes in den Kolonien. Leipzig, 1878. 615 стр., съ многочисленными рисунками.

O. Mohnike, Blicke auf das Pflanzen- und Thierleben in den niederländischen Malaienländern. Münster, 1883. 694 стр., съ 18 табл., рѣзанными на деревѣ.

Книга проникнута враждебнымъ отношеніемъ къ эволюціонному ученію, но, независимо отъ того, представляетъ, пожалуй, лучшее руководство для общаго ознакомленія съ составомъ флоры и фауны Малайскаго архипелага.

H. Forbes. A naturalists Wandering in the Eastern Archipelago. Нѣ-

К. Н. Давыдову приходилось естественнымъ образомъ, съ цѣлью избѣжанія повтореній, въ значительной степени сообразоваться съ содержаніемъ моей книги и останавливаться подробно только на томъ, что мною было только намѣчено или же совсѣмъ опущено. Моя задача является въ настоящее время еще болѣе зависимой. Я долженъ сообразоваться и со своей книгой, и съ отчетомъ К. Н. Давыдова, и, частью, съ книгой В. Арнольди. Тѣмъ не менѣе, если новое возможно сказать и о томъ, о чемъ писалось уже много, то еще болѣе это примѣнимо въ отношеніи странъ малоизвѣстныхъ. Кромѣ того, мнѣ приходилось видѣть мѣстности и цѣлые острова, о которыхъ въ литературѣ еще ровно ничего не извѣстно.

мецкій переводъ подъ заглавіемъ: «Wanderungen eines Naturforschers im malayischen Archipel von 1878 bis 1883». Jena, 1886. 300 + 254 стр., съ многочисленными рисунками, одной цвѣтной таблицей и тремя картами.

A. R. Wallace, The Malay Archipelago. London, 1890. Переведено также на нѣмецкій языкъ (A. R. Wallace, Der malayische Archipel. Die Heimat des Orang-utan und des Paradiesvogels. Reiseerlebnisse und Studien über Land und Leute). Braunschweig, 1869. 435 + 490 стр., съ рисунками и картами. Въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей А. Бекетова (Малайскій архипелагъ. Отечество орангъ-утанга и райской птицы. Спб., 1872), вышелъ только первый томъ.

Emil Selenka, Ein Streifzug durch Indien. 1890.

Живо написанный, иллюстрированный снимками съ натуры рядъ очерковъ въ 64 страницы, касающихся также и Явы.

C. Pictet et M. Bedot, Comte rendu d'un voyage scientifique dans l'archipel malais. Genève, 1893.

Много практическихъ указаній относительно снаряженія.

G. Haberlandt, Eine botanische Tropenreise. Indo-malayische Vegetationsbilder und Reiseskizzen. Leipzig, 1893. 300 стр., съ 51 рис.

Эта книга, при строгой научности, отличается необыкновенно живымъ изложеніемъ. Содержаніе ея составляютъ, главнымъ образомъ, біологическія наблюденія автора надъ тропической флорой. Книга содержитъ также прекрасный климатическій очеркъ Явы, картину животной жизни и этнографическій очеркъ туземнаго населенія.

Capt. F. Schulze, West Java, travellers Guide. Batavia, 1895.

Richard Semon, Im australischen Busch und an den Küsten des Korallenmeeres. Reiseerlebnisse und Beobachtungen eines Naturforschers in Australien, Neu-Guinea und den Mollukken. Leipzig, 1896. 569 стр., съ 85 рис. и 4 картами.

Meyers Reisebücher: Weltreise. Leipzig und Wien, Bibliographisches Institut, 1907. 516 стр., съ многочисленными картами.

Для Явы содержитъ массу практическихъ указаній.

Такъ какъ главной цѣлью моей поѣздки было собираніе муравьевъ и термитовъ ¹⁾ и наблюденія надъ ними, то мое специальное снаряженіе въ этомъ направленіи было очень несложнымъ. Для раскапыванія земляныхъ гнѣздъ у меня имѣлся ручной стальной совокъ, а для собиранія надземныхъ муравьиныхъ гнѣздъ (главнымъ образомъ картонныхъ, съ деревьевъ) или же частей земляныхъ гнѣздъ—рядъ стеклянныхъ банокъ различныхъ размѣровъ, между прочимъ и довольно значительныхъ, частью съ обыкновенными стеклянными пробками, частью — консервнаго типа (со стеклянной крышкой, прижимаемой къ каучуковому кольцу проволоочнымъ зажимомъ) и, наконецъ, съ навинчивающимися крышками съ проволоочной сѣткой. Для наблюденія надъ муравьями въ комнатѣ у меня было нѣсколько «Васманновскихъ» гнѣздъ размѣромъ въ $\frac{1}{2}$ фотогр. пластинки (13×18 см.) и высотой сантиметровъ въ 5.

Муравьевъ (и термитовъ) я собиралъ исключительно въ спиртъ, въ стеклянныя трубочки съ корковыми пробками, при чемъ отдѣльные сборы часто раздѣлялись посредствомъ ватныхъ прослоекъ. Мой запасъ трубочекъ (отъ А. Winkler'a и F. Wagner'a, Wien, XVIII, Dittesgasse, 11) былъ четырехъ родовъ: съ поперечникомъ въ 10, 13, 16 и 20 мм. Длина всѣхъ этихъ трубочекъ была по 80 мм. Каждой категоріи трубочекъ у меня было по 300 штукъ. Кромѣ этихъ трубочекъ, у меня было еще нѣкоторое количество трубочекъ очень маленькаго размѣра. Затѣмъ, кромѣ трубочекъ, у меня имѣлось еще небольшое количество среднихъ размѣровъ банокъ для крупныхъ муравьевъ. Количество взятыхъ трубочекъ оказалось чрезмѣрно большимъ. Было бы достаточно взять съ собою половину, и изъ тѣхъ значительная часть оказалась бы не заполненной, тѣмъ болѣе, что многіе сборы мелкихъ муравьевъ были незначительныхъ размѣровъ и раздѣлялись посредствомъ ватныхъ прослоекъ. Но нужно имѣть въ виду, что я пробылъ въ путешествіи болѣе короткое время, чѣмъ предполагалъ, и не былъ на Цейлонѣ.

Спирта я съ собою не бралъ, какъ во избѣжаніе таможенныхъ затрудненій, такъ и въ виду того, что послѣдній можно получать въ любомъ количествѣ и по дешевой цѣнѣ въ Бейтензоргскомъ Ботаническомъ саду. Для упаковки муравьиныхъ гнѣздъ

¹⁾ Какъ я уже указалъ выше, специальное изученіе термитовъ я вскорѣ оставилъ и собиралъ ихъ затѣмъ только попутно.

я взялъ изъ дому довольно значительное количество тонкостѣнныхъ деревянныхъ коробокъ различнаго размѣра. О мелкихъ принадлежностяхъ для сбора я не упоминаю. Излишнимъ нахожу также распространяться о принадлежностяхъ для сбора прочихъ насѣкомыхъ. Нафталина, очень нужнаго въ тропикахъ, я взялъ достаточное количество, но очень сожалѣлъ о томъ, что не взялъ достаточно формалина. Послѣдній оказался мнѣ очень нужнымъ для консервированія крупныхъ клубней *Myrmeodia* и *Hydnophytum*, обитаемыхъ муравьями. Я былъ бы также предусмотрительнѣе, если бы взялъ съ собою бензиновый паяльникъ и прочія принадлежности для паянія. Въ Бейтензоргѣ въ этомъ отношеніи затрудненій быть не можетъ, такъ какъ тамъ при лабораторіи имѣется знаменитый Салиманъ, но въ глуши, какъ на Ару, паяльникъ былъ бы очень кстати. Жестянки изъ-подъ керосина, очень пригодныя для формалиновыхъ и спиртовыхъ коллекцій, можно имѣть рѣшительно всюду.

Въ теченіе всего путешествія я много фотографировалъ, причемъ снимки общаго характера я дѣлалъ исключительно вераскопомъ Ришара, а специально касающіеся муравьевъ (гнѣзда, клубни *Myrmeodia* и *Hydnophytum*) посредствомъ Stereo-Palmos фабрики Ica въ Дрезденѣ, съ общимъ размѣромъ пластинки 9×12 см. и Цейссовскими объективами-тессарами 1:6,3. F.9 cm. Почти всѣ пластинки, которыми я пользовался, были взяты изъ дому, именно пластинки Люмьера съ голубымъ этикетомъ. Только небольшое количество вераскопическихъ пластинокъ было куплено въ Вельтевреденѣ (у Marsmann'a, Nordwijk), именно Chromo-Isolar Agfa, которыя оказались не первой свѣжести. Кстати замѣчу, что пластинки болѣе ходкихъ размѣровъ, какъ 9×12 и 13×18 , можно всегда имѣть у Marsmann'a въ хорошемъ состояніи. Въ особенности въ ходу здѣсь Chromo-Isolar Agfa. Всѣ свои пластинки я запаялъ дома въ жестянкахъ по 2—3 дюжины и вскрывалъ ихъ незадолго до употребленія. Часть я проявлялъ тотчасъ, остальные же по возвращеніи домой. Въ послѣднемъ случаѣ, для избѣжанія вреднаго дѣйствія сырости, я клалъ въ жестянку съ коробкой, содержащей пластинки, куски негашеной извести. Разрѣзъ картонной коробки, а также крышку жестянки я оклеивалъ липкой полоской леукопласта Beiersdorf'a. Закупорка—столь же простая, какъ и надежная. Предохраненныя такимъ образомъ пластинки доѣхали въ прекрасномъ состояніи. Всего вераскопическихъ снимковъ сдѣлано мною около 30 дю-

жинъ, снимковъ же размѣра 9×12 сравнительно небольшое количество. Тотъ, кто однажды сталъ дѣлать снимки стереоскопической камерой, не можетъ смотрѣть на обыкновенные снимки иначе, какъ съ полнымъ равнодушіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою густой лѣсъ, снятый обыкновенной камерой? Сплошную стѣну, въ которой рѣшительно ничего не разберешь! И эта самая стѣна превращается на стереоскопическомъ снимкѣ въ картину, полную жизни! Я очень сожалею, что не могу представить читателю своихъ снимковъ въ видѣ стереоскопическихъ картинъ. Размѣръ вераскопическихъ снимковъ (4×4 см.) я нахожу совершенно достаточнымъ, такъ какъ въ стереоскопѣ они представляются значительно увеличенными.

На Ару я ѣхалъ, чтобы жить собственнымъ хозяйствомъ, да иначе тамъ и невозможно, а потому я взялъ съ собою нѣкоторое количество кухонной (эмалированной) посуды и керосиновую кухню Гретца. Для освѣщенія комнаты у меня была маленькая «кухонная» керосиновая лампа; для умыванія ведро съ краномъ и эмалированная миска.

Для храненія костюмовъ, бѣлья и болѣе цѣнныхъ приборовъ, какъ фотографическія камеры, у меня имѣлось два желѣзныхъ тропическихъ сундука фирмы «Dingeldey & Werres» въ Берлинѣ. Эти сундуки отличаются той особенностью, что край крышки прижимается къ каучуковой полоскѣ, благодаря чему получается вполне герметическая закупорка, при которой ни дождь, ни вообще сырость не могутъ проникнуть внутрь. Но понятно, если во время открыванія сырой воздухъ проникъ внутрь, то онъ тамъ и останется, и герметическая закупорка будетъ имѣть только отрицательное значеніе. Костюмы и бѣлье при такихъ условіяхъ плѣсневѣютъ еще хуже, чѣмъ въ обыкновенномъ сундукѣ. Но если принимать мѣры предосторожности, именно въ солнечную погоду просушивать костюмы и бѣлье на солнцѣ, то такіе сундуки будутъ, конечно, несравненно лучше обыкновенныхъ. У Dingeldey и Werres можно пріобрѣтать полное тропическое снаряженіе. Это громадная торговля. Распространяться о тропическихъ костюмахъ я нахожу излишнимъ. Съ собою я взялъ ихъ немного и затѣмъ заказалъ нѣсколько штукъ портному китайцу въ Бейтензоргѣ. За бѣлые костюмы онъ взялъ съ меня по 6 гульденовъ, а за костюмы цвѣта въ родѣ хакки (буроватые) по 8 гульденовъ. Лучшія тропическія шляпы—каучуковыя, обтянутыя бѣлой матеріей; онѣ, конечно, какъ всегда, съ вентиляціей. Такія

шляпы совершенно не боятся дождя. Такую шляпу я купилъ себѣ въ Бейтензоргѣ у Lie Kiong Boen & Zonen (Passar, базаръ) за 8 гульденовъ. Обувью мнѣ служили бѣлые полуботинки, и кромѣ того у меня была пара желтыхъ кожаныхъ ботинокъ, купленныхъ у того же Dingeldey и Werres и особенно рекомендованныхъ мнѣ для тропиковъ. Въ концѣ концовъ я прихожу къ заключенію, что самой лучшей обувью для мокраго тропическаго лѣса были бы наши русскіе длинные (охотничьи) сапоги.

Многіе острова архипелага очень малярійны. Въ видѣ предохранительной мѣры совѣтуютъ принимать хининъ по $\frac{1}{2}$ —1 грамма два раза въ недѣлю. Если заболѣваніе и произойдетъ, то оно обнаруживается въ болѣе легкой формѣ. Эту мѣру предосторожности я соблюдалъ только на Ару. За все время путешествія я маляріи ни разу не получилъ, между тѣмъ мой слуга малаецъ, котораго я взялъ съ собою изъ Бейтензорга на Амбойну и Ару, заболѣлъ въ Добо жестокой маляріей, которая, впрочемъ, прошла у него въ нѣсколько дней послѣ усиленныхъ приѣмовъ хинина. На пароходѣ, на обратномъ пути, малярія вернулась у него снова и опять-таки прошла черезъ нѣсколько дней ¹⁾.

Кромѣ складного кресла-постели для тропической глуши (какъ Ару), необходимо имѣть для защиты отъ москитовъ еще переносный кисейный пологъ (klambu). Послѣдній прикрѣпляется обыкновенно на-вѣсу къ двумъ протянутымъ въ комнатѣ въ горизонтальномъ направленіи веревкамъ.

Всѣмъ направляющимся въ Голландскую Индію извѣстно, что для объясненія съ туземцами необходимо владѣть малайскимъ языкомъ. Для изученія его существуетъ значительное количество руководствъ, изъ которыхъ наиболѣе распространеннымъ является книжка А. Seidel'я, *Praktische Grammatik der Malayischen Sprache*. Wien, Pest, Leipzig (A. Hartleben's Verlag). Я долженъ сказать, что всѣ существующія руководства плохи, именно въ томъ отношеніи, что языкъ ихъ далеко не соотвѣтствуетъ тому крайне испорченному малайскому нарѣчію, которое именно необходимо путешественнику при сношеніяхъ съ тѣми различнѣйшими малайскими (и даже не малайскими) народностями, для которыхъ настоящій малайскій языкъ является чужимъ, и затѣмъ въ нихъ

¹⁾ Для ознакомленія съ тропической гигиеной можно рекомендовать: Dr. Paul Kohlstock, *Ratgeber für die Tropen*. 3. Aufl., bearb. v. Mankiewitz. 1910.

большей частью нѣтъ словъ, наиболѣе нужныхъ для натуралиста. Я дѣлаю попытку облегчить ознакомленіе заинтересованныхъ лицъ съ испорченнымъ малайскимъ языкомъ и съ этой цѣлью помѣщаю въ концѣ очерка своего путешествія, въ видѣ прибавленія, небольшой списокъ малайскихъ словъ, проверенныхъ и частью почерпнутыхъ изъ разговорнаго языка. Онъ очень неполонъ, нѣкоторыхъ очень нужныхъ словъ въ немъ нѣтъ, но да не будетъ заинтересованный читатель слишкомъ взыскателенъ. Для обстоятельной работы у меня не было досуга, да и мысль о составленіи списка явилась у меня слишкомъ поздно.

Изъ существующихъ руководствъ я назову еще слѣдующія:

Errington de la Croix, Vocabulaire français-malais et malais-français. Paris, 1889. E. Leroux и

Polyglott Kuntze, Schnellste Erlangung jeder Sprache ohne Lehrer. Malayisch. Bonn a. Rh.

Въ заключение—last not least—считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе дѣломъ или добрымъ совѣтомъ. Прежде всего я очень благодаренъ Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, командировавшему меня въ Нидерландскую Индію, и Комитету Добровольнаго Флота, предоставившему мнѣ льготный проѣздъ на своихъ пароходахъ. Постоянное неоцѣнимое содѣйствіе въ моихъ научныхъ предпріятіяхъ я встрѣчалъ въ особенности со стороны директора научныхъ учрежденій Бейтензоргскаго Ботаническаго сада д-ра J. Koningsberger'a и завѣдующаго Лабораторіей для пріѣзжихъ (Fremdenlaboratorium) того же сада—д-ра Faber'a. Совѣтомъ обязанъ я также и нашимъ русскимъ путешественникамъ-зоологамъ К. Н. Давыдову и А. Иванову, изъ которыхъ съ послѣднимъ меня связываетъ старая дружба съ тѣхъ временъ, когда я былъ завѣдующимъ Севастопольской Біологической станціей. Всѣмъ этимъ учрежденіямъ и лицамъ мое сердечное спасибо!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ Кіева до Явы.

Отъѣздъ мой изъ Кіева произошелъ при ужаснѣйшей суматохѣ, такъ какъ по расписанію мой пароходъ «Владиміръ» долженъ былъ отойти 25 октября, между тѣмъ, когда я пошелъ справиться по поводу отъѣзда въ нашемъ кіевскомъ агентствѣ Добр. Флота, то оказалось, что получена телеграмма, согласно которой «Владиміръ» отходитъ 20-го. Это было дня за три до 20-го, и потому всякій, совершавшій далекія путешествія, долженъ себѣ ясно представить, какъ голова моя «пошла кругомъ» и при какомъ состояніи мыслей мнѣ пришлось заканчивать окончательную укладку. Мои трубочки для консервированія муравьевъ, заказанныя Winkler'у и Wagner'у въ Вѣнѣ еще въ первыхъ числахъ сентября, не были получены, но, къ счастью, чуть не въ день отъѣзда изъ Кіева онѣ все-таки прибыли. Расписание пароходовъ Добровольнаго Флота, составляемое заранѣе на цѣлый годъ, соблюдается обыкновенно только приблизительно, и это печальное обстоятельство долженъ имѣть въ виду всякій заинтересованный.

Я выѣхалъ изъ Кіева 18-го октября вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ въ прекрасную теплую погоду. Незадолго передъ тѣмъ выпалъ снѣгъ, почти весь уже растаявшій. Послѣднія кучи его я видѣлъ въ области Раздѣльной. Въ Одессѣ я засталъ еще лучшую погоду: было совершенно ясно и тепло, въ лѣтнемъ пальто даже жарко. Вскорѣ я перебрался со всѣми своими вещами на пароходъ и посвятилъ остатокъ дня прощальнымъ визитамъ имѣющимся у меня въ Одессѣ близкимъ. Ночевалъ я на пароходѣ.

Вмѣсто 4 часовъ пополудни, мы отошли лишь въ 8^{1/2} вечера, такъ какъ буксирный катеръ заставилъ ждать себя до 7 часовъ и оттягиваніе «Владиміра» отъ пристани продолжалось цѣлыхъ полтора часа. Въ день отхода погода совершенно испортилась: съ утра сталъ моросить мелкій дождь, который къ вечеру постепенно усиливался. Въ то же время сталъ дуть рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ, и стало замѣтно холодать; вечеромъ было уже всего 4° выше нуля. Всю ночь была не особенно сильная киле-

вая и боковая качка, которая мѣшала спать, именно благодаря размѣренному хлопанью незапертыхъ каютныхъ дверей. Да не подумаетъ читатель, что качка дѣйствовала на меня непосредственно: дѣйствию ея я, повидимому, совершенно не подверженъ. Мы шли не въ Константинополь, а въ Севастополь, именно съ цѣлью взять около тысячи магометанскихъ паломниковъ, направляющихся черезъ Джедду въ Мекку. Нѣсколько сотъ ихъ мы взяли уже въ Одессѣ. Къ Севастополю мы подошли около полудня, но сойти на берегъ, благодаря необыкновенному случаю, оказалось возможнымъ лишь черезъ полтора сутокъ. Мы вошли въ южную бухту, и капитанъ рѣшилъ пристать къ пристани такимъ образомъ, что закрѣпилъ носъ у самой пристани и предоставилъ вѣтру относить корму въ сторону, но при этомъ онъ не разсчиталъ длины парохода и разстоянія до стоявшаго у противоположнаго берега бухты стараго броненосца «Екатерины», который, кстати сказать, обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ плывучихъ деревянныхъ мишеней. Произошло то, что корма нашего «Владимира», относимая вѣтромъ, стала наноситься на «Екатерину». Произошла страшная ломка мишеней, сопровождавшаяся отчаяннымъ трескомъ. Я былъ въ это время какъ разъ на кормѣ. Досталось и нашимъ палубнымъ периламъ. Но главное, это то, что винтъ «Владимира» застрялъ въ якорныхъ цѣпяхъ «Екатерины». Какъ я сказалъ, на то, чтобы высвободить винтъ, потребовалось около полутора сутокъ, и это оказалось возможнымъ только тогда, когда доставлены были всѣ вспомогательныя средства и водолазъ. Счастье еще, что винтъ и руль остались цѣлы.

Севастополь и его Біологическая станція, которую я посѣтилъ тотчасъ по выходѣ на берегъ, связаны для меня съ тяжелымъ событіемъ въ моей жизни, но здѣсь не мѣсто касаться его. Съ тѣхъ поръ, какъ я завѣдывалъ станціей, произошло много перемѣнъ. Съ лѣвой стороны къ главному зданію станціи пристроенъ цѣлый трехъэтажный корпусъ съ музейнымъ заломъ въ два свѣта. Почти всѣми содержащимися въ немъ, очень внушительными по размѣрамъ, сборами по фаунѣ Чернаго и Азовскаго морей станція обязана неутомимой энергіи моего преемника по завѣдыванію станціей, завѣдующаго ею и теперь, — С. А. Зернову. Все выставленное находится пока еще въ сыромъ видѣ. Ежегодный бюджетъ станціи возросъ теперь съ 5 до 13 тысячъ, имѣются и новые служащіе, между прочимъ, ассистентка (г-жа Л. Якубова), бывшая раньше у проф. Lang'a въ Цюрихѣ. Много

пережитого пришлось вспомнить, ходя по станціи. Слева отъ станціи строится громаднѣйшее и очень красивое, въ древнегреческомъ стилѣ, зданіе Института физическихъ методовъ лѣченія, промежутокъ между которымъ и станціей будетъ засаженъ растительностью. На пароходъ я вернулся довольно поздно. Приѣмка паломниковъ продолжалась до поздняго вечера и затѣмъ чуть не весь слѣдующій день. Необыкновенно красивую картину представляетъ Севастополь въ тихую, ясную ночь съ моря. На зеленовато-черномъ фонѣ, въ который сливаются небо и море, берега бухты и военные суда обозначаются лишь въ видѣ множества яркихъ огней, отражающихся въ поверхности моря въ видѣ дребезжащихъ огненныхъ столбовъ. Сверху къ этому морю огней присоединяются небесныя звѣзды, и все сливается вмѣстѣ въ общемъ свѣтовомъ концертѣ. По временамъ на гору взбѣгаетъ вагонъ электрическаго трамвая,—точно яркое созвѣздіе. Въ тихомъ воздухѣ доносится съ судовъ выбиваніе стклянокъ, а у насъ, съ нижней палубы, слышится нескончаемый, сливающийся въ общій гулъ говоръ нашихъ восточныхъ паломниковъ, большей частью среднеазіатовъ. Я долго сидѣлъ на палубѣ, наслаждаясь величественной картиной. Я измѣрилъ температуру: оказалось всего 2 градуса выше нуля, между тѣмъ, благодаря тишинѣ, казалось гораздо теплѣе.

Я мало буду останавливаться на нашемъ дальнѣйшемъ пути. Въ Константинополѣ мы задержались очень недолго. Въ Кавакѣ я видѣлъ посадку на турецкій пароходъ солдатъ и лошадей. Солдаты кричали что-то аналогичное «ура», а наши паломники отвѣчали имъ, благословляя на войну съ гяурами. То же самое повторялось и по пути въ Дарданеллахъ, когда на берегу виднѣлись группы солдатъ.

Въ Архипелагѣ насъ трепало цѣлыхъ двое сутокъ при рѣзкомъ, холодномъ вѣтрѣ. Хоть меня и не укачивало, но непріятно было думать, что можетъ быть гораздо хуже. Свистъ и гулъ вѣтра, громыханіе болтающихся цѣпей о трубу, обычное хлопанье незапертыхъ дверей, страданіе отъ качки сосѣдей покаютъ, — все это впечатлѣнія, вызывающія непріятное чувство. Но все это уже въ прошломъ. Качка очень ослабѣла. Теперь ясное небо и совсѣмъ лѣтняя теплота: въ тѣни 17°. Настало и время переодѣться въ лѣтній костюмъ.

Я не сказалъ еще ничего о своихъ спутникахъ по первому классу. Ихъ было очень немного, и, за исключеніемъ милѣйшаго

мичмана Языкова, направлявшагося черезъ Владивостокъ въ Хабаровскъ на мѣсто своего служебнаго назначенія, всѣ они шли только до ближайшихъ портовъ, главнымъ образомъ до Портъ-Саида. Два врача для паломниковъ шли только до Джедды. Кромѣ того, въ первомъ классѣ было у насъ еще небольшое количество азіатовъ, также паломниковъ до Джедды, которые къ общему столу не выходили. Въ Константинополѣ мы приняли еще 15 пассажировъ перваго класса, турокъ и турчанокъ, между прочимъ, толстаго пашу, говорили, — члена Государственнаго Совѣта, который нашелъ время самымъ подходящимъ, чтобы ѣхать въ Джедду. Турчанки — некрасивыя старухи, всѣ въ черномъ, съ открытыми лицами, двѣ миловидныхъ дѣвочки-подростка и толстѣйшій юноша, судя по выраженію лица и своему поведенію, — полуидіотъ. Еще врачъ-турокъ, направлявшійся, какъ и всѣ остальные, въ Джедду. Далѣе онъ долженъ былъ отправиться въ Іеменъ, на службу къ іеменскому шейку въ качествѣ врача. Меня поражало полнѣйшее равнодушіе всѣхъ этихъ турокъ къ происходящему въ ихъ отечествѣ. Ни тѣни безпокойства. Женщины обнаруживали даже прямо радостное, беззаботное настроеніе.

Не буду останавливаться на картинѣ Суэцкаго канала: она описывалась уже много разъ. Нашъ переходъ по каналу начался передъ вечеромъ и продолжался часовъ до 11 слѣдующаго утра.

Въ Суэцѣ мы застали совершенный штиль и удручающую жару. Дальнія горы обрисовывались въ видѣ нѣжныхъ розоватыхъ массъ, и вся зеркальная поверхность моря имѣла розоватый оттѣнокъ.

Первую половину перехода по Красному морю нельзя было назвать пріятной, но это не столько благодаря жарѣ, сколько благодаря присутствію на пароходѣ несмѣтнаго количества паломниковъ-магометанъ, число которыхъ, какъ мнѣ говорили, было 1.535. За исключеніемъ такъ называемаго спардека (средняя, возвышенная, палуба у трубы) и частью нашей палубы (на кормѣ), всѣ остальные палубы и трюмы представляли собою сплошную массу человѣческихъ тѣлъ, копошащихся какъ муравейникъ. Будучи пригрѣваема жаркимъ солнцемъ, масса эта издавала нестерпимое зловоніе, къ которому присоединялся чадъ отъ массы жаровенъ и даже керосинокъ, на которыхъ жарились и варились кушанья съ бараньимъ саломъ и лукомъ. Ко всему этому

въ Суэцкомъ каналѣ присоединилось еще зловоніе отъ трупа старика, умершаго совсѣмъ несвоевременно, передъ самымъ входомъ въ каналъ, и котораго въ виду этого пришлось сохранять на палубѣ въ парусиновой будкѣ до выхода въ открытое Красное море. Это былъ уже четвертый покойникъ, а до Джедды умеръ и еще одинъ паломникъ, все древніе старики.

Изъ пароходныхъ впечатлѣній за эту часть перехода по Красному морю нельзя не упомянуть еще объ упражненіяхъ такъ называемыхъ лающихъ дервишей. Это не особая секта, а такъ сказать любители въ области даннаго вида экстаза. Участники садятся на корточки на палубѣ въ небольшой кружокъ и производятъ въ тактъ выкрикиванія, напоминающія собачій лай, сопровождаемая быстрымъ киваніемъ головой впередъ или даже раскачиваніемъ всего тѣла. Это повторяется безконечно долго съ все возрастающимъ ожесточеніемъ, до наступленія совершеннаго изступленія и религіознаго экстаза, при которомъ нѣкоторые начинаютъ плакать и взывать къ Аллаху, складывая просительнымъ образомъ руки. Окружающая толпа вторитъ этой мольбѣ. Послѣ короткаго перерыва этотъ «лай» начинается на нѣсколько новый ладъ, на другую интонацію. Эти упражненія начинались обыкновенно подъ вечеръ и продолжались до поздней ночи. Чѣмъ ближе къ Джеддѣ, тѣмъ они становились чаще и ожесточеннѣе.

По мѣрѣ приближенія къ Джеддѣ жара усиливалась все болѣе и болѣе, и писать становилось почти невозможнымъ: рука обливалась потомъ и приклеивалась къ бумагѣ.

Наканунѣ прибытія въ Джедду всѣ магометане моются, палубные пассажиры подъ душемъ морской воды на палубѣ за парусинной загородкой, а классные въ ваннѣ, и затѣмъ всѣ (и женщины) одѣваются во все бѣлое, въ которомъ остаются въ теченіе всего паломничества. Мужчины обертываютъ кускомъ матеріи нижнюю часть тѣла, а другой кусокъ, обыкновенно бѣлое лѣтнее одѣяло или мохнатая простыня, накидывается сверху; часто верхняя часть тѣла остается и безъ всякаго прикрытія. Голова остается обязательно обнаженной: допускаются только зонтики. На траверзѣ Медины пароходъ даетъ свистокъ, и тутъ начинается особенное бѣснованіе, которое вечеромъ достигаетъ своего апогея: лающіе дервиши и муллы, съ воплемъ рассказывающіе о страданіяхъ Гуссейна, доходятъ до совершеннаго изступленія. На нашемъ пароходѣ паломниковъ умышленно обманули

со свисткомъ. На траверзѣ Медины мы были часовъ въ 10 утра, между тѣмъ свистокъ дали только передъ вечеромъ.

Подходъ къ Джеддѣ очень опасенъ, и потому на нашемъ «Владимірѣ», когда мы дошли до поворота на Джедду, около двухъ часовъ ночи, застопорили машину, и мы простояли (конечно, не на якорѣ, такъ какъ это была почти середина Краснаго моря) до разсвѣта. Еще за много верстъ отъ самой Джедды рифы становятся видимыми, благодаря разбивающимся о нихъ и пѣнящимся волнамъ, и между ними приходится лавировать. Мы стали на якорь на разстояніи немалого числа верстъ отъ берега, среди другихъ пароходовъ, собравшихъ паломниковъ-магометанъ со всѣхъ концовъ свѣта (изъ одной Россіи въ настоящемъ году, говорятъ, прибыло до 13.000). Вскорѣ къ нашему пароходу подошли арабскія парусныя фелюги для перевозки паломниковъ на берегъ, и начался хаосъ, о которомъ не можетъ дать представление никакое описаніе. Тюки съ вещами бросали въ фелюги прямо съ борта, арабы и негры взлѣзали на пароходъ по своимъ мачтамъ, и происходила такая давка, что если бы не матросы, сдерживавшіе толпу у выхода на трапъ, то было бы, безъ сомнѣнія, не мало попадавшихъ въ воду. Въ воздухѣ стоялъ невообразимый гвалтъ. Но все, имѣющее начало, имѣетъ и свой конецъ, и когда черезъ нѣсколько часовъ мы избавились отъ послѣднихъ паломниковъ, то наступила полная тишина и благоденствіе.

Передъ нами виднѣлся плоскій желтоватый песчаный берегъ почти безъ всякихъ признаковъ растительности, а позади него горныя возвышенности голубовато-сѣраго цвѣта. Самый городъ представляется издали въ видѣ густой груды каменныхъ домовъ съ плоскими крышами. Я не съѣзжалъ на берегъ, съ одной стороны, потому, что сообщеніе съ нимъ очень затруднительно, а съ другой стороны—потому, что жара здѣсь выше всякаго вѣроятія. Это, говорятъ, самое жаркое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ: воздухъ накаленъ какъ въ печкѣ и стоитъ безъ малѣйшаго вѣтерка. Въ тотъ же день весь пароходъ принималъ основательную ванну: всѣ палубы тщательно мыли послѣ паломниковъ и скатывали водой.

Много мытарствъ предстоитъ еще паломникамъ, пока они доберутся до Мекки и Медины и вернутся обычнымъ круговымъ путемъ (я имѣю въ виду паломниковъ изъ Россіи) черезъ Бейрутъ домой. Весь этотъ путь совершается на верблюдахъ, при

чемъ бедуины періодически открыто грабятъ паломниковъ и нерѣдко даже убиваютъ. Ко всему этому паломники относятся довольно равнодушно: всѣ эти испытанія входятъ въ программу и засчитываются свѣше! Весь путь изъ Россіи и обратно обходится паломнику въ 400—600 рублей!

Среди сосѣднихъ пароходовъ мы застали пришедшій ранѣе насъ громадный двухтрубный «Херсонъ», и въ тотъ же день вечеромъ офицеры съ него сдѣлали намъ визитъ. Среди прибывшихъ оказался и мой старый знакомый съ «Костромы» ¹⁾, на которой я четырнадцать лѣтъ тому назадъ совершилъ свое первое плаваніе въ тропики,—именно пароходный врачъ Морозовъ. Къ визиту офицеровъ съ «Херсона» присоединились и проводы нашихъ обоихъ врачей, возвращавшихся на пароходъ «Assuan» (компаніи Khedivial) обратно въ Россію. По этому случаю устроена была выпивка, вполнѣ, впрочемъ, приличная, несмотря на то, что сидѣли за полночь. Мы расположились на палубѣ за столомъ, нарочно для того вынесеннымъ наверхъ, подъ люстрой электрическихъ лампочекъ. Изъ рубки раздавались аріи граммофона, а съ носа доносились звуки разудалой гармоникки, на которой артистически игралъ матросъ. Надъ нами стояло звѣздное небо съ молодой луной. Несмотря на вечеръ, было жарко и парно.

На слѣдующее утро мы все еще стояли у Джедды. Пароходы уходили и приходили. Утромъ я насчиталъ, вмѣстѣ съ нами, тринадцать стоящихъ на якорѣ большихъ паломническихъ пароходовъ. Особенное вниманіе обращалъ на себя громадный пароходъ съ индусами, пришедшій изъ Бомбея.

Предполагалось уйти около 12 часовъ дня, но мы простояли еще до вечера. Много времени ушло на выполненіе портовыхъ формальностей и на перевозку на «Херсонъ», уходящій въ Одессу, разнаго пароходнаго имущества, оставшагося послѣ паломниковъ, какъ спасательные пояса, тюфяки, желѣзныя трубы отъ печей и т. под.

Вторая половина плаванія по Красному морю шла все время при превосходной погодѣ, еще лучшей, чѣмъ до Джедды. Насъ, классныхъ пассажировъ, оставалось всего двое,—я и упомянутый выше симпатичный мичманъ Языковъ, и потому простору было

¹⁾ Какъ я прочелъ недавно (конецъ зимы 1913—14 г.) въ одной изъ газетныхъ телеграммъ, «Кострома» испытала гдѣ-то на Дальнемъ Востоку серьезную аварію и безвозвратно погибла.

болѣе, чѣмъ вдоволь. «Владиміръ» хорошій, большой пароходъ и при томъ очень удобный для прогулокъ. Отъ палубы перваго класса, на кормѣ, идетъ на томъ же уровнѣ продольный узкій висячій мостикъ, соединяющій ее со спардекомъ, или средней палубой, и отъ послѣдней идетъ такой же мостикъ къ передней палубѣ на носу, благодаря чему можно безъ всякихъ затрудненій совершать прогулки отъ кормы до самага носа, что составляетъ, помнится, 375 шаговъ. Мои отношенія съ капитаномъ, симпатичнѣйшимъ Константиномъ Константиновичемъ Камышанскимъ, и со всѣми офицерами были самыя непринужденныя, и я имѣлъ всюду свободный доступъ. Многіе часы простаивалъ я на командирскомъ мостикѣ и съ этой довольно значительной высоты любовался картиной моря, въ особенности вечеромъ. Величественна водная стихія въ бурную погоду, но не менѣе величественна она и въ спокойную погоду, когда громадная масса парохода, подобно какому-то фантастическому чудовищу, мѣрно разсѣкаетъ ея гладкую поверхность. Въ особенности величественна эта картина съ командирскаго мостика, когда впереди внизу на большое протяженіе простирается вся передняя половина слабо освѣщеннаго парохода съ высокой черной мачтой и черными снастями. Небосклонъ усѣянъ звѣздами, блеститъ луна, и свѣтъ ея отражается на поверхности моря безчисленными блестками. Смотришь съ высоты на эту великую стихію, но въ то же время видишь и мощный корпусъ парохода, невозмутимо и побѣдоносно прорѣзывающій ее, и невольно начинаешь чувствовать себя, какъ ни говорите, въ нѣкоторомъ родѣ героемъ, частью того человѣчества, которое нашло въ себѣ силу и способности хоть на время овладѣвать грозной стихіей.

Прекрасное плаваніе по Красному морю закончилось въ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ, или «Чортовыхъ воротахъ», какъ называютъ проливъ пароходная команда, отчаянной качкой, но далѣе снова стихло, и къ Джибути, послѣдней остановкѣ до Коломбо, мы подошли въ хорошую погоду. Это почти такой же безотрадный городокъ, если позволительно употребить это обозначеніе, какъ и Джедда. Мы простояли здѣсь самое короткое время.

Въ Аденскомъ заливѣ все время было совершенно тихо, но въ Индійскомъ океанѣ въ погодѣ произошла рѣзкая переменна. Сокотру мы огибали съ сѣверной стороны, и тутъ, точно такъ же, какъ и дальше въ открытомъ океанѣ, задулъ не полагающійся

въ это время года сѣверо-восточный муссонъ, а прямо сѣверный вѣтеръ. Качка, въ данномъ случаѣ боковая, значительно превосходила силу мѣстнаго вѣтра, и съ сѣвера стало нести сѣрыя клочковатыя облака. У нашего капитана, опытнаго моряка, сразу явилось подозрѣніе, что творится что-то неладное и, что, по видимому, впереди насъ разразился циклонъ, который, хотя бываетъ въ Индійскомъ океанѣ и рѣдко, но чаще всего какъ разъ въ ноябрѣ. Эту ночь луна и звѣзды свѣтили особенно ярко, но вокругъ первой виднѣлся нехорошій ореолъ, и на небѣ стали образовываться облака-циррусы,—признакъ очень нехорошій. На слѣдующій день картина стала еще менѣе утѣшительной: небо все заволокло тучами, и стало даже почти темно. Качка все усиливалась, при чемъ размахи доходили иногда до 23° , а это довольно много. На обѣденномъ столѣ, конечно, уже давно не на палубѣ, а въ каютѣ-кампаніи, появились «скрѣпы» для посуды, всегда дѣйствующія непріятно на настроеніе. Капитанъ вмѣстѣ съ нашимъ штурманомъ Литвиненко стали изучать карту циклоновъ, наблюдавшихся въ ноябрѣ, внимательно наблюдать колебанія барометра и направленіе вѣтра и пришли къ тому заключенію, что циклонъ, хотя и находится еще на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ насъ, но идетъ прямо на насъ. Обычный путь циклоновъ въ Индійскомъ океанѣ таковъ, что отъ южной оконечности Индіи онъ идетъ сначала на западъ, затѣмъ слегка отклоняется на сѣверо-западъ и послѣ этого сразу дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-востокъ. Вращеніе воздуха вокругъ центра циклона въ сѣверномъ полушаріи происходитъ въ направленіи, обратномъ движенію часовой стрѣлки, а потому легко себѣ представить, что сѣвернымъ вѣтеръ можетъ быть по отношенію къ наблюдателю только въ томъ случаѣ, если центръ циклона находится на востокѣ на линіи широты. Солнечный закатъ въ этотъ день былъ угрожающій: желто-красно-лиловаго цвѣта и со столбами лучей вверхъ. Увидѣвъ его, капитанъ тотчасъ далъ сигналъ повернуть курсъ прямо на югъ. Какъ только нашъ «Владиміръ» сталъ поперекъ къ зыби, такъ качка тотчасъ прекратилась, и стало легче на душѣ: мы уходили отъ опасности, постепенно приближаясь къ 12° с. ш., южнѣе котораго циклоны никогда не наблюдались. На слѣдующее утро зыбь стала нѣсколько легче, и мы повернули опять на востокъ, но къ вечеру она снова усилилась, къ тому же днемъ капитанъ замѣтилъ на пароходѣ принесенную вѣтромъ стрекозу, а по его наблюденіямъ.

въ Китайскомъ морѣ это вѣрный признакъ надвигающагося тайфуна. Вечеромъ онъ снова повернулъ на югъ, и мы шли въ этомъ направленіи до часа ночи. Утромъ картина кругомъ рѣзко измѣнилась; хотя качало еще довольно сильно, но небо стало совершенно другимъ: тучи стали быстро разбѣгаться, и сѣверный вѣтеръ смѣнился западнымъ,—указаніе, что циклонъ уходитъ на сѣверъ. Такимъ образомъ всѣ опасности минули, и можно было воспрянуть духомъ. Нашъ «Владиміръ» при настоящей своей ничтожной погрузкѣ представлялъ собою совсѣмъ неподходящее судно для серьезныхъ передрягъ. Въ сильную боковую зыбь онъ болтался, какъ пустая коробка. Уголь быстро убывалъ, и осадка уменьшалась съ каждымъ днемъ на $1\frac{1}{2}$ дюйма. Постепенно погода пошла на улучшеніе. На слѣдующій день небо опять заволкло тучами, но это были не прежнія угрожающія тучи, а обыкновенныя дождевыя. Разразился проливной дождь, лившій почти весь день. На слѣдующій день качка еще болѣе ослабѣла, и сталъ дуть юго-восточный вѣтеръ,—явленіе пассата. Еще сутки,—и часа въ три ночи мы прошли въ виду маяка на Миникоѣ, самомъ сѣверномъ островѣ Маледивскаго архипелага. И далѣе плаваніе продолжалось совершенно благополучно. Въ проливѣ между материкомъ и Цейлономъ на насъ задулъ свирѣпый нордъ-остъ, преизрядно покачавшій, но передъ самымъ Коломбо стихло. Мы должны были подойти къ Коломбо еще съ вечера, но разразился такой ужасающій ливень, что вокругъ ровно ничего не было видно, и мы стали двигаться впередъ съ опаской, малымъ ходомъ, давая частые предупредительные свистки. Такого проливного дождя я, кажется, еще никогда не видѣлъ. Съ неба низвергались прямо потоки, и ливень продолжался необыкновенно долго. Тентъ, въ виду недавняго порывистаго вѣтра, былъ убранъ, и наша палуба надъ каютъ-компаніей, давно, какъ и все на пароходѣ, не ремонтировавшаяся, не выдержала дождя и дала такую течь, что пришлось всюду подставлять миски и подкладывать тряпки, но это, конечно, мало помогало. Наконецъ, неясно обозначались маяки Коломбо, но въ такой дождь и лоцману, безъ котораго не разрѣшается входить въ портъ, было не до насъ, и его пришлось ждать нѣсколько часовъ, пока дождь нѣсколько не стихъ. Тѣмъ временемъ для меня представилась непредвидѣнная возможность заняться энтомологіей: дождевая погода въ соединеніи съ освѣщеніемъ парохода привлекла на него множество ночныхъ бабочекъ (сфинксовъ) и стрекозъ, и я наловилъ и тѣхъ, и дру-

гихъ цѣлую кучу. Лоцманъ явился къ намъ поздно ночью и про- велъ пароходъ до мола; внутрь гавани онъ былъ введенъ лишь на слѣдующее утро. Отъ лоцмана мы услышали и давно ожи- давшіяся и тревожившія насъ политическія вѣсти, которыхъ мы не имѣли отъ самага Портъ-Саида. Подтверждались болгарскія побѣды, но въ то же время считалась вѣроятной предстоящая война Россіи съ Австріей. Много пришлось передумать по этому поводу. Къ Коломбо мы подошли 15 ноября, потерявъ на пере- ходъ отъ Джибути лишнихъ два дня, вмѣсто 9—11.

Въ Коломбо мы простояли два дня, и я могъ бы смѣло съѣз- дить въ Пераденію, но заранѣе не было извѣстно, что мы про- стоимъ такъ долго, и я упустилъ эту возможность, о чемъ очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что обратно мнѣ пришлось направиться другимъ путемъ. Оба эти два дня погода была довольно дождли- вой, но дождь шелъ главнымъ образомъ къ вечеру и ночью, такъ что не мѣшалъ съѣзжать на берегъ и осматривать досто- примѣчательности. На послѣднихъ, равно какъ и на общемъ впечатлѣніи города, я не буду останавливаться, такъ какъ обо всемъ этомъ было уже достаточно писано, между прочимъ, и въ моей книгѣ о поѣздкѣ на Яву. Со времени моей поѣздки го- родъ измѣнился очень мало, но большія перемѣны произошли въ Grand Oriental Hôtel или «Джи-о-ичъ» (G-O-H), какъ здѣсь всѣ называютъ эту громадную гостиницу, въ которой я пообѣ- далъ съ агентомъ Добровольнаго Флота въ Коломбо, нашимъ ка- питаномъ и другими лицами съ «Владимира». Гостиница въ зна- чительной степени перестроена, но теперь строится еще одинъ громаднѣйшій корпусъ, а старый частью подлежитъ сломкѣ.

Коломбо промелькнуло для меня какъ роскошный сонъ. Утромъ въ день отплыва вдали виднѣлись туманныя очертанія возвышенностей Цейлона съ остроконечнымъ Адамовымъ пи- комъ, а далѣе потянулся зеленѣющій изорванный берегъ, на ко- торомъ передъ вечеромъ обрисовался высокій бѣлый маякъ и немногочисленные бѣлыя пятнышки домовъ Point de Galle. Еще позже показались розовато-красныя скалы Dondra-head, рядъ оторванныхъ маленькихъ островковъ,—и мы были снова въ от- крытомъ океанѣ. Шквалы съ дождемъ налетали попрежнему, но они становились все слабѣе и рѣже. Небо стало очищаться все болѣе и болѣе. Вѣтра почти нѣтъ, но сначала здорово ка- чала мертвая зыбь, повидимому, результатъ того недавняго ци- клона, который, какъ это мы узнали въ Коломбо, возникнувъ

въ Бенгальскомъ заливѣ и взволновавъ его воды, перешелъ черезъ материкъ Индіи и разразился со всей силой въ Индійскомъ океанѣ. Въ особенности много бѣдъ надѣлалъ онъ въ окрестностяхъ Бомбея—и на сушѣ, и на морѣ. Мертвая зыбъ стала стихать все больше и больше. Ночью небо бывало обыкновенно совершенно яснымъ. Луна всходила въ эти дни только въ часъ ночи. Вечеромъ блистали одни звѣзды, но необыкновенно ярко. Сиріусъ переливался своими радужнымм цвѣтами, а Венера на противоположномъ концѣ неба представлялась такимъ крупнымъ шаромъ, что можно бы, казалось, измѣрить его діаметръ. Отраженіе ея въ морѣ блестѣло широкимъ переливчатымъ столбомъ, точно отраженіе луны. Я часто подолгу стоялъ на командирскомъ мостикѣ и любовался этой картиной. Темная синева неба сливалась съ синевой океана, и казалось, что нашъ «Владиміръ» плавно плыветъ по воздуху въ какомъ-то сказочномъ мірѣ. Его огромное тѣло съ фантастическими темными выступами, слабо освѣщенное электричествомъ, представлялось какимъ-то громаднымъ чудовищемъ, плывущимъ по этому загадочному міру.

Наконецъ, на разсвѣтѣ въ прекрасную ясную погоду мы подошли къ островамъ Пуло-Вей и Пуло-Брасъ, лежащимъ у сѣверной оконечности Суматры и такимъ образомъ вступили въ область малайскихъ водъ. Отсюда до Сингапура около $2\frac{1}{2}$ сутокъ пути. Море здѣсь всегда спокойно: даже сильный вѣтеръ не въ состояніи сильно взволновать здѣшнія воды. Мы прошли между двухъ названныхъ острововъ, лежащихъ на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга, довольно возвышенныхъ и почти сплошь поросшихъ лѣсомъ. Цѣлый день мы шли вблизи Суматры и только къ вечеру значительно отошли отъ нея. Ночью берега совсѣмъ не было видно, и мѣстоположеніе его обозначалось лишь заревомъ пожаровъ. Это выжигаютъ роскошные дѣвственные лѣса, чтобы на мѣстѣ ихъ насадить плантаціи ненавистнаго для меня табака (о, некультурный человѣкъ, скажетъ читатель-курильщикъ!), которымъ заняты здѣсь уже громаднѣйшія площади. Бѣдные лѣса! Плаваніе по Малаккскому проливу шло все время безмятежно. Довольно часто налетали кратковременные шквалы съ дождемъ, но въ промежуткахъ между ними бывало ясно и часто даже почти безоблачно. Подъ конецъ плаванія мы шли вблизи живописныхъ зеленыхъ береговъ Малакки.

Итакъ, наступало время разлуки съ «Владиміромъ», съ ко-

торымъ я успѣлъ сродниться. Предстояла также разлука съ офицерами и симпатичнымъ капитаномъ, среди которыхъ я чувствовалъ себя какъ бы въ семейной обстановкѣ. О всѣхъ ихъ у меня сохранятся навсегда наилучшія воспоминанія. Трудный путь предстоялъ «Владиміру» отъ Сингапура! Сѣверо-восточный муссонъ, едва замѣтный въ Индійскомъ океанѣ, въ сѣверныхъ моряхъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, былъ «very strong», какъ сообщали англичане въ Сингапурѣ, и слабой машинѣ «Владиміра» предстояло бороться съ его мощью.

Въ Сингапурѣ я очень удачно, вовсе не останавливаясь въ гостиницѣ, тотчасъ же перебрался на пароходъ «Manila» общ. Norddeutscher Lloyd, отходившій на Яву на слѣдующій день въ 6 часовъ утра. Ждать нѣсколько дней голландскаго парохода Paketvaart'a не было резона, несмотря на то, что я, какъ натуралистъ, имѣлъ возможность воспользоваться на пароходѣ этого общества скидкой 25%. Гостиница обошлась бы мнѣ дороже. Положимъ, я могъ бы съ пользой для себя поэкскурсировать въ интересныхъ окрестностяхъ Сингапура, но для этого потребовалось раскупорить свои ящики и затѣмъ снова все уложить,—перспектива не изъ пріятныхъ, съ другой стороны, мнѣ хотѣлось быть поскорѣе на мѣстѣ своей главной дѣятельности, въ Сингапурѣ же, думалъ я, можно будетъ поэкскурсировать и на обратномъ пути. Со времени моей прошлой поѣздки въ Сингапурѣ произошло не мало переменъ. Пристань соединена теперь съ городомъ электрическимъ трамваемъ, и въ Джохоръ идетъ желѣзная дорога, направляющаяся и дальше вдоль Малаккскаго полуострова. Hôtel Europe помѣщается теперь въ громадномъ новомъ зданіи, а старое, стоящее въ сторонѣ, занято, повидимому, какой-то конторой. Большую переменъ нашелъ я и въ отношеніи своихъ прежнихъ сингапурскихъ знакомыхъ. Консулъ К. В. Клейменовъ (впослѣдствіи консулъ въ Пекинѣ), какъ я узналъ, уже скончался. Точно также и русскій торговецъ А. И. Штегманъ. Остался одинъ итальянецъ Годжино, поставщикъ Добровольнаго Флота, но онъ, по преклонному возрасту и въ силу своего въ настоящее время очень обезпеченнаго матеріальнаго положенія, рѣдко является на наши пароходы. На этомъ поприщѣ теперь подвизается больше русскій еврей Болтеръ (кстати сказать,—очень услужливый молодой человекъ) и еврейка, также изъ Россіи. Въ Сингапурѣ я встрѣтилъ необыкновенное радушіе со стороны замѣняющаго находившагося

въ отпуску консула,—его помощника (да простить онъ мнѣ,—не могу припомнить его фамилію, во-время не записанную мною), очень образованнаго и симпатичнаго человѣка. Онъ пригласилъ меня, вмѣстѣ съ мичманомъ Языковымъ, отобѣдать съ нимъ въ гостиницѣ, послѣ чего мы отправились въ Ботаническій садъ. Господа ботаники и многіе зоологи относятся къ послѣднему довольно свысока, ставя его несравненно ниже Бейтензоргскаго сада, но, тѣмъ не менѣе, я нахожу его и очень красивымъ, и очень интереснымъ. Съ другой стороны, онъ представляетъ и нѣкоторыя преимущества передъ Бейтензоргскимъ садомъ. Такъ, въ немъ есть совершенно глухіе, запущенные уголки,—остатки прежняго первобытнаго лѣса. Другая привлекательная сторона его—для меня, какъ зоолога,—это то, что онъ болѣе населенъ различными интересными животными, чѣмъ Бейтензоргскій садъ. Даже при бѣглой прогулкѣ мнѣ бросилась въ глаза масса гнѣздъ «чернаго термита» (*Eutermes monoceros*). Затѣмъ, въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили на деревьяхъ стаю обезьянъ, ловко перепрыгивавшихъ съ одной вершины на другую. Ничего этого въ Бейтензоргѣ нѣтъ. Кстати сказать, такъ какъ рѣчь зашла о животныхъ.—нашъ спутникъ сообщилъ намъ, что недавно черезъ проливъ съ Малакки на островъ Сингапуръ переплылъ тигръ, и онъ не знаетъ, убить ли онъ уже.

Въ тотъ же вечеръ мой любезный спутникъ доставилъ меня въ своемъ экипажѣ на пароходъ, на которомъ я и остался ночевать. Пароходъ не особенно большихъ размѣровъ, судя по виду,—нѣсколько больше 2.000 тоннъ. Отъ Явы онъ направляется на Новую Гвинею и Бисмарковъ архипелагъ и совершаетъ этотъ рейсъ каждые два мѣсяца. Я взялъ билетъ 2-го класса, стоящій до Таньонкъ-Пріока, порта Батавіи, 27 долларовъ (или немного менѣе 50 рублей). Помѣщеніе 2-го класса оказалось на кормѣ, небольшое, но вполне чистое. Палуба 2-го класса, соотвѣтственно числу пассажировъ, вполне достаточныхъ размѣровъ, тоже на кормѣ. Столъ порядочный. Между тѣмъ, какъ извѣстно, на голландскихъ пароходахъ *Raketvaart*'а ѣхать во 2-мъ классѣ для человѣка нашего круга и съ нашими понятіями о чистотѣ и удобствахъ совершенно немыслило.

На вторыя сутки на разсвѣтѣ показался низменный берегъ Явы съ ея величественными вулканами—Геде и Салакомъ, моими старыми знакомыми. Съ волненіемъ смотрѣлъ я на таинственный берегъ и думалъ о предстоящей мнѣ дѣятельности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бейтензоргъ и ближайшія экскурсіи.

Еще на пароходѣ мнѣ пришлось уплатить голландскому чиновнику 25 гульденовъ иммиграціоннаго налога,—сумма, возвращаемая при обратномъ выѣздѣ съ Явы не позже полугода со дня прибытія. Съ пассажировъ, имѣющихъ обратные пароходные билеты, налогъ этотъ вовсе не взимается. Таможенные формальности выполнены были для меня безъ всякихъ непріятностей. Собственно и осмотра моихъ вещей (кромѣ ручного багажа, со мною было нѣсколько большихъ ящиковъ) не было, чему вѣроятно поблагопріятствовали имѣвшіеся у меня переводы командировки Географическаго Общества на французскій и англійскій языки (посвидѣтельствованные кіевскимъ биржевымъ нотаріусомъ) и, въ особенности, удостовѣреніе главнаго агента Pakevart'a въ томъ, что я натуралистъ (и пользуюсь 25% скидки при проѣздѣ на пароходахъ этого общества). Это удостовѣреніе заранѣе выслано было на мое имя въ наше консульство въ Сингапурѣ. Меня беспокоилъ въ особенности вопросъ о моемъ охотничьемъ ружьѣ и револьверѣ, на которые у меня не было свидѣтельства отъ резидента въ Батавіи, несмотря на то, что я просилъ его заранѣе о высылкѣ мнѣ разрѣшенія въ Сингапуръ, какъ это практиковалось раньше. Но ни ружья, ни револьвера у меня не задержали, а взяли только 3 гульдена пошлины, разрѣшеніе же резидентъ самъ прислалъ мнѣ черезъ нѣсколько дней въ Бейтензоргъ.

Поѣздъ желѣзной дорогъ быстро понесъ меня по знакомымъ мѣстамъ. Дождь накрапывалъ, но не сильно, а въ Бейтензоргѣ его даже и совсѣмъ не оказалось: дождливый періодъ еще не вполнѣ вступилъ въ свои права.

Я остановился въ томъ же Hôtel Belle Vue. Въ гостиницѣ, несмотря на четырнадцатилѣтній промежутокъ времени, меня тотчасъ узнали двое изъ прежнихъ малайскихъ слугъ. Изъ всего прежняго персонала осталось всего двое! Одинъ изъ нихъ оказался теперь въ должности «мандура» (нѣчто въ родѣ maître d'hôtel'я). Хозяинъ гостиницы оказался новый, и вся она выглядитъ иначе: многое перестроено и улучшено, но и цѣны оказались

далеко не тѣ, что прежде. Номеръ попросте стоитъ теперь 6 гульденовъ (при полномъ пансіонѣ), но при пребываніи не менѣе мѣсяца дѣлается 20⁰/₀ скидки, такъ что въ мѣсяцъ выходитъ 144 гульдена или приблизительно 115 рублей, тогда какъ прежде я платилъ 72 рубля. Повышеніе платы объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что теперь все вообще подорожало, а съ другой стороны, тѣмъ, что обѣ Бейтензоргскія гостиницы, Hôtel Belle Vue и Hôtel de Chemin de fer, находятся теперь въ однѣхъ рукахъ (француза Carreau), и благодаря этому нѣтъ конкуренціи.

Какъ пріятно было, послѣ всякихъ качекъ и боковыхъ, и килевыхъ, и рѣзкихъ вѣтровъ съ дождемъ и безъ дождя, наконецъ, почувствовать подъ собою твердую почву, при томъ съ сознаниемъ, что она останется устойчивой и завтра, и послѣзавтра! Это оцѣниваетъ человѣкъ только послѣ долгаго плаванія, при которомъ бывали всякія непогоды. И затѣмъ, наконецъ, возможность размѣстить въ порядкѣ всѣ свои вещи! Но и это не все: какъ пріятно вымыться основательно прѣсной водой въ просторной чистой купальной комнатѣ, смыть съ себя всю грязь и всѣ поты, стать подъ обильный душъ, надѣть чистое бѣлье, поѣсть безъ качки и вечеромъ лечь въ чистѣйшую постель! Всѣ это большія блага, познающіяся въ особенности послѣ продолжительнаго ихъ лишенія.

Самъ Бейтензоргъ мало измѣнился. Можно указать развѣ на то, что освѣщеніе теперь на улицахъ и въ гостиницѣ газовое, съ ауэровскими сѣтками (электрическаго еще нѣтъ), тогда какъ раньше на улицахъ были своего рода ночники съ кокосовымъ масломъ, а въ гостиницѣ, кромѣ такихъ же ночниковъ, еще и керосиновыя лампы. Затѣмъ появилась масса вонючекъ-автомобилей и мотоциклетокъ, которыхъ раньше не было. Въ городѣ недавно устроенъ и кинематографъ.

Ботаническій садъ измѣнился главнымъ образомъ только въ томъ отношеніи, что многія деревья и цѣлыя аллеи значительно повзросли. Наибольшую перемену я нашелъ въ научныхъ учрежденіяхъ сада, но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, должно вспомнить, что не стало ихъ души,—д-ра М. Трейба, организаторской дѣятельности котораго научныя учрежденія сада обязаны своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ устройствомъ. Не стало человека, прожившаго въ Бейтензоргѣ на своемъ ученомъ посту цѣлыхъ тридцать лѣтъ! Вышедши въ отставку изъ-за принципиальныхъ разногласій съ генералъ-губернаторомъ, онъ недолго

прожилъ безъ своего любимаго дѣла и приблизительно черезъ годъ по оставленіи должности скоропостижно скончался (въ 1910 г.) въ своей виллѣ на югѣ Франціи. Въ настоящее время директоромъ сада и его научныхъ учрежденій состоитъ зоологъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ботаникъ I. Конингсбергеръ, но онъ не самостоятеленъ, какъ раньше былъ Трейбъ, а подчиненъ директору новосозданнаго Департамента земледѣлія. Во главѣ послѣдняго въ настоящее время стоитъ нѣкто Ловинкъ (Lovink), по образованію не имѣющій никакого касательства къ естествознанію¹⁾. Много перемѣнъ нашелъ я и въ остальномъ ученомъ персоналѣ сада. Д-ръ Конингсбергеръ принадлежитъ къ числу моихъ прежнихъ знакомыхъ. Тогда онъ стоялъ во главѣ незначительной по своимъ размѣрамъ лабораторіи сельскохозяйственной зоологіи. Кромѣ должности директора сада, онъ занимаетъ указанную должность и въ настоящее время, но теперь къ лабораторіи присоединенъ громадный по количеству собранныхъ въ немъ предметовъ Зоологическій музей Голландской Индіи, котораго въ мое время не было и въ поминѣ. Послѣднимъ завѣдуетъ престарѣлый отставной маіоръ Аувенсъ (Ouwers), пожертвовавшій музею свою довольно значительную частную коллекцію, главнымъ образомъ млекопитающихъ, въ видѣ прекрасныхъ чучелъ. Одноэтажное зданіе музея не блещетъ внѣшностью, но собранные въ немъ предметы, какъ я сказалъ, очень многочисленны и находятся въ образцовомъ видѣ. Нѣсколько человѣкъ препараторовъ-туземцевъ, все воспитанники маіора Аувенса, работаютъ ничуть не хуже своихъ европейскихъ собратій. Постановку чучелъ можно назвать прямо художественной. Во главѣ лабораторіи «для пріѣзжихъ» (Fremdenlaboratorium), въ томъ же помѣщеніи, что и прежде, стоитъ симпатичный д-ръ Фаберъ, по специальности фізіологъ растеній, имѣющій рядомъ свою фізіологическую лабораторію, содержащую въ образцовомъ порядкѣ. При мнѣ состоялась закладка громадной новой лабораторіи для пріѣзжихъ ученыхъ, которая будетъ носить названіе Трейбовской лабораторіи. Ядромъ суммы, на которую строится это зданіе, послужило довольно крупное пожертвованіе лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, а остальное добавлено правительствомъ.

¹⁾ По странной случайности въ Зоологическомъ адресъ-календарѣ Фридлендера специальность Lovink'a обозначена какъ «паразитизмъ растеній» (Paras. plantar.).

Какъ я уже указалъ выше, на Явѣ я пробылъ около полутора мѣсяца. Большую часть этого времени я пробылъ въ Бейтензоргѣ, собирая и изучая муравьевъ въ Ботаническомъ саду. Отсюда я совершалъ кратковременныя экскурсіи въ ближайшія окрестности, возвращаясь въ тотъ же день домой, обыкновенно ко второму завтраку. Исключеніе составила только поѣздка въ Тыибодасъ, въ которомъ я пробылъ нѣсколько дней, и поѣздка на маленькомъ пароходикѣ на островъ Prinsen-Eiland въ Зондскомъ проливѣ и на западный берегъ Явы, о чемъ рѣчь впереди.

Бейтензоргскій Ботаническій садъ представляетъ собою богатѣйшее поле дѣятельности для мирмеколога, и я долженъ даже прямо сказать, что въ теченіе всего своего тропическаго путешествія я нигдѣ не собралъ такъ много муравьевъ, какъ въ Бейтензоргскомъ саду. Здѣсь же я собралъ и множество преинтересныхъ муравьиныхъ гнѣздъ и сдѣлалъ новое интересное наблюденіе, касающееся способа постройки гнѣзда однимъ муравьемъ, *Polyrhachis armata*, который самъ по себѣ уже давно извѣстенъ и не представляетъ особенной рѣдкости. Этотъ способъ постройки настолько интересенъ, что я скажу о немъ нѣсколько словъ. Въ 1890 году директоръ Сингапурскаго Ботаническаго сада Ridley открылъ замѣчательный фактъ, что муравей *Oecophylla smaragdina* изготовляетъ свое гнѣздо, состоящее изъ листьевъ живого растенія, связанныхъ посредствомъ паутиной ткани,—при посредствѣ своихъ личинокъ. Источникомъ паутиной ткани являются паутинныя (слюнныя) железы этихъ личинокъ, которыми муравьи-работніе пользуются для тканья гнѣзда въ качествѣ веретена, держа личинку въ своихъ челюстяхъ. Впослѣдствіи этотъ замѣчательный фактъ былъ подтвержденъ для *Oe. smaragdina* и дополненъ другими изслѣдователями (Saville-Kent'омъ въ Австраліи и Green'омъ, Holland'омъ и Doflein'омъ на Цейлонѣ) и установленъ, кромѣ того, для *Oecophylla longinoda* (Kohl'емъ въ Конго), *Oe. virescens* (Dodd'омъ въ Австраліи), *Polyrhachis dives* (Jacobson'омъ на Явѣ) и *Camponotus senex* (Göldi въ Бразиліи). Для *Oe. longinoda* этотъ фактъ нашелъ еще косвенное подтвержденіе со стороны Chun'a, открывшаго колоссальное развитіе паутинныхъ железъ у личинокъ этого муравья. Такое же чрезвычайное развитіе этихъ железъ нашелъ и я на Явѣ (во время прошлой поѣздки) у личинокъ *Polyrhachis Mülleri*, и такъ какъ я нашелъ, что

этотъ муравей изготавляетъ чисто паутинное гнѣздо (гнѣздо принесено было мнѣ туземцемъ), то я заключилъ, что оно изготавляется несомнѣнно также при посредствѣ личинокъ.—Въ настоящее время я констатировалъ, что тѣмъ же способомъ тканья гнѣзда при помощи личинокъ пользуется и названный выше *Polyrhachis armata*. Два гнѣзда его я открылъ въ нижней части сада въ вѣтвяхъ древовиднаго молочайника. Они были сплетены изъ почти чистой паутинной ткани. Одно гнѣздо я взялъ неповрежденнымъ для коллекціи, а другимъ воспользовался для опытовъ. Я умышленно разрушилъ часть гнѣзда, чтобы наблюдать, какимъ образомъ муравьи будутъ его починять. Приходя время отъ времени, я, наконецъ, на второй день послѣ поврежденія, увидѣлъ къ своей радости, что починка производится при помощи личинокъ. 2—3 рабочихъ заплетали разрывъ, держа въ челюстяхъ по крупной личинкѣ. Наблюденіе это требуетъ большой осторожности, такъ какъ рабочіе *P. armata* чрезвычайно пугливы и прекращаютъ работу при малѣйшемъ рѣзкомъ движеніи наблюдателя и приближеніи его на близкое разстояніе. Съ другой стороны, при малѣйшемъ обезпокоеніи, они обнаруживаютъ свою самозащиту путемъ выбрызгиванія муравьиной кислоты и при томъ на большое разстояніе. Такая брызга угодила мнѣ на разстояніи не менѣе аршина прямо въ глазъ, который болѣлъ у меня послѣ этого дня два.

Первой моей экскурсіей за предѣлы Бейтензорга была экскурсія въ лѣсъ Депока, въ которомъ я вскорѣ побывалъ и вторично. Попасть изъ Бейтензорга въ этотъ лѣсъ какъ нельзя проще, доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до станціи Депокъ. Ызды всего полчасы, а отъ станціи до лѣса примѣрно съ полверсты. Лѣсъ этотъ очень великъ, но большія деревья въ немъ большей частью уже повыврублены. Ближайшая часть лѣса съ тропинками, но такими узкими, что едва пролазишь между густыхъ зарослей. Прогалинъ очень мало. Я отправился на экскурсію со слугой, сунданезомъ Аматомъ, незадолго передъ тѣмъ нанятымъ мною въ Бейтензоргъ по рекомендаціи одного изъ лабораторныхъ служителей. Съ этимъ слугой я не разставался въ теченіе всего путешествія, и о немъ мнѣ придется говорить еще не разъ. У самага края лѣса къ намъ присоедилось еще двое мальчишекъ, которые оказались очень кстати: они помогали мнѣ собирать животныхъ, носили мои принадлежности для сбора и, главное,

служили проводниками по хорошо известной имъ ближайшей части лѣса. Мальчишки оказались очень симпатичными, не испорченными прѣзжими туристами и городской культурой, какъ въ Бейтензоргѣ. Лѣсъ Депока знакомъ мнѣ уже по прошлой поѣздкѣ на Яву. Муравьями и термитами онъ оказался очень богатъ. Часто мелькали также великолѣпныя крупныя бабочки, но ни одной изъ этихъ красавицъ не удалось поймать; попадалась только мелочь. Между прочимъ, мы нашли на деревьяхъ и кустахъ нѣсколько висячихъ гнѣздъ термитовъ (*Eutermes* sp.), размѣрами съ ведро и болѣе, изъ бурой губчатой массы. Одно изъ нихъ я рѣшилъ взять съ собою, но эта задача оказалась не изъ легкихъ. Термиты-солдаты нападали на насъ неисчислимыми массами и кусали, между тѣмъ приходилось осторожно подрѣзывать вѣтви, на которыхъ укрѣплено было гнѣздо и которыя проникали его. При малѣйшемъ сотрясеніи гнѣзда термиты сыпались дождемъ. Одинъ изъ мальчишекъ работалъ руками, а я въ это время сгребалъ съ его рукъ термитовъ. Кое-какъ удалось снять гнѣздо, но, къ сожалѣнію, оно не влѣзло цѣликомъ въ имѣвшійся со мною мѣшокъ, и половину его пришлось срѣзать. Нести гнѣздо, полное термитовъ, внѣ завязаннаго мѣшка было бы невымыслимо. Во вторую экскурсію въ лѣсъ Депока я нашелъ вдвое большее гнѣздо того же термита, очень удобное для снятія вмѣстѣ съ вѣтвью дерева, а главное—съ почти вымершимъ почему-то населеніемъ. Чтобы доставить это гнѣздо въ Бейтензоргъ, я послалъ на слѣдующій день Амата одного съ корзиной соотвѣтствующихъ размѣровъ. При помощи все тѣхъ же мальчишекъ гнѣздо было найдено и благополучно доставлено въ лабораторію. Я подарилъ его вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ же гнѣздомъ О. И. Іону. Во время нашихъ странствованій по лѣсу Депока мы не разъ встрѣчали крупную обезьяну. Разсмотрѣть ее, благодаря густой листвѣ, мнѣ ни разу не удалось, и о присутствіи ея мы судили лишь по треску ломаемыхъ вѣтвей и испускаемымъ звукамъ, въ родѣ хрюканья. Мальчишки передразнивали ее. Это былъ безъ сомнѣнія *Sergopithecus cynomolgus*, довольно обыкновенный на Явѣ. Оба раза мы были въ лѣсу послѣ обильнаго дождя предшествующаго дня. Листва была мокрой, и дорожки чрезвычайно грязными. Жара стояла ужасная. Потъ катился съ меня градомъ, подчасъ прямо на собираемыхъ муравьевъ и термитовъ. Жителю умереннаго пояса невозможно и представить себѣ, при какихъ усло-

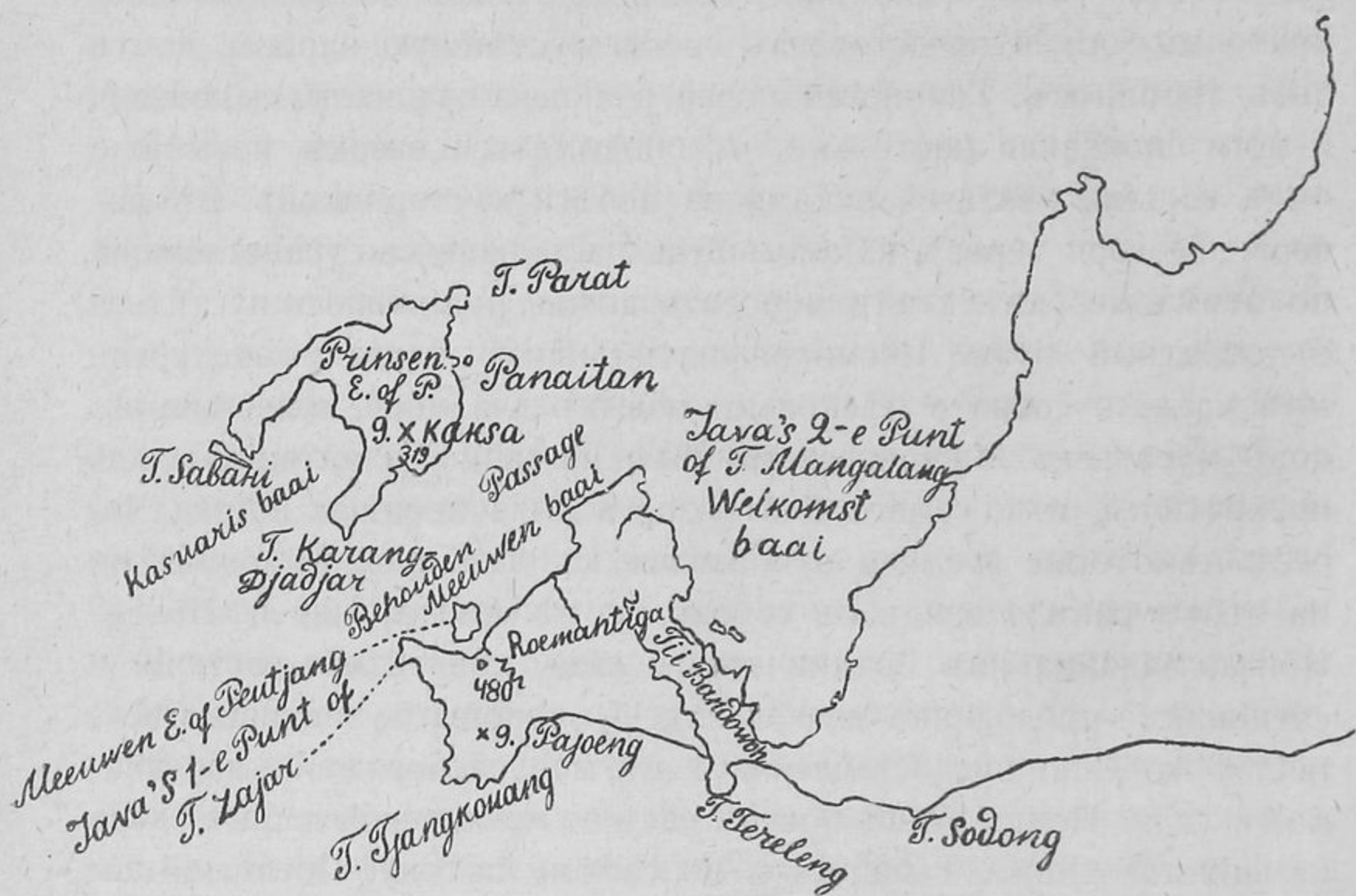
віяхъ приходится коллектировать энтомологу въ тропикахъ. Я изрядно испачкался, настолько, что когда я явился на вокзалъ, то начальникъ станціи замѣтилъ мнѣ, что я «повидимому, натуралистъ».

Вскорѣ послѣ послѣдней экскурсіи въ лѣсъ Депока я отправился въ лѣсъ на склонѣ давно потухшаго вулкана Салака, именно въ мѣстность у горнаго потока Tjiarus. Рано утромъ я выѣхалъ туда вмѣстѣ со своимъ Аматомъ въ экипажѣ, извѣстномъ подъ мѣстнымъ названіемъ «daleman». Прежде чѣмъ указать на его устройство, умѣстнѣе всего будетъ сказать сначала нѣсколько словъ объ устройствѣ общераспространеннаго на Явѣ извощичьяго экипажа «садо». Это названіе есть сокращенное туземцами французское dos-à-dos. Это двухколесный маленькій рессорный экипажъ, въ которомъ сѣдокъ или два сѣдока помѣщаются сзади, спиной къ кучеру. Такой экипажъ снабженъ укрѣпленной на четырехъ желѣзныхъ стойкахъ плоской крышей, къ которой во время дождя прикрѣпляются еще боковыя клеенчатая занавѣски. Въ такой экипажъ впрягается одна маленькая лошаденка. «Далеманъ» отличается отъ «садо» тѣмъ, что сидѣнья для сѣдоковъ расположены по бокамъ и вмѣстѣ съ сидѣньемъ для кучера образуютъ букву П съ отверстіемъ, обращеннымъ назадъ. Сѣдоки помѣщаются лицомъ другъ къ другу. При тѣсномъ размѣщеніи въ «далеманѣ» можетъ помѣститься четыре сѣдока и еще одинъ (напр., слуга) рядомъ съ кучеромъ. При далекихъ разстояніяхъ, въ особенности же при дорогѣ въ гору, сбоку припрягается еще вторая лошаденка. Что касается самаго названія «далеманъ», то оно, очевидно, является ничѣмъ инымъ, какъ фамиліей изобрѣтателя этого экипажа. Въ малайскомъ языкѣ все очень просто. Кстати, такъ какъ рѣчь зашла объ экипажахъ, то я упомяну еще въ заключеніе о grobang'ѣ, который представляетъ собою то, чему у насъ соответствуетъ ломовикъ. Въ своей чистѣйшей туземной формѣ это ящикъ, закрываемый сверху отъ дождя двухскатной крышей изъ плетеньки. Гостиничная платформа для багажа—также grobang. Но вернемся къ нашей поѣздкѣ къ Tjiarus'у. Переѣздъ длится около часа. Сначала дорога идетъ черезъ предмѣстія Бейтензорга, а затѣмъ черезъ безчисленные кампонги съ рисовыми полями и живописными хижинами, утопающими въ зелени разнообразнѣйшихъ плодовыхъ деревьевъ. Всюду—и на поляхъ, и на дорогѣ, и у хижинъ масса туземцевъ, представляющихъ богатый мате-

ріалъ для наблюденія и для этнографа, и для художника. Туземки здѣсь, вдали отъ города, несравненно менѣе щепетильны въ отношеніи своего костюма: у хижинъ ихъ можно видѣть сплошь и рядомъ съ совершенно открытой верхней половиной тѣла. Чѣмъ ближе къ Тьяапусу, тѣмъ дорога становилась все круче и круче. Отъ остановки нашего «далемана» пришлось итти еще пѣшкомъ, тоже около часа, сначала деревенской дорогой, а затѣмъ черезъ громадную чайную плантацію. Къ сожалѣнію, Аматъ, еще ни разу не бывавшій въ этой мѣстности, не зналъ дороги къ хорошей части лѣса, и мы забрались въ такія дебри, что больше толклись на мѣстѣ, чѣмъ подвигались впередъ. Лѣсъ подымался здѣсь круто въ гору и представлялъ собою густѣйшую заросль почти безъ тропинокъ. Глинистая почва раскисла отъ частыхъ дождей, и ноги скользили настолько, что подыматься вверхъ возможно было только, хватаясь руками за побѣги кустарниковъ. Въ довершеніе горя черезъ какой-нибудь часъ нашихъ странствованій по этимъ дебрямъ сталъ моросить дождь, и пришлось пуститься въ обратный путь. Несмотря на внѣшнюю неудачу экскурсіи, мнѣ удалось собрать нѣсколько новыхъ для моей коллекціи видовъ муравьевъ. Уже когда мы были на чайной плантаціи, дождь прекратился, и до самага Бейтензорга была хорошая погода. Черезъ нѣкоторое время я отправился къ Тьяапусу вторично, но на этотъ разъ я взялъ съ собою, кромѣ Амата, еще и Нонгъ-Нонга, малайца изъ Ботаническаго сада, коллектора растеній и спеціалиста-проводника для экскурсій, хорошаго знатока мѣстности, любезно предоставленнаго въ мое распоряженіе садовникомъ сада. Нонгъ-Нонгъ повелъ насъ по прекрасной дорогѣ вдоль каменистаго ложа Тьяапуса и по самому потоку. Послѣдній загроможденъ громадными округленными камнями и, переступая и перескакивая съ одного камня на другой, можно подвигаться впередъ не замочивши ногъ. Въ одномъ мѣстѣ пришлось подыматься вверхъ на берегъ, а затѣмъ спускаться на значительную глубину чуть не по вертикальной поверхности. При чрезвычайной скользкости почвы этотъ спускъ доставилъ мнѣ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Эта вторая экскурсія, кромѣ еще нѣсколькихъ новыхъ для моей коллекціи муравьевъ, доставила мнѣ большое наслажденіе сама по себѣ, благодаря красотѣ мѣстности. Дождя на этотъ разъ совсѣмъ не было.

Въ промежуткѣ между первой и второй экскурсіей къ Тьяапусу я принялъ участіе въ экскурсіи нѣсколькихъ ботаниковъ

изъ Ботаническаго сада, во главѣ съ д-ромъ Конингсбергеромъ, въ лѣсъ Тѣамреа, покрывающій собою склоны довольно большого известняковаго холма, на разстояніи около полутора часа ѣзды отъ Бейтензорга. Мы выѣхали четырьмя двухколесками въ 7 часовъ утра. Поѣздка совершилась къ удивленію безъ дождя, но зато наканунѣ лило почти весь день, и потому мокрота и грязь въ лѣсу были отчаянныя. Путь по склону Тѣампеа былъ довольно утомительнымъ, въ особенности вслѣдствіе скользкой грязи, массъ мокрыхъ корней, покрывающихъ тропинку, глыбамъ коралловаго известняка и повалившимся деревьямъ.

Schal 7: 500000

 Klapper E. of P. De

Слѣдующей по времени экскурсіей была большая поѣздка на островъ Prinsen-Eiland въ Зондскомъ проливѣ и на западное побережье Явы. Этотъ островъ (см. прилож. карту) лежитъ у самой западной оконечности Явы. Онъ совершенно необитаемъ и почти не изслѣдованъ даже въ географическомъ отношеніи. Возможностью побывать въ этихъ интересныхъ мѣстахъ я обязанъ любезности д-ра Конингсбергера, предложившаго мнѣ принять участіе въ организуемой имъ поѣздкѣ на правительственномъ паро-

ходикѣ, прикомандированномъ къ научной Рыболовной станціи вблизи Батавіи, находящейся въ связи съ научными учрежденіями Бейтензоргскаго Ботаническаго сада. Кромѣ меня и д-ра Конингсбергера въ этой поѣздкѣ участвовалъ еще проф. ботаники Лейпцигскаго университета Натансонъ. Изъ туземцевъ съ нами были мой Аматы, Энди, препараторъ и охотникъ изъ Бейтензоргскаго Зоологическаго музея, и старикъ Пайданъ, извѣстный заслуженный коллекторъ растеній.

4 янв. около 10 ч. утра мы въ полномъ составѣ прибыли въ Таньонкъ-Пріокъ и застали у пристани ожидавшаго насъ капитана парохода, моторъ и обыкновенную шлюпку. На шлюпкѣ помѣстились туземцы съ нашимъ багажомъ, а на моторѣ мы. Моторъ потащилъ шлюпку на буксирѣ, и такимъ образомъ мы переѣхали на пароходъ, стоявшій на рейдѣ. Пароходъ «Вракъ» въ 400 тоннъ—бѣлый, чистенькій. На немъ имѣется четыре одномѣстныхъ каюты, изъ которыхъ одна функціонируетъ въ качествѣ темной фотографической комнаты, и два общихъ зала на уровнѣ палубы, изъ которыхъ одинъ служилъ столовой для насъ съ капитаномъ, а другой для пароходныхъ офицеровъ. По бокамъ лѣстницы, ведущей внизъ, въ каюты,—цѣлый арсеналъ винтовокъ, револьверовъ и ножей для рукопашной схватки, такъ какъ, вѣдь, пароходъ ходитъ во всякія дебри. Столъ, забота о которомъ лежитъ на капитанѣ и за который уплачивается небольшая сумма, былъ исключительно изъ консервовъ, и роль повара ограничивалась почти исключительно разогрѣваніемъ жестянокъ.

Въ тотъ же день, еще засвѣтло, мы достигли небольшой Бантамской бухты у сѣверо-западной оконечности Явы и простояли здѣсь до 10 ч. вечера, ожидая, чтобы, возможное въ данное время года въ Зондскомъ проливѣ волненіе, стихло. Море, впрочемъ, было до этой остановки довольно спокойнымъ. Остальной переѣздъ прошелъ при совершенно спокойномъ морѣ.

Когда я всталъ на слѣдующее утро, то мы стояли въ виду берега Prinsen-Eiland. Островъ покрытъ густымъ лѣсомъ, и только у самага моря виднѣлась узкая полоса бѣловатаго коралловаго песка. Противъ насъ, позади низменнаго берега, виднѣлись двѣ небольшихъ округленныхъ возвышенности, а направо низменная полоса, поросшая казуаринами, имѣющими издали нѣкоторое сходство съ елями. Тотчасъ послѣ утренняго кофе мы отправились на островъ. Мы помѣстились на спущенномъ съ парохода

моторѣ, который потащилъ за собою шлюпку съ нашими туземцами и принадлежностями для коллектированія. Со шлюпки туземцы замѣтили на берегу стадо оленей, вскорѣ скрывшееся въ чащу. Когда мы приблизились къ берегу, то черезъ зеркальную поверхность спокойнаго моря мы увидѣли восхитительные коралловые сады. Причудливыя бѣловатыя массы чередовались съ болѣе рѣдкими фіолетоватыми и розоватыми. Среди нихъ иногда мелькали золотисто-голубыя рыбки. Мѣстами коралловые кусты стали настолько приближаться къ поверхности моря, что нашему мотору приходилось старательно лавировать. Вскорѣ дальнѣйшій путь сталъ для него совершенно невозможнымъ, и всѣ мы перебрались на болѣе мелко сидящую шлюпку.

Мы пристали у песчанаго устья рѣчонки, нагромодившей цѣлыя кучи громадныхъ оголенныхъ древесныхъ стволовъ. Отъ сухого берега шлюпку отдѣляло мелкое море, и для того, чтобы доставить насъ на берегъ, пара матросовъ поочереды переносили насъ на парѣ веселъ, которыя они клали себѣ на плечи. Балансировать на такомъ подвижномъ сидѣньѣ надъ водой было не особенно пріятно. Направляясь вглубь острова, мы прошли небольшое протяженіе вдоль упомянутой рѣчонки или, скорѣе, узкаго залива, переходившаго въ глубинѣ въ обширную низменную часть острова, въ значительной степени залитую водой. Настоящая рѣка образуется здѣсь вѣроятно только во время проливныхъ дождей, но для меня остается все-таки непонятнымъ, какимъ образомъ могли быть здѣсь нагромождены такіе колоссальные стволы деревьевъ. Мы шли по обширной формациі мангровъ. Заросли *Rhizophora* на различныхъ стадіяхъ развитія съ оригинальными дуговидными корнями и неменѣе оригинальными, проростающими на деревѣ зародышами смѣнялись зарослями *Sonneratia* съ цѣлымъ лѣсомъ торчащихъ изъ воды, подобно кинжаламъ, дыхательныхъ корней. Мѣстность усыпана была коралловыми камнями, болѣе или менѣе выступавшими надъ поверхностью воды, и мы пользовались ими, чтобы перебираться по возможности суше, что, впрочемъ, далеко не всегда удавалось благополучно. Въ лужахъ и грязномъ коралловомъ пескѣ всюду копошилось множество мелкихъ крабовъ, обращающихъ на себя вниманіе яркой красно-голубой окраской. При нашемъ приближеніи они, убѣгая бочкомъ, поспѣшно скрывались въ свои норки. Такъ мы шли очень долго, пока, наконецъ, не добрались до сухого болѣе возвышеннаго лѣса. Нагроможденные склонившіеся

стволы, вѣтви, ліаны и воздушные корни представляли собою такой хаосъ, въ которомъ, пожалуй, только благодаря счастливой случайности можно бы замѣтить вѣ-время, какъ говорятъ, довольно обыкновеннаго здѣсь, громаднаго, располагающагося на деревьяхъ удава *Python molurus*. Хотя рассказы объ агрессивности этого удава, въ противоположность болѣе трусливому и болѣе обыкновенному на Явѣ *Python reticulatus*, очевидно и преувеличены, тѣмъ не менѣе близкая встрѣча съ такой громадиной была бы непріятна. Пожалуй большую опасность для насъ представляли фактически очень часто попадавшіяся осиныя ¹⁾ гнѣзда, висѣвшія на деревьяхъ въ видѣ громадныхъ плоскихъ удлиненныхъ массъ длиною аршинъ до полутора. Поверхность ихъ, густо покрытая копошащимися насѣкомыми, соотвѣтственно окраскѣ послѣднихъ, представлялась темнобураго цвѣта. Стоило обезпокоить это страшное общество,—и всѣмъ намъ грозила бы гибель, а потому мы старательно обходили эти гнѣзда. Но кромѣ этихъ страшныхъ гнѣздъ, на деревьяхъ и полусгнившихъ пняхъ попадалось немало и безобидныхъ для насъ гнѣздъ термитовъ. Было уже не рано, и въ виду этого мы направились въ обратный путь, руководясь отмѣтинами на деревьяхъ и перерубленными ліанами и вѣтвями, преграждавшими намъ ранѣе пройденный путь. Приближаясь къ области мангровъ, мы таки сбились съ пути и попали въ такую водную область, что перескакиваніе съ камня на камень поневолѣ смѣнилось хожденіемъ по водѣ чуть не по колѣно. Подчасъ, не видя въ грязной водѣ дна и не успѣвши вѣ-время ощупать его палкой, мы проваливались и глубже. Обратный путь оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ мы думали, тѣмъ болѣе, что мы не разъ сбивались съ пути. Время отъ времени кто-нибудь изъ туземцевъ влѣзалъ на дерево, чтобы увидѣть море, и указывалъ намъ направленіе пути. Въ довершеніе бѣды въ теченіе почти всего обратнаго пути лилъ дождь. Мой зонтикъ мало помогалъ, такъ какъ, благодаря чащѣ мангровъ, черезъ которую намъ приходилось пробираться, его часто невозможно было нести расправленнымъ. Къ завтраку мы, конечно, опоздали, но все-таки благополучно добрались до паро-

¹⁾ «Осиными» называлъ ихъ сопровождавшій насъ д-ръ Конингсбергеръ, мнѣ же думается, что это были скорѣе пчелиныя гнѣзда,—въ виду, какъ мнѣ казалось, горизонтальнаго расположенія ячеекъ (*Apis dorsata*?). Близко подойти я не рѣшался.

хода. Въ какомъ видѣ мы прибыли, читатель, конечно, можетъ себѣ легко представить.

У Prinsen-Eiland мы остались еще на день и на слѣдующее утро направились къ другому лѣвому холму. Почти тотчасъ мы вступили въ область мангровъ *Rhizophora*, такую же мокрую, какъ и та, черезъ которую мы пробирались наканунѣ на обратномъ пути. Затѣмъ пошла другая формація, какъ выражаются ботаники-флористы, изъ мангровъ *Bruguiera*, какъ мнѣ объяснили мои спутники-ботаники. Ея корни не изгибаются дугообразно, какъ у *Rhizophora* и не даютъ кинжалоподобныхъ отростковъ, какъ у *Sonneratia* и *Avicennia*, а мѣстами изгибаются колѣнообразно, и такія колѣна, возвышаясь надъ поверхностью воды, служатъ дыхательнымъ аппаратомъ. Мѣстность была болѣе топкая и даже вонючая, отъ массы разлагающихся растительныхъ остатковъ. Такъ мы шли и шли, и, казалось, нѣтъ конца этимъ топкимъ зарослямъ. Всѣ истомились, но нечего было дѣлать: вѣдь островъ никѣмъ еще настоящимъ образомъ не изслѣдованъ. Въ довершеніе полноты впечатлѣній, подобно тому, какъ и наканунѣ, пошелъ дождь. Наконецъ, мы дошли до маленькаго возвышеннаго холмика съ настоящимъ лѣсомъ. Вблизи еще попало угрожающее осиное гнѣздо, но мы его благополучно обошли. Какъ только мы добрались до холмика, такъ дождь полилъ, какъ изъ ведра, и мы стали, чтобы переждать его, но ждать пришлось не мало, — пожалуй цѣлый часъ. Мой зонтикъ оказался уже съ протертыми дырами и потому помогалъ мало. Тѣмъ не менѣе я употреблялъ всѣ усилія, чтобы по возможности защитить свой бѣдный вераскопъ, сослужившій мнѣ и на этой экскурсіи вѣрную службу. Я усѣлся подъ зонтикомъ на толстой ліанѣ, свѣсившейся почти до земли, и развлекался въ этомъ жалкомъ положеніи собираніемъ муравьевъ, которые кстати оказались подъ рукой. Когда дождю надоѣло изливать на насъ свои потоки, то оказалось настолько поздно, что Конингсбергеръ рѣшилъ двинуться обратно. Мы тронулись въ путь, стараясь держаться прежняго направленія, но въ концѣ концовъ, таки, сбились съ него и попали въ такую мѣстность, хуже которой не могло и быть. Это были густыя лѣсныя джунгли, большей частью низкорослые и при томъ на водѣ по колѣно глубиной. Гущавина была такая, что двигаться впередъ возможно было только путемъ прорубливанія пути ножомъ — яванскимъ «годокомъ», и мы подвигались черепашимъ

шагомъ. Мы совершенно потеряли направленіе и спорили о томъ, какъ руководствоваться моимъ компасомъ, часовымъ брелокомъ, къ которому Конингсбергеръ питалъ мало довѣрія, считая его испорченнымъ. Въ началѣ пути я опрометчиво не посмотрѣлъ на компасъ, положившись на другихъ, и къ тому же Конингсбергеръ забылъ конфигурацію острова. Такъ мы блукали и блукали, топчась по колѣно въ грязной водѣ. Подходящихъ высокихъ деревьевъ съ рѣдкой листвою, съ которыхъ можно было бы обозрѣть окрестность, почти не было, но если они и попадались, то были такъ мокры и скользки, что наши туземцы боялись взлѣзть на нихъ, да и не всегда возможно было съ нихъ видѣть, такъ какъ даль застилали дождь и мгла. Но всему, что имѣетъ начало, бываетъ и конецъ, и конецъ иногда благопріятный. Такъ и въ данномъ случаѣ моему Амату удалось, таки, увидѣть съ дерева море—laut. Это «laut» прозвучало для насъ подобно «сушѣ» для Колумба, и мы, таки, выбрались изъ мокрыхъ зарослей. Берегъ оказался совсѣмъ недалеко. Когда мы добрались до парохода, то видъ нашъ былъ не хуже вчерашняго, но въ особенности хороша была моя тропическая бѣлая каска, купленная еще въ Портъ-Саидѣ, самага плохого сорта: отъ дождя она вся сморщилась, и клей выступилъ извнутри въ видѣ мраморныхъ разводовъ. Побѣлка ея на пароходѣ посредствомъ бѣлаго «blanco» ничего не прибавила къ ея красотѣ, и въ такомъ видѣ мнѣ пришлось ѣхать до самага Бейтензорга. Да не подумаетъ читатель, что я пріѣхалъ въ Бейтензоргъ и въ томъ же костюмѣ (чего только нельзя ожидать отъ натуралиста!). Костюмовъ и бѣлья было у меня достаточное количество, и послѣ каждой экскурсіи всѣ мы переодѣвались во все чистое, а мокрые костюмы и бѣлье шли для сушки въ машинное отдѣленіе парохода.

Вскорѣ по нашемъ прибытіи на пароходъ послѣдній тронулся, и черезъ часа два мы стояли уже на якорѣ въ узкомъ проливѣ между маленькимъ островкомъ Mieuwen-Eiland и самой западной оконечностью Явы, образующей здѣсь небольшой полуостровъ съ мысомъ «Ява». И здѣсь нѣтъ никакихъ жителей, — всюду дикіе первобытные лѣса, но въ противоположность Prinsen-Eiland и Mieuwen-Eiland, у котораго мы стояли, западная оконечность Явы, часть резидентства Bantam, кишмя кишитъ тиграми и носорогами, которые еще опаснѣе тигровъ. Тигры рѣдко сами нападаютъ на людей, въ особенности европейцевъ (на туземцевъ

нападаютъ почти исключительно старые тигры, отбившіеся отъ остальныхъ), тогда какъ носороги нападаютъ и при этомъ растаптываютъ ногами. Конечно, тутъ много и другихъ животныхъ: мы видѣли издали дикихъ быковъ (*Bos sundaicus*) и кабановъ. На яванскомъ берегу виднѣлась большая площадь сорной травы *alang-alang* (*Imperata arundinacea*). Какъ мнѣ сообщили, въ прошломъ году здѣсь была экспедиція, которая, чтобы обезопасить себя отъ тигровъ и носороговъ, устроила грандіозный лѣсной пожаръ. Кстати сказать, эта общераспространенная въ Индонезіи жесткая высокая сорная трава, достигающая 1—2 метровъ въ высоту, вырастаетъ всегда на мѣстѣ выжженного лѣса. Я слышалъ, что если траву въ періодъ засухи не выжигать снова, то на мѣстѣ ея постепенно снова вырастаетъ лѣсъ. При выжиганіи травы гибнутъ вмѣстѣ съ травой и молодые деревца, піонеры новообразующагося лѣса. Къ сожалѣнію, *alang-alang* въ большинствѣ случаевъ выжигаютъ снова и снова, такъ что новаго облѣсенія не происходитъ. Еще въ тотъ же день, передъ вечеромъ, Энди отпросился вмѣстѣ съ другими туземцами на маленькую охотничью экскурсію на берегъ *Mieuwen-Eiland* и вернулся съ двумя застрѣленными куличками. Мы отправились на экскурсію на слѣдующее утро, именно на яванскій берегъ. Послѣ усиленнаго напряженія послѣднихъ дней я чувствовалъ порядочную усталость, тѣмъ болѣе, что непосредственно передъ островной поѣздкой получилъ въ Бейтензоргѣ порядочную дизентерію, заразившись, повидимому, несвѣжимъ кушаньемъ изъ консервовъ омара. Въ виду этого обстоятельства я не присоединился къ своимъ спутникамъ, отправившимся по довольно крутому подъему въ густыя джунгли, а ограничился экскурсіей съ цѣлью собиранія муравьевъ сначала по зарослямъ *alang-alang*, а затѣмъ по прилегающей низменной части побережья, поросшаго такими же густыми, почти непролазными джунглями, какъ и остальная часть склона. Мои спутники, кажется, опять-таки умудрились заблудиться, несмотря на то, что на этотъ разъ пароходъ, согласно условію, давалъ время отъ времени для ориентировки свистки. По возвращеніи всѣхъ на пароходъ, послѣдній двинулся въ обратный путь и, слѣдуя безъ остановокъ, къ слѣдующему утру доставилъ насъ въ Пріокъ. Почти всю первую половину пути мы шли въ виду знаменитаго Кракатау, виднѣвшагося на горизонтѣ въ видѣ голубоватаго конуса. Страшное изверженіе вулкана Кракатау (*Pulu Rakata*) 27 августа 1883 года,

какъ извѣстно, измѣнило очертанія окрестныхъ побережій и рельефъ морского дна. Оно стоило жизни до 70.000 людей, погибшихъ въ нахлынувшихъ водныхъ массахъ. Суда занесены были далеко на материкъ. Высота облака дыма во время изверженія дошла до 27.000 метровъ. Количество изверженной грязи дошло по разсчету до 18 куб. километровъ. Еще на разстояніи 20 морскихъ миль отъ вулкана люди умирали отъ сотрясенія вслѣдствіе выстрѣла, который слышенъ былъ въ окружности на такомъ разстояніи, какъ отъ Лондона до Константинополя! Сотни деревень смыты были моремъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней площадь, равная по размѣрамъ Германіи, подвергалась дѣйствію густого дождя съ пепломъ; на разстояніи приблизительно до 40 километровъ отъ Кракатау люди получали ожоги. Сопровождавшее изверженіе землетрясеніе представляло собою ужаснѣйшую изъ извѣстныхъ катастрофъ. Въ настоящее время взорванный вулканическій островъ имѣетъ видъ хвостового плавника акулы съ обрывистымъ берегомъ съ одной стороны (по Meyers Reisebücher: Weltreise). Конечно, во время катастрофы вся растительность на Кракатау была совершенно уничтожена, но теперь, за тридцатилѣтній промежутокъ времени, побережье его снова поросло довольно значительной флорой, въ составъ которой входятъ и деревья. Постепенное заселеніе Кракатау растительностью подвергалось неоднократному изслѣдованію со стороны Трейба.

По прибытіи въ Пріокъ всѣ мы тотчасъ выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Бейтензоргъ. Моя пострадавшая отъ дождя каска возбуждала своимъ видомъ веселость моихъ спутниковъ, но на одной изъ станцій Конингсбергеръ утѣшилъ меня сообщеніемъ, что у одного изъ путешественниковъ онъ видѣлъ только что еще болѣе неприличную шляпу. Въ тотъ же день я купилъ себѣ въ Бейтензоргѣ наиболѣе практичную каучуковую шляпу, обтянутую бѣлой матеріей. Отъ дождя эти шляпы нисколько не страдаютъ.

Бѣднаго проф. Натансона ждало на Явѣ большое горе: черезъ нѣсколько дней по его прибытіи въ Вельтевреденъ въ больницѣ неожиданно скончалась его жена.

Изъ экскурсій, предпринятыхъ мною изъ Бейтензорга, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о поѣздкѣ въ горное отдѣленіе Ботаническаго сада въ Тыбодасъ, на склонѣ вулкана Геде, у границы первобытнаго лѣса. Я отправился туда наиболѣе удобнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, доѣхавъ до станціи Тѣап-

djoer, гдѣ меня ждалъ заказанный по телефону «далеманъ». Въ послѣднемъ я доѣхалъ со своимъ Аматомъ до Tjirappas, а оттуда отправился въ Тыбодасъ пѣшкомъ, багажъ же мой понесли заказанные также по телефону чрезъ посредство садовника въ Тыбодасъ кули. Я прибылъ на мѣсто передъ вечеромъ 6/19 января. Къ удивленію, переѣздъ мой обошелся безъ дождя; равнымъ образомъ и первые два дня пребыванія въ Тыбодасъ были безъ дождя, и садовникъ (г-нъ Nieuwenhuis) сообщилъ мнѣ, что дождя нѣтъ у нихъ уже три недѣли. Въ Тыбодасъ я пробылъ шесть сутокъ, изъ которыхъ только двое были потеряны для меня благодаря дождю, почти все же остальное время погода была превосходная, и я каждый день ходилъ въ лѣсъ или же другія окрестности и успѣшно собиралъ муравьевъ. О Тыбодасъ, его лабораторіи и прилежающемъ величественномъ первобытномъ лѣсѣ писалось уже такъ много, что мнѣ не приходится прибавлять почти ничего новаго. За четырнадцатилѣтній промежутокъ времени красоты Тыбодасъ успѣли нѣсколько стусеваться въ моей памяти, но тѣмъ сильнѣе я воспринималъ ихъ теперь. Многія деревья въ паркѣ успѣли замѣтно вырасти. Въ особенности это бросилось мнѣ въ глаза въ отношеніи пары курьезныхъ лохматыхъ *Xanthorrhoea australis*, которыя въ мое время едва возвышались надъ землей. Въ ясный день особенно красивы обширныя зеленныя лужайки съ разбросанными группами деревьевъ, среди которыхъ выдѣляется группа конусовидныхъ араукарій. Въ направленіи къ горизонту мѣстность постепенно понижается, и взоръ благодаря этому окидываетъ громадное пространство. Вдали виднѣются рисовыя поля, большею частью залитыя водой и отражающія небо въ своей зеркальной поверхности. Не менѣе красива картина и въ противоположномъ направленіи, въ сторону Геде, склоны котораго покрыты сплошной массой могучаго лѣса съ бѣлоствольными гигантскими *Rasamala*. Въ дождливую погоду, въ особенности къ вечеру, по склонамъ быстро плывутъ нѣжныя туманныя сѣрыя облака, которыя еще выше совершенно застилаютъ картину.

Tjibodas («Бѣлый ручей») есть собственно названіе бурнаго горнаго потока, катящаго свои воды въ глубокомъ ущельи на сѣверномъ склонѣ Геде. Здѣсь, на высотѣ приблизительно 1.425 метровъ надъ уровнемъ моря, въ періодъ введенія на Явѣ культуры хиннаго дерева (1852—1854 г.), тогдашнимъ директоромъ Бейтензоргскаго Ботаническаго сада Teijsmann'омъ насажена была

плантація *Cinchona*. Послѣ уничтоженія этой плантаціи весь занятый ею участокъ остался попрежнему въ распоряженіи Бейтензоргскаго сада, и тотъ же Тейсманнъ основалъ здѣсь въ 1869 году (по *Haberlandt*'у въ 1866 г.) на границѣ первобытнаго лѣса горное отдѣленіе сада. Какъ значитъ въ лабораторной книгѣ, первоначальная площадь заповѣднаго лѣса, причисленнаго къ саду, увеличена въ 1889 году «*met bijna 400 bouw oerwoud*». Въ настоящее время вся площадь заповѣднаго лѣса составляетъ 31 гектаръ или около $28\frac{1}{2}$ нашихъ десятинъ. Лѣсъ простирается вверхъ до высоты 1.575 метровъ. Зданіе лабораторіи вмѣстѣ съ жилыми комнатами для пріѣзжихъ натуралистовъ окончено Трейбомъ въ маѣ 1891 года. Первымъ посѣтителемъ лабораторіи значитъ въ лабораторной книгѣ шведъ *Dr. C. Aurivillius* (2. VI. 1891). *Ernst Haeckel* былъ съ 29. XII. 1900 по 8. I. 1901. Изъ русскихъ зоологовъ *К. Давыдовъ* былъ съ 25. VI по 2. VII. 1902 и *В. М. Яковлевъ* съ 28—31. V. 1906. Упомяну еще о зоологахъ, собиравшихъ въ Тыбодасъ муравьевъ. *Karl* (Hamburg) и *Emil Kraepelin* (München) были вмѣстѣ съ 24—30. III. 1904 и *v. Buttel-Reepen* (Oldenburg i. Gr.) съ 26. III — I. IV. 1912. Зданіе лабораторіи и комнатъ для жилья пріѣзжихъ натуралистовъ представляетъ собою длинный одноэтажный корпусъ передній конецъ котораго начинается открытой верандой, а задній оканчивается столовой. Посрединѣ его тянется длинный коридоръ, по правую сторону котораго расположено четыре жилыхъ комнаты, а слѣва, спереди общій залъ, позади котораго тянется длинная лабораторія, соотвѣтствующая по длинѣ тремъ комнатамъ противоположной стороны. Въ лабораторной комнатѣ имѣется водопроводъ изъ ручья и во всемъ зданіи газолиновое освѣщеніе. Имѣется также фотографическая темная комната съ водопроводомъ изъ того же ручья. Къ сожалѣнію, вода въ немъ часто бываетъ настолько мутной отъ грязи, что для промывки негативовъ совершенно непригодна. Въ такомъ случаѣ приходится брать отстоявшуюся воду изъ бассейна купальной комнаты. Не скажу, чтобы лабораторія производила впечатлѣніе уютности: напротивъ, отъ всей обстановки вѣетъ запущенностью. И не удивительно, такъ какъ единственный живущій здѣсь постоянно въ отдѣльномъ домикѣ садовникъ-голландецъ — только простой садовникъ и ничѣмъ выходящимъ за предѣлы обязательнаго наблюденія за садомъ и общимъ ходомъ хозяйства не интересуется, что же касается пріѣзжихъ натуралистовъ, то рѣдкій изъ нихъ

остается здѣсь больше нѣсколькихъ дней. Изъ штата служащихъ, кромѣ упомянутаго садовника-европейца, здѣсь имѣется еще мѣстная знаменитость «Сапіенъ»,—pendant къ Бейтензоргскому Пайдану, назначеніе котораго ходитъ съ пріѣзжими натуралистами въ лѣсъ. Его называютъ большимъ знатокомъ растеній и наблюдательнымъ коллекторомъ,—качества, которыя, можетъ быть, и оправдываются въ отношеніи ботаники, но которыхъ я не могу признать выдающимися въ отношеніи зоологіи, въ частности — муравьевъ. Это черный, патлатый, настоящій «лѣсной человѣкъ» (тоже своего рода orang-utan), проявлявшій къ собиранію муравьевъ весьма мало интереса и сплевывавшій при жеваніи сири свою красную слюну прямо въ изслѣдовавшійся мною муравейникъ. Другой туземецъ, состоящій при лабораторіи,—это служитель Амать (одноименный моему Амату), импонирующій своей солидностью. Пріѣзжимъ натуралистамъ онъ готовитъ ѣсть и убираетъ ихъ комнаты, но, кромѣ этихъ функцій, на немъ лежитъ еще и чисто научная обязанность,—именно систематическое веденіе метеорологическихъ наблюденій, печатающихся затѣмъ вмѣстѣ съ Бейтензоргскими метеорологическими наблюденіями въ *Annales du jardin botanique de Buitenzorg*. Производитъ наблюденія этотъ толковый, хорошо грамотный малаецъ, повидимому, дѣйствительно умѣетъ, но насколько онъ относится къ своей обязанности добросовѣстно, — это для меня большой вопросъ. Конингсбергеръ увѣренъ, что—да, между тѣмъ другой ученый голландецъ, имени котораго я здѣсь не назову, сообщалъ мнѣ, что онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Амать, сдѣлавъ наблюденія нѣсколькихъ инструментовъ, не записалъ показаній ихъ тутъ же на мѣстѣ, а пошелъ въ лабораторію, чтобы записать ихъ тамъ. Можно ли въ этомъ случаѣ полагаться на память наблюдателя? И, съ другой стороны, можно ли предполагать у туземца наличность необходимаго въ этомъ случаѣ этического чувства? То и другое представляется мнѣ сомнительнымъ.

Подъ конецъ моего пребыванія въ Тыбодасъ прибылъ сюда еще и д-ръ Конингсбергеръ съ ботаникомъ Вейсманномъ.

Въ заключеніе посовѣтую натуралистамъ, направляющимся въ Тыбодасъ, брать съ собою побольше провизіи для ѣды изъ Бейтензорга, такъ какъ ближайшимъ пунктомъ, въ которомъ можно раздобыть хоть что-нибудь, здѣсь является все же не особенно близкій Тыпаннасъ. Въ отношеніи снаряженія въ Тыбодасъ я положился на слова одного геолога, недавно бывшаго

здѣсь, и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи немалую ошибку. Въ раздобываніи припасовъ для ѣды оказалъ мнѣ содѣйствіе упомянутый выше садовникъ Nieuwenhuis, но для этого ему пришлось съѣздить верхомъ въ Тыпаннасъ. При моемъ отъѣздѣ онъ представилъ мнѣ слѣдующій счетъ:

4	kippe (Hühner)	2.70
4	brood (Brote)	40
10	eieren (Eier).	30
2	pf. botter (Butter)	2.20
6	nachten logies	3.00
1 ¹ / ₂	kt. ryse (Reis)	1.50

10 g. 10 c.

Возвращаясь обратно въ Бейтензоргъ, предстояло почти все время спускаться внизъ, а потому я избралъ другой путь, въ экипажѣ, черезъ горный перевалъ Пунтіакъ и Мегамендунгское ущелье. Подъемъ, и при томъ даже довольно крутой, былъ только передъ Пунтіакомъ, и здѣсь къ нашей парѣ лошадемокъ припряжена была еще третья, спереди, которую погонялъ на бѣгу особый погонщикъ. Мегамендунгское ущелье навело на меня грусть: отъ великолѣпныхъ лѣсовъ, которые приводили меня въ восторгъ 14 лѣтъ тому назадъ, остались только кое-гдѣ жалкіе остатки. Почти всѣ горные склоны покрыты теперь отвратительными чайными плантаціями, а стволы когда-то величавыхъ гигантовъ гніютъ на плантаціяхъ даже не убранными.

Въ Бейтензоргъ я прибылъ около часа пополудни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По пути на Ару.

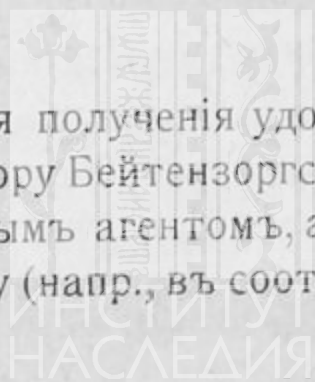
Почти всякому, совершавшему переѣзды между островами Инсулинда, приходится пользоваться пароходами Paketvaart'a, такъ какъ 2-3 грязныхъ китайскихъ пароходика или пароходъ Norddeutscher Lloyd (Manila), совершающій свой рейсъ разъ въ два мѣсяца между Сингапуромъ и Новой Гвинеей, не могутъ итти въ расчетъ. Названное общество, Koninklijke Paketvaart Maatschappij обладаетъ 85-ю большей частью довольно хорошихъ пароходовъ отъ 68 до 6.000 тоннъ брутто (65—3.500 нетто) вмѣсти-

мости, поддерживающихъ постоянные обязательные рейсы между даже самыми незначительными островами архипелага. Послѣ моего отъѣзда сталъ совершать рейсы новый пароходъ Melchior Treub (3.700 и 1.800 тоннъ, со 120 мѣстами для пассажировъ перваго класса). Пароходы Paketvaart'a ходятъ также и въ Австралію. Насколько обширна и густа сѣть рейсовъ этого общества, наглядно показываетъ карты, прилагаемая къ издаваемому каждое полугодіе расписанію «Dienstregeling der Koninklijke Paketvaart Maatschappij». Къ свѣдѣнію заинтересованныхъ лицъ нахожу нужнымъ добавить еще, что названное пароходное общество издаетъ еще отдѣльные листы, на каждый ближайшій мѣсяцъ, съ обозначеніемъ опредѣленныхъ пароходовъ, дней и часовъ ихъ отходя изъ Батавіи и обозначеніемъ всѣхъ портовъ, въ которые направляется данный пароходъ. Эти листы очень удобны для ориентировки. Лица нашего общественнаго круга пользуются исключительно первымъ классомъ, который только одинъ и приспособленъ къ нашимъ потребностямъ. Второй классъ чрезвычайно плохъ, какъ въ отношеніи стола, такъ и помѣщенія, и въ немъ ѣздятъ исключительно такіе пассажиры, какъ сравнительно болѣе зажиточные китайцы и арабы, унтеръ-офицеры и т. под., въ третьемъ же классѣ и на палубѣ европейцамъ ѣздить даже совершенно воспрещено. Цѣны билетовъ перваго класса необычайно высоки и возбуждаютъ всеобщій ропотъ, но они объясняются отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что, согласно обязательству передъ правительствомъ, обществу приходится поддерживать рейсы между множествомъ самыхъ ничтожныхъ пунктовъ, не представляющихъ для него никакого коммерческаго разсчета. Для примѣра привожу стоимость билетовъ между Сингапуромъ, Батавіей и Добо. Отъ Сингапура до Батавіи: I кл. — 114 гульд., II кл. — 68 г., IV кл. 11 г. 90 ц. Отъ Батавіи до Добо (16 дней пути): I кл. 231 г., II кл. 139 г., IV кл. 28 г. 90 ц. Кромѣ обыкновенныхъ билетовъ въ одинъ конецъ, выдаются и обратные, дѣйствительные въ теченіе полугода, при чемъ на стоимости обратнаго проѣзда дѣлается 30% скидки. Для натуралистовъ обратные билеты не имѣютъ значенія, такъ какъ имъ и безъ того, на основаніи удостовѣренія главнаго агента, какъ я уже упомянулъ выше ¹⁾, дѣлается на каждомъ проѣздѣ скидка въ 15%. Въ заключеніе для характеристики Ра-

¹⁾ Удостовереніе главнаго агента, имѣющаго свое пребываніе въ Батавіи, выдается только лицамъ, занимающимся научными изслѣдованіями,

ketvaart'a, мнѣ остается указать еще на его отрицательную сторону, выражающуюся въ царствующемъ въ его управленіи необыкновенномъ хаосѣ, хорошо извѣстномъ въ Инсулиндѣ. При отплытіи съ Явы на востокъ мнѣ пришлось испытать на собственномъ опытѣ невѣроятную неосвѣдомленность служащихъ общества. Я прошу у читателя извиненія за изложеніе всего хода испытанныхъ мною перипетій, но я думаю, что это можетъ оказаться поучительнымъ для тѣхъ, кому по необходимости придется имѣть дѣло съ этомъ пароходнымъ обществомъ. Благодаря любезности д-ра Конингсбергера, давшего мнѣ для просмотра свой экземпляръ расписанія пароходныхъ рейсовъ, я намѣтилъ себѣ для отплытія пароходъ «Rochussen» и явился въ контору общества въ Вельтевреденѣ для взятія билетовъ (для себя и Амата) лишь за нѣсколько дней до указанного срока отхода парохода изъ Пріока. Къ удивленію, я услышалъ отъ служащаго, выдающаго билеты, что «Rochussen» пароходъ исключительно грузовой и пассажировъ (перваго класса) вовсе не принимаетъ. Этимъ сообщеніемъ я былъ немало смущенъ, такъ какъ отъѣздъ мой, съ которымъ я и безъ того запоздалъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, затягивался до слѣдующаго парохода, на двѣ недѣли. Тѣмъ не менѣе, въ силу необходимости, я взялъ билеты на слѣдующій пароходъ. Съ непріятнымъ чувствомъ вернулся я въ Бейтензоргъ и сообщилъ о своей неудачѣ Конингсбергеру, который удивленъ былъ этимъ извѣстіемъ не менѣе меня. Примиряясь съ необходимостью остаться на Явѣ еще на двѣ недѣли, я сталъ готовиться къ вторичной поѣздкѣ въ Тыибодасъ совместно съ проф. Натансономъ, но въ то же время, не находя въ пароходномъ расписаніи указаній на то, чтобы «Rochussen» былъ исключительно грузовымъ пароходомъ, я сталъ подозревать, что служащій конторы просто ошибся. Мои подозрѣнія показались правдоподобными и Конингсбергеру, и онъ далъ мнѣ письмо къ своему родственнику, одному изъ старшихъ служащихъ въ агентствѣ, съ которымъ я и поѣхалъ снова въ Вельтевреденъ. Оказалось, что родственникъ Конингсбергера такъ же мало

но не коллекторамъ-торговцамъ и препараторамъ. Для полученія удостовѣренія необходимо обратиться письменно къ Директору Бейтензоргскаго Ботаническаго сада, который самъ сносится съ главнымъ агентомъ, а послѣдній высылаетъ удостовѣреніе по указанному адресу (напр., въ соотвѣтствующее консульство) въ Сингапуръ.

освѣдомленъ, какъ и низшіе служащіе, и ему пришлось обратиться за справкой все-таки къ послѣднимъ. Въ результатѣ выяснилось, что дѣйствительно произошла ошибка, и я могъ отплыть на «Rochussen'ъ», между тѣмъ послѣдній уже отплылъ изъ Пріока. Время было, впрочемъ, еще не совсѣмъ упущено: я имѣлъ возможность догнать пароходъ по желѣзной дородѣ въ Сурабайѣ, и я рѣшилъ спѣшить за нимъ. Времени оставалось немного, но укладка моихъ вещей была уже въ значительной степени подготовлена, и я выѣхалъ во-время раннимъ утреннимъ поѣздомъ 17/30 января.

Въ прежнее время въ теченіе того же дня невозможно было проѣхать дальше станціи Маосъ. Какъ теперь, такъ и тогда ночью поѣзда не ходили, но тогда конечной станціей дневного перегона былъ Маосъ и здѣсь приходилось ночевать въ, кстати сказать, очень хорошей правительственной гостиницѣ. Теперь поѣзда идутъ дальше до Djokjakart'ы, и я переночевалъ въ послѣдней. Я остановился въ старинной гостиницѣ Mataram. Къ сожалѣнію, я слишкомъ поздно узналъ, что въ Djokjakart'ѣ имѣется новая хорошая гостиница Тоегое. Я выѣхалъ дальше на слѣдующее утро, и курьерскій поѣздъ, мчавшійся съ необыкновенной быстротой, доставилъ меня къ часу пополудни въ Сурабайю.

Сурабайя вполнѣ европейскій городъ, съ прекрасными домами, часто даже двухъэтажными, съ роскошными магазинами, трамваемъ и громаднѣйшей роскошной гостиницей Oranje-Hôtel, въ которой я остановился. Гостиница доставляетъ своихъ постояльцевъ съ вокзала въ автомобилѣ. Владѣльцы гостиницы армяне. Тѣмъ же владѣльцамъ принадлежатъ гостиницы подъ тѣмъ же названіемъ и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ.

Въ тотъ же день я сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя покупки, дополнилъ свой запасъ консервовъ, сдѣланный еще въ Бейнтен-зоргѣ, и заказалъ снарядить патроны для своего ружья¹⁾.

19 янв. (1 фев.) послѣ полудня я перебрался на пароходъ «Rochussen». При посадкѣ на пароходъ пассажировъ съ Явы требуется удостовѣреніе портового врача въ томъ, что пасса-

¹⁾ Кстати сообщаю къ свѣдѣнію заинтересованныхъ лицъ адресъ оружейнаго магазина: Kessin, Komedi Plein, Boomstraat. 200 патроновъ 16 калибра обошлись мнѣ въ 16 гульденовъ. Этого количества оказалось для меня вполнѣ достаточно, но остатокъ я продалъ въ Добо безъ всякаго убытка для себя. Всюду въ глуши спросъ на патроны громадный.

жиръ не боленъ чумой. Къ несчастію, врачъ такъ запоздалъ со своимъ приходомъ, что я долженъ былъ переѣзжать на пароходъ, стоявшій на рейдѣ, съ большой поспѣшностью. Освидѣтельствованіе заключается въ томъ, что врачъ мгновенно хватаетъ за пульсъ,—и удостовѣреніе готово. Едва мы съ Аматомъ и многочисленнымъ багажомъ успѣли переѣхать на пароходъ, какъ разразился такой дождь, что можно было отъ души радоваться, что мы уже на мѣстѣ. Пароходъ «Rochussen» довольно большой и хорошій, но по плану постройки принадлежитъ къ старому типу, у котораго палуба перваго класса, а также обѣденный залъ и каюты помѣщаются на кормѣ, а не посрединѣ, какъ у пароходовъ новаго типа. Благодаря дождю, мѣшавшему погрузкѣ, мы отошли отъ Сурабайи, вмѣсто 4 часовъ пополудни, лишь въ половинѣ перваго ночи.

20 января, около 3 часовъ пополудни, мы подошли къ Булеленгу или Сингараджѣ на островѣ Бали, и вскорѣ, по обыкновенію, разразился ливень, продолжавшійся до самаго вечера. О сѣздѣ на берегъ невозможно было и думать. Бали славится во всемъ архипелагѣ своимъ скотоводствомъ, и, повидимому, почти на каждый пароходъ грузится большее или меньшее количество рогатаго скота довольно мелкой породы красно-бураго цвѣта, отправляемаго на какой-либо изъ острововъ на убой. Такъ и на нашъ пароходъ погружено было цѣлое стадо скота, предназначавшагося въ Амбонъ. Скотъ подвозятъ къ пароходу на большихъ платформахъ съ загородками, установленныхъ на баржахъ, откуда ихъ переводятъ на пароходъ самымъ обыкновеннѣйшимъ образомъ по сходнямъ. Въ Булеленгѣ мнѣ удалось побывать на обратномъ пути, но о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ я поговорю въ свое время.

На слѣдующій день рано утромъ мы были уже у Ампенана на Ломбокѣ, но и здѣсь какъ теперь, такъ и на обратномъ пути, мнѣ не удалось сѣхать на берегъ. Намъ предстояло простоять довольно короткое время, съ другой же стороны, у Ампенана море совершенно открыто, и волненіе у берега, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у мѣста причала шлюпокъ, было настолько значительно, что сѣздъ на берегъ не представлялъ собою ничего пріятнаго: пассажиры, прибывавшіе на пароходъ въ шлюпкахъ, оказывались порядкомъ окатанными волнами. Берегъ Ампенана на значительномъ протяженіи плоскій и довольно неинтересный.

Нѣсколько болѣе чѣмъ черезъ сутки мы были уже у Макассара.

О характерѣ этого города и его значеніи сказано достаточно въ отчетѣ Давыдова, и мнѣ не приходится добавлять въ этомъ отношеніи ничего существенно новаго. На меня Макассаръ произвелъ удручающее впечатлѣніе своей мгlistой жарой. У меня здѣсь оказалось пароходное знакомство. На пароходѣ «Manila» я познакомился со спутницей, довольно пріятной нѣмкой-блондинкой, ѣхавшей съ двумя дѣтьми подростками, дѣвочкой и мальчикомъ, изъ Германіи въ Макассаръ къ своему мужу—продавцу часовъ. Я хотѣлъ посѣтить эту семью (Dietrich). Безъ труда я нашелъ ихъ лавку, помѣщающуюся на «Китайской» улицѣ,—названіе, достаточно характеризующее мѣстоположеніе. Улица эта, расположенная параллельно набережной,—безъ всякой растительности и состоитъ изъ сплошныхъ рядовъ грязныхъ каменныхъ домишекъ. Въ квартирѣ, какъ и во всей усадьбѣ, я нашелъ однѣ голыя заплѣсневѣлыя стѣны и нигдѣ никакой «обстановки». Во дворѣ бѣгали голоногія дѣти съ руками и ногами, сплошь искусанными москитами. Меня приняли радушно и угостили кофе, которое съ равнымъ правомъ можно бы принять и за отвратительный чай, при чемъ я высыпалъ себѣ двѣ послѣднихъ ложечки сахарнаго песку, а хозяева обошлись и безъ этой роскоши. Нужна нѣмецкая неприхотливость и настойчивость, чтобы при такихъ условіяхъ выбиваться наружу и сколачивать деньги!

Далекихъ экскурсій изъ Макассара я не предпринималъ, а ограничился собираніемъ муравьевъ въ ближайшихъ окрестностяхъ за городомъ. Мѣстность въ этомъ отношеніи здѣсь не благопріятна, такъ какъ повсюду усадьбы съ плантаціями кокосовыхъ пальмъ, къ которымъ на окраинахъ присоединяются еще рисовыя поля, въ это время года почти всѣ залитыя водой. Хижины туземцевъ обращаютъ на себя вниманіе крутизной скаговъ своихъ крышъ, а также высотой свай, на которыхъ они построены. Въ дополненіе къ сказанному у Давыдова о характеристикѣ города скажу, что онъ прорѣзывается многочисленными, очень длинными, широкими улицами-аллеями, посаженными громадными деревьями. Такихъ роскошныхъ аллей я не видѣлъ ни въ одномъ другомъ городѣ Инсулинда.

Нагляднымъ показателемъ несмѣтнаго количества москитовъ въ это дождливое время года служили руки и ноги дѣтей Дитриховъ. Двѣ ночи мнѣ пришлось провести въ Макассарѣ въ своей каютѣ на пароходѣ, пришвартованномъ къ самой пристани, и

здѣсь москитное бѣдствіе мнѣ пришлось испытать на самомъ себѣ. Благодаря жарѣ спать при закрытомъ иллюминаторѣ не было возможности, электрическій вентиляторъ мало помогалъ, а при открытомъ иллюминаторѣ досаждали москиты. Послѣдніе далеко оставляютъ за собою нашихъ русскихъ комаровъ, именно въ умѣньи быстро ужалить и затѣмъ безнаказанно улетѣть. Нашему комару надо сначала хорошо усѣсться, и только послѣ этого онъ начинаетъ жалить, здѣшніе же жалятъ въ тотъ же моментъ, какъ только сядутъ на кожу. Помимо москитовъ, досаждала и разгрузка и нагрузка, парохода, продолжавшаяся почти до полуночи: нѣсколько раньше ее прекращалъ начинавшійся дождь.

Мы отошли отъ Макассара, простоявъ около двухъ сутокъ, при дождливой погодѣ, продолжавшейся до вечера. До самого вечера мы огибали южную оконечность юго-западнаго Целебесскаго полуострова. Целебесъ весь изъ известняка, и растительный покровъ его горъ, насколько его можно наблюдать съ парохода, представляетъ ту особенность, что значительныя площади покрыты или мелкимъ кустарникомъ, или травой, я думаю—alang-alang. Во всякомъ случаѣ, это—не плантаціи, которыя поднимаются всегда снизу вверхъ, тогда какъ въ данномъ случаѣ указанные площади часто спускаются съ горныхъ вершинъ. Очень большихъ сплошныхъ лѣсовъ я не видѣлъ.

Ночь прошла безъ дождя, и утромъ было тоже сравнительно ясно. Въ 7 часовъ утра мы подошли къ южному берегу острова Бутона, который, составляя почти непосредственное продолженіе южнаго конца юго-восточнаго Целебесскаго полуострова, очень напоминаетъ Целебесъ и по своей природѣ. И онъ известняковый и точно такъ же представляетъ большія площади съ очень низкорослой растительностью, среди которой то тамъ, то тамъ возвышаются отдѣльныя деревья или рощицы. Мѣстами и сплошные лѣса. Характерную особенность поверхности составляютъ правильныя террасы, тянущіяся мѣстами на большомъ протяженіи какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіи. Низкорослою растительностью покрыты въ особенности эти террасы. Кое-гдѣ виднѣются вертикальные обнаженные обрывы. Та часть острова, которая видна съ парохода, представляется необитаемой, но можетъ быть это кажется такъ только за дальностью разстоянія. Бутонъ мы огибали до половины перваго, направляясь въ проливъ между нимъ и островкомъ Wangi-

Wangi. На картѣ K. Paketvaart-M. курсъ обозначенъ неправильно, схематично. По словамъ капитана, пароходы всегда идутъ этимъ путемъ, такъ какъ по ту сторону Ванги-Ванги множество рифовъ.

Островокъ Ванги-Ванги довольно плоскій, такого же характера, какъ и Бутонъ. Со стороны парохода — прибрежная низменность съ древесной растительностью, и затѣмъ террасы съ кустарникомъ. Верхняя часть острова покрыта сплошнымъ лѣсомъ, граница котораго съ сѣвера рѣзко обрывается. Точно такъ же и вся восточная низменная часть острова покрыта сплошнымъ лѣсомъ. Вблизи сѣверной границы лѣса стоитъ маякъ. Признаковъ обитаемости я издали не видѣлъ.

Пока мы огибали Бутонъ, море было спокойно, но въ открытомъ морѣ задулъ, вмѣсто полагающагося здѣсь въ это время года западнаго или сѣверо-западнаго вѣтра, — сѣверо-восточный. Всю ночь онъ дулъ съ такой силой, что я было уже сталъ опасаться, — не разыграется ли онъ во что-нибудь нехорошее, но къ утру, когда мы приблизились къ Буру и стали подъ его прикрытіе, вѣтеръ стихъ.

На разсвѣтѣ мы были уже въ виду Буру, направляясь къ Тифу (Tifoe), лежащему на юго-западномъ берегу этого островка. Мы подошли къ возвышенному берегу, круто спускающемуся къ морю и сплошь покрытому густымъ лѣсомъ, и стали на якорь. Я ожидалъ увидѣть городокъ или хотъ нѣсколько строеній, но ничего этого не было. Только въ одномъ мѣстѣ виднѣлась небольшая впадина, и это, какъ потомъ оказалось, и былъ входъ въ бухту, у которой расположенъ Тифу. Капитанъ предложилъ мнѣ воспользоваться пароходнымъ моторомъ, который уже приготавливали къ спуску, чтобы съѣхать на берегъ и походить по лѣсу, и я, конечно, съ радостью принялъ его предложеніе, тѣмъ болѣе, что въ моемъ распоряженіи было нѣсколько часовъ до завтрака. Входъ въ бухту, вдающуюся въ видѣ небольшого языка, и самая бухта оказались удивительной красоты, съ крутыми берегами, поросшими лѣсомъ. Въ глубинѣ бухты устроенъ молъ для причала мотора и барокъ, а позади стоитъ маленькій Passangrahan, или правительственный домикъ для пріѣзжихъ чиновниковъ, домикъ Posthouder'a (почтоваго чиновника и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще представителя правительственной власти) и нѣсколько домиковъ туземцевъ такъ называемой амбонской расы, т.-е. смѣси португальцевъ съ коренными альфурами (папуасами), съ небольшою

малайской примѣсью. Это и было все Тифу. Населеніе его состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ туземцевъ и всего одного голландца, родъ дѣятельности котораго остался для меня не выясненнымъ. Постгаудеръ былъ амбонецъ. Не теряя времени, я отправился на прогулку. Я прошелся по прекрасной, прорѣзанной вдоль восточнаго берега бухты тропинкѣ и поднимался по лѣсу вверхъ, что мѣстами представляло немалыя затрудненія, благодаря крутизнѣ берега и нагроможденнымъ глыбамъ известняка. Лѣсъ отличается здѣсь присутствіемъ большого количества панданусовъ и производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ на Явѣ. Мы были уже въ восточной, сухой въ это время года области. Въ лѣсу было совершенно сухо, и на дождь не было ни малѣйшаго намека. Небо было ясно. На первыхъ же порахъ мнѣ попались совершенно незнакомые мнѣ муравьи и интересное гнѣздо древесныхъ термитовъ. Послѣднее было безъ населенія, и взять его было бы очень удобно, но, увы, я не былъ снаряженъ соотвѣтствующимъ образомъ. Попадались великолѣпныя бабочки, и слышался крикъ птицъ. Какъ ни было здѣсь хорошо, но моторъ сталъ давать мнѣ свистки, и пришлось направить свой путь обратно. Я задержался еще только на верандѣ домика постгаудера, на которой сидѣлъ съ постгаудеромъ старшій офицеръ съ парохода и наливался пивомъ. Послѣднее было предложено и мнѣ, и я не отказался. Поговоривъ немного съ постгаудеромъ по-малайски, пришлось распрощаться и съ пастгаудеромъ, и съ Буру и вернуться на пароходъ.

Пароходъ простоялъ еще часа три. Отъ Амбона, куда лежалъ нашъ путь, насъ отдѣляло самое короткое разстояніе. Чтобы не прибыть ночью, мы не спѣшили съ отходомъ, и, кромѣ того, капитанъ рѣшилъ итти замедленнымъ ходомъ.

Бухта Тифу промелькнула для меня, какъ чудный сонъ. Я находился подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и съ внутренней болью покидалъ этотъ уютный уголокъ, въ которомъ можно бы такъ удобно и пріятно устроиться и поработать на лонѣ природы, еще совершенно не испакощенный «культурой». Во мнѣ мелькала даже мысль остаться здѣсь, но планъ моей поѣздки былъ уже установленъ, и измѣнить его было бы не такъ легко. Для того, чтобы воспользоваться пассанграханомъ, нужно было имѣть разрѣшеніе амбонскаго резидента, чего у меня не было, къ тому же я былъ уже на пароходѣ, сообщеніе котораго съ берегомъ было уже прервано. Всякому натуралисту, любящему

уединеніе и нетронутую природу, я настойчиво рекомендую Тифу. Пассанграханъ состоитъ изъ одной комнаты, но устроиться въ немъ можно отлично, а получить для помѣщенія въ немъ разрѣшеніе резидента не представляетъ никакихъ затрудненій. Сдѣлать это можно заранѣе чрезъ посредство Конингсбергера. За пользованіе пассанграханомъ полагается по закону въ мѣсяць 15 гульденовъ. Я думаю, что брать съ собою сюда слугу съ Явы нѣтъ надобности, такъ какъ таковаго, навѣрное, можно найти среди обитателей мѣстной деревушки. Наземная фауна представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ большой интересъ. Между прочимъ, вѣдь здѣсь водится и бабируса (babi-rusa по-малайски: свинья-олень или, если хотите, — свиноолень), представляющій нѣкоторое отличіе отъ целебесскаго. Ходить всюду одному совершенно безопасно, такъ какъ туземцы — христіане. Бухта, благодаря своей идеальной защищенности и чистотѣ, чрезвычайно удобна для морскихъ изслѣдованій, и фауна ея, принимая во вниманіе близость къ Амбойнѣ, навѣрное, очень богата и интересна. Кстати, у постгаудера я видѣлъ двѣ раковины наutilus, которыя онъ подарилъ старшему офицеру. Вѣроятно, наутилусы здѣсь очень обыкновенны. Помнится, здѣсь имѣется и шлюпка.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, то въ иллюминаторъ увидѣлъ зеленые берега Амбонской бухты. Мы были уже вблизи самаго Амбона и вскорѣ пристали къ концу деревяннаго мола, далеко вдающагося въ море. На противоположномъ концѣ мола помѣщается таможня. У меня специально для таможни было рекомендательное письмо Конингсбергера, дѣйствіе котораго оказалось прямо магическимъ. Пробѣжавъ его, молоденькій таможенный чиновникъ, амбонецъ, прямо пропустилъ всѣ мои вещи безъ всякаго осмотра. Отсюда я отправился пѣшкомъ въ одну изъ двухъ довольно большихъ имѣющихся въ городѣ гостиницъ, именно въ рекомендованную мнѣ «Soselisa», вещи же мои повезли ручнымъ способомъ на двухколесной платформѣ. Здѣсь, во всемъ городѣ всего нѣсколько извозчиковъ-садо, которые вовсе не выѣзжаютъ къ пристани къ приходу парохода. Обѣ гостиницы построены по павильонному типу, что я нахожу очень удобнымъ. Цѣны оказались даже нѣсколько ниже Бейтензоргскихъ, и довольно хорошую комнату съ изящной верандой, выходящей въ сторону улицы, я получилъ, конечно со столомъ, за 5 гульденовъ въ сутки. Какъ и всѣ зданія въ городѣ, павильоны гостиницы построены такимъ образомъ, что нижняя половина

стѣнъ каменная, а верхняя деревянная. Такой типъ построекъ принять, какъ обязательный, послѣ ужаснаго землетрясенія 1898 г., уничтожившаго весь городъ. Слабыя землетрясенія здѣсь довольно часты, хотя за свое 17-тидневное пребываніе въ Амбонѣ я не испыталъ ни одного.

Почти тотчасъ по прибытіи въ гостиницу, я узналъ отъ хозяина ея, амбонца, что у него квартируетъ нѣмецкій ученый Мюллеръ, также направляющійся на Ару. Сообщение это меня чрезвычайно обрадовало, такъ какъ я, слѣдовательно, буду на Ару не одинъ, и я тотчасъ отправился съ визитомъ къ Мюллеру, котораго засталъ на верандѣ и который оказался этнографомъ, нѣмцемъ изъ Берлинскаго Museum für Völkerkunde, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, хотя уже составившимъ себѣ имя въ своей области, уже бывалымъ путешественникомъ, прожившимъ съ цѣлью этнографическихъ изслѣдованій довольно долгое время на Каролинскихъ островахъ и Новой Гвинее. Мюллеръ (Dr. Wilhelm Müller) собирался на Ару и Тенимберъ на долгое время, года на два. Снаряженіе его организовано было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Помимо нѣсколькихъ фотографическихъ камеръ, складной темной фотографической комнаты изъ чернаго сатина, громаднаго запаса пластинокъ и нѣсколькихъ ружей, съ нимъ было множество вещей для обмѣна на этнографическіе предметы туземцевъ, какъ различныя матеріи и т. п. Запасъ консервовъ былъ, конечно, также очень великъ, но онъ долженъ былъ въ послѣдствіи еще пополняться съ Явы. Въ Амбонѣ Мюллеръ былъ уже довольно давно и не оставилъ его до сихъ поръ только потому, что никакъ не могъ получить главнаго транспорта своего снаряженія, который сданъ былъ въ Батавіи агенту Paketvaart'a чуть не два мѣсяца тому назадъ. Какъ оказалось, вещи почему-то выгружены были въ Сурабайѣ, и ихъ все забывали погрузить снова. Упоминаю объ этомъ эпизодѣ, чтобы еще разъ указать на безпорядки, царствующіе въ Paketvaart'ѣ. Какъ помнитъ читатель, я имѣлъ случай испытать ихъ на самомъ себѣ, при отплытіи съ Явы. У насъ принято считать, что безпорядки только у насъ въ Россіи. Оказывается, что они бываютъ не только у насъ.

Мюллеръ имѣлъ съ собою двухъ малайскихъ слугъ изъ Батавіи. Одинъ изъ нихъ, получавшій 40 гульденовъ въ мѣсяцъ, говорилъ прекрасно на испорченномъ англійскомъ діалектѣ, из-

вѣстномъ на востокъ подъ названіемъ Pidgin English ¹⁾). Мюллеръ владѣлъ и малайскимъ языкомъ, но не вполнѣ свободно, а потому, при предстоявшихъ ему болѣе сложныхъ объясненіяхъ съ различными туземцами, для него было очень важно имѣть слугу малайца, владѣющаго въ то же время и полуевропейскимъ языкомъ. Съ Pidgin English Мюллеръ знакомъ былъ благодаря прежнему пребыванію въ англійской Новой Гвинее, хотя тамошній Pidgin English нѣсколько другой. Малайцы, говорящіе на Pidgin English, большая рѣдкость. Слуга Мюллера, порекомендованный ему въ германскомъ консульствѣ ²⁾, ѣздилъ раньше съ англичанами изъ Сингапура на Яву и обратно, получая въ сутки по 5 гульденовъ! Другой слуга Мюллера былъ попроще и получалъ 20 гульденовъ въ мѣсяцъ. Кстати замѣчу, что мой Аматъ получалъ отъ меня въ Бейтензоргѣ на своемъ столѣ 10 гульденовъ. Во время путешествія я условился платить ему по 15 гульденовъ на моемъ столѣ. Въ виду высокаго содержанія слугъ Мюллера, ему пришлось увеличить жалованье до 20 гульденовъ (Мюллеръ платилъ слишкомъ много). Какъ выяснилось впослѣдствіи, Аматъ сказалъ слугамъ Мюллера, что онъ получаетъ отъ меня по 60 гульденовъ въ мѣсяцъ и этимъ вызвалъ большое смущеніе, но о развязкѣ этой исторіи, имѣющей интересъ въ отношеніи характеристики малайскаго характера,—ниже.

Съ Мюллеромъ мы очень сошлись, и въ теченіе всего совмѣстнаго нашего пребыванія въ Добо я прожилъ съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ.

Давыдовъ даетъ въ своемъ отчетѣ такой обстоятельный очеркъ Амбойны, что я почти лишенъ возможности добавить что-либо существенно новое. Послѣднее будетъ касаться главнымъ образомъ нѣсколькихъ замѣтокъ мирмекологическаго характера и

¹⁾ Существуетъ нѣсколько Pidgin English. Наиболѣе извѣстный діалектъ, распространенный въ портахъ Китая, въ особенности въ Гонгконгѣ и на которомъ объясняются съ китайскими торговцами, слугами и боями, представляетъ собою смѣсь англійскаго, португальскаго и китайскаго языковъ. Въ европейскихъ словахъ на этомъ діалектѣ *r* всегда замѣняется *l* (Meyers Reisebücher: Weltreise).

²⁾ Кстати замѣчу, что германскій консулъ въ Батавіи является въ то же время офіціальнымъ представителемъ и интересовъ Россіи. Это можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и для насъ, русскихъ путешественниковъ, напримѣръ, при пересылкѣ писемъ. Гостиницы, какъ я имѣлъ случай испытать это на себѣ, относятся иногда къ пересылкѣ писемъ очень невнимательно.

того впечатлѣнія, какое произвелъ на меня «натуралистъ» Рей, какъ его называютъ въ Амбонѣ, и его коллекціи.

Рея, теперь уже довольно пожилого человѣка, я засталъ окруженнымъ цѣлой кучей смуглолицыхъ дѣтей, которымъ онъ преподавалъ начатки французской грамоты. Все это оказались его дѣти, которыхъ всѣхъ двѣнадцать, — большей частью дѣвочки. Какъ извѣстно читателю, знакомому съ отчетомъ Давыдова, Рей по происхожденію французъ, бывшій солдатъ голландской колониальной арміи, и занимается въ Амбонѣ уже съ давнихъ поръ сборомъ всевозможныхъ коллекцій для продажи въ Европу. Жена Рея амбонской расы, — мать всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыхъ я засталъ за изученіемъ французской грамоты и остальныхъ, которыя заняты были своимъ дѣломъ въ другихъ помѣщеніяхъ усадьбы, составляющей, кстѣти сказать, собственность Рея. Жена и дѣти Рея говорятъ только по-малайски, самъ же онъ не только не забылъ своего родного языка, но и преподаетъ его, между прочимъ, въ семьѣ резидента. Рей принялъ меня очень радушно, и я бывалъ у него не разъ въ теченіе своего пребыванія въ Амбонѣ. Въ первое же мое посѣщеніе Рей показалъ мнѣ всѣ свои коллекціи, главнымъ образомъ бабочекъ. Послѣднихъ (исключительно *Macrolepidoptera*) у него очень значительное количество, не только въ видѣ пакетиковъ, но и въ расправленномъ видѣ, и при томъ не только съ Амбойны, но и съ нѣкоторыхъ другихъ острововъ, но Боже, — въ какомъ все это оказалось видѣ! Бабочки чуть не наполовину были заплѣсневѣвшими, и ни при одной не было обозначенія мѣстонахожденія. Рей безъ затрудненія называлъ мнѣ послѣднія, но какая гарантія въ томъ, что онъ всегда называлъ ихъ правильно? Рей жаловался мнѣ на плохой сбытъ, но, послѣ видѣннаго, послѣднее меня не удивило. Я видѣлъ также ту комнату, въ которой помѣщался Давыдовъ. Чего только тамъ не было?! Всюду былъ страшный беспорядокъ, пыль и запустѣніе. Самъ на экскурсіи Рей уже не ходитъ и довольствуется тѣмъ, что ему приносятъ туземцы. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка опустившагося. Съ требованіями, предъявляемыми теперь къ коллекціямъ, онъ не знакомъ, и соотвѣтствующей подготовки у него нѣтъ. Продажа коллекцій даетъ мало, между тѣмъ, содержать двѣнадцать человѣкъ дѣтей, даже въ Амбонѣ, дѣло не легкое. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, уже начинаютъ зарабатывать кое-что и собственнымъ трудомъ.

Я познакомился также и съ мѣстнымъ «Мюромъ и Мерили-

зомъ», китайцемъ Іонъ-ки-Хономъ, который пріютилъ у себя на первое время Давыдова, отзывающагося о немъ почти съ восторгомъ. Китаецъ разочаровалъ меня тѣмъ, что при упоминаніи мною имени Давыдова не изобразилъ на своемъ лицѣ ровно никакого интереса къ личности послѣдняго. Снаружи громаднаго магазина Іонъ-ки-Хона, въ которомъ и я дополнилъ свои запасы консервовъ и провизіи для Ару, устроена веранда со столиками, за которыми по вечерамъ всегда пьютъ газоваыя воды и пиво. Къ числу посѣтителей этой веранды изрѣдка принадлежалъ и я.

Я почти каждый день совершалъ экскурсіи пѣшкомъ, главнымъ образомъ, въ остатки лѣсовъ на Лейтиморѣ. Чаше я ходилъ вдоль ручья, текущаго въ глубинѣ долины съ лѣвой стороны отъ города. Экскурсіи изъ Амбона я нахожу довольно-таки утомительными. До ближайшихъ зарослей, которыя съ нѣкоторымъ правомъ можно бы назвать лѣсомъ, довольно далеко, — 30—45 минутъ ходьбы, при томъ по довольно крутому, совершенно открытому подъему въ гору. Выше тропинки идутъ черезъ заросли сорной травы *alang-alang*. Сухое время года, съ большей частью безоблачнымъ небомъ, по крайней мѣрѣ въ утренніе часы, давало себя чувствовать, и я обильно обливался потомъ, катившимся съ меня градомъ. Къ удивленію, мой Аматы, всегда сопровождавшій меня и носившій мои принадлежности для сборовъ, оставался всегда совершенно сухимъ. Я чувствовалъ постоянно сильную жажду, но, благо, я находился большей частью вблизи ручья, вода котораго манила своей чистотой и прохладой. Впрочемъ, какъ я слышалъ впослѣдствіи, я поступалъ неосторожно, такъ какъ могъ такимъ образомъ заразить свой кишечникъ амебой тропической дизентеріи. Для сбора насѣкомыхъ (муравьевъ это не касается!) сухое время года неблагоприятно. Крупныхъ красивыхъ бабочекъ попадалось мало, и я собралъ ихъ только нѣсколько. Изъ жуковъ я собралъ нѣкоторое количество красивыхъ, хотя и не особенно крупныхъ *Buprestid*ъ и ни одного *Euchirus longimanus*. Только одного самца этого крупнаго курьезнаго жука съ неуклюжими длинными ногами я пріобрѣлъ по пути на одну изъ экскурсій у туземца. Выходя на экскурсію часовъ въ шесть утра, я возвращался обыкновенно, мокрый и усталый, часамъ къ двѣнадцати, купался въ предназначенной для этого коморкѣ (*kamar mandi*) путемъ обливанія, завтракалъ и почти все остальное время до сумерекъ занимался распредѣленіемъ собранныхъ муравьевъ по трубочкамъ со спир-

томъ, этикетированіемъ ихъ и писаніемъ соотвѣтствующихъ замѣтокъ. Вечеръ, какъ и въ Бейтензоргѣ, уходилъ на писаніе дневника. Большое неудобство представляетъ принятый на Амбойнѣ обычай обѣдать въ 9 часовъ вечера. Позавтракавъ въ часъ, едва дождешься этого девятичасового обѣда, между тѣмъ, вскорѣ послѣ обѣда приходится ложиться спать. Нѣсколько разъ я былъ и на противоположащемъ полуостровѣ Хито, переплывая туда на узкой лодкѣ, снабженной съ обѣихъ сторонъ по пловучему бревну, прикрѣпленному къ парѣ поперечныхъ жердей. Дѣлается это для снабженія лодкѣ необходимой устойчивости. Полуостровъ Хито несравненно болѣе лѣсистъ и потому болѣе пригоденъ для цѣлей натуралиста, чѣмъ Лейтиморъ. Я поступилъ бы, пожалуй, благоразумнѣй, если бы устроился здѣсь въ какой-нибудь хижинѣ, что вполне возможно, но сразу я этого не сдѣлалъ, а потомъ было уже поздно.

На одномъ изъ ближайшихъ горныхъ склоновъ Лейтимора, вблизи самага Амбона, имѣется довольно обширная искусственно насаженная роща небольшихъ эвкалиптовъ, представлявшихъ для меня тотъ интересъ, что нѣкоторыя деревья почти сплошь покрыты были множествомъ клубней эпифитной *Murmesodia*. Растеніе это, подобно *Hydnohytium*, также встрѣчающемуся на Амбойнѣ, замѣчательно тѣмъ, что крупный вздутый клубень его, состоящій изъ губчатой сочной паренхимы, снабженъ системой лабиринтообразныхъ ходовъ, служащихъ жилищемъ для муравьевъ,—почти всегда *Iridomyrmex cordatus*, нигдѣ кромѣ клубней названныхъ растеній не живущихъ. Довольно многочисленныя маленькія отверстія служатъ муравьямъ сообщеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. Стоитъ неосторожно прикоснуться къ клубню, какъ муравьи массами высыпаютъ наружу и съ ожесточеніемъ накидываются на нарушителя ихъ покоя¹⁾.

Тогда какъ раньше полагали, что клубни названныхъ растеній съ ихъ лабиринтообразными ходами представляютъ собою родъ галловъ, вызываемыхъ жезнедѣтельностью муравьевъ, Трейбъ, путемъ выращиванія *Murmesodia*, показалъ, что ука-

¹⁾ Первымъ, открывшимъ мирмекодію съ ея необыкновеннымъ муравьинымъ населеніемъ, былъ знаменитый амбонскій натуралистъ 17-го столѣтія нѣмецкій врачъ Rumph, извѣстный больше подъ латинизированнымъ именемъ Rumphius, авторъ сочиненія «*Ambonsche Rariteiten Kammer*», въ которомъ онъ описываетъ, главнымъ образомъ, диковины Амбонской бухты.

занныя образованія вырастаютъ безъ всякаго участія муравьевъ. Этотъ фактъ, конечно, еще не говоритъ противъ симбіоза или взаимнаго приспособленія муравьевъ и растенія, но сомнѣніе вызываетъ то обстоятельство, что до сихъ поръ не извѣстенъ врагъ, защитой противъ котораго должны служить муравьи. *Iridomyrmex cordatus* является не единственнымъ обитателемъ *Myrmecodia* и *Hydnophytum*. Иногда его замѣняютъ и нѣкоторые другіе муравьи, какъ *Camponotus maculatus*, *Crema-stogaster difformis*, *Pheidole javana* и другіе. Примѣровъ тому особенно много я находилъ на Ару. Тамъ же (на о. Ваммарѣ) я нашелъ въ одномъ клубнѣ *Hydnophytum*, сброшенномъ при рубкѣ лѣса на землю, пять различныхъ видовъ муравьевъ ¹⁾).

Болѣе тщательныя изслѣдованія послѣдняго времени развѣнчали цѣлый рядъ примѣровъ симбіоза между извѣстными «мирмекофильными» растеніями и муравьями, считавшихся твердо установленными, и въ настоящее время число случаевъ дѣйствительной мирмекофіліи растеній остается довольно незначительнымъ. Поэтому мы поступимъ благоразумнѣе, если и въ разсматриваемомъ случаѣ будемъ смотрѣть на лабиринтообразные ходы въ клубняхъ *Myrmecodia* и *Hydnophytum* какъ на образованія, имѣющія въ жизни растенія собственное фізіологическое назначеніе, каковымъ, можетъ быть, является вентилированіе рыхлой водянистой ткани клубня. Что касается значенія вообще клубня съ его рыхлой водянистой тканью, то мнѣ представляется наиболѣе естественнымъ смотрѣть на него какъ на органъ, служащій для запаса воды на неблагопріятное сухое время года. Въ этомъ предположеніи меня подкрѣпляетъ наблюденіе, случайно сдѣланное при искусственномъ высушиваніи клубней. Оказалось, что вода удерживается клубнями *Myrmecodia* и *Hydnophytum* точно такъ же, какъ и сочнымъ стволикомъ перваго растенія, съ такой необычайной силой, что ихъ нѣтъ возможности хорошо высушить даже надъ сильной керосиновой кухней.

Возвращаясь къ вопросу о симбіозѣ, замѣчу, что Dahl ²⁾ дер-

¹⁾ Нѣкоторыхъ изъ этихъ муравьевъ я никогда не находилъ въ клубняхъ, находящихся на деревьяхъ, что указываетъ на то, что присутствіе этихъ послѣднихъ муравьевъ является результатомъ нарушенія естественныхъ условій, именно того, что клубень валялся на землѣ.

²⁾ Friedrich Dahl. Das Leben der Ameisen im Bismarck-Archipel, nach eigenen Beobachtungen vergleichend dargestellt. Berlin, 1901.

жится того взгляда, что вопросъ должно представлять себѣ не только такимъ образомъ, оберегается ли растеніе муравьями отъ дѣйствительно имѣющагося врага, но также и отъ возможнаго, т.-е. не явился ли бы врагъ, если бы растеніе не обладало защитой со стороны муравьевъ. Вопросъ въ такой формѣ приложимъ какъ къ вышеназваннымъ растеніямъ, такъ и къ встрѣчающемуся также на Амбойнѣ, равно какъ и на другихъ Молуккскихъ островахъ, на Ару и Новой Гвинее, *Endospermum formicarum* Весс., несмотря на то, что это растеніе не представляетъ обитающему въ немъ муравью *Camponotus quadricerus* ни готовой полости, ни готовыхъ «дверей» (какъ южно-американская *Cecropia*). Пара гладкихъ железистыхъ подушечекъ съ нижней стороны у основанія листовой пластинки, повидимому, аналогичны Мюллеровскимъ тѣльцамъ цекропіи, однако, муравьи рѣдко наблюдаются на нихъ, обыкновенно же они сидятъ почти безвыходно въ выгрызенной ими сердцевинной полости растенія и, повидимому, выходятъ на раздобываніе пищи внѣ гнѣзда только ночью.

На Амбойнѣ я нашелъ три экземпляра *Endospermum*: два маленькихъ деревца въ одной долині на Лейтиморѣ, высотой не болѣе сажени, и довольно большое дерево на Хито, 4—5 сажень въ высоту и толщиною внизу около четверти. На всѣхъ этихъ деревцахъ я нашелъ снаружи сравнительно очень незначительное количество муравьевъ—♀, спокойно прогуливавшихся по верхнимъ частямъ побѣговъ (не по листьямъ). Стоило слегка ударить по стволу, какъ высыпало несмѣтное количество муравьевъ, оживленно бѣгавшихъ въ поискахъ нарушителя покоя по побѣгамъ и стволу то вверхъ, то внизъ. Но главная масса встревоженныхъ рабочихъ скоплялась все-таки на самой нижней части ствола, въ то же время не сбѣгая на землю. Рациональность этого инстинкта въ смыслѣ защиты общины очевидна. Въ одномъ случаѣ я посадилъ для опыта на стволикъ деревца со встревоженными муравьями послѣдовательно нѣсколько ♀ ♀ попавшагося подъ руку *Polyrhachis*. Всѣ они подверглись тотчасъ ожесточенному нападенію. Сцѣпившіяся пары попадали внизъ. Прослѣдить дальнѣйшую судьбу чужихъ муравьевъ мнѣ не удалось.

Первоначальное поселеніе *Camponotus quadricerus* на молодомъ деревцѣ *Endospermum* происходитъ, повидимому, такимъ образомъ (Dahl), что нѣсколько плодныхъ самокъ внѣд-

ряются на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой снаружи черезъ выгрызенный горизонтальный каналъ въ сердцевину молодой части побѣга. Впослѣдствіи рабочіе выгрызаютъ сердцевину далѣе въ направленіи вверхъ и внизъ, и первоначальныя отдѣльныя камеры сливаются. Выгрызаніе молодой сердцевины нисколько не вредитъ деревцамъ, которыя растутъ прекрасно.

Отъ какихъ поврежденій другими врагами должны защищать растеніе муравьи? Неужели отъ еще болѣшихъ, чѣмъ производятъ сами. Много всякихъ растеній растетъ кругомъ, и всѣ они растутъ прекрасно и благоденствуютъ и безъ защитниковъ-муравьевъ!

Общій характеръ жизни въ Амбонѣ носитъ на себѣ отпечатокъ особенно рѣзко выраженной патріархальности и лѣни. Когда я прибылъ сюда и сталъ появляться въ городѣ, то первое время всѣ оглядывали меня съ ногъ до головы и очевидно ломали себѣ голову надъ вопросомъ,—что это за новый неизвѣстный европеецъ, такъ какъ вѣдь здѣсь, въ маленькомъ городкѣ, всѣ представители бѣлой расы наперечетъ, и всѣ знаютъ другъ друга. Съ перваго же дня чуть не всѣ амбонцы, понимая подъ этимъ именемъ представителей такъ называемой амбонской расы, т.-е. продуктъ смѣси португальцевъ съ коренными туземцами альфурами или мѣстными папуасами и небольшой малайской примѣсью, стали при встрѣчѣ со мною вѣжливо раскланиваться. Въ особенности почтительны были владѣльцы усадебъ и вообще люди, стоящіе выше по своему положенію, которымъ льстило сознаніе своего полуевропейскаго происхожденія и принадлежности къ той же религіи, что и европейцы. Такихъ почтенныхъ особъ почти цѣлый день можно видѣть сидящими въ неподвижной позѣ на верандѣ своихъ домовъ. Вообще сидѣніе на верандѣ входитъ здѣсь въ программу дня, являясь выраженіемъ прямо культа лѣни, которая характеризуетъ не только туземцевъ-амбонцевъ, но и голландцевъ. Въ день отъѣзда мнѣ съ ранняго утра до самаго завтрака пришлось проходить несчетное число разъ мимо одной веранды, на которой утромъ я обратилъ вниманіе на двухъ голландцевъ нашего круга, сидѣвшихъ въ утреннемъ туалетѣ за чашкой кофе и съ газетой въ рукахъ. До самаго завтрака, т.-е. до часа, оба они оставались все въ той же позѣ. Читатель подумаетъ, пожалуй, что они все время читали,—нѣтъ, они почти не читали, а только держали газеты въ рукахъ и, насколько я могъ замѣтить, даже почти не разговаривали.

Они находились въ состояніи созерцательной дремоты, которая проникаетъ собою всю жизнь въ Амбонѣ.

Характерной особенностью Амбона является еще чуть не непрерывное и почти всеобщее отвратительное насвистываніе. Последнее вообще составляетъ голландскую особенность. Я не видѣлъ до сихъ поръ ни одного голландца, который бы не насвистывалъ, и ни одного, который бы насвистывалъ правильно. Это такая какофонія, которая можетъ вывести изъ терпѣнія чело-вѣка, обладающаго нѣкоторымъ музыкальнымъ слухомъ. Отъ голландцевъ насвистываніе заимствовали и амбонцы, и такимъ образомъ въ городѣ насвистываніе прямо стоитъ въ воздухѣ. Какъ курьезъ, кстати, могу сообщить, что однажды я былъ пораженъ, услышавъ насвистываніе однимъ туземнымъ мальчишкой «Боже царя храни». Амбонъ характеренъ еще необыкновеннымъ количествомъ бумажныхъ змѣевъ, къ которымъ всѣ дѣти питаютъ необыкновенную страсть. При мнѣ чуть не на каждой улицѣ пускалось по нѣсколько змѣевъ, въ изготовленіи которыхъ амбонцы настоящіе виртуозы. Ими увлекаются и взрослые туземцы. Я видѣлъ необыкновенно остроумно устроенные приборчики съ крыльями, посредствомъ которыхъ они гнались вѣтромъ по ниткѣ до самаго змѣя. У послѣдняго, благодаря удару, передающемуся соотвѣтствующему механизму, крылья складываются, и все приспособленіе снова спускается внизъ.

Лѣнь туземцевъ общеизвѣстна, но она, по общимъ отзывамъ, составляетъ характерную особенность спеціально туземцевъ-христіанъ (протестантовъ), немногочисленные же туземцы-магометане болѣе порядочны. Почти всѣ голландцы путешествуютъ со своими слугами и имѣютъ ихъ, даже живя въ гостиницѣ. Поэтому гостиничные слуги вовсе не считаютъ своей обязанностью убирать комнаты. Когда я въ первый разъ вернулся съ экскурсіи, на которую взялъ и своего Амата, то я былъ очень удивленъ, заставъ комнату не убранной и ботинки не почищенными. Когда я обратился по этому поводу къ гостиничному слугѣ, то послѣдній отвѣтилъ мнѣ, что онъ, пожалуй, готовъ дѣлать все это, но только въ томъ случаѣ, если я обѣщаю дать ему при отъѣздѣ на табакъ. Не думаю, чтобы туземцы отличались особенно воровскими наклонностями, такъ какъ въ городѣ и въ гостиницѣ я постоянно видѣлъ все отпертымъ. Вѣроятно, они для этого слишкомъ лѣнны. Особенностью амбонцевъ, рѣзко отличающею ихъ отъ малайцевъ, является ихъ любопытство, непри-

нужденность въ обращеніи и подчасъ прямо даже нахальство. Когда я каждое утро отправлялся на экскурсію и Аматы несъ мои принадлежности для сборовъ, то мы постоянно встрѣчали по пути поселянъ, идущихъ на базаръ. Почти не было случая, чтобы встрѣчные не остановили Амату съ вопросомъ,—куда мы идемъ, чѣмъ я занимаюсь и для чего служатъ мои диковинныя принадлежности. Нерѣдко, когда я собиралъ муравьевъ, вокругъ насъ собиралась цѣлая толпа, которая сначала выражала свое недоумѣніе, а затѣмъ просто подымала меня на смѣхъ. Помню одинъ случай, когда мы съ Аматомъ раскапывали въ лѣсу большое гнѣздо крупныхъ *Odontomachus saevissimus* и когда намъ подчасъ жестоко доставалось отъ кусливыхъ и больно жалящихъ муравьевъ. Каждый такой эпизодъ приводилъ нашихъ зрителей въ неописуемый восторгъ ¹⁾).

Острова Ару находятся въ вѣдѣніи Амбонскаго резидента, которому по поводу меня писалъ изъ Бейтензорга Конингсбергеръ. Конечно, я счелъ своимъ долгомъ побывать у резидента и лично попросить его помочь мнѣ устроиться на Ару при содѣйствіи подчиненнаго ему контролера Ару, живущаго въ Добо. Резидентъ принялъ меня очень любезно и сообщилъ, что онъ уже писалъ контролеру по поводу меня, но что въ Добо нѣтъ для меня свободнаго помѣщенія на сушѣ и что онъ просилъ поэтому контролера предоставить мнѣ помѣщеніе на стоящемъ въ Добо и находящемся въ распоряженіи контролера правительственномъ пароходикѣ. Перспектива эта мнѣ не особенно улыбалась, но лучше было имѣть въ виду хоть что-нибудь, чѣмъ ничего.

¹⁾ Недавно, послѣ того, какъ настоящая рукопись уже давно закончена, я получилъ изъ Добо (на Ару) отъ своего соотечественника, о которомъ рѣчь будетъ еще впереди, письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о происшедшемъ на Амбойнѣ послѣ моего отъѣзда убійствѣ туземцами съ цѣлью грабежа ботаника Ричардсона изъ Манилы. Дѣло было такимъ образомъ. На экскурсіи Ричардсону захотѣлось пить, и онъ зашелъ съ этой цѣлью въ туземную хижину. Когда онъ раскрылъ свое портмонэ, чтобы дать туземцу нѣсколько центовъ, послѣдній замѣтилъ, что въ портмонэ много денегъ. Когда Ричардсонъ пошелъ въ лѣсъ, то за нимъ прослѣдили и убили въ глухомъ лѣсу. Трупъ ботаника изрубили въ мелкіе куски и бросили въ мѣшкѣ въ море. Одна изъ женъ убійцы выдала его, и благодаря ей убійство раскрылось.

Такимъ образомъ оказывается, что и на патріархальной Амбойнѣ нужно быть осторожнымъ.

Отплыть съ Амбойны мнѣ пришлось на томъ же Rochussen'ѣ, на которомъ я прибылъ. Пароходъ этотъ, по прибытіи на Амбойну, направился къ берегамъ Новой Гвинеи до голландскаго порта Мерауке и теперь вернулся обратно, чтобы итти въ Добо. Онъ ждалъ только прихода съ Явы парохода Mossel (по-голландски произносится Мѳссль). Послѣдній пришелъ утромъ, а на слѣдующій день, вскорѣ послѣ второго завтрака, мы съ Мюллеромъ перебрались на Rochussen. Возни было немало, въ особенности же купанія въ собственномъ поту. Читатель, не путешествовавшій въ тропикахъ, и представить себѣ не можетъ, что значить перебираться въ этой жарѣ на пароходъ, въ особенности, стоящій на рейдѣ, на шлюпкѣ, которая въ маленькомъ городкѣ берется нарасхватъ, и при этомъ находится въ зависимости отъ лодочниковъ, которые, какъ и всюду, представляютъ собою самый отчаянный элементъ. Я едва нашелъ шлюпку, которая и безъ того уже была наполовину завалена чужимъ грузомъ. Къ этому грузу прибавились еще и мои ящики, образовавшіе цѣлую гору, а сверху, какъ на тронѣ, помѣстились и мы съ Аматомъ. Счастье еще, что мы не перевернулись.

Мюллеру, незадолго до переѣзда на пароходъ, удалось купить въ Амбонѣ преинтересные этнографическіе предметы, происшедшіе изъ Мерауке и принесенные ему туземцемъ, именно пару крупныхъ, чрезвычайно грубой работы деревянныхъ статуэтокъ, изображавшихъ предковъ, и нѣсколько эмблематическихъ копій съ преинтересными рѣзными украшеніями.

На слѣдующій день рано утромъ мы подошли къ Бандѣ-Нейрѣ. Входъ въ бухту съ группами крутыхъ горъ, сплошь поросшихъ, какъ мнѣ казалось, лѣсомъ, напоминаетъ отчасти Тифу, только въ бѳльшемъ размѣрѣ. Вотъ, подумалъ я, гдѣ слѣдовало бы устроиться на продолжительное время, но прогулка въ этотъ «лѣсъ», начинающійся почти у самаго города и окружающій его со всѣхъ сторонъ, совершенно разочаровала меня: «лѣсъ» всюду оказался плантаціями мускатнаго орѣха, среди которыхъ другимъ большимъ деревьямъ предоставляется расти только въ качествѣ защитныхъ. Что острова Банды являются царствомъ плантацій мускатнаго орѣха, я, конечно, зналъ и раньше, но я не зналъ ничего о защитныхъ деревьяхъ. Передъ нашимъ приходомъ на Бандѣ-Нейрѣ ночью шелъ дождь, и въ лѣсу было въ достаточной степени мокро. Хотя теперь дождя и не было, тѣмъ не менѣе небо оставалось мрачнымъ, воздухъ

насыщенъ былъ паромъ, и стояла удручающая духота, которая гораздо хуже солнечнаго зноя, какъ это было недавно на Амбойнѣ. Мы простояли (у пристани) около пяти часовъ, и я успѣлъ хорошо ознакомиться съ ближайшимъ участкомъ «лѣса». Древесные гиганты, большей частью фікусы, придаютъ ему величественный видъ, въ особенности издали, но въ отношеніи муравьевъ, какъ и вообще животнаго населенія, онъ оказался не заслуживающимъ никакого вниманія. Я собралъ въ эту экскурсію всего нѣсколько вполне космополитическихъ, широко распространенныхъ видовъ. Сравнительно небольшія изящныя деревца мускатнаго орѣха покрыты были множествомъ орѣховъ, частью спѣлыхъ.

На обратномъ пути съ Ару мнѣ снова довелось быть на Бандѣ-Нейрѣ, и я снова прошелся въ томъ же направленіи, что и прошлый разъ, только значительно дальше, именно до вершины горы Раренберг'а. Съ вершины ея прелестный видъ, частью на городъ, расположенный слѣва, главнымъ же образомъ на противолежащій высокій (600 метровъ) вулканическій конусъ Гунунгъ-Апи, образующій отдѣльный островокъ, отдѣленный отъ Банды-Нейры только узкимъ проливомъ. На этотъ разъ погода на Бандѣ была уже безъ дождя. Повидимому, наступало уже сухое время года, и склоны горы, по которымъ я ходилъ, оказались совершенно сухими. Можетъ быть, именно этому обстоятельству нужно приписать, что на этотъ разъ мнѣ удалось собрать нѣсколько большее количество видовъ муравьевъ, чѣмъ прежде, хотя и теперь это были все неинтересныя космополитическія формы. На склонахъ Гунунгъ-Апи кое-гдѣ виднѣются небольшія заросли безъ плантацій. Очень можетъ быть, что тамъ мои поиски муравьевъ были бы успѣшнѣе, но времени для такой экскурсіи и на этотъ разъ у меня было слишкомъ недостаточно. По словамъ Давыдова, сравнительно болѣе значительные остатки прежнихъ лѣсовъ сохранились въ Бандѣ-Лонтарѣ.

О характерѣ города достаточно говорить Давыдовъ, и останавливаться на немъ я не буду.

По пути на Ару мы останавливались еще у Туаля на Маломъ Кей и Элатѣ на Большомъ Кей. На обратномъ пути съ Ару мой пароходъ снова останавливался у тѣхъ же портовъ и при томъ на болѣе продолжительное время, а потому рѣчь о нихъ я откладываю до описанія своего обратнаго пути.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Архипелагъ Ару.

16 февраля рано утромъ мы подошли наконецъ къ Добо, конечному пункту моихъ стремлений на востокъ. Передъ нами виднѣлся низменный берегъ съ плантаціями какосовыхъ пальмъ, на фонѣ которыхъ выступалъ въ море узкій мысъ, занятый постройками. Это и была «столица» Ару. Пароходъ становится на якорь въ открытомъ морѣ, и пассажиры со своимъ багажомъ доставляются на берегъ въ шлюпкахъ, которыя тащитъ за собою моторъ. Послѣдній пристаётъ къ маленькой деревянной пристани, которой оканчивается узкая искусственная насыпь изъ коралловаго известняка. Въ концѣ насыпи, уже на материкѣ, стоитъ громадный деревянный таможенный пакгаузъ, какъ и большинство зданій, также крытый волнистымъ оцинкованнымъ желѣзомъ. Къ фронту его прибитъ голландскій государственный гербъ, а поодаль на высокомъ шестѣ развѣвается голландскій флагъ.

Мы съ Мюллеромъ встрѣчены были на берегу всей немногочисленной европейской колоніей Добо съ контролеромъ во главѣ, и тотчасъ, конечно, возникъ вопросъ о томъ, гдѣ насъ помѣстить. У Мюллера было рекомендательное письмо отъ одного изъ извѣстныхъ жемчужныхъ промышленниковъ арабовъ братьевъ Баадилла, того самаго, который во времена Давыдова жилъ въ Добо,—къ его представителю, нѣкому метису Мосселю, но письмо это оказалось не имѣющимъ значенія, такъ какъ всѣ помѣщенія въ домахъ Баадиллы были уже заняты. Не въ лучшемъ положеніи былъ и я, такъ какъ, по словамъ контролера, помѣщеніе на пароходикѣ «Амбойна», которое имѣлъ для меня въ виду Амбонскій резидентъ, было слишкомъ тѣсно и вообще слишкомъ неподходящимъ для меня, помѣщенія же на сушѣ, по его мнѣнію, также не было. Въ поискахъ послѣдняго мы всей толпой стали бродить по европейской части Добо, но долгое время безрезультатно, пока, наконецъ, контролеру не пришла въ голову мысль, казалось, естественная мысль—помѣстить насъ въ строящемся и уже почти совершенно готовомъ пассанграханѣ. Всѣ мы отправились туда, и меня съ Мюллеромъ пассанграханъ привелъ

прямо въ восторгъ. Это одноэтажное деревянное досчатое зданіе, построенное на правомъ (восточномъ) берегу почти на самой границѣ городка. Длина главнаго зданія 20 шаговъ, а ширина 17. Главное зданіе состоитъ изъ пяти комнатъ, изъ которыхъ одна предназначена для прислуги. Спереди и сзади имѣется по открытой верандѣ, при чемъ отъ задней идетъ крытый ходъ къ навѣсу у пристройки со службами. Внутри и снаружи главное зданіе выкрашено бѣлой масляной краской. Имѣются настоящія двери съ замками и окна со стеклами и ставнями. Особого потолка въ комнатахъ нѣтъ, но подъ волнистымъ желѣзомъ крыши имѣется сплошная досчатая подшивка. Крыша устроена такимъ образомъ, что съ двухъ сторонъ на уровнѣ верхняго края стѣнъ имѣется для вентиляціи по щели, надъ которой край верхней части крыши спускается въ видѣ небольшого навѣса.

Таковъ былъ нашъ дворецъ, долженствовавшій служить мнѣ жилищемъ въ теченіе предстоявшихъ пяти недѣль. Нечего и говорить, что никакого таможеннаго осмотра нашихъ вещей не было, и таможенный чиновникъ разрѣшилъ всѣ наши ящики подвести на шлюпкѣ прямо къ пассанграхану. Кстати замѣчу, что весь транспортъ вещей Мюллера, такъ долго ожидавшійся имъ, оказался погруженнымъ на Rochussen и такимъ образомъ прибылъ одновременно съ нами. Мы водворились въ своемъ жилищѣ, при чемъ каждый изъ насъ занялъ по половинѣ дома. Средняя проходная комната предназначена была служить общей столовой. Прислугу мы помѣстили всю вмѣстѣ въ задней комнатѣ. Въ отношеніи мебели Мюллеръ обставленъ былъ лучше меня, такъ какъ у него имѣлась прекрасная складная постель съ пологомъ и складной столъ со стуломъ и, кромѣ того, еще складной парусиновый лонгшезъ для веранды, у меня же имѣлось только складное ротанговое кресло-постель, купленное въ Сурабайѣ, къ которому я заказалъ себѣ здѣсь пологъ изъ привезенной изъ Амбона соотвѣтствующей легкой ткани ¹⁾. Послѣдній прикрѣпленъ былъ къ двумъ веревкамъ отъ ящиковъ, натянутымъ параллельно между двухъ стѣнъ. Для обѣда Моссель далъ намъ большой табуретъ, обтянутый клеенкой, вмѣсто стола, и одинъ стулъ. Мнѣ для сидѣнія служилъ

¹⁾ За сшиваніе полога вмѣстѣ съ добавленіемъ болѣе плотнаго полотна портной-арабъ взялъ съ меня 5 гульденовъ!

пустой ящикъ. Столъ для зоологическихъ работъ я сдѣлалъ себѣ изъ одного изъ моихъ желѣзныхъ сундуковъ, концы котораго поставлены были на края двухъ ящиковъ. Для приготовленія ѣды у меня имѣлась керосиновая кухня и у обоихъ насъ достаточное количество посуды. Кромѣ того, у меня было ведро съ краномъ, которое предназначено было для воды. Оно установлено было на высокомъ ящикѣ, а ниже на другомъ пристроена была эмальированная миска, служившая для умыванія. У Мюллера была большая керосиновая лампа для освѣщенія, которой мы пользовались сообща, и нѣсколько маленькихъ для прислуги. У меня была только одна маленькая лампа кухоннаго образца. Прѣсную воду для питья, слегка солоноватую, здѣсь покупаютъ (за гроши), для собиранія же дождевой съ крыши при пассанграханѣ имѣется громадный желѣзный кубъ. Купальная комната еще не была устроена, но Моссель любезно предложилъ намъ пользоваться своей при его домѣ, находившемся довольно близко отъ насъ.

Для ѣды у насъ обоихъ имѣлся достаточный запасъ консервовъ, но, кромѣ того, мы почти каждый день ѣли что-нибудь свѣжее. Почти каждый день возможно бывало купить свѣжую морскую рыбу или громадныхъ размѣровъ лангустъ (штука по 40 центовъ!). Мюллеръ привезъ съ собою съ Амбойны большой запасъ живыхъ куръ въ клѣткѣ, но среди нихъ вскорѣ развилась какая-то эпидемія, отъ которой погибло около половины куръ, несмотря на то, что въ клѣткѣ онѣ оставались только первое время, а затѣмъ выпущены были на свободу. Изрѣдка мы также покупали куръ, но цѣна на нихъ здѣсь неприступная: большая курица стоитъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ гульденовъ. Одно яйцо стоитъ 10 центовъ! Контролеръ прислалъ намъ на новоселье булку изъ австралійской пшеничной муки домашняго печенія и присылалъ намъ затѣмъ ежедневно по одной въ теченіе нѣсколькихъ дней, но мы поблагодарили его за его любезность и стали покупать булки у мѣстнаго пекаря-японца. Качество послѣднихъ не всегда бывало удовлетворительнымъ въ зависимости отъ рода дрожжей.

Послѣ того, какъ мы устроились въ пассанграханѣ, жизнь наша потекла довольно однообразнымъ чередомъ. Мюллеръ сталъ подготавливаться къ поѣздкѣ на Blakang tahn'у (восточную сторону Аруанскаго архипелага: blakang—спина, tahn—земля), а я сталъ ежедневно ходить въ лѣсъ, разнообразя только направленіе. Но прежде, чѣмъ поговорить подробно объ аруанскихъ

лѣсахъ, ихъ населеніи и своихъ экскурсіяхъ, я останавлиюсь предварительно на самомъ Добо и вмѣстѣ съ тѣмъ на его исторіи. На мой взглядъ, интересно прослѣдить по литературнымъ даннымъ,—какимъ Добо было раньше и какъ оно прогрессировало въ своемъ устройствѣ и своихъ порядкахъ.

Въ своемъ «Малайскомъ архипелагѣ» Уоллесъ описываетъ Добо 1857 года слѣдующимъ образомъ: «Мѣстечко расположено на маленькомъ островѣ Вамма на узкой, вдающейся въ море въ направленіи къ сѣверу песчаной отмели, какъ разъ достаточной ширины для помѣщенія трехъ рядовъ домовъ. Хотя на первый взглядъ этотъ пунктъ и выглядит слишкомъ дико и уныло, чтобы строить на немъ деревню, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ и много выгодныхъ сторонъ. Съ запада имѣется свободный доступъ между коралловыми рифами, окружающими сушу, и по обѣ стороны деревни хорошая якорная стоянка для кораблей какъ во время восточнаго, такъ и во время западнаго муссона. Благодаря тому, что мѣсто открыто для морскихъ бризовъ въ трехъ направленіяхъ, пребываніе на немъ является здоровымъ, и мягкій песчаный берегъ представляетъ большое облегченіе для вытаскиванія туземныхъ лодокъ, чтобы защитить ихъ отъ червей-точильщиковъ и снарядить для обратнаго пути. Своимъ южнымъ концомъ песчаная отмель переходитъ въ материковое побережье острова, позади котораго произрастаетъ роскошный высокій лѣсъ. Дома различныхъ размѣровъ, но всѣ построены по одному образцу: это довольно большіе крытые соломой ¹⁾ сараи, при чемъ незначительная часть каждаго вблизи входа служить для жилья, а вся остальная отдѣляется посредствомъ одной или двухъ перегородокъ для помѣщенія предметовъ торговли и туземныхъ продуктовъ».

Характеръ хижинъ представленъ Уоллесомъ наглядно на рисункѣ, изображающемъ Добо въ періодъ оживленія торговли. Особенность хижинъ составляютъ ихъ крутыя двускатныя крыши чисто бугисскаго типа.

Найти домъ для своего помѣщенія представило Уоллесу немало затрудненій. «Нашъ капитанъ, господинъ Барцбергенъ», говоритъ Уоллесъ, «обѣщалъ поискать для меня домъ, но по

¹⁾ Я перевожу съ нѣмецкаго перевода. Не думаю, чтобы «крытые соломой» соотвѣтствовало англійскому оригиналу. Откуда было бы здѣсь взять какую бы то ни было солому? Безъ сомнѣнія, и тогда, какъ и теперь, крыши крылись пальмовыми листьями.

пути встрѣтились непредвидѣнные затрудненія. Одинъ домъ, отдававшійся въ наемъ, былъ безъ крыши, и владѣлецъ, построившій его съ промышленной цѣлью, не могъ обѣщать окончить его ранѣе мѣсяца; другой домъ, владѣлецъ котораго умеръ и которымъ, я, какъ явившійся первымъ, могъ слѣдовательно завладѣть безъ дальнѣйшихъ возраженій, требовалъ значительнаго ремонта, между тѣмъ для этой работы нельзя было найти никого, несмотря на то, что я предлагалъ за это четверную стоимость. Капитанъ посовѣтовалъ мнѣ поэтому занять очень милостивый домъ, расположенный недалеко отъ его дома, владѣльца котораго ожидали обратно не ранѣе нѣсколькихъ недѣль, и такъ какъ я стремился всею душою къ тому, чтобы перебраться на берегъ, то я приказалъ возможно скорѣе вычистить его. Вечеромъ того же дня всѣ мои вещи были уже въ немъ, и я почувствовалъ себя основательно устроившимся жителемъ Добо. Со мною былъ тростниковый стулъ и нѣсколько легкихъ досокъ, которыя примѣнены были вскорѣ для стола и полокъ; широкая бамбуковая скамья служила диваномъ и постелью, мои ящики были пристроены соотвѣтствующимъ образомъ, мои циновки расположены были на полу, для освѣщенія моего стола въ стѣнѣ изъ пальмовыхъ листьевъ вырѣзано окно, и, хотя это была самая жалкая и несчастная хижина, какую только можно себѣ представить, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя настолько удовлетвореннымъ, точно я получилъ хорошо устроенный домъ, и мысленно смотрѣлъ съ непомраченной радостью въ глаза своему предстоящему мѣсячному пребыванію въ немъ».

Далѣе, относительно своего второго пребыванія въ Добо (въ маѣ и іюнѣ того же года ¹⁾) Уоллесъ говоритъ «Добо было переполнено, и я былъ вынужденъ жить въ Судебномъ домѣ, въ которомъ происходятъ засѣданія комиссаровъ. Послѣдніе въ настоящее время уже оставили островъ, и я чувствовалъ себя въ немъ очень пріятно, такъ какъ онъ находился въ концѣ деревни съ видомъ на главную улицу».

Опредѣлить съ точностью мѣстоположеніе дома, въ которомъ жилъ Уоллесъ во второе свое пребываніе въ Добо, нѣтъ возможности. Можно только сказать, что это было въ концѣ бугисскаго квартала, который существуетъ и теперь на томъ же мѣстѣ. Очень возможно, что та «главная» улица, на кото-

¹⁾ Первое пребываніе было съ января по мартъ.

рую выходилъ фасадъ Судебнаго дома, соотвѣтствуетъ той длинной и прямой улицѣ, которая прорѣзываетъ бугисскій кварталъ и въ настоящее время.

Самую жизнь въ Добо Уоллесъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ настоящее время въ Добо, навѣрное, до пятисотъ чело-
вѣкъ различныхъ расъ ¹⁾, которые всѣ встрѣчаются въ этомъ
отдаленномъ уголкѣ, чтобы, какъ они выражаются, «дѣлать
свое счастье», т.-е. всѣми способами пріобрѣтать деньги. Боль-
шей частью это люди, обладающіе самой дурной репутаціей
какъ въ отношеніи своей честности, такъ и въ отношеніи вся-
каго другого рода нравственности,—китайцы, бугисы, церамцы
и яванскіе метисы, среди нихъ нѣсколько полудикихъ папуасовъ
съ Тимора, Баббара и другихъ острововъ—и тѣмъ не менѣе до
сихъ поръ все идетъ своимъ чередомъ совершенно спокойно.
Это пестрое, невѣжественное, кровожадное и вороватое насе-
леніе живетъ здѣсь безъ тѣни какого-либо управленія, безъ по-
лиціи, безъ судовъ и безъ адвокатовъ. И тѣмъ не менѣе они
не перерѣзываютъ другъ другу горло, не грабятъ днемъ и ночью
и не впадаютъ въ анархію, къ которой, казалось бы, должно
привести такое положеніе вещей...»

«Здѣсь мы видимъ генія торговли въ простѣйшей его формѣ,
работающимъ на пользу цивилизаціи. Торговля является тѣмъ
сверхъестественнымъ дѣятелемъ, который удерживаетъ всѣхъ
въ мирѣ и соединяетъ эти дисгармоничные элементы въ видѣ
взаимно хорошо переносящаго себя общества. Всѣ — торговцы
и знаютъ, что этотъ миръ и этотъ порядокъ имѣютъ суще-
ственное значеніе для успѣшной торговли, и такимъ образомъ
создается общественное мнѣніе, противостоящее всякому отсут-
ствію законовъ. Часто въ прежніе годы, когда я, бывало, ходилъ
вдоль кампонга Гламъ въ Сингапурѣ, я думалъ, какъ дико и
необузданно выглядятъ корабельщики-бугисы, и испытывалъ мало
удовольствія при мысли довѣриться имъ. Однако, теперь я
нахожу, что это очень кроткіе и благовоспитанные люди.
Ежедневно я хожу невооруженный въ джунгли, гдѣ я ихъ
всегда встрѣчаю. Въ хижинѣ изъ пальмовыхъ листьевъ, въ ко-

¹⁾ Это относится ко времени наступленія восточнаго муссона, тогда
какъ первоначальное прибытіе Уоллеса, во время западнаго муссона, со-
впадало съ тѣмъ періодомъ, когда почти все пришлое населеніе Добо
находилось на Блакангтанѣ.

торую всякій можетъ войти, я сплю, испытывая столь же мало страха и со столь же малой опасностью со стороны воровъ и разбойниковъ, какъ если бы я находился подъ охраной полиціи столичнаго города. Правда, голландское вліяніе даетъ себя здѣсь чувствовать. Острова стоятъ номинально подъ управленіемъ Молукковъ, которое признаетъ туземныхъ начальниковъ племенъ, и большей частью каждый годъ прибываетъ комиссаръ съ Амбойны, который совершаетъ объѣздъ острововъ, выслушиваетъ жалобы, устраняетъ споры и увозитъ всѣхъ тяжелыхъ преступниковъ въ качествѣ арестованныхъ. Въ этомъ году его не ожидаютъ, такъ какъ еще не отдано приказаній относительно его встрѣчи; такимъ образомъ, населеніе Добо остается предоставленнымъ самому себѣ. Однажды одинъ человѣкъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, когда онъ кралъ кусокъ желѣза изъ дома г. Варценбергена, въ который онъ проникъ, проломавъ дыру въ крышѣ. Вечеромъ собрались наиболѣе крупные торговцы мѣстечка, бугисы и китайцы. Преступникъ былъ допрошенъ, признанъ виновнымъ и осужденъ къ немедленному полученію двадцати ударовъ. Послѣдніе были нанесены ему посредствомъ небольшого ротанга посреди улицы не особенно жестоко, такъ какъ экзекуторъ, повидимому, нѣсколько симпатизировалъ виновному...»

Такимъ образомъ, по словамъ Уоллеса, жизнь въ Добо въ его времена, несмотря на присутствіе значительнаго количества элементовъ очень сомнительнаго качества, не представляла ничего опаснаго.

Можетъ быть Уоллесъ смотрѣлъ на положеніе слишкомъ оптимистически, а можетъ быть въ послѣдствіи условія жизни и дѣйствительно измѣнились значительно къ худшему. По крайней мѣрѣ, въ сравнительно недавнее время Давыдовъ рисуетъ намъ прямо угрожающую картину жизни въ Добо, при томъ не только на основаніи наблюденій, но и собственнаго невольнаго опыта. Во время пребыванія въ Добо Давыдова, именно въ 1903 году, тамъ находился уже постоянный представитель голландской власти, такъ называемый Posthouder, но онъ былъ единственнымъ европейцемъ на всемъ Аруанскомъ архипелагѣ и единственнымъ представителемъ власти, которая являлась поэтому почти только номинальной. «Здѣсь, въ мѣстечкѣ Добо—небольшой деревнѣ», — говоритъ Давыдовъ, «пріютилась колонія бугисовъ, бутонцевъ и макассарцевъ, предпринимающихъ время отъ времени

поѣздки на своихъ лодкахъ въ Blakang Tahn'у, гдѣ эксплуатируютъ дикарей, вымѣнивая на водку, опиумъ и всевозможный бакалейный хламъ цѣнные продукты тропического моря: жемчужныя раковины, черепаху и т. д. Компанія этихъ головорѣзовъ въ сущности является полными хозяевами на Ару. Въ самомъ Добо власть (хотя и номинальная, но все же власть) голландскаго чиновника — единственнаго европейца на всемъ архипелагѣ — и его престижъ еще поддерживается страхомъ передъ посѣщающими мѣстечко время отъ времени голландскими судами. Но само собой понятно, разъ дѣло коснется какихъ-либо осложненій, этотъ Posthouder безсиленъ: ему приходится уступать и гладѣть сквозь пальцы на все, что творится вокругъ. Да и въ сущности, что можетъ сдѣлать одинъ европеецъ противъ сотни вооруженныхъ бугисовъ — отчаянныхъ головорѣзовъ по натурѣ, пиратовъ по призванію и мошенниковъ по убѣжденію? — Покидая свой родной Целебесъ, всѣ эти искатели наживы имѣютъ весьма опредѣленные и твердыя намѣренія. Помѣшать осуществленію этихъ проектовъ одинъ человѣкъ, конечно, не въ силахъ, и въ результатѣ, живя съ ними въ одномъ селеніи, обѣ стороны заключаютъ между собою безмолвный договоръ — соглашеніе жить въ мирѣ, но зато и не мѣшать другъ другу. Начальнику края дается возможность формально исполнять свои офиціальныя обязанности, а онъ съ своей стороны даетъ *carte blanche* другой сторонѣ и уже не вмѣшивается въ ея неофиціальныя занятія. Итакъ, эта жалкая деревушка Добо, резиденція Posthouder'а, база бугисскихъ авантюристовъ въ ихъ разбойничьихъ экспедиціяхъ — до сихъ поръ единственный пунктъ на архипелагѣ Ару, гдѣ можно найти намеки на отголоски «культуры». Въ Добо живетъ временами также представитель арабской фирмы Baadilla, занимающейся ловлей жемчуга въ Аруанскихъ водахъ. Таково это пресловутое Добо, съ которымъ неизбѣжно придется имѣть дѣло каждому, кого судьба занесетъ на Аруанскіе острова».

Подъ конецъ пребыванія Давыдова въ Добо положеніе обострилось до чрезвычайности. Водворилась полная анархія. «Повальное воровство, грабежи, даже убійства, пожары не прекращались. Posthouder приходилъ въ отчаяніе и ожидалъ судна, чтобы сообщить въ Амбойну о происходящемъ съ просьбою о присылкѣ солдатъ». Наконецъ, сдѣлана была попытка сжечь домъ Posthouder'а. Два сосѣднихъ дома — склады товаровъ — были по-

дожжены, и толпа бугисовъ расхватывала товары съ цѣлью поживиться въ суматохѣ. Послѣднее событіе вызвало введеніе Posthouder'омъ настоящаго «военнаго положенія», для поддержа- нія котораго учреждена была особая спеціальная стража. Это произвело только нѣкоторое внѣшнее успокоеніе. «Во вторую же ночь послѣ объявленія Добо на военномъ положеніи я про- снулся», говоритъ Давыдовъ, «отъ какого-то шума въ домѣ. Лампа, всегда горѣвшая въ немъ ночью, оказалась потушенной. Наскоро выскочивъ въ заднюю комнату, выходившую къ морю, я натолкнулся на двухъ людей, моментально исчезнувшихъ подъ поломъ. Я успѣлъ лишь дать по ихъ силуэтамъ два выстрѣла изъ револьвера. Оказалось, грабители успѣли вытащить изъ ком- наты самую важную часть моего имущества—ружье. Подъ домъ былъ сдѣланъ подкопъ въ видѣ огромной норы, черезъ которую грабители влѣзли въ домъ съ улицы. Очевидно, одинъ изъ нихъ, раненый моимъ выстрѣломъ, бросилъ схваченный имъ ящикъ съ парадизками. Я нашелъ его неподалеку отъ дома весь окро- вавленный».

О характерѣ построекъ въ Добо Давыдовъ говоритъ мало, но во всякомъ случаѣ изъ его словъ видно, что со времени Уоллеса мѣстечко сдѣлало въ этомъ отношеніи нѣкоторые успѣхи. Постгаудеръ жилъ въ вполне приличномъ домикѣ, и, кромѣ того, имѣлись и постройки Баадиллы.

Арнольди, посѣтившій Добо всего спустя 7—8 лѣтъ послѣ Давыдова, засталъ третій періодъ его исторіи,—періодъ настоя- щаго благоустройства. Описаніе Арнольди почти совершенно со- отвѣтствуетъ тому, что пришлось видѣть и мнѣ. Онъ уже за- сталъ здѣсь контролера, полезная дѣятельность котораго, опи- раясь на присутствіе небольшого отряда солдатъ, сказалась прежде всего въ томъ, что прежніе «головаорѣзы, пираты и мо- шенники превратились въ порядочныхъ людей», отрицательныя качества которыхъ попрятались куда-то глубоко. «За зданіемъ таможни возвышались двухъэтажные дома, выстроенные изъ вол- нистаго желѣза. На верандахъ сидѣли европейцы въ качалкахъ за кофе; въ открытыя окна была видна европейская обстановка дома».

«Первая линія домовъ выросла лишь недавно, она построена большой англо-голландской компаніей «Celebes Treading Company», содержащей здѣсь свой флотъ для ловли жемчуга и жемчуж- ницъ».

Пройдя мимо построекъ Баадиллы, «мы вышли къ двумъ-тремъ параллельнымъ улицамъ, застроеннымъ низкими китайскими домами и сплошь занятымъ китайскими лавками. Эти лавки имѣютъ амбонскій или отчасти макассарскій типъ и содержатъ все нужное какъ для обихода туземцевъ, такъ и европейцевъ, которыхъ воля судьбы занесла на эти далекіе острова». Я добавлю, что въ большинствѣ лавокъ по вечерамъ горятъ керосиновыя лампы съ ауэровскими горѣлками. «Домъ контролера—довольно недурное зданіе, вполне пригодное для жизни цивилизованнаго европейца; недалеко отъ дома контролера—владѣнія Баадилла, большіе сравнительно дома, склады, мастерскія, верфь и пристань, а на концѣ этой части города—чистое двухъэтажное зданіе—«Rumah Sakit», т.-е. больница, которую ведетъ врачъ-японецъ и нѣсколько сестеръ милосердія». Тотчасъ позади больницы, на берегу моря стоитъ и пассанграханъ. Вблизи дома контролера расположенъ длинный сарай, изображающій собою казармы, въ которыхъ живетъ нѣсколько десятковъ малайскихъ солдатъ подъ командой голландскаго унтеръ-офицера. Съ другой стороны дома контролера находится почтовая контора. Уже во времена Арнольди здѣсь была небольшая японская колонія, которая съ тѣхъ поръ, повидимому, увеличилась еще болѣе. Здѣсь пріютилась также и кучка японокъ, назначеніе которыхъ служить для услажденія жизни ныряльщиковъ англійской жемчужной компаніи, которые всѣ японцы. Имѣется между прочимъ и зданіе съ громкой вывѣской «Japanese Club», назначеніе котораго, впрочемъ, кажется, болѣе двусмысленное.

Бугисскій кварталъ, расположенный у западнаго берега, и я засталъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ во времена Уоллеса. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ улицъ, изъ которыхъ ближайшая къ морю, конечно, самая древняя. Большинство хижинъ, построенныхъ изъ бамбуковыхъ плетенокъ, стоятъ на сваяхъ. Двускатныя крыши ихъ изъ пальмовыхъ листьевъ теперь уже не такъ круты, какъ это изображено на рисункѣ Уоллеса, гдѣ крыши чисто макассарскаго типа. Кое-гдѣ на фронтонахъ имѣются доски съ рѣзьбой. Чуть не у каждой хижины на жердяхъ сидятъ привязанные роскошные бѣлые какаду или попугаи, по преимуществу красные. Эту часть Добо, съ хижинами, расположенными среди кокосовыхъ пальмъ, я нахожу самой живописной.

Въ настоящее время личная безопасность въ Добо не менѣе,

чѣмъ въ любомъ европейскомъ благоустроенномъ городѣ ¹⁾. Здѣсь имѣется теперь до 40 солдатъ, хотя, впрочемъ, во время моего пребыванія въ Добо оставалась только половина этого количества, другая же половина временно взята была на Тенимберъ, гдѣ въ то время было неспокойно. Кромѣ того, имѣется пять ночныхъ сторожей, которые сидятъ ночью въ пяти сторожкахъ и перекликаются каждые полчаса посредствомъ опредѣленнаго числа ударовъ въ колоколъ. Сначала сторожъ главной сторожки дѣлаетъ опредѣленное число ударовъ въ мѣдный колоколъ, и вслѣдъ за нимъ такое же число ударовъ повторяетъ послѣдовательно каждый изъ остальныхъ сторожей, ударяя колотушкой въ висящій полый кусокъ дерева. Грозу Добо и всего архипелага вообще представляетъ полицейскій начальникъ Джакса (метись, какъ-жется, изъ Баньермасина на Борнео), который, по соглашенію съ контролеромъ, всѣхъ пришлыхъ подозрительныхъ малайцевъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, высылаетъ на родину. Для установленія полного спокойствія этотъ пріемъ, безъ сомнѣнія, оказался наиболѣе дѣйствительнымъ. Добо служитъ мѣсто-пребываніемъ также и для осужденныхъ преступниковъ изъ различныхъ мѣстъ, которые примѣняются для общественныхъ работъ, какъ, напримѣръ, устройство дорогъ. При помощи этихъ арестантовъ проложена узкая дорога изъ сложенныхъ глыбъ коралловаго известняка къ пассанграхану и другая, внѣ мѣстечка, отъ берега моря на нѣкоторое разстояніе вглубь мокрыхъ зарослей мангровъ, къ небольшому поселку. При помощи ихъ же, безъ сомнѣнія, устроенъ и молъ для причала шлюпокъ при сообщеніи съ прибывающими пароходами.

Время моего пребыванія въ Добо не обошлось вполнѣ мирно: со стороны одного туземца изъ Манилы сдѣлана была попытка заколоть мѣстнаго почтмейстера, метиса, но это событіе разыгралось на чисто романической почвѣ, изъ-за жены этого orang-Manila. Замѣчательной оказалась живучесть почтмейстера, обнаружившая вообще живучесть представителей малайской расы. Онъ получилъ нѣсколько ударовъ ножомъ, при чемъ у него прободена была кишка, и ранена одна почка (первые дни послѣ пораненія моча была красная отъ крови). Врачъ мѣстной больницы не

¹⁾ Конечно, въ данномъ случаѣ я не имѣю въ виду большихъ русскихъ городовъ, такъ какъ у насъ, напримѣръ, въ нашемъ Кіевѣ на окраинахъ ограбленія происходятъ нерѣдко даже и днемъ.

возлагалъ на жизнь раненаго никакихъ надеждъ, между тѣмъ онъ выздорѣлъ.

Болѣе или менѣе осѣдлое европейское населеніе Добо во время моего пребыванія въ немъ состояло изъ голландцевъ — контролера, таможеннаго чиновника, агента *Paketvaart'a*, переводчика для японцевъ и унтеръ-офицера, — начальника отряда солдатъ; затѣмъ нѣсколько англичанъ жемчужной компаніи и русскаго Александра Ивановича Бурмистрова изъ Кіева (носящаго теперь, какъ англійскій подданный, фамилію *Stevens*) съ женой англичанкой изъ Лондона. Эта чета прибыла при мнѣ изъ Австраліи. Конечно, я былъ чрезвычайно обрадованъ прибытіемъ — не только соотечественника, но и уроженца родного мнѣ Кіева. А. И. Бурмистровъ уже купилъ въ Добо мѣсто для постройки дома и будетъ заниматься тамъ пріобрѣтеніемъ шкурокъ райскихъ птицъ и перепродажей ихъ въ Парижъ. Онъ состоитъ въ компаніи съ живущимъ въ Парижѣ *Duivenbode*, сыномъ извѣстнаго *Duivenbode* на Тернате (см. «Малайскій архипелагъ» Уоллеса, глава о Тернате). Бурмистровъ уже болѣе 20 лѣтъ, какъ покинулъ Россію; все это время онъ занимался коммерческими дѣлами въ Австраліи и англійской Новой Гвинее. О немъ и его благожелательномъ отношеніи ко мнѣ я сохраню лучшія воспоминанія. То же самое относится и къ его симпатичной супругѣ. Надѣюсь, что и каждый другой будущій русскій путешественникъ на Ару найдетъ въ лицѣ А. И. Бурмистрова существенную помощь и содѣйствіе въ своей дѣятельности. Супруга моего соотечественника является первой европейской женщиной, живущей въ Добо, и имя ея поѣтому должно быть записано въ лѣтопись этого городка. Какъ истая англичанка, она и въ Добо не дѣлала никакихъ отступленій отъ европейской моды ни въ отношеніи костюма, ни въ отношеніи шляпы, которая украшена была у нея даже не мѣстными райскими птицами, а страусовыми перьями. Часто передъ вечеромъ европейская колонія, вмѣстѣ съ г-жей *Stevens*, собиралась для игры въ лаунъ-теннисъ на отцементированной большой площадкѣ вблизи дома «капитана» бугисовъ. Очень можетъ быть, что, по странной игрѣ судьбы, это та самая площадь, на которой еще такъ недавно происходили туземные пѣтушиные бои.

Г-нъ Бурмистровъ былъ не единственнымъ русскимъ, встрѣченнымъ мною въ Добо. Еще мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ молодымъ человѣкомъ, туристомъ изъ Петербурга, который направлялся на голландскомъ пароходѣ въ Австралію и

затѣмъ на Новую Зеландію. Я встрѣтился съ нимъ незадолго до отплыва парохода, и потому мы могли поговорить только очень недолго.

Какъ это уже извѣстно читателю, Добо живетъ главнымъ образомъ жемчужнымъ промысломъ и райскими птицами. Послѣднія (почти исключительно *Paradisea apoda*) скупаются у туземцевъ, главнымъ образомъ, китайцами и затѣмъ перепродаются дальше. Въ первое свое путешествіе, 14 лѣтъ тому назадъ, я купилъ въ Сингапурѣ шкуру райской птицы за $7\frac{1}{2}$ рублей, между тѣмъ теперь въ Добо шкурка стоила уже 25 гульденовъ. Мой соотечественникъ Бурмистровъ, содѣйствующій истребленію райскихъ птицъ на Ару, получилъ за очень хорошія шкурки съ Новой Гвинеи, посланныя въ Парижъ, по 75 гульденовъ, но писалъ мнѣ потомъ, что уже и въ самомъ Добо цѣна повысилась до той же суммы 75 гульденовъ за штуку, да и то трудно достать. Насколько повышается стоимость шкурокъ въ Европѣ,—всѣмъ извѣстно, но, конечно, дамъ не остановятъ никакія цѣны, и райскимъ птицамъ, этимъ представительницамъ высшей красоты въ птичьемъ мірѣ, рано или поздно предстоитъ полное истребленіе. Промышленники снаряжаютъ на тѣ немногіе острова, на которыхъ онѣ водятся, цѣлые отряды охотниковъ съ огнестрѣльными ружьями. Кстати замѣчу, что на свидѣтельство для права на ружье для стрѣльбы райскихъ птицъ голландское правительство установило сумму въ 25 гульденовъ. Извѣстно, что красивымъ опереніемъ обладаютъ только самцы райскихъ птицъ. Это ихъ брачное опереніе, которое они получаютъ только на третій годъ жизни и при томъ только въ маѣ, сохраняя его въ теченіе приблизительно трехъ мѣсяцевъ. Конингсбергеръ, съ которымъ я говорилъ по поводу истребленія райскихъ птицъ, высказывалъ мнѣ убѣжденіе въ томъ, что имъ не грозитъ полное истребленіе,—во-первыхъ, въ виду указанной мною непродолжительности періода брачнаго оперенія, а, во-вторыхъ, въ виду недавно установленнаго въ Голландской Индіи закона, въ силу котораго вывозить шкурки райскихъ птицъ разрѣшается только въ теченіе полугода. Конингсбергеръ полагалъ, что туземцы неспособны препарировать шкурки настолько хорошо, чтобы онѣ могли ждать отправки въ теченіе почти года. Взглядъ Конингсбергера я нахожу неосновательнымъ, во-первыхъ, потому, что періодъ красиваго оперенія самцовъ есть брачный періодъ, т.-е. періодъ спариванія, а, во-вторыхъ, многіе туземцы препарируютъ райскихъ

птицъ очень хорошо, и, наконецъ, законъ относительно ограниченія времени отсылки шкурокъ въ Европу врядъ ли строго соблюдается.

Въ одномъ изъ номеровъ «Кіевлянина» за 1913 годъ помѣщена слѣдующая замѣтка: «Въ Лондонѣ сейчасъ идетъ агитація въ пользу «плюмажъ билля», т.-е. закона, запрещающаго употребленіе птичьихъ шкурокъ для украшенія. По поводу этого цейлонскій «Times» приводитъ поразительныя данныя объ истребленіи райскихъ птицъ охотниками на Новой Гвинее. Эта еще недавно дикая страна теперь втянута въ міровую торговлю, и ея роскошная дѣвственная природа опустошается такъ, какъ могутъ только опустошать безудержные хищники, вооруженные современной цивилизаціей. Ежегодное «производство» шкурокъ райскихъ птицъ здѣсь исчисляется въ 200.000 штукъ. Еще лѣтъ 10, и отъ прекрасной птицы не останется и слѣда».

Недавно я узналъ, что ввозъ шкурокъ райскихъ птицъ въ Англію въ сыромъ видѣ воспрещенъ, и ихъ можно ввозить только на готовыхъ шляпахъ, въ Соединенныхъ же Штатахъ Сѣверной Америки употребленіе перьевъ какихъ бы то ни было птицъ, кромѣ домашнихъ (къ послѣднимъ, вполнѣ основательно, причисляются и страусы, какъ разводимые искусственно), строжайше воспрещено, и у дамъ, прибывающихъ въ Штаты въ шляпахъ съ перьями домашнихъ птицъ, послѣднія прямо обрѣзываютъ. Натуралистъ и вообще человѣкъ неизвращенный можетъ только позавидовать радикальности американскаго закона!

Еще нѣсколько словъ о жемчужномъ промыслѣ. Англичане ведутъ его въ большихъ размѣрахъ. У нихъ имѣется свой старый, хотя сравнительно довольно большихъ размѣровъ, деревянный пароходъ и соотвѣтствующіе бараки на берегахъ архипелага. Вылавливаніе жемчужныхъ раковинъ разрѣшается, начиная лишь съ опредѣленной минимальной глубины, уловъ же въ прибрежной полосѣ предоставленъ туземцамъ. При уловѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ перламутръ самыхъ раковинъ, а не жемчугъ, который одинъ не окупилъ бы необходимыхъ затратъ. Подробности относительно жемчужнаго промысла читатель можетъ найти въ книгѣ Арнольди. Голландская администрація относится къ англичанамъ съ плохо скрываемой расовой враждебностью. Уже и теперь поговариваютъ, что, когда окончится срокъ концессіи англичанамъ, послѣдняя будетъ предоставлена скорѣе арабу Баадиллѣ, чѣмъ имъ. Голландцу симпатичнѣе каж-

дый арабъ и китаецъ, эти эксплуататоры чистѣйшей воды, совершенно чуждые намъ по духу, чѣмъ англичанинъ. Что съ покупкой жемчужинъ у туземцевъ и дальнѣйшей перепродажей ихъ можно дѣлать выгодныя дѣла, показалъ мнѣ примѣръ моего спутника, этнографа Мюллера. Послѣдній въ первую свою экскурсію на Блакангтану купилъ у туземцевъ, чуть не за гроши, нѣсколько жемчужинъ. Одну изъ нихъ онъ продалъ въ Добо за 60 гульденовъ, и мой соотечественникъ, большой знатокъ по этой части, высказывалъ мнѣ увѣренность, что эту жемчужину купившій можетъ смѣло перепродать за 200 гульденовъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ мѣновой торговли какъ при добываніи жемчуга, такъ и шкурокъ райскихъ птицъ, еще недавно служилъ опиумъ. Давыдовъ говоритъ, что въ его время, несмотря на запрещеніе правительства, опиумъ «въ тайнѣ» отъ постгаудера продавался въ Добо въ каждой лавченкѣ. Теперь настали болѣе строгіе порядки, и снабженіе туземцевъ опиумомъ преслѣдуется очень строго. Тѣмъ не менѣе, въ ограниченныхъ размѣрахъ оно все-таки практикуется и теперь. Всюду въ Голландской Индіи, между прочимъ и въ Добо, существуютъ правительственныя лавки для продажи опиума, но для того, чтобы пріобрѣтать его въ такой лавкѣ, нужно имѣть установленное закономъ свидѣтельство для куренія, полученіе котораго стоитъ довольно дорого. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться того, чтобы узнать,—сколько именно. Такое свидѣтельство не выдается ни европейцамъ, ни туземцамъ, а только пришлому чужому элементу, т.-е. главнымъ образомъ китайцамъ. При томъ ежедневно продается только порція на одинъ день. Пріобрѣтеніе опиума въ лавкахъ для тайной перепродажи практикуется китайцами очень простымъ способомъ, именно, они не выкуриваютъ всей взятой порціи. Продажа спиртныхъ напитковъ въ Добо совершенно воспрещена, но европейцы имѣютъ право выписывать таковыя извнѣ для своего личнаго медленнаго отравленія.

Прежде чѣмъ перейти къ своему пребыванію въ Добо, я укажу еще на достопримѣчательность его, заключающуюся въ замѣчательномъ собраніи живыхъ орхидей, принадлежащихъ секретарю контролера, метису Ватименѣ, большому любителю и даже въ нѣкоторомъ родѣ знатоку этихъ красивыхъ растений. Орхидеи имѣются у него не только мѣстныя, но и изъ различныхъ другихъ странъ. Эта коллекція занимаетъ большой палисадникъ

передъ его домомъ, въ которомъ орхидеи помѣщаются, главнымъ образомъ, во множествѣ висячихъ корзинокъ.

Въ теченіе всего моего пребыванія на Ару, за очень рѣдкими исключеніями, дождь шелъ ежедневно. Первое время онъ шелъ преимущественно ночью, а потомъ сталъ часто итти и днемъ, иногда и по нѣсколько разъ. Нерѣдко ливни отличались чрезвычайной силой, и бывали случаи, что они застигали меня въ лѣсу. Конечно, въ такихъ случаяхъ зонтикъ помогаль развѣ только настолько, чтобы хотъ нѣсколько предохранить отъ воды такіа вещи, какъ фотографическая камера и т. под. При рѣзкомъ вѣтрѣ дождь попадалъ прямо въ вышеупомянутую щель въ крышѣ пассанграхана устроенную въ ней для вентиляціи, и въ такомъ случаѣ въ пассанграханѣ оказывался настоящій потопъ. Такой случай былъ при мнѣ, къ счастью, только однажды. Вода надѣлала мнѣ тогда много хлопотъ.

Отъ дождя мы кстати можемъ перейти и къ морскимъ приливамъ, которые въ періоды высокой воды достигаютъ такихъ размѣровъ, что при низменности берега, на примѣръ, тамъ, гдѣ стоитъ пассанграханъ, вода затопляетъ кругомъ всю окрестность, и пассанграханъ оказывается отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ городкомъ. Если бы не маленькіе каменные столбики, на которыхъ стоитъ зданіе, то вода доходила бы до пола. При выходѣ изъ дома въ такой періодъ прилива мнѣ приходилось устраивать себѣ островки для ногъ изъ коралловыхъ глыбъ или чего-нибудь подобнаго. Максимальный приливъ продолжается, впрочемъ, недолго. Ближайшая окрестность пассанграхана, засаженная молодыми кокосовыми пальмами, изобилуетъ ямами, которыя во время прилива наполняются водой. Въ нихъ гніетъ масса органическихъ остатковъ, благодаря чему воздухъ въ окрестностяхъ довольно зловонный. Впрочемъ, на разстояніи какихъ-нибудь двухсотъ шаговъ отъ пассанграхана на берегу моря былъ еще болѣе непріятный источникъ порчи воздуха, въ особенности чувствительный, когда вѣтеръ бывалъ съ этой стороны. Здѣсь туземцы почти постоянно гноили и прессовали въ мѣшкѣ, подъ тяжестью камня, мелкихъ морскихъ креветокъ. Такимъ образомъ готовится одна изъ любимѣйшихъ малайскихъ приправъ къ кушаньямъ.

Еще нѣсколько словъ о температурѣ. Послѣдней я, къ сожалѣнію, не измѣрялъ, но могу все-таки сказать, что днемъ бывало довольно жарко. Первую половину ночи я спалъ ничѣмъ не укрытый, вторую же половину оказывалось необходимымъ

укрыться чѣмъ-нибудь легкимъ. Съ утра небо большей частью бывало яснымъ, но не долго. Скоро на югѣ и юго-западѣ появлялись кучевыя облака, быстро расплывавшіяся по небу.

Каждый день, какъ я уже сказалъ выше, я отправлялся на экскурсію въ лѣсъ. Я выходилъ рано утромъ и возвращался къ обѣду, къ часу. Иногда я ходилъ и вторично послѣ обѣда. Пока со мною былъ Мюллеръ со своими слугами, я бралъ съ собою и Амата, но послѣ отъѣзда Мюллера внутрь Аруанскаго архипелага и на Блакангтану, пришлось оставлять Амата дома для приготовленія обѣда и охраны моего имущества, для носки же принадлежностей для сборовъ и бѣльшей фотографической камеры я сталъ брать поденно сначала одного мѣстнаго бугиса, а затѣмъ другого малайца, ближайшее происхожденіе котораго осталось для меня неизвѣстнымъ. Бугисъ былъ очень услужливъ и симпатиченъ, что было особенно пріятно послѣ угрюмаго Амата, и я очень сожалѣлъ, когда онъ, послѣ нѣсколькихъ хожденій въ лѣсъ, неожиданно бросилъ меня. Несмотря на хорошую поденную плату, 75 центовъ, однообразное хожденіе въ лѣсъ надоѣло ему, и однажды, не предупредивъ меня, онъ отправился на рыбную ловлю. Послѣдняя вскорѣ тоже надоѣла ему, и онъ хотѣлъ вернуться ко мнѣ, но было уже поздно: я взялъ другого. Второй мой временный слуга, взятый послѣ бугиса, былъ отчаяннымъ курильщикомъ опиума, что очень неблагопріятно отразилось на его душевномъ складѣ и физическихъ силахъ. Когда у него не было опиума, онъ безостановочно курилъ папирсы. Кстати замѣчу, что онъ совершенно свободно говорилъ по-англійски, что большая рѣдкость среди малайцевъ. То, что онъ говорилъ по-англійски, объясняется тѣмъ, что раньше онъ служилъ въ англійской жемчужной компаніи.

Возвращался я съ экскурсіи, конечно, всегда грязный и совершенно мокрый, если не отъ дождя, то отъ пота. Костюмъ и бѣлье вывѣшивались для сушки, и я надѣвалъ все вчерашнее. Кстати нѣсколько словъ по поводу мытья бѣлья и костюмовъ въ Добо. Здѣсь имѣется уже не менѣе трехъ прачешныхъ заведеній, но цѣны за мытье стоятъ очень высокія, — за каждую штуку бѣлья, независимо отъ рода его, точно такъ же, какъ и за каждую часть костюма, — по 20 центовъ (въ Бейтензоргѣ — по 10) и при томъ моютъ большей частью плохо: нѣкоторые костюмы мнѣ прямо испортили, сдѣлавъ бурыя пятна при высушиваніи на чемъ-то въ родѣ желѣза. Лучше другихъ моетъ въ

Добо японецъ. Вскорѣ я предоставилъ мыть бѣольшую часть бѣлья Амату, отдавалъ же на-сторону почти только одни костюмы. Часто я приносилъ съ экскурсіи и стрѣляныхъ птицъ, которыхъ препарировалъ сначала самъ, а потомъ предоставлялъ препарировать Амату, который оказался очень способнымъ къ этому искусству.

Передъ вечеромъ я нерѣдко прогуливался или на пристань, или, чаще, вдоль восточнаго берега, направо отъ пассанграхана. Здѣсь, между прочимъ, находится навѣсь для постройки подъ нимъ сравнительно довольно крупныхъ парусныхъ лодокъ. Строителями являются туземцы съ острововъ Кей, — замѣчательные плотники и въ особенности строители лодокъ. Меня поражала всегда точность пригонки брусевъ, составляющихъ стѣнку лодки. Брусъ стачиваются по длинѣ въ замокъ, въ родѣ того, который называется у насъ французскимъ, только болѣе упрощенный, а въ вертикальномъ направленіи скрѣпляются посредствомъ деревянныхъ шпильковъ. Изнутри брусъ прикрѣпляется еще къ деревяннымъ ребрамъ. Подъ конецъ моего пребыванія въ Добо съ острововъ Кей пришла цѣлая флотилія парусныхъ и весельныхъ лодокъ, предназначенныхъ для продажи. Я насчиталъ ихъ до 20 штукъ.

На томъ же берегу помѣщается и мѣстное кладбище. Поражаетъ громадное количество дѣтскихъ могилъ. Дѣти здѣсь болѣею частью не выживаютъ. Оригинальное примѣненіе на кладбищѣ находятъ пустыя бутылки: изъ нихъ очень часто дѣлаютъ вокругъ могилы барьеры, закапывая бутылки въ землю вверхъ дномъ. Тутъ же помѣщается и отгороженное японско-китайское кладбище.

Вечера на Ару представляютъ восхитительное зрѣлище благодаря множеству летающихъ свѣтляковъ, испускающихъ очень яркій голубовато-зеленый свѣтъ. Цикады кричатъ по-особенному, совсѣмъ не такъ, какъ на Явѣ: здѣсь онѣ точно постоянно перекликаются отдѣльными трелями.

Со стороны суши Добо окружено полукольцомъ плантацій кокосовыхъ пальмъ, за которыми слѣдуетъ узкій морской заливъ, вдающійся со стороны восточнаго берега, а далѣе начинается обширная площадь мангровъ, которая тянется вдоль западнаго берега на протяженіи нѣсколькихъ сотъ сажень. Давыдовъ говоритъ, что «въ періодъ сѣверо-западнаго муссона корни мангровъ совершенно обнажены, и только болотистая почва, кое-

гдѣ высохшая и растрескавшаяся, указываетъ ясно на то, что временами здѣсь подолгу стоитъ вода». Давыдову слѣдовало сказать — въ періодъ юго-восточнаго муссона — какъ разъ время, когда онъ былъ на Ару, въ періодъ же сѣверо-западнаго муссона, когда я былъ здѣсь, наблюдалась другая картина: корни мангровъ были во время морского отлива въ значительной степени обнажены, во время же прилива они заливались водой, и почва представляла собою полужидкій илъ, ходить по которому не было никакой возможности.

Если слѣдовать далѣе западнымъ берегомъ, то путь приводитъ къ небольшому поселку туземцевъ-рыбаковъ съ маленькой плантаціей кокосовыхъ пальмъ. Изъ послѣднихъ рядъ деревьевъ у самага берега моря представлялъ тотъ интересъ, что корни ихъ были подмыты морскими волнами и обнажались въ видѣ компактнаго кома чрезвычайно характернаго вида. Тонкіе корни расположены параллельно одинъ возлѣ другого, какъ это типично вообще для однодольныхъ. Далѣе слѣдуетъ небольшое китайско-японское кладбище, а за нимъ обширная площадь огородовъ-плантацій. У высокаго дерева, подъ прямымъ угломъ влѣво отходитъ тропинка, направляющаяся къ одноименной съ островомъ деревушкѣ Вамма или Ваммаръ, лежащей въ трехъ миляхъ отъ противоположнаго берега. Упомянутая мною тропинка идетъ сначала по холмистой мѣстности, поросшей травой *alang-alang*, затѣмъ по краю большого участка вырубленнаго лѣса и, наконецъ, вступаетъ въ область совершенно нетронутаго лѣса. Послѣдній состоитъ главнымъ образомъ изъ высокихъ деревьевъ съ чрезвычайно рѣдкимъ подлѣскомъ и является поэтому очень удобнымъ для экскурсій. Лѣсъ поражаетъ разнообразіемъ составляющихъ его породъ деревьевъ и громадными размѣрами нѣкоторыхъ изъ нихъ. Чуть ни на каждомъ шагу попадаются громадные фікусы, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе фікусы-удушители, которыхъ можно наблюдать на различныхъ стадіяхъ обрастанія и удушенія другихъ деревьевъ. Я видѣлъ также одинъ экземпляръ фікуса, воздушные корни котораго, переплетенные въ видѣ сѣти, образовывали правильный конусъ высотой въ нѣсколько саженой. Попадаютъ также драцены, панданусы, цикасы и громадные разнообразныя ліаны. Тотъ, кому до этого приходилось видѣть только однообразные лѣса Явы, не можетъ себѣ и представить разнообразія и величія лѣсовъ Ару. Часто приходится видѣть и лежаціе полусгнившіе

ство́лы лѣсныхъ гигантовъ. Дважды въ совершенно тихую, но мокрую погоду я случайно находился въблизи мѣста паденія такихъ гигантовъ и слышалъ потрясающій происходившій при этомъ грохотъ. Сравнительно близко отъ деревни Вамма находится слегка возвышенная площадь, которую мой бугись называлъ Гунунгъ-уларъ (Змѣиная гора). Благодаря частымъ дождямъ и значительному количеству гумуса, въ лѣсу, о которомъ я говорилъ, бывало большей частью довольно грязно, а иногда стояли и настоящія лужи. Когда меня застигалъ въ этомъ лѣсу дождь, то приходилось брести по водѣ выше ботинокъ, но тогда на это обстоятельство волей неволей не приходилось обращать никакого вниманія, такъ какъ вода была и сверху, и снизу. Болѣе сухая тропинка и болѣе сухой лѣсъ — въблизи моря, если идти по продолженію той тропинки, отъ которой отклоняется тропинка на Вамму. Отъ указаннаго пункта она идетъ еще на значительномъ протяженіи вдоль вырубленныхъ участковъ лѣса, который рубится и еще дальше. Здѣсь тропинка проходитъ сравнительно далеко отъ моря, но дальше она значительно приближается къ берегу. Мѣстность здѣсь суше, повидимому, благодаря болѣе обнаженности пористой и известняковой подпочвы. Лѣсъ состоитъ здѣсь мѣстами изъ менѣе высокихъ деревьевъ и съ болѣе густымъ подлѣскомъ. Здѣсь особенно много цикасовъ и панданусовъ.

Давыдовъ говоритъ о произрастаніи въ лѣсахъ Ваммара также и древовидныхъ папоротниковъ, но ни я, ни Арнольди не находили ихъ здѣсь. Я думаю, что это указаніе Давыдова вкралось по ошибкѣ. Уоллесъ также упоминаетъ о нахожденіи на Ару древовидныхъ папоротниковъ, но это относится не къ Ваммару. Роскошные древовидные папоротники отъ 15 до 20 аршинъ высотой Давыдовъ встрѣчалъ на Самангѣ.

Какъ и всѣ, посѣщавшіе Ару, я былъ пораженъ количествомъ и разнообразіемъ птицъ. Ихъ много даже у самаго пассанграхана. Здѣсь можно видѣть цѣлыя стаи пестрыхъ лори, различныхъ голубей, небольшой видъ голубоватаго зимородка, нашихъ куличковъ (*Totanus hypoleucos*) и много другихъ птицъ. Въ лѣсу отъ птичьихъ голосовъ прямо стонъ стоитъ. Давыдовъ очень подробно останавливается на авифаунѣ Ару, и мнѣ нѣтъ надобности повторять его слова. Скажу только, что и на Ваммарѣ я находилъ множество сорныхъ кучъ большенюга *Megapodius dupereyi*, служащихъ ему для вывода птенцовъ. Мнѣ не

разъ приносили и самыхъ птицъ. Здѣсь также множество бѣлыхъ какаду *Cacatua triton*. Часто попадаются также красивые крупные зимородки *Saurothraupis grayi* съ частью лазуреволубымъ опереніемъ, охотно питающіеся термитами.

Изъ млекопитающихъ на Ваммарѣ водятся, между прочимъ, кенгуру *Macropus bruijii*. Я не встрѣчалъ ихъ въ лѣсу, но видѣлъ убитыми у туземныхъ охотниковъ. Дикихъ свиней множество, и изрытую ими землю приходится видѣть въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣса чуть ни на каждомъ шагу, но ихъ самихъ я также не встрѣтилъ ни разу. За нѣсколько часовъ до окончательнаго отъѣзда изъ Добо туземецъ принесъ мнѣ чрезвычайно странное, повидимому, роющее млекопитающее, съ мордой, нѣсколько напоминающей свиную, размѣромъ съ крупнаго кота, однообразнаго темнобураго цвѣта. Къ великому своему огорченію я не могъ уже воспользоваться этимъ животнымъ. Объ этомъ упущеніи я сожалею теперь еще больше, чѣмъ тогда, такъ какъ, справляясь по доступнымъ мнѣ источникамъ, касающимся австралійско-папуасской фауны, я не нахожу ничего хоть сколько-нибудь напоминающаго мнѣ видѣнное животное.

Изъ рептилій у береговъ Ваммара попадаютъ изрѣдка аллигаторы. Я видѣлъ одного, очень большого, переплывающимъ проливъ между Ваммаромъ и Воканомъ. Другой былъ убитъ кѣмъ-то, и, наконецъ, третій, совсѣмъ молодой, принесенъ былъ къ пассанграхану въ день моего отъѣзда. Имъ воспользовался Мюллеръ для шкуры. Изъ змѣй я видѣлъ раза три какую-то довольно длинную и тонкую буроватосѣраго цвѣта и однажды чуть, было, не наступилъ на нее, а Мюллеръ встрѣтилъ внутри архипелага громаднѣйшаго удава. Онъ замѣтилъ его расположившимся на вѣтви какъ разъ въ тотъ моментъ, когда проплывалъ подъ нимъ на разстояніи чуть не аршина на туземной прау. Гребцы производили при греблѣ по обыкновенію невѣроятнѣйшій шумъ, но послѣдній не произвелъ на удава ни малѣйшаго впечатлѣнія, и онъ остался неподвижнымъ.

Также и о насѣкомыхъ я лишенъ возможности сказать что-либо существенное, имѣющее значеніе для общаго очерка. Замѣчу только, что очень обыкновенная на Ваммарѣ роскошная бабочка *Ornithoptera argoana* (*O. poseidon* Уоллеса и Розенберга), какъ ее обозначаетъ Давыдовъ, разсматривается теперь Jordan'омъ (*A. Seitz, Grossschmetterlinge der Erde*) какъ подвида *Papilio priamus* L. Я наловилъ довольно значительное количе-

ство *Hestia d'urvillei*, но только одинъ экземпляръ роскошнаго голубого *Papilio ulysses*.

Пренепріятное населеніе аруанскихъ лѣсовъ въ періодъ моего пребыванія представляло собою несмѣтное множество москитовъ, которые въ густыхъ заросляхъ буквально облѣпляли меня, лишь только я останавливался на нѣсколько секундъ. Эти существа были тѣмъ болѣе непріятны, что приходилось опасаться ужаленья со стороны разносителей маляріи. На Ару всѣ мы принимали въ видѣ предохранительнаго средства два раза въ недѣлю хининъ, который въ такихъ случаяхъ при зараженіи ослабляетъ теченіе болѣзни. Всѣ мы избѣгли зараженія за исключеніемъ моего Амата, который подъ конецъ моего пребыванія въ Добо получилъ, таки, малярію. Усиленными приемами хинина мнѣ удалось возстановить у него нормальную температуру въ нѣсколько дней, но на пароходѣ, въ пути, малярія обнаружилась у него снова. Мюллеръ и его слуги были на Ару все время здоровы, но потомъ на Тенимберѣ, какъ мнѣ писалъ мой соотечественникъ, Мюллеръ заболѣлъ маляріей.

Мои сборы муравьевъ на Ваммарѣ представляютъ слишкомъ спеціальный интересъ, чтобы останавливаться на нихъ. Могу только замѣтить относительно гнѣздованія мѣстныхъ муравьевъ, что здѣсь мнѣ совсѣмъ не попадались картонныя гнѣзда на вѣтвяхъ и листьяхъ, столь распространенныя на Явѣ. Картонныя гнѣзда я встрѣчалъ здѣсь только на стволахъ деревьевъ. Объ аруанскихъ *Murmesodia* и *Hudnophytum* я говорилъ попутно въ очеркѣ Амбойны.

На Воканѣ я былъ вмѣстѣ съ А. Бурмистровымъ, высадившись у дереvушки, лежащей прямо противъ Добо. Мѣстность здѣсь очень холмистая, мѣстами даже, можно сказать, гористая, съ частичными обнаженіями коралловаго известняка. Я былъ здѣсь послѣ дождя. Было очень мокро и грязно. Въ качествѣ проводниковъ и охотниковъ насъ сопровождали два аруанца изъ деревни. Въ отношеніи муравьевъ и насѣкомыхъ вообще мнѣ не попалоcь здѣсь ничего новаго сравнительно съ Ваммаромъ, но зато намъ посчастливилось въ отношеніи крупныхъ животныхъ. Мы набрали прежде всего на казуара, котораго замѣтили зоркіе глаза одного изъ нашихъ аруанцевъ. Послѣдній, впрочемъ, по общему нашему совѣту, не стрѣлялъ въ казуара, такъ какъ мои патроны были только съ мелкой дробью. Затѣмъ намъ попалась еще самка кенгуру, которая была убита тузем-

цемъ. Шкура этого кенгуру снята была мною для чучела, а мясо пошло на жаркое, оказавшееся довольно вкуснымъ. Я нахожу, что по вкусу мясо кенгуру напоминаетъ мясо дикой козы. Непріятной стороною острова Вокана является множество наземныхъ пѣвокъ, которыхъ постоянно приходится тщательно сбрасывать съ ботинокъ и гамашъ. На Ваммарѣ вовсе нѣтъ наземныхъ пѣвокъ, точно такъ же я не встрѣчалъ ихъ и на Коброрѣ.

Обращаюсь теперь къ своей поѣздкѣ внутрь Ару.

Приблизительно черезъ недѣлю моего пребыванія въ Добо контролеръ предложилъ мнѣ воспользоваться представившеюся возможностью съѣздить внутрь архипелага на находящемся въ его распоряженіи пароходикѣ «Амбойна», на которомъ онъ посылалъ на Блакангтану полицейскаго чиновника Джаксу для разслѣдованія совершеннаго тамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ китайцемъ убійства аруанки. Я, конечно, охотно принялъ это предложеніе, такъ какъ и безъ того стремился побывать гдѣ-нибудь внутри архипелага. Контролеръ пришелъ ко мнѣ вечеромъ, а пароходъ отходилъ уже въ шесть часовъ утра. Снаряжаться пришлось съ крайней поспѣшностью. Я съ трудомъ соображалъ, что именно необходимо взять съ собою, и старался ограничиться самымъ необходимымъ. Благодаря этой спѣшности я не снарядилъ и своей фотографической камеры,—упущеніе, о которомъ я потомъ очень сожалѣлъ и сожалѣю и теперь.

На слѣдующій день утромъ я былъ во-время на мѣстѣ, и пароходъ тронулся въ путь. Мы должны были направиться каналомъ Watelai между островами Воканомъ и Коброромъ,—согласно обозначеніямъ острововъ на новѣйшей голландской морской картѣ. Съ этими обозначеніями совершенно не согласны обозначенія Уоллеса на его картѣ, помѣщенной въ «Малайскомъ архипелагѣ». На картѣ Уоллеса за самымъ сѣвернымъ большимъ островомъ Воканомъ слѣдуетъ Майкоръ и далѣе группа острововъ, составляющихъ какъ бы одно цѣлое, подъ именемъ Коброра, на голландской же морской картѣ (снимокъ съ которой помѣщенъ въ книгѣ Арнольди) за сѣвернымъ Воканомъ слѣдуетъ Коброръ (Майкоръ Уоллеса), далѣе Майкоръ и еще южнѣе Транганъ, отдѣленный отъ Майкора еще топографически не нанесеннымъ на карту каналомъ.

Мы направились вдоль сѣверо-восточнаго, а затѣмъ юго-восточнаго берега Ваммара къ маленькому островку Pulu-Babi

(«Свиной островъ») и, только нѣсколько не доходя до него, повернули на юго-востокъ ко входу въ каналъ Watelai. Прямой путь отъ Добо не безопасенъ со стороны рельефа морского дна. Островъ Ваммаръ, на сѣверномъ берегу котораго расположено Добо, прекрасно защищаетъ проливъ между нимъ и сосѣднимъ Воканомъ отъ господствующихъ въ это время года сѣверо-западныхъ вѣтровъ, но по выходѣ изъ-подъ защиты Ваммара послѣдніе даютъ себя порядочно чувствовать. Маленькую «Амбойну» стало раскачивать самымъ основательнымъ образомъ, и пришлось позаботиться о томъ, чтобы мои вещи не попадали со стола. Только войдя въ заливъ, переходящій въ каналъ, мы попали снова въ область защищеннаго спокойнаго моря. Переходъ отъ Добо до входа въ каналъ занялъ около трехъ часовъ. Мы стали у входа въ каналъ у жалкой деревушки, расположенной главнымъ образомъ на Коброрскомъ берегу, состоящей изъ 8, или около того, жалкихъ хижинъ. Деревня эта извѣстна у голландцевъ подъ названіемъ Wanumbai, но вовсе не соотвѣтствуетъ Wanumbai Уоллеса, которое лежитъ внутри Коброра у верховьевъ маленькой рѣчки, впадающей въ каналъ Watelai (см. карту Уоллеса). По справкамъ, наведеннымъ впослѣдствіи Мюллеромъ на мѣстѣ, Wanumbai голландцевъ носитъ у аруанцевъ названіе Maióni.

Джакса совѣтовалъ мнѣ высадиться въ «Ванумбаи», такъ какъ мѣстность у берега была довольно возвышенна, съ превосходнымъ лѣсомъ и обѣщала для меня обильные сборы. Съѣхать сейчасъ на берегъ мы не могли, такъ какъ пошелъ дождь, который удобнѣе было переждать. Джакса, съ которымъ я, не владея голландскимъ языкомъ, принужденъ былъ объясняться по-малайски, обѣщалъ оказать мнѣ содѣйствіе въ подысканіи помѣщенія, но уже первые переговоры съ орангъ-каией, начатые еще у парохода, къ которому онъ подѣхалъ на жалкой прау, не предвѣщали ничего хорошаго. Орангъ-кайя оказался человѣкомъ самаго невзрачнаго вида, хотя, въ противоположность остальнымъ совершенно голымъ туземцамъ, и въ штанахъ, пиджакѣ и даже соломенной шляпѣ,—съ яркими отъ бетеля губами и самаго сосредоточеннаго, необщительнаго нрава. По прекращеніи дождя мы переѣхали въ шлюпкѣ на берегъ, и за неимѣніемъ другого свободнаго помѣщенія мои вещи перенесли подъ миниатюрный жалкій навѣсъ изъ пальмовыхъ листьевъ безъ стѣнъ, которымъ я, конечно, не могъ удовлетво-

риться. Мы начали поиски болѣе подходящаго помѣщенія, но, несмотря на побои, которыми Джакса угостилъ нѣсколькихъ недостаточно, по его мнѣнію, почтительныхъ къ нему туземцевъ, послѣдніе не создали помѣщенія, и мнѣ пришлось вернуться со своими преждевременно перевезенными вещами снова на пароходъ. Предварительно мы посидѣли еще въ лавчонкѣ мѣстнаго китайца.

Мы направились по каналу, берега котораго оказались необыкновенной красоты. Благопріятному впечатлѣнію содѣйствовала и прекрасная, довольно ясная погода, наступившая послѣ дождя и продержавшаяся весь остатокъ дня. Характеръ береговъ этого канала въ достаточной степени описанъ Уоллесомъ, и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на немъ. Полагаю, что читатель знакомъ съ очень правдоподобнымъ взглядомъ Уоллеса на аруанскіе каналы, согласно которому каналы представляютъ собою лежа рѣкъ, нѣкогда вытекавшихъ изъ Новой Гвинеи, въ тѣ отдаленныя времена, когда Ару составляло съ ней одно цѣлое. Настоящихъ деревень долгое время не попадалось по пути, но даже и отдѣльныя хижины попадались чрезвычайно рѣдко: лѣсъ стоялъ въ своемъ нетронутомъ видѣ и первобытной красоты. Часа черезъ полтора пути, уже въ узкой части канала, мы подошли къ деревушкѣ Landjella ¹⁾, въ которой я могъ, навѣрное, рассчитывать на пріютъ, такъ какъ въ ней имѣлась правительственная хижина подъ громкимъ названіемъ rumah commisie («домъ комиссіи»), т.-е. домъ для помѣщенія періодически наѣзжающей для ревизіи мѣстнаго управленія комиссіи голландскихъ чиновниковъ.

Деревушка изъ четырехъ скученныхъ хижинъ съ пресловутой rumah commisie впереди помѣщалась на самомъ берегу канала, на лѣвой вокамской сторонѣ, на довольно крутомъ склонѣ коралловаго известняка, а позади ея тотчасъ начинался лѣсъ. Впереди деревушки на высокомъ шестѣ развѣвался голландскій флагъ. Rumah commisie оказалась дѣйствительно никѣмъ не занятой, и я рѣшилъ остаться здѣсь, пароходъ же долженъ былъ итти сейчасъ дальше на Блакангтану. Я полагалъ, если условія для моей дѣятельности окажутся благопріятными, пробыть здѣсь

¹⁾ Такъ деревушка обозначена на голландской картѣ. По справкамъ, наведеннымъ Мюллеромъ, туземное названіе ея Landiala. Она представляетъ собою часть цѣлаго, носящаго названіе Selbatabata.

не менѣе недѣли, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ Добо на туземной большой парусной лодкѣ. Лодки подходящихъ размѣровъ въ Landjella не было, но таковая имѣлась въ «Ванумбаи», а до послѣдняго возможно было бы добраться и на маленькой лодкѣ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если бы условія пребыванія въ Landjella оказались неблагопріятными, я имѣлъ возможность вернуться въ Добо на томъ же пароходѣ «Amboina», который дня черезъ четыре долженъ былъ слѣдовать тѣмъ же путемъ обратно.

Послѣ доставки на туземной лодкѣ моего довольно - таки объемистаго и тяжелаго багажа на берегъ, «Amboina» ушла, и я со своимъ слугой Аматомъ стали своего рода гражданами Landjella. Прежде всего опишу устройство rumah commisie. Подобно остальнымъ хижинамъ, она построена на сваяхъ высотой около двухъ аршинъ и состоитъ изъ одной квадратной комнаты размѣромъ шаговъ въ девять. Стѣны хижины сдѣланы были изъ вертикально расположенныхъ пластинокъ колотаго бамбука высотой значительно ниже человѣческаго роста и не вполнѣ доходили до двускатной крыши, крытой листьями кокосовой пальмы. Маленькія квадратныя окна ничѣмъ не закрывались, но отъ середины каждой изъ четырехъ сторонъ по направленію къ центру торчало по узкой рѣзной дощечкѣ, назначеніе которыхъ заключается очевиднымъ образомъ въ созданіи затрудненій для влѣзанія непрошенныхъ ночныхъ гостей. Потолка не было, и рѣдкія тонкія балки, соотвѣтственно незначительной высотѣ стѣнъ, расположены были такъ низко, что во избѣжаніе удара головой приходилось ходить всегда согнувшись. Отъ середины каждой балки шло вверхъ по вертикальной стойкѣ для поддержанія продольной жерди, на которой лежали концы крокъ. На мѣстѣ двери имѣлось только отверстіе, къ которому вела приставная наружная лѣстница изъ простыхъ жердей. Только для меня принесли потомъ «дверь» въ видѣ щита изъ пластинокъ колотаго бамбука. Эта «дверь» привязывалась самымъ примитивнымъ образомъ шнуркомъ. Полъ состоялъ изъ ряда гибкихъ пластинокъ колотыхъ стволиковъ какого-то дерева, нѣсколько выгибавшихся при хожденіи. Изъ мебели имѣлось три европейскихъ стула, а на полу лежало двѣ плетеныхъ циновки. Вотъ и все устройство rumah commisie. Никакой своей мебели, кромѣ складной постели-кресла, я, конечно, не привезъ. Столами служили мнѣ мой большой деревянный ящикъ и желѣзный сундукъ. Птицъ я препарировалъ на колѣняхъ, а кушанья готовилъ мнѣ Аматы на киро-

синкѣ, стоявшей на полу. Послѣднюю еще, къ несчастью, сильно задувало вѣтромъ.

Кое-какъ разобравъ вещи, я тотчасъ отправился на небольшую прогулку въ лѣсъ позади деревни. Для указанія дороги насъ сопровождалъ пожилой аруанецъ. Послѣ недавняго дождя листва была мокрой, а тропинки, шедшія большей частью въ гору, отчаянно грязны и скользки. Птичьихъ голосовъ слышно было немного, и насѣкомыхъ попадалось тоже мало. Въ той же мѣрѣ это касается и муравьевъ.

На слѣдующій день съ утра я предпринялъ болѣе отдаленную экскурсію въ Коброрскій лѣсъ по ту сторону канала. Еще съ вечера вернулся отсутствовавшій раньше органъ-кайя, очень пріятный молодой человѣкъ, хорошо говорившій по-малайски и потому, можетъ быть, и выбранный орангъ-кайей. Онъ былъ въ штанахъ и даже курткѣ. Я взялъ его съ собою на экскурсію, тѣмъ болѣе что онъ оказался обладателемъ двухстволки (центрального боя). Я снабдилъ его своими патронами, и въ дѣлѣ стрѣльбы птицъ, будучи прекраснымъ стрѣлкомъ, онъ оказалъ мнѣ большую помощь. Кромѣ этого туземца, насъ сопровождалъ еще вчерашній старикъ и пресимпатичный мальчикъ. Мы переѣхали на ту сторону на прау съ обычными пловучими бревнами по бокамъ. На ней устроена была палуба изъ колотаго бамбука, и установленъ плоскій ящикъ съ землей, предназначенный для очага. Переѣздъ черезъ каналъ занимаетъ всего 5—10 минутъ. Орангъ-кайя говорилъ мнѣ, что Коброрскій лѣсъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо богаче и суше, и слова его вполнѣ оправдались.

Мы пристали у устья ручья, въ то время почти сухого, ложе котораго промыто было въ коралловомъ известнякѣ. Отсюда мы направились сначала по ложу ручья, а затѣмъ тропинками впередъ и вправо. Въ лѣвую сторону тропинокъ нѣтъ, здѣсь же онѣ существуютъ благодаря расположеннымъ далѣе небольшимъ просѣкамъ и жалкимъ примитивнымъ насажденіямъ огородныхъ растеній. Лѣсъ состоитъ здѣсь большей частью не изъ очень большихъ деревьевъ. Подлѣсокъ развитъ довольно значительно, но онъ не всюду настолько густъ, чтобы не было возможности пробраться черезъ него безъ помощи ножа. Птицъ попадалось много, и я съ орангъ-кайей настрѣляли ихъ довольно значительное количество. Многія изъ нихъ отличались удивительной красотой, какъ, напримѣръ, два вида *Pitta*. Одна изъ застрѣленныхъ мною птицъ оказалась самкой большой райской птицы (*Paradisea*

арода) однообразнаго буроватаго цвѣта. Коброрскіе лѣса вообще извѣстны, какъ мѣстопробываніе райскихъ птицъ, но я никакъ не думалъ, чтобы райская птица попалась мнѣ въ первую же экскурсію. Больше райскихъ птицъ мнѣ не попадалось. Впрочемъ, это и не представляло для меня интереса, такъ какъ брачное опереніе самцовъ, какъ я уже указалъ выше, должно было появиться у нихъ не ранѣе, какъ мѣсяца черезъ два.

Насѣкомыхъ попадалось немного, но зато я нашелъ преинтересное картонное гнѣздо крупнаго муравья *Polyrhachis* sp. Оно было длиною около аршина и прикрѣплено было вдоль къ тонкому стволу дерева, часть поверхности котораго составляла внутреннюю стѣнку гнѣзда. Я предоставилъ Амату срубить дерево и вырубить часть его ствола съ гнѣздомъ, чтобы взять его съ собою. Едва произведенъ былъ первый ударъ, какъ муравьи-работчіе почти всѣ высыпали наружу. Когда срубленный стволъ легъ въ горизонтальномъ положеніи, опираясь срубленнымъ концомъ о пень, работчіе выстроились въ одинъ правильный рядъ вдоль гнѣзда въ угрожающей позѣ, устремивъ глаза на меня, и оставались неподвижными до тѣхъ поръ, пока я не собралъ всѣхъ одного за другимъ пинцетомъ въ баночку со спиртомъ. Къ прискорбію, едва дерево было срублено, какъ орангъ-кайя порывисто схватилъ гнѣздо за одинъ конецъ и, конечно, повредилъ. Оставшуюся часть его я отдѣлилъ уже въ Добо отъ ствола и въ трехъ кускахъ благополучно довезъ до дому, гдѣ куски снова склеены и прикрѣплены къ взятой части древеснаго ствола. Замѣчательно, что туземцы никакъ не могутъ понять того, что намъ, натуралистамъ, необходимы неповрежденные объекты. Давыдову аруанцы приносили заказанныхъ имъ игуанъ съ отрубленными головами и ногами. Мнѣ они точно такъ же приносили прекрасныхъ крупныхъ усачей *Batosega* съ частью оборванными усиками и ногами. Возвращаясь къ гнѣзду *Polyrhachis*, добавлю, что гнѣзда этого вида я находилъ потомъ довольно часто и на Ваммарѣ, но они никогда не попадались мнѣ такой правильной удлиненной формы и такого значительнаго размѣра. Точно такъ же и муравьи, ограничиваясь въ своей самозащитѣ угрожающей позой, никогда не выстраивались въ такой правильный рядъ, какъ въ вышеупомянутомъ случаѣ. Конечно, руководящую роль тутъ играла удлиненная форма гнѣзда и тонина древеснаго ствола, которая, въ свою очередь, вызвала соотвѣтствующую форму гнѣзда. Гнѣзда этого муравья на Вам-

марѣ я находилъ всегда на толстыхъ стволахъ деревьевъ въ углубленіяхъ послѣднихъ, и они всегда бывали довольно короткими.

На слѣдующій день я повторилъ экскурсію въ лѣсъ Коброра, но это былъ послѣдній день моего пребыванія внутри Ару. Передъ вечеромъ, ранѣе предполагавшагося времени, прибыла «Амбойна», и я рѣшилъ вернуться на ней обратно въ Добо. Главной причиной моего поспѣшнаго бѣгства были такъ называемыя «песочныя мухи» или «sand flies» англичанъ, — мелкія существа, вызвавшія въ свое время бѣгство изъ Ванумбаи и Уоллеса, который былъ въ этихъ мѣстахъ какъ разъ въ то же время, что и я. Разница только въ томъ, что у Уоллеса оказалось больше терпѣнія, чѣмъ у меня, но, съ другой стороны, настойчивое дальнѣйшее пребываніе мое въ Landjella не представляло для меня въ отношеніи моей главной цѣли — муравьевъ — повидимому, никакого преимущества передъ Добо, такъ какъ здѣсь я не находилъ такихъ видовъ муравьевъ, какихъ не находилъ бы на Ваммарѣ. На Ваммарѣ нѣтъ песочныхъ мухъ, и въ свое время и Уоллесъ вернулся сюда, какъ на благословенный въ этомъ отношеніи островъ, чтобы подлѣчить свои искусанныя ноги. Песочныя мухи — мельчайшія свѣтлобурыя мушки ¹⁾, нападающія на человѣка главнымъ образомъ въ лѣсу и при томъ нападающія главнымъ образомъ на ноги, забираясь подъ бѣлье. Ужаленья ихъ совершенно неощутимы, но зато тѣмъ большія страданія наступаютъ потомъ. Ужаленное мѣсто вспухаетъ, краснѣетъ и чешется. Отъ чесанія трудно воздержаться, между тѣмъ въ результатъ опухоль раскрывавливается и заживаетъ съ величайшимъ трудомъ. На одной опухоли, вслѣдствіе новаго ужаленія, появляется вторая — и такъ далѣе, такъ что поверхность кожи принимаетъ видъ, подобный цвѣтной капустѣ. Опухоль спадаетъ дней черезъ десять, но кожа еще долго остается раскрывавленной. Съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Ару, прошло уже около года, между тѣмъ мѣста укусовъ песочныхъ мухъ до сихъ поръ еще обо-

¹⁾ Наиболѣе извѣстныя «песочныя» мухи принадлежатъ къ роду *Phlebotomus*. Принадлежатъ ли къ нему и аруанскія мухи, — неизвѣстно, такъ какъ послѣднихъ еще никто научно не изслѣдовалъ. «Sands flies» — названіе собирательное. Friederichs (Zeitschr. f. wiss. Insektenbiologie, 1913, № 1 и 4) относитъ къ нимъ роды *Phlebotomus*, *Simulium* и *Ceratopogoninae*.

значаются на моихъ ногахъ въ видѣ слабо пигментированныхъ пятенъ. Мой Аматы былъ также сильно искусанъ и ропталъ. Я страдалъ не менѣе его, и поэтому пришлось обратиться въ бѣгство. У читателя явится вопросъ,—страдаютъ ли отъ песочныхъ мухъ туземцы. Да, страдаютъ, но въ ничтожной степени. Ихъ огрубѣлая на ногахъ кожа менѣе чувствительна, но, главное, я полагаю, ихъ организмъ уже привыкъ къ яду мухъ, подобно тому, какъ организмъ пасѣчника привыкаетъ къ яду пчелъ. Въ сухое время года песочныя мухи исчезаютъ.

Помимо песочныхъ мухъ, была и другая непріятная сторона пребыванія въ деревнѣ, хотя, конечно, не столь существенная, чтобы съ нею нельзя было бы свыкнуться,—это именно то, что днемъ я почти никогда не могъ оставаться дома одинъ. Я и вся моя дѣятельность представляли такой интересъ для обитателей деревни, что гости у меня не переводились, и иногда мужская половина деревни сидѣла и лежала вокругъ меня почти въ полномъ составѣ. Женская половина, въ противоположность тому, что я слышалъ объ аруанкахъ, совсѣмъ не дичилась меня, и нѣкоторыя дамы даже заглядывали ко мнѣ въ дверь, входить онѣ, впрочемъ, все-таки не рѣшались: это, видно, не принято. Даже такія обыкновенныя для насъ дѣйствія, какъ сниманіе и надѣваніе ботинокъ, не говоря уже объ обматываніи голеней тесемчатыми гамашами (Wickelgamaschen), возбуждали громаднѣйшій интересъ и подвергались совмѣстному обсужденію. Когда же дѣло доходило до выниманія собранныхъ насѣкомыхъ изъ банокъ и укладыванія ихъ въ коробочки съ ватой, то энтузіазмъ достигалъ высшихъ предѣловъ, и наиболѣе любопытные приближались ко мнѣ вплотную. Орангъ-кайя не отставалъ отъ другихъ, и болѣе сдержанно велъ себя одинъ «орангъ-туа» (въ переводѣ: старый человѣкъ, «старшина»), проявлявшій болѣе интереса къ своему бетелю. Къ счастью, красныя плевки бетеля сплевывались въ щели пола. Не могу сказать, чтобы туземцы вели себя назойливо, напротивъ, въ ихъ отношеніяхъ ко мнѣ чувствовалась даже явная почтительность, они даже и говорили между собою сдержаннымъ голосомъ. Но въ то же время обнаруживалась совершенная простота нравовъ, доходившая до проявленій, считающихся въ «благородномъ» обществѣ недопустимыми. Въ такіе моменты на устахъ одного подростка появлялась улыбка, кто-то слегка покрывалъ, а орангъ-туа произносилъ протяжное «о-о». На экскурсіи туземцы были ко мнѣ чрезвычайно предупредительны: при выходѣ моемъ изъ

лодки пожилой туземецъ даже хотѣлъ, было, подать мнѣ руку, чтобы я не оступился.

Ночевка въ *gumah commissie* среди хижинъ туземцевъ не возбуждала во мнѣ никакихъ опасеній, между тѣмъ мой Аматъ, по-видимому, былъ не вполне покоенъ, такъ какъ оставлялъ на всю ночь горящую лампу. Для вида я клалъ рядомъ съ собою заряженное ружье, но что могло оно значить при желаніи напасть на насъ, если у орангъ-кайи было другое и я далъ ему даже достаточное количество патроновъ? Но объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Помимо миролюбиваго характера аруанцевъ, я находился подъ покровительствомъ голландскаго начальства. Къ тому же обитатели *Landjella*—христіане.

Постоянное присутствіе у меня туземцевъ давало полную возможность для наблюденій надъ ними. Между ними можно было различить два совершенно отличныхъ типа: курчавоволосый, со сбитыми волосами, и волнистоволосый, съ болѣе красивыми чертами лица. Между этими крайними типами наблюдались и переходы. Нѣкоторые курчавоволосые, какъ орангъ-кайя, были со стриженными волосами,—результатъ принадлежности обитателей деревни къ «христіанству». Другіе скручивали волосы сзади въ толстый жгутъ. Очень характерной для Ару прически курчавоволосаго типа съ волосами, взбитыми въ большой рыхлый комъ, не было ни у одного изъ обитателей *Landjella*. Мужчины ходятъ совершенно голыми съ однимъ только поясомъ, состоящимъ изъ одного длиннаго куска матеріи. Этотъ кусокъ обхватываетъ въ скрученномъ видѣ животъ, завязывается, и затѣмъ оба конца проводятся между ногъ; концы опять прикрѣпляются съ противоположной стороны къ части пояса, обхватывающей животъ. Цвѣтъ кожи довольно темный, шоколадный. Сложеніе худощавое, но стройное. Женщины, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, были очень миловидны и хорошо сложены. Онѣ носятъ саронгъ изъ красной клѣтчатоі ткани, закрывающій только нижнюю половину тѣла. Туземцы обнаруживаютъ живость характера,—черта, рѣзко отличающая ихъ отъ малайцевъ, но объ этомъ достаточно подробно говорится у Уоллеса.

Аруанцы считаются принадлежащими къ папуасской расѣ, и курчавоволосые, я полагаю, дѣйствительно принадлежатъ къ ней, но волнистоволосые настолько отклоняются отъ папуасскихъ чертъ, что должны быть отнесены къ совершенно особому типу. Населеніе Ару чрезвычайно неоднородно, и этнографія этого

архипелага представляеть собою совершенную terra incognita. Надо надѣяться, что предстоящія основательныя изслѣдованія Мюллера внесутъ въ эту область хоть нѣкоторую опредѣленность.

Среди обитателей Landjella царило въ теченіе моего пребыванія тамъ полное бездѣлье. Единственное занятіе, какое я наблюдалъ, была охота,—и то спеціально только для меня. Одинъ взрослый туземецъ принималъ дѣятельное участіе въ пусканіи мальчикомъ по каналу примитивной модели лодочки съ парусомъ и все приглашалъ меня посмотреть, какъ хорошо она плыветъ. Когда она окончательно поплыла по каналу, то онъ пришелъ въ полный восторгъ и радовался не меньше мальчика. Аруанцы, впрочемъ, умѣютъ дѣлать и очень хорошія модели лодокъ и вообще всякія модели и любятъ это занятіе. Вообще они любители рѣзьбы ножомъ по дереву.

«Амбойна» пришла къ Landjella, таща за собою на буксирѣ громадную прау съ множествомъ аруанцевъ, свидѣтелей по дѣлу объ убійствѣ аруанки. Особенность этой прау составляло украшеніе, помѣщавшееся на кормѣ и представлявшее собою узкую черную доску, наклоненную назадъ и оканчивавшуюся изображеніемъ птичьей головы. Края этой головы и «глазъ» усажены были бѣлыми раковинками.

Въ Landjella я купилъ пойманную туземцемъ крупную сѣрую самку кускуса (*Phalanger orientalis*) съ дѣтенышемъ, которую мечталъ довести живою хоть до Бейтензорга. Въ Добо сдѣлана была для нея изъ ящика клѣтка. Кормилъ я животное бананами и другими плодами. Къ моему прискорбію, это симпатичное существо заболѣло дизентеріей и погибло, а потомъ погибъ и дѣтенышъ, котораго я пытался выкормить разбавленнымъ консервированнымъ молокомъ. Еще задолго до смерти матери мнѣ пришлось собственноручно сдѣлать ей операцію,—обрѣзать половину ея характернаго украшенія и важнаго хватательнаго органа, хвоста. Животное принесено было мнѣ привязаннымъ къ вѣтви за хвостъ и при томъ такъ туго, что хвостъ, начиная отъ этого мѣста, впоследствии омертвѣлъ.

Черезъ нѣкоторое время по моемъ возвращеніи въ Добо внутрь Ару отправился Мюллеръ въ сопровожденіи секретаря контролера Watimena и самого контролера, который направлялся на Блакангтану на короткое время по служебнымъ обязанностямъ. Всѣ отплыли вмѣстѣ на той же «Амбойнѣ», но

Мюллеръ и Watimena высадились нѣсколько не доходя «Ванумбаи» ¹⁾ и прошли пѣшкомъ поперекъ черезъ весь Вокамъ. Здѣсь Ватимена соединился вскорѣ съ контролеромъ, съ которымъ вернулся въ Добо на «Амбойнѣ», Мюллеръ же странствовалъ еще долго по деревнямъ Блакангтаны, проплылъ на маленькой прау по каналу Вателаи въ обратномъ направленіи до «Ванумбаи» и тамъ нанялъ большую парусную прау, на которой прибылъ въ Добо. Во время плаванія отъ «Ванумбаи» до Добо Мюллера застигло порядочное волненіе при рѣзкомъ противномъ вѣтрѣ, при чемъ прау подвергалась большой опасности быть перевернутой. вмѣсто нормальныхъ пяти часовъ, плаваніе длилось 22 часа. Все время приходилось лавировать противъ вѣтра, при чемъ обнаружилось, что туземцы-лодочники были совсѣмъ плохо знакомы съ управленіемъ паруснымъ судномъ. Къ счастью, слуги Мюллера оказались въ этомъ случаѣ болѣе освѣдомленными. Конечно, о снѣ для Мюллера не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что при каждой перемѣнѣ направленія ему приходилось переселяться на другой бортъ, менѣе захлестываемый волнами. Подъ конецъ плаванія пришлось итти у самого берега Ваммара, упираясь о дно шестами.

Мюллеръ былъ и въ настоящемъ Ванумбаи. Онъ узналъ, что тамъ до сихъ поръ еще сохраняется память объ Уоллесѣ, несмотря на то, что теперь уже нѣтъ въ живыхъ никого изъ тѣхъ, кто видѣлъ его. Старикъ Kamis уже умеръ. Мюллера спрашивали, не родственникъ ли онъ того человѣка, который «открылъ землю» (для европейцевъ).

Мюллеру удалось записать со словъ туземцевъ много легендъ, довольно, впрочемъ, жалкаго свойства, о прошломъ Ару. Замѣчательно, что послѣднія могутъ быть рассказываемы только въ опредѣленныхъ хижинахъ, спеціально для того предназначенныхъ, и при томъ только ночью. Хижины эти по внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ другихъ и, подобно послѣднимъ, точно такъ же обитаемы (нѣсколькими семьями). Туземцы относятся къ вопросу о легендахъ очень серьезно. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ вслѣдствіе эпидемій ²⁾ вымерло все населеніе такихъ

¹⁾ Подъ именемъ «Ванумбаи» (въ кавычкахъ) я подразумѣваю то, что обычно понимается подъ этимъ именемъ въ Добо, т.-е. собственно деревню Maioné, настоящее же Ванумбаи я пишу безъ кавычекъ.

²⁾ На Ару нерѣдко бываютъ эпидеміи оспы, отъ которой иногда вымираютъ цѣлыя деревни.

домовъ для разсказыванія легендъ, послѣднія вообще больше не могутъ быть разсказываемы, и потому не передаются потомству.

Мюллеръ говорилъ мнѣ, что ему удалось добыть на Ару очень много данныхъ относительно религіозныхъ представленій туземцевъ и вообще очень много интереснаго относительно ихъ культуры. Этнографическихъ предметовъ онъ добылъ (путемъ покупки за деньги и путемъ обмѣна)¹⁾ громадное количество, и по его возвращеніи въ Добо задняя веранда пассанграхана была прямо завалена ими. На упаковку и отправку всего этого матеріала въ Берлинъ пошло очень много времени.

Ошибкой Мюллера, вскорѣ обнаружившей свои печальные плоды, оказалось то, что онъ показывалъ собранные предметы всѣмъ и каждому, приходившему къ нему. Контролеръ почувствовалъ къ Мюллеру, повидимому, немалую зависть, въ особенности въ виду готовившейся въ Сурабайѣ этнографической выставки, и вскорѣ онъ сообщилъ Мюллеру о своемъ намѣреніи, осуществленіе котораго грозило свести почти на-нѣтъ все дальнѣйшее пребываніе послѣдняго на Ару; именно, въ ближайшемъ будущемъ контролеръ хотѣлъ послать на Блакангтану своего вышеупомянутаго секретаря Ватимену въ тѣ деревни, въ которыхъ Мюллеръ еще не былъ, но предполагалъ отправиться, — съ цѣлью набрать у туземцевъ побольше этнографическихъ предметовъ, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда туземцы не согласны будутъ отдать предметы добровольно, предполагалось, выражаясь деликатно, опереться на силу правительственной власти. Какіе результаты послѣдующей поѣздки Мюллера въ такія опустошенныя деревни должны были бы обнаружиться для него, понятно само собою, но и надежды на полученіе свѣдѣній о вѣрованіяхъ и вообще всякихъ легендахъ были бы для Мюллера не болѣе благопріятны. Но судьба поблагопріятствовала Мюллеру. «Амбойна» прибыла въ Добо въ періодъ наибольшаго прилива. Ее поставили слишкомъ близко къ берегу, и въ результатѣ она оказалась на мели. Ею нельзя было воспользоваться сейчасъ же для поѣздки, но, пока контролеръ думалъ о снаряженіи паруснаго судна, Мюллеръ не дремалъ и договорилъ другое парусное судно у туземца съ острововъ Кей, приведшаго въ Добо партію лодокъ для про-

¹⁾ Особенно притягательнымъ предметомъ для обмѣна являлось для туземцевъ средство германской фабрикаціи подъ названіемъ «Erektor». Названіе само говоритъ за себя. Имъ, конечно, интересовались болѣе солидные и видные туземцы, какъ, напримѣръ, извѣстный Latetein.

дажи. Судно ушло на Кей, но на-дняхъ должно было прибыть обратно. Вопросъ рѣшался для соперниковъ тѣмъ, кто отплыветъ раньше. Конечно, отъ контролера Мюллеръ хранилъ свои намѣренія въ тайнѣ. Какъ разъ въ разгаръ этой молчаливой борьбы я окончательно покидалъ Добо. Потомъ, уже въ Россіи изъ письма, полученнаго отъ своего соотечественника, я узналъ, что побѣдилъ Мюллеръ. Успѣху послѣдняго посодѣйствовало въ особенности случайное обстоятельство, которое не могло быть предвидѣно, именно — контролеръ заболѣлъ маляріей. Вторая поѣздка Мюллера на Блакантану оказалась чрезвычайно удачной. Онъ привезъ въ Добо громаднѣйшія коллекціи.

Въ самомъ концѣ своего пребыванія въ Добо мнѣ пришлось познакомиться еще съ прибывшимъ протестантскимъ миссіонеромъ-голландцемъ и его дочерью, которыхъ контролеръ помѣстилъ съ нами въ пассанграханѣ. Мнѣ пришлось уступить имъ свою большую комнату, а самому удовольствоваться другой, маленькой, въ которой раньше помѣщалась моя «лабораторія». Бѣды большой мнѣ отъ этого не было, такъ какъ мнѣ оставалось пробыть въ Добо не болѣе двухъ сутокъ. Сборы мои были уже закончены, вещи почти всѣ уложены, и оставалось только ждать прихода парохода. Я ходилъ только «прощаться» съ окрестными лѣсами, но уже ничего не собиралъ. Миссіонеръ, пожилой блондинъ атлетическаго сложенія, былъ довольно чопоренъ и мало разговорчивъ со мною и Мюллеромъ. Еще менѣе интересна была его худощавая, некрасивая дочь. Миссіонеръ прибылъ съ цѣлымъ штатомъ одѣтыхъ въ чистѣйшіе тропическіе бѣлые костюмы черномазыхъ амбонцевъ. Это «учители», имѣющіе непосредственное общеніе съ туземцами и насаждающіе христіанство. Главный миссіонеръ назначаетъ имъ опредѣленныя мѣстопробыванія въ аруанскихъ деревняхъ. Въ настоящее время насажденіе христіанства идетъ, конечно, мирнымъ путемъ въ духъ времени, но не то было въ старыя времена. Къ Мюллеру приходилъ въ Добо одинъ аруанецъ-христіанинъ, котораго Мюллеръ старался использовать въ смыслѣ этнографическаго освѣдомленія. Онъ христіанинъ уже въ третьемъ поколѣніи, но не можетъ безъ ужаса и ненависти вспоминать о миссіонерахъ, которые обращали его предковъ въ христіанство путемъ страшныхъ пытокъ. Миссіонеры-амбонцы, живущіе на мѣстахъ, являются элементомъ чрезвычайно непріятнымъ для этнографовъ, такъ какъ съ ожесточеніемъ уничтожаютъ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ

«языческимъ» вѣрованіямъ туземцевъ. Религіозный фанатизмъ— ихъ отличительная черта. Насколько мнѣ извѣстно, на Ару работаютъ только протестантскіе миссіонеры. Католическихъ въ этихъ мѣстахъ вообще гораздо меньше.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возвращеніе на Яву и обратный путь въ Россію.

Добо я покинулъ 25 марта. Утромъ я пошелъ гулять по направленію къ «kampong bugis» и вдругъ услышалъ возгласы мальчишекъ «кара! кара!» («корабль»). Вышедши на берегъ, я увидѣлъ стройную фигуру парохода, быстро выплывавшую изъ-за западнаго мыса. У меня былъ заранѣе договоренъ владѣлецъ шлюпки, «orang-Manila», только не тотъ, который нанесъ пораненія почтмейстеру, а другой, непосредственно руководившій постройкой пассанграхана. Черезъ нѣсколько часовъ я уже покидалъ Добо, сидя въ шлюпкѣ со всѣми своими ящиками и увозя свои аруанскія коллекціи. Пароходъ «Schouten» (произносится «Схаутнъ») былъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ «Rochussen», но болѣе новаго типа, съ первымъ классомъ, расположеннымъ посрединѣ парохода. Обѣденный залъ помѣщался надъ палубой. Съ Мюллеромъ я не успѣлъ попрощаться на сушѣ, такъ какъ онъ отсутствовалъ, будучи занятъ хлопотами по отправкѣ своихъ ящиковъ въ Берлинъ, но онъ, конечно, прибылъ на пароходъ, и мы съ нимъ сердечно распрощались. Я сохраню о немъ наилучшія воспоминанія и какъ о человѣкѣ, и какъ о дѣльномъ настойчивомъ изслѣдователѣ.

На слѣдующій день рано утромъ мы стояли передъ гористыми берегами Большого Кей у Elat'a. Высокія горы покрыты прекрасными лѣсами, но ближайшія окрестности городка заняты плантаціями кокосовыхъ пальмъ. Здѣсь имѣется пассанграханъ, говорятъ, почти совершенно такой же, какъ и въ Добо, но Элатъ кажется мнѣ неподходящимъ пунктомъ для натуралиста, такъ какъ, чтобы добраться до хорошаго лѣса, нужно пройти довольно далеко и при томъ по гористой мѣстности. Повышеніе начинается съ самаго берега. У Элата мы простояли недолго, и я не имѣлъ возможности съѣхать на берегъ.

Въ то же утро, нѣсколько позже, мы подошли къ Туалю на Маломъ Кей и при томъ подошли гораздо ближе къ берегу, чѣмъ прошлый разъ по пути на Ару. Берегъ острова не образуетъ здѣсь никакой бухты, и городокъ лежитъ даже почти у оконечности восточнаго выступа острова съ западной его стороны. Несмотря на такое открытое положеніе, Туаль хорошо защищенъ двумя большими противолежащими островами. Берега гористы, но ближайшія возвышенности ихъ несравненно ниже, чѣмъ на Большомъ Кей у Элата. Городокъ состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ рядовъ домиковъ изъ оцинкованнаго волнистаго желѣза, съ такими же крышами, расположенныхъ вдоль бокового края небольшого выступа суши. Въ этихъ домикахъ помѣщаются арабскія токо. За этой группой разбросано еще небольшое количество маленькихъ домиковъ, въ значительной степени скрытыхъ за древесной растительностью. На склонѣ берега расположенъ также мало видимый съ парохода чистенькій молодой городской паркъ.

Намъ предстояло простоять здѣсь до вечера, такъ какъ для погрузки имѣлось много копры и лѣснаго строительнаго матеріала, именно такъ называемаго желѣзнаго дерева, которымъ славятся острова Кей, а потому я поспѣшилъ съѣхать на берегъ. Я посѣтилъ пригласившаго меня въ свой домъ пароходнаго агента, нашего спутника по пароходу отъ Добо, сошедшаго здѣсь съ парохода, и направился затѣмъ въ лѣсъ, вплотную прилегающій къ городку и окружающій его со всѣхъ сторонъ. Агентъ далъ мнѣ въ проводники своего слугу, но послѣдній завелъ меня въ самую неинтересную, наиболѣе низменную часть лѣса, въ значительной степени засаженную саговыми пальмами. Послѣ недавняго дождя тропинки были чрезвычайно грязны, но потомъ мнѣ удалось выбраться на прекрасную сухую дорогу, проходящую выше, и я, отпустивъ проводника, получившаго отъ меня нѣкоторую мзду, прошелся одинъ. Лѣсъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Туаля оказался очень и очень пощипаннымъ и расчищеннымъ подъ какія-то плантаціи, повидимому, существующія въ настоящее время въ проектѣ. Кстати замѣчу, что кокосовыя пальмы въ окрестностяхъ Туаля, благодаря неподходящей известковой почвѣ, не даютъ дозрѣвающихъ плодовъ.

Муравьевъ при своей, нужно по правдѣ сказать, довольно спѣшной прогулкѣ я почти совершенно не находилъ, а то, что попадалось на глаза, не заслуживало почти никакого вниманія.

Но зато мѣстность оказалась чрезвычайно интересной по обилію, крупнымъ размѣрамъ и красотѣ бабочекъ. Съ этой стороны я былъ прямо пораженъ. Ару оказалось стоящимъ въ этомъ отношеніи несравненно ниже. Формы, которыя мнѣ удалось разсмотрѣть, оказались другими. *Ornithoptera* я вовсе не видѣлъ, а изъ крупныхъ формъ только *Papilio*. Одинъ громадный видъ съ чернымъ и желтобурымъ рисункомъ былъ необыкновенной красоты.

Отошедши отъ Туаля, мы шли нѣкоторое время у берега Кей, характернаго своими причудливой формы обнаженными скалами кораллового известняка, о которыхъ подробно говорить Уоллесъ. Затѣмъ справа на очень близкомъ разстояніи долгое время тянулся берегъ какого-то низменнаго острова. Берегъ этотъ на громадномъ протяженіи усаженъ кокосовыми пальмами, изъ-подъ которыхъ мѣстами виднѣлись хижины туземцевъ. Несмотря на то, что это были несимпатичныя для меня плантаціи, картинѣ нельзя было отказать въ величественной красотѣ. Пальмы были роскошныя, высокія, и слабый отблескъ недавно зашедшаго солнца давалъ красивое золотистое освѣщеніе. Когда кончились плантаціи, потянулся чистый первобытный лѣсъ, разнообразившійся мѣстами присутствіемъ гигантовъ съ широкими округленными шапками: думаю, что это были фикусы.

На слѣдующій день передъ полуднемъ мы бросили якорь у Geser'a. Это ничтожныхъ размѣровъ атоллъ у восточнаго конца Церама. Едва пароходъ сталъ, какъ къ намъ приблизились лодки съ туземцами, привезшими для продажи цѣлыя связки небольшихъ попугаевъ, преимущественно краснаго цвѣта, — очевидно, съ Церама. Штука продавалась по 75 центовъ. Мы простояли здѣсь до вечера, и я съѣзжалъ на берегъ и собиралъ муравьевъ, которыхъ нашелъ нѣсколько видовъ. Городокъ не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Для меня представляла большій интересъ своеобразная растительность атолла, состоявшая главнымъ образомъ изъ казуаринъ. Рядомъ съ Гезеромъ на близкомъ разстояніи лежитъ другой атоллъ, большая часть котораго скрыта подъ поверхностью моря. Въ одномъ мѣстѣ онъ выступаетъ въ видѣ ничтожной голой отмели, а съ противоположной стороны въ видѣ болѣе значительной полосы суши. Послѣдняя покрыта многочисленными крупными развѣсистыми деревьями, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ хижины туземцевъ. Среди послѣднихъ стоятъ двѣ мечети, — одна старая, съ крышей

изъ пальмовыхъ листьевъ, а другая новая, съ крышей изъ оцинкованнаго желѣза. Обѣ онѣ построены по одному и тому же типу. Низенькое квадратное деревянное зданіе несетъ покатую крышу въ видѣ усѣченной пирамиды. Надъ этой крышей возвышается другая, также пирамидальная, нижніе края которой нѣсколько выступаютъ за края сѣченія нижней крыши. Скаты той и другой пирамиды нѣсколько вдавлены внутрь. Вершина верхней пирамиды оканчивается высокимъ деревяннымъ шпикомъ безъ всякихъ эмблемъ магометанства. Атоллъ съ двумя мечетями, какъ я узналъ, служитъ мѣстопробываніемъ двухъ раджей. Рядомъ со старой мечетью стоитъ большой удлиненный домъ съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ, также со впалыми скатами, служащій, очевидно, мѣстопробываніемъ одного изъ раджей. Впереди этого дома стоитъ шесть съ голландскимъ флагомъ.

За атолломъ съ мечетями лежитъ на близкомъ разстояніи большой массивный гористый островъ, покрытый лѣсомъ и частью расчищенный подъ плантаціи.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня мы стали у знакомой мнѣ Банды-Нейры и оставались здѣсь до вечера. О своихъ экскурсіяхъ я говорилъ уже по поводу своего перваго посѣщенія этого острова.

Здѣсь сошелъ съ нашего парохода одинъ изъ братьевъ Баадилла, ѣхавшій съ нами въ первомъ классѣ, но, какъ магометанинъ, не обѣдавшій за общимъ столомъ и вообще почти не показывавшійся внѣ своей каюты. Отъ какого порта онъ шелъ съ нами,—я не припомню. Точно такъ же я не могу сказать и того, тотъ ли это Баадилла, которому принадлежатъ жемчужные промыслы на Ару. Кстати могу сказать, что одинъ изъ трехъ братьевъ Баадилла недавно умеръ. Видѣнный мною Баалилла худощавъ, съ тонкимъ орлинымъ носомъ и довольно интеллигентной представительной наружностью. Одѣтъ онъ былъ по-европейски, въ свѣтлый тропическій костюмъ.

На пристани Банды-Нейры я видѣлъ пару громадныхъ морскихъ черепахъ, ноги которыхъ были связаны попарно такимъ образомъ, что веревка продѣта была сквозь оконечность ноги. Повидимому, изъ одной изъ этихъ черепахъ вскорѣ приготовленъ былъ намъ супъ, который я нашелъ очень вкуснымъ. Супъ буро-го цвѣта, довольно густой.

Тутъ же у пристани совершали свои водяныя эволюціи мальчишки-ныряльщики, ловившіе брошенную имъ тонущую монету.

Картина эта хорошо знакома каждому морскому путешественнику и въ нашихъ широтахъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы пришли къ Saraqua, одному изъ группы маленькихъ островковъ, лежащихъ у восточнаго конца Амбойны. По характеру мѣстности онъ очень напоминаетъ Амбойну. Лѣса также очень пощипаны плантаціями. Городокъ меньше Амбона, но того же характера. Жизнь дышитъ необыкновенной патріархальностью. Здѣсь не живутъ, а прямо спятъ среди нѣжащей природы. Гостиницы здѣсь нѣтъ. Я бѣгло обошелъ только городокъ. Мы простояли недолго и въ тотъ же день вечеромъ прибыли въ Амбонъ.

Въ Амбонѣ нашъ пароходъ остался до слѣдующаго дня. Съ утра я отправился къ Рею, у котораго оставались на храненіи всѣ собранныя мною на Амбойнѣ коллекціи, а затѣмъ побродилъ по городу и въ паркѣ. Мы должны были отойти въ 4 ч. пополудни, но отошли значительно позже, повидимому, благодаря присутствію на пароходѣ несмѣтнаго множества мѣстныхъ смуглолицыхъ и темнолицыхъ «дамъ». Почти все это были провожающія. Пассажирокъ прибыло 3-4, но каждую изъ нихъ пришло провожать по крайней мѣрѣ по десятку представительницъ прекраснаго пола, большею частью молодыхъ, и еще нѣсколько кавалеровъ, такъ что палуба перваго класса оказалась почти сплошь занятой народомъ. Трудно представить себѣ что-нибудь курьезнѣе амбонки, часто съ рѣзко выраженнымъ папуасскимъ типомъ и темной кожей—въ свѣтломъ европейскомъ костюмѣ со всѣми принадлежностями современной моды. Среди молодыхъ особъ очень часто попадаются представительницы съ невѣроятно тонкими руками, которыя къ тому же бываютъ иногда въ значительной степени открыты. Это не болѣзненная худоба, а просто такое сложеніе. Подростки носятъ волосы большею частью распущенными, точно такъ же, какъ это принято и у голландокъ того же возраста.

Въ Амбонѣ къ намъ прибавились также пассажиры, представившіе большой интересъ для меня, какъ натуралиста. Это—члены англійской экспедиціи къ границѣ снѣговой линіи на горахъ голландской Новой Гвинеи, возвращавшіеся въ настоящее время домой. Во главѣ ея стояли два англичанина: врачъ Wollaston изъ Лондона и Kloss, какъ мнѣ говорили, консерваторъ естественноисторическаго музея въ Сингапурѣ. По справкѣ, которую я дѣлаю въ настоящій моментъ въ Зоологическомъ адресъ-

календаръ Friedländer'a, онъ оказывается консерваторомъ («Curator») Selangor Museum въ Kuala Lumpur, въ Selangor'ѣ на Малаккѣ. Экспедиція доставлена была нѣкоторое время тому назадъ въ Амбонъ съ Новой Гвинеи на голландскомъ правительственномъ пароходѣ.

Почти весь день многочисленные кули экспедиціи,—даяки съ Борнео, носили на пароходъ ящики съ собранными коллекціями, переносныя оранжерейки съ живыми растеніями, въ видѣ носилокъ, и болѣе крупныя этнографическіе предметы, изъ которыхъ обращала на себя особенное вниманіе громаднхъ размѣровъ узкая прау съ рѣзьбой, выдолбленная изъ цѣлаго древеснаго ствола. Даяковъ мнѣ пришлось увидѣть здѣсь въ первый разъ. Говорятъ, что для экспедиціи не можетъ быть болѣе подходящихъ людей, чѣмъ даяки. Это народъ чрезвычайно выносливый, спокойный и преданный. На видъ они также чрезвычайно симпатичны. Лица женственны, съ открытымъ, спокойнымъ взглядомъ. Глядя на нихъ, никто бы не подумалъ, что это представители народа, среди котораго процвѣтаетъ срѣзываніе головъ. Выходить—обычай обычаемъ, а складъ характера самъ по себѣ,—мирный и благородный. Даяки были почти всѣ совершенно голые, съ однимъ лишь «пояскомъ стыдливости». Сложеніе худощавое, кожа желтая; на тѣлѣ обильная татуировка, въ особенности на спинѣ. Прямые черные волосы висятъ свободно и подрѣзаны только надъ лбомъ. На головѣ у многихъ были низенькія европейскія (!) соломенные шляпы или яркихъ цвѣтовъ суконныя, съ заткнутыми за ленточку перьями новогвинейскихъ птицъ. У нѣкоторыхъ было по двѣ шляпы, — одна на другой, но это, конечно, дѣлалось для удобства сохраненія и перевозки на родину.

Кромѣ названныхъ двухъ англичанъ, изъ которыхъ «зоологомъ» былъ только Kloss, въ составъ членовъ экспедиціи входилъ еще прикомандированный къ ней голландскимъ правительствомъ въ качествѣ руководителя и топографа офицеръ v. de Water. Послѣдній, возвращаясь на Яву, также былъ съ нами на пароходѣ.

Я съ трудомъ объясняюсь по-англійски, и потому мои разговоры съ обоими англичанами не клеились; при томъ это народъ мало общительный съ тѣми, кого они хорошо не знаютъ. Но de Water говорилъ немного по-нѣмецки, и отъ него я узналъ кое-что интересное. Помимо того, со словъ того же de Water'a, сообщилъ мнѣ кое-что еще одинъ пассажиръ-голландецъ, военный врачъ.

Экспедиція была въ голландской Новой Гвинее въ горахъ Nassau-Gebirge, обозначенныхъ въ общеизвѣстномъ атласѣ Andree подъ именемъ Charles Louis Gebirge. Это уже вторая экспедиція. Въ первый разъ, за два года до второй экспедиціи, отправился одинъ Wollaston. Добратъся до снѣговой линіи, что составляло его задачу, ему не удалось, и онъ спустился съ горъ. Только къ этому времени прибылъ на Новую Гвинею Kloss, будущій участникъ второй экспедиціи, встрѣтившійся съ Wollaston'омъ. Оба они вернулись обратно. Неудачей экспедиціи Wollaston'a достоинство Англіи было задѣто, и въ заинтересованныхъ кругахъ признано было необходимымъ организовать вторую экспедицію на болѣе широкихъ началахъ и достичь снѣговой линіи во что бы то ни стало. Англійскій Ротшильдъ пожертвовалъ съ этой цѣлью 60 тысячъ гульденовъ. На этотъ разъ большое участіе въ экспедиціи приняло голландское колоніальное правительство и назначило въ качествѣ руководителя экспедиціи названнаго мною офицера-топографа v. de Water'a ¹⁾. Экспедиціонный отрядъ, не считая трехъ европейцевъ, состоялъ изъ 15 охотниковъ и препараторовъ изъ музея въ Kuala Lumpur, 40 солдатъ голландской колоніальной арміи, 60 арестантовъ гребцовъ и 122 кули (носильщиковъ) даяковъ. Экспедиція направилась въ то же Nassau-Gebirge, именно въ восточную часть его, носящую названіе Carstensz, между вершинами—западной, высотой въ 4.754 м., и восточной—въ 4.788 м., и достигла высоты 4.350 м. Экспедиція поднялась, на сколько было возможно, по рѣкѣ Otakwa, сначала при помощи небольшого правительственнаго пароходика, затѣмъ парового катера и, наконецъ, на гребныхъ лодкахъ, послѣ чего экспедиція направилась далѣе пѣшкомъ.

Хотя экспедиція и собрала значительныя коллекціи, но главной цѣлью ея, повидимому, было достиженіе снѣговой линіи. Цѣль эта была достигнута.

V. de Water составилъ подробную карту пройденнаго пространства. Онъ показывалъ ее мнѣ. Она составляетъ довольно широкую полосу по обѣ стороны рѣки Otakwa. Карта очень подробная и нанесена чрезвычайно тщательно.

Я видѣлъ, между прочимъ, фотографическое снаряженіе экспедиціи. Оно состояло изъ единственной старой ручной камеры

¹⁾ Теперь, вѣроятно, уже офицеръ генеральнаго штаба. Это назначеніе предстояло ему въ ближайшемъ будущемъ.

(безъ штатива) размѣромъ 9 на 12, самаго жалкаго вида, съ объективомъ безъ фирмы, принадлежавшей Kloss'у. Я видѣлъ также и нѣсколько десятковъ сдѣланныхъ снимковъ, благодаря тому, что de Water дѣлалъ отпечатки съ негативовъ на пароходѣ и тутъ же вирировалъ ихъ. Нѣсколько снимковъ, сдѣланныхъ въ солнечную погоду, довольно сносны, остальные же чрезвычайно не додержаны.

Экспедиція наткнулась на новое племя папуасовъ съ необыкновенно длинными руками, почти достигающими коленей. Я видѣлъ снимокъ съ представителей этого племени.

Всѣ предметы, собранные экспедиціей, предназначаются для Британскаго Музея.

Во время возвращенія англійской экспедиціи въ тѣхъ же горахъ, только восточнѣе, находилась голландская экспедиція. По слухамъ, она достигла вершины Wilhelmina Top, высотой въ 4.750 м. По словамъ голландца-врача, во главѣ ея стоятъ настоящіе ученые.

Въ Макассарѣ ходили слухи, что на тотъ же горный хребетъ собирается еще и германская экспедиція.

Къ Бутону мы подошли на разсвѣтѣ и простояли часа два. Я воспользовался возможностью съѣхать на берегъ и прошелся по улицѣ кампонга и по тропинкѣ, пролегавшей среди травы на кокосовой плантаціи. Несмотря на короткое время, какое я могъ посвятить прогулкѣ, именно не болѣе получаса, мнѣ удалось собрать нѣсколько видовъ муравьевъ, изъ которыхъ 2—3 новы для моей коллекціи. Въ ближайшей части острова настоящихъ лѣсовъ я не видѣлъ, но видѣлъ много зарослей, которыя, пожалуй, могутъ представить большой интересъ для изслѣдователя. Островъ гористъ, но ближайшія возвышенности его невысокія, съ плоскогоріями. Изъ плантацій виднѣются вблизи берега плантаціи кокосовой пальмы.

Небольшая группа полуевропейскихъ зданій переходитъ въ кампонгъ, представляющій собою длинную улицу, тянущуюся вдоль берега моря до рѣки, за которой расположена остальная часть кампонга. Имѣется пассанграханъ, госпиталь и начальная школа для туземцевъ. У пристани прокладываются новыя улицы. Настоящихъ европейцевъ я не видѣлъ, а видѣлъ лишь двухъ-трехъ метисовъ.

Въ Макассарѣ мы простояли на этотъ разъ около сутокъ. Дождя уже не было, благодаря вліянію юго-восточнаго вѣтра.

Послѣдній дулъ съ большой силой всю первую половину пути до Сумбавы и вызвалъ довольно непріятную качку. Между Сумбавой и юго-западной оконечностью Целебеса расположено два архипелага изъ многочисленныхъ мелкихъ островковъ—Postillon- и Paternoster-Eilanden, которые приходится огибать съ юго-востока. Они видны были почти всю вторую половину пути.

Съ разсвѣта 3 апрѣля до 9 час. утра до прибытія къ порту Sumbawa-Besaar мы шли вблизи береговъ Сумбавы и затѣмъ маленькаго островка, лежащаго у входа въ обширный Сумбавскій заливъ. Островъ гористъ, но горы его отличаются прямолинейностью своихъ хребтовъ и постепенностью скатовъ. Всюду горы представляются покрытыми первобытными лѣсами съ кое-гдѣ просвѣчивающими обнаженіями сѣраго известняка. Плантацій я совсѣмъ не видѣлъ за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей городка Сумбавы. Послѣдній расположенъ у входа въ Сумбавскій заливъ на его южномъ берегу. Городокъ расположенъ на плоской низменной мѣстности и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ домиковъ европейцевъ и обычныхъ токо китайцевъ и арабовъ. Позади городка низменность, представляющая собою долину рѣки съ рисовыми полями и кампонгами, тянется на значительное протяженіе вглубь острова и прорѣзывается прекраснымъ шоссе, тянущимся до второго городка, настоящей Сумбавы, Sumbawa-Basaar («Большая Сумбава»). Съ сѣверо-западной стороны приморскаго городка въ море впадаетъ рѣка, за которой тотчасъ начинается плоская незначительная возвышенность, медленно повышающаяся въ сѣверо-западномъ направленіи. По противоположную юго-восточную сторону городка очень постепенно подымается другая плоская возвышенность, тянущаяся на очень большое протяженіе. За нею уже расположены горныя возвышенности значительной высоты, представляющія собою группы конусовъ съ болѣе или менѣе округленными вершинами. Все это покрыто роскошными лѣсами, повидимому, еще совершенно нетронутыми.

Мы простояли здѣсь до 4 час. пополудни, и я, съѣхавъ на берегъ, прошелся вдоль шоссе на очень значительное разстояніе. Съѣздъ на берегъ довольно неудобенъ, въ виду отсутствія хотя бы выступающаго въ море помоста.

Я собралъ нѣсколько интересныхъ видовъ муравьевъ и видѣлъ не мало птицъ, изъ которыхъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе красиво окрашенные голуби. Больше всего ма-

ленькихъ сѣренкихъ голубковъ, очень довѣрчивыхъ къ чело-
вѣку. Ихъ держатъ здѣсь нерѣдко въ клѣткахъ. Я думаю, это
тотъ же видъ, который держатъ въ клѣткахъ и на Явѣ.

Здѣсь имѣетъ мѣстопробываніе ассистентъ-резидентъ. Имѣется
ли пассанграханъ, я не могъ узнать. Въ виду близости прекрас-
ныхъ лѣсовъ, пунктъ представляется мнѣ очень благопріятнымъ
для натуралиста. Помѣщеніе, навѣрное, можно бы найти безъ
большихъ затрудненій. Внутри Сумбавы, впрочемъ, какъ гово-
рилъ мнѣ де-Ватеръ, жизнь для одинокаго европейца далеко не
безопасна.

На пароходъ здѣсь погружено было цѣлое стадо буйволовъ,
разведеніемъ которыхъ славится Сумбава.

Когда мы отошли отъ городка Сумбавы, то въ плоской воз-
вышенности, тянущейся на сѣверо-западъ, обнаружилась вскорѣ
узкая извилистая долина, въ которой, безъ сомнѣнія, течетъ ру-
чей. Вблизи моря въ концѣ этой долины стоитъ домикъ подъ
желѣзной крышей. Вотъ, подумалъ я, прекрасное мѣсто для на-
туралиста! Лѣсъ кругомъ роскошный.

Еще одно замѣчаніе изъ совсѣмъ другой области. Здѣсь сѣла
на пароходъ одна мать съ ребенкомъ, для котораго на палубѣ
установлена была складная клѣтка въ видѣ загородки изъ четы-
рехъ невысокихъ плетенокъ, пристегивающихся на крючкахъ.
Это практическое изобрѣтеніе, облегчающее задачу няньки, въ
особенности на пароходѣ, мнѣ очень понравилось.

Слѣдующей нашей остановкой былъ Boeleleng или Singaradja
на Бали,—довольно большой и очень чистенькій городокъ, рас-
положенный на постепенномъ уклонѣ къ морю, съ изящными
каменными домиками европейцевъ, расположенными среди рас-
тительности. Я видѣлъ также нѣсколько строящихся домиковъ-
виллъ, которые строятся уже не въ обычномъ патріархально-
голландскомъ стилѣ, а съ извѣстнымъ стремленіемъ къ изяще-
ству. Въ городѣ имѣется также молодой паркъ. Бали — един-
ственный островъ на Малайскомъ архипелагѣ, на которомъ со-
хранилась въ неприкосновенности древняя браминская религія,
которая сказывается здѣсь чуть ни на каждомъ шагу, въ осо-
бенности въ туземной части города, то въ видѣ деревянныхъ
домиковъ-алтарей для dewa, большей частью игрушечно-миніа-
турныхъ, стоящихъ на четырехъ столбахъ и расположенныхъ
всегда группами, то въ видѣ настоящихъ каменныхъ храмиковъ
и храмовъ съ изваянными изъ камня же страшилищами-богами

и орнаментами—то и другое съ необыкновенно сложной и стильной рѣзьбой, часто съ пестрой окраской и позолотой. Изваянные каменные фигуры, очень интересныя и довольно крупныхъ размѣровъ, разсѣяны и въ европейской части города и стоятъ большей частью въ садахъ въ видѣ украшенія.

Подъ прямымъ угломъ къ морю городъ прорѣзывается прекраснымъ шоссе, направляющимся прямо въ горы къ бывшему дворцу раджи. Вмѣстѣ съ двумя спутниками по пароходу я прошелся по шоссе на довольно значительное разстояніе до храма Singo-Sari. Главная часть храма съ крутыми террасами-лѣстницами и вздымающимися отвѣсными каменными глыбами, покрытыми сложнѣйшей художественной рѣзьбой, съ чудовищными богами посрединѣ, занимаетъ довольно значительную площадь. Часть фигуръ и орнаментовъ недавно окрашена водяными красками. Окраска пестрая, яркая, стильно-индійская. На большей части фигуръ и орнаментовъ сохранились едва замѣтные слѣды такой же древней окраски. Въ верхней части храма нѣсколько алтариковъ съ дверцами, открывающимися во внутреннюю камеру для приношеній. Позади храма глубокій отвѣсный обрывъ, открывающій красивый видъ на расположенное непосредственно внизу рисовое поле и дальнюю древесную растительность. Во дворѣ храма двѣ открытыхъ деревянныхъ сторожки съ навѣсомъ. Все это разукрашено прекрасной рѣзьбой и позолотой, хотя, повидимому, и недавней работы, но съ полнымъ сохраненіемъ древняго стиля. Въ одномъ концѣ cadaго изъ этихъ навѣсовъ помѣщается по парѣ картинъ на деревянныхъ доскахъ, писанныхъ водяными красками, мифологическаго содержанія. Весь храмъ прекрасно сохранился и содержится въ чистотѣ. Ближе къ городу находится другой храмъ меньшаго размѣра.

У окраины города обращаютъ на себя вниманіе великолѣпные рисовыя поля съ такимъ роскошнымъ рисомъ (онъ былъ уже довольно зрѣлый), какаго мнѣ еще никогда не приходилось видѣть. Не хуже и поля сахарнаго тростника.

Возвращаясь въ городъ, мы наняли садо и проѣхали на немъ по другому приморскому шоссе на востокъ отъ города до другого большого храма, совершенно того же характера, что и видѣнные нами раньше. Ёхать въ одномъ направленіи приходится не менѣе получаса среди рисовыхъ полей и кампонговъ. При проѣздѣ этой дорогой черезъ городъ обращаютъ на себя вниманіе стоящіе на зеленомъ откосѣ ряды большихъ сѣрыхъ ка-

менныхъ фигуръ, изображающихъ собою, повидимому, лица изъ Wajang'a, — малайскаго народнаго театра. Вотъ, подумалъ я, прообразы этихъ необыкновенныхъ стильныхъ фигуръ, передающіеся отъ поколѣнія къ поколѣнію черезъ ряды вѣковъ!

Городъ и дороги внѣ его оживлены множествомъ пестро одѣтыхъ туземцевъ обоего пола. Народъ рослый, красивый, съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи. Прекрасная половина въ особенности заслуживаетъ это названіе. Верхняя половина тѣла у большинства женщинъ совершенно открыта и даетъ возможность видѣть нерѣдко сильное и даже красивое развитіе формъ. Впрочемъ, болѣе молодыя и, пожалуй, какъ разъ наиболѣе красиво сложенные женщины при приближеніи европейца стыдливо закрываются платкомъ.

Откровенность костюма женщинъ даетъ мнѣ возможность обратиться на короткое время и къ спеціальной области антропологии. У многихъ молодыхъ женщинъ сосокъ имѣетъ необыкновенную форму: онъ торчитъ въ видѣ довольно длинной (я думаю — около дюйма) и толстой темно пигментированной колбаски. Околососковое поле также сильно пигментировано. Несравненно интереснѣе характеръ атрофіи грудей, какой я наблюдалъ у нѣкоторыхъ старухъ. Онъ чрезвычайно поразилъ меня, тѣмъ болѣе, что мнѣ неизвѣстно ничего подобнаго изъ доступной мнѣ литературы¹⁾. Плоссъ также ничего не говоритъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что у нѣкоторыхъ (не у всѣхъ!) старухъ, помимо удивительно полнаго рассасыванія железистой ткани, и кожа, заключавшая железу, расправляется настолько полно, что въ ко-

¹⁾ На одну особенность грудей балийскихъ женщинъ, на которую я не обратилъ вниманія, указывается въ книгѣ Г. Пlossа (Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Пер. съ нѣм., Спб. 1898, т. I, стр. 191), именно:

«Jacobs подробно описываетъ грудь женщинъ Бали:

Больше чѣмъ у половины женщинъ племени бали грудь отличается слѣдующей особенностью: начиная отъ соска и приблизительно на палецъ дальше края околососковаго кружка, образуется возвышеніе, особенно замѣтное у женщинъ, кормящихъ грудью. Есть ли такое странное возвышеніе результатъ сильнаго расширенія sinus lactei у этой расы, или оно получается отъ усиленнаго жирового отложенія въ этомъ мѣстѣ, — я не берусь рѣшать. Первое предположеніе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ эта особенность очень замѣтна у женщинъ во время кормленія, даже у худощавыхъ; но противъ него говоритъ то обстоятельство, что у дѣвушекъ, грудь которыхъ только еще начинаетъ развиваться, иногда также наблюдается это странное возвышеніе.

нечномъ результатѣ груди исчезаютъ безслѣдно, и сохраняется одинъ сосокъ. Получается грудная доска совершенно мужского вида или возвратъ къ состоянію дѣтства. Я наблюдалъ и переходныя стадіи этого процесса. Въ явленіи расправленія кожи грудей нужно, я думаю, видѣть выраженіе необыкновенной расовой жизненности тканей.

И на этотъ разъ въ Булуленгѣ на нашъ пароходъ погрузили цѣлое стадо мѣстнаго бураго рогатаго скота.

Часовъ въ десять утра мы покинули Булеленгъ и, выйдя изъ бухты, направились на западъ, идя все время на близкомъ разстояніи отъ берега. Бали очень гористъ, при чемъ часть хребта, видимая съ парохода, отличается большей разсѣченностью. Тѣмъ не менѣе лѣсныхъ участковъ, за исключеніемъ большихъ высотъ, виднѣется мало. Расчищенная поверхность занята, повидимому, главнымъ образомъ пастбищами.

Бали вулканическій островъ съ нѣсколькими вулканами. По словамъ одного пассажира, прибывшаго на пароходъ изъ глубины острова, наканунѣ нашего прибытія изъ одного изъ вулкановъ было изверженіе, погубившее будто бы до 700 человѣкъ.

Изъ Булеленга мы направились къ Ванѳоувангѣ, городку, лежащему на восточномъ берегу Явы въ узкомъ проливѣ, отдѣляющемъ ее отъ Бали, нѣсколько южнѣе самой западной оконечности Бали. Попутно замѣчу, что западный конецъ Бали почти весь очень лѣсистъ. То же самое касается и сѣверо-восточнаго конца Явы, низменные же окрестности Баньюванги покрыты на громадномъ протяженіи кокосовыми плантаціями. До сихъ поръ было безвѣтрено, и море было совершенно спокойно, но когда мы вошли въ глубину пролива, то муссонъ, дувшій, очевидно, по ту сторону островной цѣпи съ значительной силой, проникъ въ узкую часть пролива и сильно взволновалъ море. Самъ Баньюванги защищенъ, впрочемъ, юго-восточнымъ мысомъ (м. Слоко) Явы, и у него было тихо. Мы простояли у Баньюванги очень недолго, выгрузивъ (при посредствѣ пояса и паровой лебедки) нѣсколько лошадей и значительное количество буйволовъ съ Сумбавы. Послѣднихъ собственно даже не выгружали, а прямо сталкивали съ борта прямо въ море и при томъ со значительной-таки высоты. Сталкиваніе давалось съ большимъ трудомъ, такъ какъ буйволы естественнымъ образомъ очень сопротивлялись такому безцеремонному эксперименту. Буйволъ падалъ головой внизъ и погружался съ бурнымъ плескомъ глубоко въ воду, но

черезъ нѣсколько секундъ онъ преблагополучнѣйшимъ образомъ всплывалъ на поверхность и, будучи отъ природы прекраснымъ пловцомъ (и вообще любителемъ воды), самъ направлялся къ находившемуся на довольно значительномъ разстояніи берегу. У борта парохода находилось нѣсколько маленькихъ лодокъ, предназначенныхъ спеціально для переправы буйволовъ. Одинъ изъ лодочниковъ схватывалъ веревку, продѣтую черезъ носовую перегородку буйвола ¹⁾, и, слѣдуя рядомъ съ буйволомъ къ берегу, руководилъ его направлениемъ.

Хотя въ Баньюванги мы и избавились отъ цѣлаго стада буйволовъ, которые помѣщались не только на палубѣ, но и въ трюмѣ, тѣмъ не менѣе на пароходѣ оставалось еще стадо бургаского скота и цѣлая партія свиней, уложенныхъ въ тѣсныя плетенки, которыя, въ свою очередь, сложены были на передней палубѣ одна на другую, какъ дрова. Нетрудно себѣ представить каковъ долженъ былъ быть воздухъ при такихъ условіяхъ на пароходѣ, да еще въ тропикахъ! Время отъ времени свиней, въ виду долгаго переѣзда, кормили и поили, но при переѣздахъ, не превышающихъ примѣрно трехъ дней, это, какъ извѣстно, не дѣлается. Послѣ такого поста свинья совершенно теряетъ аппетитъ и не хочетъ ѣсть предлагаемую пищу. Въ такихъ случаяхъ для возбужденія аппетита нужны искусственныя мѣры. Въ малайскихъ странахъ для этой цѣли смазываютъ свинѣ языкъ каяпутовымъ масломъ. Помнится, нѣчто подобное практикуется и у насъ въ Малороссіи.

Кромѣ Сурабайи, мы останавливались еще у яванскихъ портовъ Самарангъ, Пекалонганъ, Тегаль и Шерибонъ. Кромѣ Сурабайи, остановки были очень непродолжительны, и я не съѣзжалъ на берегъ. Рѣшительно ничего сказать объ этихъ портахъ я не могу, такъ какъ съ парохода они не представляютъ ничего интереснаго.

Если не ошибаюсь, въ Пріокъ я прибылъ 11 апрѣля по нашему стилю и въ тотъ же день переѣхалъ въ Бейтензоргъ. Далекое путешествіе было закончено, и, подѣзжая къ Бейтензоргу, я испытывалъ такое чувство, точно я возвращаюсь домой. Знакомыя улицы и видъ Ботаническаго сада возбуждали во мнѣ радостное чувство. Въ тотъ же день вечеромъ я сдѣлалъ визитъ

¹⁾ Тѣмъ же способомъ привязываютъ на всемъ архипелагѣ и бурый рогатый скотъ.

симпатичному Фаберу и рассказывалъ ему и его женѣ о видѣнномъ и пережитомъ. Уютная семейная обстановка и окружающая культура дѣйствовали умиротворяюще. На слѣдующій день я видѣлся съ Конингсбергеромъ и другими представителями научныхъ учрежденій сада и сотоварищами по занятіямъ въ лабораторіи. Слѣдовали рассказы, разспросы и опять рассказы, пока все не вошло въ норму.

Въ Бейтензоргѣ я засталъ кучу писемъ изъ дому и пачки «Кіевлянина». Управляющій гостиницей все время ничего не высылалъ мнѣ, потому что забылъ о данныхъ ему на этотъ счетъ инструкціяхъ!

Предо мною всталъ вопросъ о томъ, какъ же быть дальше? Раньше я предполагалъ, по возвращеніи на Яву, отправиться еще на Суматру и выѣхать обратно осенью, ко времени ослабленія юго-западнаго муссона, но изъ писемъ изъ дому я видѣлъ, что обстоятельства требуютъ моего болѣе скорого возвращенія. Переплыть Индійскій океанъ лѣтомъ въ разгаръ муссона я также не хотѣлъ: это не представляло ничего пріятнаго. Отъ агента Добровольнаго Флота въ Сингапурѣ я получилъ письмо, извѣщающее о томъ, что пароходъ въ направленіи на Одессу долженъ быть скоро. Я рѣшилъ отправиться домой. Времени оставалось немного, и пришлось спѣшить съ окончательной укладкой вещей. Работы предстояло немало.

Въ Бейтензоргѣ мнѣ предстояла еще развязка эпизода съ Аматомъ. Начало этой исторіи относится еще къ пребыванію на Ару, но я умышленно не упоминалъ объ этомъ въ свое время, чтобы изложить всю исторію сразу отъ начала до конца. Она очень характерна. Началось съ того, что Аматы сталъ мнѣ доказывать, что онъ не получилъ жалованья за одинъ мѣсяць, и никакія мои разъясненія и убѣжденія не помогали. Наконецъ, онъ сталъ лѣниться и грубить мнѣ самымъ непозволительнымъ образомъ, отказываясь отъ исполненія назначаемыхъ ему работъ,—черта даже совсѣмъ не малайская, такъ какъ истый малаецъ по природѣ сдержанъ. Мою мягкость въ обращеніи съ нимъ онъ понималъ какъ слабость. Въ отвѣтъ на такую тактику я поступилъ рѣшительно, благо представился благопріятный случай. Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ прибыть пароходъ, идущій прямымъ рейсомъ изъ Австраліи на Яву, и я объявилъ Амату расчетъ и отъѣздъ домой, конечно, на мой счетъ. Сначала Аматы обнаружилъ равнодушіе, но въ самомъ скоромъ вре-

мени наступила реакція: онъ понялъ, что при такихъ обстоятельствахъ ему не найти другого мѣста при посредствѣ лабораторіи, и черезъ слугъ Мюллера онъ сталъ просить о прощеніи. Посовѣтовавшись съ Мюллеромъ, я простилъ его. Урокъ, казалось мнѣ, былъ хорошій, между тѣмъ Аматъ былъ слуга умѣлый и подходящій для меня. Конечно, и недоразумѣніе относительно неполученія всего жалованья сразу исчезло. Все пошло гладко до самого Бейтензорга, гдѣ произошелъ заключительный эпизодъ. Уѣзжая, я оставилъ г. Фаберу часть жалованья Амата для выдачи его супругѣ, и какъ разъ передъ самымъ моимъ пріѣздомъ Фаберъ выдалъ ей послѣднюю часть денегъ. Аматъ заявилъ мнѣ, что жена его получила только половину денегъ. Что было дѣлать? У меня закралось подозрѣніе, не взяла ли жена деньги въ свою пользу, надувши мужа. Я уплатилъ ему деньги вторично и прогналъ.

Въ прошлую свою поѣздку на Яву я не сталкивался съ туземцами непосредственно и смотрѣлъ на нихъ въ розовомъ свѣтѣ, какъ большинство пріѣзжихъ, между тѣмъ мѣстные жители говорятъ иное. Много я бесѣдовалъ по этому поводу съ обоими Фаберами. Они оба отзываются о малайцахъ, какъ о людяхъ чрезвычайно недобросовѣстныхъ, лукавыхъ и непривязчивыхъ. Найти сноснаго слугу чрезвычайно трудно. Въ этомъ отношеніи мнѣ стало извѣстнымъ и много другихъ примѣровъ, частью и изъ собственнаго опыта. Помимо того, въ послѣднее время распространяется вообще враждебное отношеніе къ европейцамъ, при чемъ большую роль въ этомъ случаѣ, повидимому, играетъ быстро разрастающееся на Явѣ общество «Sarekat Islam». Оно прикрывается образовательными и культурными цѣлями, въ дѣйствительности же это политическое панисламистское общество. Въ настоящее время колониальное правительство смотритъ на дѣятельность «Sarekat Islam» сквозь пальцы, между тѣмъ, тогда какъ въ настоящее время рѣшительными мѣрами можно было бы справиться съ панисламистскимъ движеніемъ безъ особаго труда, въ будущемъ это можетъ оказаться поздно. Такъ смотрятъ люди, не безъ тревоги думающіе о будущемъ. Да и на кого могли бы опереться голландцы при обостреніи отношеній? Вѣдь колониальная армія въ лицѣ солдатъ по преимуществу малайская!

Переѣздъ до Сингапура я совершилъ на большомъ роскошномъ пароходѣ Paketvaart'a — «Rumphius», новой постройки, по преимуществу пассажирскомъ. Отдѣланъ онъ съ большой рос-

кошью. Въ помѣщеніи, въ которомъ расположена лѣстница, ведущая въ обѣденный залъ, помѣщается портретъ Румфіуса и стилизованныя картины объектовъ природы, имѣющія отношеніе къ его изслѣдованіямъ.

Въ Сингапурѣ меня ждало разочарованіе. Оказалось, что вслѣдствіе какой-то порчи въ машинѣ очередного парохода Добровольнаго Флота въ направленіи на Одессу не будетъ, и ближайшій пароходъ будетъ не раньше, какъ недѣли черезъ три, между тѣмъ пароходъ на Владивостокъ долженъ быть на слѣдующій день. Ждать парохода на Одессу не приходилось, несмотря на то, что я могъ бы съ успѣхомъ воспользоваться свободнымъ временемъ для поѣздки на Малакку, что было бы очень удобно по желѣзной дорогѣ. Уже и безъ того начинался юго-западный муссонъ. Надо было спѣшить съ отъѣздомъ, и я рѣшилъ отправиться черезъ Владивостокъ и далѣе черезъ Сибирь.

Пароходъ, на которомъ мнѣ предстояло совершить переѣздъ до Владивостока, назывался «Кишиневъ». Онъ пришелъ, дѣйствительно, на слѣдующій день, но вечеромъ, и переѣздъ мой на него изъ гостиницы (Hôtel Adelphi, — недорогая) совершился съ большою поспѣшностью, такъ какъ предполагалось, что мы отойдемъ на разсвѣтъ. Но, какъ это обыкновенно бываетъ, мы отошли лишь послѣ полудня.

Пароходъ «Кишиневъ» всего около 3.000 тоннъ, короткій, но коренастый. Въ отношеніи качки, въ особенности боковой, онъ оказался очень устойчивымъ, но столъ, каюты и все остальное оказалось совсѣмъ не то, что на «Владимірѣ». Между прочимъ, въ каютахъ несмѣтное множество таракановъ, противъ которыхъ не принимается никакихъ мѣръ. У меня тараканы обгрызли ночью во время сна во многихъ мѣстахъ эпидерму на ногахъ. Отъ этого, вѣроятно, благодаря инфекціи, на обгрызенныхъ мѣстахъ образовались сильно пигментированныя пятна, которыя остаются въ неизмѣненномъ видѣ и по настоящее время. Пароходъ совершаетъ рейсы обыкновенно только между сѣверными портами, и настоящій его рейсъ изъ Одессы оказался случайнымъ: онъ возвращался изъ Англіи. Пассажировъ перваго класса было опять только двое: я и симпатичный лейтенантъ Ловенецкій, направлявшійся на мѣсто службы въ Хабаровскъ.

Май — начало тайфуновъ въ сѣверо-восточныхъ моряхъ. Мы должны были быть въ нихъ какъ разъ въ началѣ мая, и я не скрою, что я былъ въ тревогѣ. Воспоминаніе о циклонѣ въ

Индійскомъ океанѣ, который захватилъ насъ только своимъ краемъ, было еще свѣжо въ моей памяти.

Уже по отходѣ отъ Сингапура погода стала на видъ вскорѣ очень подозрительной, хотя барометръ держался все время хорошо, и фактически погода не становилась угрожающей. Значительную часть перехода все-таки качало и качало очень основательно. До Формозы воздухъ былъ чрезвычайно душнымъ, послѣ же Формозы жара стала постепенно спадать, и за Нагасаками, единственной нашей остановкой на всемъ переходѣ, стало даже холодно.

Въ Нагасакахъ мы простояли около сутокъ. Входъ въ бухту чрезвычайно красивъ и оригиналенъ, но все это, равно какъ и самый городъ, уже много разъ описывалось. Въ Нагасакахъ мы получили очень непріятное извѣстіе, именно, что у восточной оконечности Шантунга свирѣпствуетъ тайфунъ, который со скоростью 15 миль въ часъ направляется прямо на востокъ, поперекъ предстоящему намъ пути. Я рассчитывалъ положеніе центра тайфуна ко времени перехода нами этой линіи, и выходило, что намъ не избѣжать его. Тревога моя увеличивалась, и я очень сожалѣлъ, что не перешелъ въ Нагасакахъ на быстроходный «Орелъ», дѣлающій 15 миль въ часъ, который мы застали въ Нагасакахъ и который отправился во Владивостокъ часомъ раньше насъ, но все это я узналъ слишкомъ поздно. «Орелъ» совершаетъ рейсы между Шанхаемъ и Владивостокомъ. Приходъ его во Владивостокъ приноровленъ къ отходу экспресса, и послѣдній, въ случаѣ опозданія «Орла», ждетъ его съ отходомъ до 12 часовъ. Въ отношеніи тайфуна все обошлось, впрочемъ, благополучно. Что стало съ тайфуномъ,—измѣнилъ ли онъ направленіе, что вполнѣ возможно, не успѣлъ настигнуть насъ, или разсыпался о высокія горы Кореи,—осталось для насъ неизвѣстнымъ.

Послѣ Цусимы западный горизонтъ сталъ очень подозрительнымъ, и нѣсколько утѣшало только то, что барометръ стоялъ все безъ рѣзкихъ колебаній. На слѣдующій день утромъ, при ясномъ небѣ надъ нами, на сѣверѣ вдругъ обозначилась рѣзкая граница черныхъ мрачныхъ тучъ, сплошь заволакивавшихъ небо свинцовой пеленой. Медленно, но неуклонно мрачная масса надвигалась на насъ. Старшій офицеръ, нѣмецъ, все предрекалъ: «Diesen Sturm werden wir gewiss bekommen», но слова его все-таки оправдались лишь только въ томъ смыслѣ, что постепенно все небо заволокло мрачными тучами. Картина кругомъ была,

дѣйствительно, очень непривѣтливая, даже грозная. Великая стихія точно говорила, что теперь всѣ шутки въ сторону и будетъ то, что должно быть. Рѣзкій влажный и холодный вѣтеръ съ сѣверо-востока гналъ громадныя валы, съ яростью окатывавшіе стойкіе борты парохода. Гребень быстро пролеталъ вдоль борта, и за нимъ съ такой же стремительностью слѣдовала глубокая пропасть. Такъ шли томительныя дни за днями съ колебаніями въ ту и другую сторону, и непогода сильно задерживала нашъ и безъ того слабый ходъ. Но все обошлось благополучно, и погода даже значительно улучшилась.

За два дня до прибытія во Владивостокъ небо стало даже почти совсѣмъ яснымъ. Направленіе вѣтра колебалось. Между прочимъ, мнѣ пришлось наблюдать слѣдующую курьезную картину, указывающую нагляднымъ образомъ, насколько въ различныхъ частяхъ площади, охватываемой горизонтомъ, направленіе вѣтра было различнымъ. Дымъ отъ трубы парохода относилосначала прямо на западъ, почти до самаго горизонта. Тамъ полоса дыма раздваивалась. Одна половина ея направлялась прямо на югъ, а другая половина на сѣверъ, поворачивала направо и переходила на значительномъ разстояніи впереди парохода на противоположную восточную сторону горизонта и оттуда направлялась опять на югъ.

Примѣрно за сутки до Владивостока появились туманы, — явленіе обычное въ это время года. Пароходъ, по обыкновенію, давалъ частые предупредительныя свистки. Опасались, что туманъ застигнетъ насъ и у самаго Владивостока и представитъ затрудненіе для входа въ бухту, но этого не случилось. Туманъ разсѣялся какъ разъ въ-время, и мы вошли безъ всякихъ затрудненій. Какъ и сами сѣверныя моря, такъ и природа въ окрестностяхъ Владивостока производитъ грозное, мощное впечатлѣніе.

Не буду описывать своихъ первыхъ впечатлѣній, скажу только, что членъ таможи, явившійся на пароходъ, отнесся ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ, что можно было даже забыть, что я прибылъ въ Россію. Но это касалось только ручного багажа. Въ отношеніи моихъ ящиковъ управляющій таможней не сдѣлалъ мнѣ никакихъ снисхожденій, и ихъ пришлось отправить въ Кіевъ транзитомъ. Необыкновенно сложныя формальности (тутъ уже все пошло по-русски) отняли у меня не менѣе пяти дней. Въ промежутки между этими хлопотами я осматривалъ городъ и собиралъ муравьевъ въ его окрестностяхъ. Климатъ Владивостока

извѣстенъ. Выйдешь въ ясную, теплую погоду, — вдругъ, чуть не въ нѣсколько минутъ, вѣтеръ переѣнится, подуетъ рѣзкимъ холодомъ, подыметъ пыль и нанесетъ туману. Самый городъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Имѣется много солидно построенныхъ каменныхъ зданій, но не чувствуется уюта, мирной жизни. На каждомъ шагу наблюдается необузданный разгулъ; всюду масса пьяныхъ, даже извозчика трудно найти не пьянаго. Въ фаэтонахъ разъѣзжаютъ разряженные куртизанки, которыхъ видишь также во множествѣ на балконахъ модныхъ ресторановъ. Прислуга почти всюду китайская и японская. Русскихъ держать совершенно невозможно.

Выѣхалъ я такъ называемымъ казеннымъ экспрессомъ на Москву. Послѣдній меня совсѣмъ разочаровалъ. Вагоны старые, потрепанные, со щелями въ окнахъ, въ которыя наноситъ невѣроятное количество пыли. Вагонъ-ресторанъ тоже оставляетъ желать многого. Несмотря на множество ѣдущихъ иностранцевъ, въ особенности англичанъ, прислуга почти совершенно не въ состояніи объясниться съ ними, путая всѣ языки. Вагоны отъ Иркутска оказались еще хуже, въ особенности вагонъ-ресторанъ. Путь уложенъ очень плохо, и вагоны до того болтаются, что кажется—поѣздъ вотъ-вотъ сойдетъ съ рельсовъ.

Картины природы мѣстами красивы, но довольно однообразны. Тяжелое впечатлѣніе производятъ постоянно всюду по пути горящіе лѣса. На ближайшемъ разстояніи отъ линіи желѣзной дороги почти все выжжено, и большей частью стоятъ черные обгорѣлые стволы. Больше всего мнѣ понравились лѣса Уфимской губерніи съ множествомъ превосходныхъ елей. Здѣсь лѣсныхъ пожаровъ я не видѣлъ.

На границѣ Манчжуріи, какъ извѣстно, опять новая таможня, на которой мнѣ пришлось заплатить за свое складное ротанговое кресло-постель почти столько же, за сколько я купилъ его.

Черезъ 8 сутокъ и 17 часовъ, считая отъ Владивостока, я былъ въ Москвѣ, а оттуда до Кіева около полутора сутокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Краткій малайскій словарь.

Изъ извѣстныхъ мнѣ руководствъ ни одно не даетъ тѣхъ именно словъ испорченнаго малайскаго языка, на которомъ объясняются на Явѣ. Ниже я дѣлаю такую попытку, но оговариваюсь, что въ моемъ списокѣ нѣтъ, съ одной стороны, многихъ словъ настолько элементарныхъ, которыя заинтересованный найдетъ во всякомъ руководствѣ, а съ другой стороны—нѣтъ многихъ нужныхъ словъ, почерпнуть которыя изъ разговорнаго языка мнѣ не представилось случая. Конечно, при большемъ стараніи я могъ бы восполнить на мѣстѣ многіе пробѣлы, но для этого у меня не было достаточно досуга.

Я сдѣлаю нѣсколько предварительныхъ частныхъ замѣчаній. Въ руководствахъ обыкновенно указывается, что множественное число образуется посредствомъ удвоенія слова (существительнаго), напр., *rumah* — домъ, дома—*rumah-rumah*, также—городъ. На Явѣ къ удвоенію слова прибѣгаютъ чрезвычайно рѣдко. Большой частью и во множественномъ числѣ существительное ставится такъ же, какъ и въ единственномъ. Понимаютъ по смыслу. Городъ обозначается не *rumah-rumah*, а—*negri*.

Kati—множественное число второго лица личнаго мѣстоимѣнія («вы») на Явѣ, повидимому, не употребляется. Когда я обращался къ нѣсколькимъ лицамъ—*kati*, то меня не понимали.

Tj — произносится какъ «тѣй» (тѣ), только въ словѣ *tjakar* (говорить)—«чакап». Звукъ *n* (эн) передъ согласной почти всегда произносится въ носъ, прикасая языкъ къ нёбу.

Близко—*dekát, tida djáuh*

бѣлье—*kain*

больше—*lebíh*

» грязное—*káin kótor*

бояться—*tákut*

варить—*másuk*

братъ, сестра—*sudára*

вверху—*di-átas, átas*

булавка—*djárum pántur*

вечеромъ—*sóre-sóre*

быть, въ смыслѣ я есмь—*djádi*

вечеръ—*sóre*

» въ смыслѣ—у меня есть—

взлазить (на дерево)—*pándjat*

ada

внизу—*báwah, di-báwah*

внимание—ingat	жарко, тепло—panas
внутри—dalam, di-dalam	женщина, самка—prampruan
возрасть—umur	животное—binatan
время—lama, tempo	жилище—tempat kadudukan, tempat duduk, также просто—tempat
всегда—selaman, въ Сингапурѣ—selamnja	завязывать, также—обвязывать (напр., ящикъ)—ikat
вспоминать—ingat pula	зажигать—pasang
вилка—garfu	» лампу—pasang lampu
вылить, выбросить—buang	производить выстрѣлъ, стрѣлять—pasang, snarang — запрячь лошадь—pasang kuda
высушить—sapu	заказать—pesan
вытереть—sikat	заливъ—telok
вѣтеръ—angin	земля—bumi
гдѣ?—mana, di-mana	» (страна)—tanah
говорить—tjaka	злой—marah
годъ—tahun	зонтикъ—payong
городъ—negeri	иголка—jarum mendjahit
готовъ (напр., костюмъ у портного)—habis	или—atau
» (напр., обѣдъ)—klakar (съ голландскаго)	иногда—sa-kali-kali
гулять—melantjong	искать—tjahari
да—ja, конечно—ia	какъ—bagimana
давать—kasih	кальсоны—tjelana dalam, tjelana dibawa
далеко—djau(h)	картофель—kentang
деревня—kampong	кипятокъ—ajer bididi, ajer panas
дерево (какъ растение)—pohon	класть—taroh
» (какъ материалъ)—kaju	когда—kapan, на Явѣ не различаютъ kapan (нем. wenn) и bila (нем. wann)
дешево—murah	кожа—kulit
дитя—anak	сдирать кожу, также—kulit
длинный—panjang	копать, лопатка—goli
днемъ—hari-hari	кора—kulit
дождь—hujan	корзинка—krandjang
» прошелъ, окончился—hujan habis	корень—akar
дорого—mahal	
думать—pikir, kira	
дѣвочка—anak prampruan	
дѣлать—biken	
если—kalu	
еще не—belum	

красный—*méroh*
 куда?—*ka-mana, mana*
 курица—*ájam*

Во-первыхъ, въ руковод-
 ствахъ пишутъ всегда *ajon*,
 а не *ajam*, какъ говорятъ
 на Явѣ. Далѣе, въ руковод-
 ствахъ обыкновенно ука-
 зываются что *djontan* зна-
 чить самецъ и *betina* самка
 и такимъ образомъ *ajon*
djontan — пѣтухъ, а *ajon*
betina—курица. На Явѣ го-
 ворятъ просто *ajam*, по-
 нимаю подъ этимъ обы-
 кновенно курицу. Самецъ
 всегда обозначается какъ
laki (мужчина) и самка—
prompion (женщина).

крыло—*sájor*
 лампа—*lampu*
 листъ—*dau*
 лицо—*muka*
 ложка—*séndok*
 ложечка чайная—*sendoh ketil*
 ломкій, ломать—*pitjoh*
 лѣкарство—*obat*
 лѣстница—*tangga*
 мало—*sadikit*
 мальчикъ—*anak laki*
 масло (коровье) *mantéga*
 медленно—*plán-plán*
 много—*bánjak*
 можетъ быть—*brongkali*
 молодой—*muda*
 мужчина, самецъ—*laki*
 мясо—*daging*
 мыть—*tjuti*
 мѣлъ, бѣлить—*kapur*
 мѣшокъ—*kéndong*

навѣрное—*tántu*
 наружу, снаружи—*kaluar*
 не (отрицание)—*tidak*
 не (повелит.)—*djangan*
 нести—*pikul*
 недѣля—*méngo*
 воскресенье—*hari méngo*
 никогда—*tida-sa-kali*
 ничего—*tida apa-apa*
 но—*tapi*
 нога—*kaki*
 ножъ—*pisau*
 ножницы—*qunting*
 ночь—*mólam*
 ночью—*molam-molam*
 нужно—*rákeh, usah*
 обвертывать, завертывать—*bun-*
gus
 одежда, костюмъ—*pakéan*
 оставаться—*tinggal*
 откуда—*déri-mána*
 отсюда—*deri-sini*
 очень—*sekali*
 пароходъ—*kapal*
 пила—*gergadjí*
 пинцетъ—*tjipit*
 плохой—*djahat*
 подъ—*ka-bawah*
 покрывать—*tutup*
 покупать—*bli*
 полагать—*kirá, pikir*
 полдень—*téngoh hari, tengári*
 полуумный—*dila*
 понимать, понимать языкъ (го-
 ворить)—*bisa*
 портить—*rusakkan, rusak*
 послѣзавтра—*lusa*
 потерять—*hilang*
 потомъ—*lantas, nanti*
 почему?—*kenapa*

правильный, честный—betúl	слѣдовать—turut
прежде—dúlu	снаружи—di-luár
приказывать—luruh	снова—púla
пробовать—tjobah	собирать—kúmpul
продавать—djúal	сохранять—símpan
происшествіе—porakára	спереди—di-múka
просить—mínta	справа—di-kánan, kánan
прошу позволенія — minta per-	спрашивать—tanja
missi	ставня—pàpan djaudéla
птица—búrung	старый—túah
пуговица—kantjing	сушить—sápu
работа—krédja, kerdja	сюда—ka-sini
разговоръ, разговаривать — bit-	сѣно—rúmput kring
jara	счетъ—rékening
разсвѣтъ—síang	такъ—bagíni, bagítu
разсказъ—kábar	тамъ—di-sóna
разъ—kali	тарелка—píring
растение—tanámon	твердый, крѣпкій—krás
ружье—snórang	теперь—sekárang
рисъ—въ шелухѣ—pádi	только—sahádja
» очищенный—brós	травя—rúmput
» вареный—nási	тряпка—kain sikat
» » на молокѣ (ка-	тяжелый—brat
ша)—búbur	уже—súdoh
рѣдко—djarang	уйти, удрать, улетѣть—lagi
рѣпа—sunge, koli	утромъ—pági-pagi
садъ—támon, kebón	холодный, холодно—díngrin
сачокъ (для ловли насѣко-	хорошая погода—komàran
мыхъ)—lámbir	часто—bánjok káli
сахаръ кусковой—gúla	часъ—djám
сахарный песокъ—gúla pásir	который часъ?—pukul bropa?
свѣтъ—gláp	чистый—brísih
свѣча—lilin	чтобы—buat
сейчасъ, скоро—lokás	шить—mendjahit
сзади—di-blákong	шляпа—topi
сказать—bílong	штаны—tjilana
слишкомъ—terlalu	шнурокъ—táli-rámi
служить—djága	ядовитый—úpas
слышать—déngar	языкъ (Sprache)—bahása
слѣва—di-kíri, kíri	ящикъ—petí

наземная планарія (Bipalium)—	Platydactylus guttatus—сунд. toké
сунд. wrájong	Calotes jubatus—сунд. lándok
дождевой червь—сунд. tjatjing	Draco volans—сунд. chap-chap
kolung	Tachydromus lestineatus—сунд.
крупная сколопендра (Scolo-	orong-orong
pendra de-Haahni) сунд. baba-	Viaranus salvator—сунд. bijúwak
kaur	Mabuia multifosciata—сунд. ka-
крупная Diplopoda—сунд. titing-	dál
gi, мал. luwé	Trionyx phayrii—сунд. kuja, мал.
Tilyphonus—сунд. kalatjengking	kura-kura
Scorpio indicus—сунд. langír	змѣя—сунд. ular, мал. ular
Mygale javanensis—сунд. lantjah	Bungarus semifosciatus—сунд.
matjan	ular beláng
Cyphocrania (фазмида)—сунд.	Python molurus, P. reticulatus—
tjiang-tjiang djambu	сунд. ular-sawoh
бабочка—сунд. кuru-кuru, мал.	Typhlops braminus—сунд. ular-
кuru-кuru	duwel
богомоль (насѣкомое)—сунд.	Dendrophis pictus—сунд. ular
tjiang-tjiang	bungka
Onomarchos leuconotus (громад-	птица—сунд. burung, мал. bu-
ный зеленый кузнечикъ)—	rung, manó
сунд. simentsiloar	летучая мышь—сунд. lalu, мал.
термиты крылатые—сунд. sira-	kamprét
ru, мал. laron	Manis javanica—сунд. trenggi-
термиты рабочие и солдаты—	ling
сунд. rinjuh, мал. rájar	пьявка наземная—patjít
крупная цикада—сунд. tongge-	попугай—burung nuri
ret	обезьяна—monjít
аллигаторъ—buaja	муха—lálát
Hemidactylus marginotus, hemida-	муравей—semút
ctylus frenatus—сунд. tji-tjok	комаръ—nlámuk
Ptychozoon homalocephalum—	гусеница—ular bulu
сунд. ular-pepetek	

Къ вопросу о болѣе дробныхъ зоогеографическихъ подраздѣленіяхъ палеарктическихъ частей Британской Индіи на основаніи распространенія и группировки *Lepidoptera Rhopalocera* (дневныхъ бабочекъ).

(Читано въ засѣданіи Біогеографической Комиссіи И. Р. Г. О.).

А. Н. Авиновъ.

Изслѣдованіе животнаго и растительнаго міра нашихъ азіатскихъ владѣній въ настоящее время настолько уже подвинулось впередъ, что есть возможность достаточно прочно намѣтить основныя біогеографическія особенности отдѣльныхъ составныхъ частей Азіатской Россіи. Совокупность данныхъ по распространенію животныхъ и растений позволяетъ установить границы болѣе дробныхъ естественно-историческихъ провинцій, прослѣдить степень ихъ взаимнаго отношенія. Вся территория нашихъ азіатскихъ владѣній, за исключеніемъ дальне-восточной окраины, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ палеарктической области. Лишь Приамурскій край слѣдовало бы выключить изъ предѣловъ настоящей палеарктики, при условіи пониманія ея въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ, въ силу очень замѣтной и характерной для этого края примѣси представителей субтропическаго міра.

Между тѣмъ, познанія о нашей отечественной природѣ были бы далеко неполны, если бы при этомъ попутно не сопоставлялись данныя сопредѣльныхъ странъ. Такія изысканія и сопоставленія оказываются особенно полезными при выясненіи деталей біогеографической физіономіи такихъ своеобразныхъ странъ, какъ

нашъ Туркестанъ, гдѣ болѣе мелкія естественно-историческія провинціи переплетаются самымъ причудливымъ образомъ. Для того, чтобы разобратъся въ сложномъ, запутанномъ центрально-азіатскомъ горномъ узлѣ, необходимо прослѣдить особенности всѣхъ его отвѣтвленій, сохраняющихъ все тотъ же палеарктическій характеръ. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи природы Средней Азіи по необходимости намѣчается задача выясненія южныхъ границъ палеарктики. Изысканіе дебрей Центральной Азіи, — Монголіи, западнаго Китая, Тибета — прославившее со второй половины минувшаго вѣка столько именъ русскихъ изслѣдователей-путешественниковъ, явилось лишь логическимъ, неизбежнымъ этапомъ въ дѣлѣ добросовѣстнаго изученія флоры и фауны нашего отечества. Какъ ни героически были эти странствованія по выполненію, какъ ни блистательны оказались ихъ научные результаты, но слишкомъ еще много осталось впереди въ области изученія природы Центральной Азіи. Въ этомъ отношеніи эпическій періодъ изслѣдованій весь еще не миновалъ. Какъ ни грандіозны были иные маршруты, но все же совершенныя съ такими трудностями изысканія оставались научными «рекогносцировками». Правда, при этихъ развѣдкахъ были совершены поразительныя открытія, но будущимъ путешественникамъ въ заповѣдныя страны предстоитъ еще немало трудностей, усилий и испытаній прежде, чѣмъ наука овладѣетъ всѣми главными точками опоры для всестороннихъ біогеографическихъ сужденій объ этихъ областяхъ. Между тѣмъ, сравнительно легко доступная южная пограничная полоса Центральной Азіи въ Британской Индіи изслѣдована уже настолько, что добытыя данныя являются немаловажнымъ подспоріемъ для выясненія біогеографическихъ особенностей примыкающихъ частей палеарктики. Вотъ почему отечественные натуралисты должны считаться съ данными фауны и флоры сѣверной Индіи, куда заходятъ предѣльные южные форпосты палеарктической области.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ представлена сводка данныхъ по распредѣленію одной изъ хорошо изученныхъ группъ животнаго царства — *Rhopaloscega* — булавоусыхъ бабочекъ — въ палеарктическихъ частяхъ англо-индійскихъ владѣній (въ объемъ британскихъ владѣній здѣсь включены и native states). Материаломъ для этой статьи послужили литературныя данныя, содержащіяся въ трудахъ: F. Moore, Marchall, A. de Niceville, Felder, Bingham, Kollar, B. South, Evans, R. Verity, A. Seitz и др. Далѣе,

приняты были во вниманіе частью еще не опубликованныя коллекціонныя данныя Британскаго музея, Калькуттскаго музея, собранія Ротшильда въ Трингѣ, Ш. Обертюра въ Реннѣ и пр. Наконецъ, въ предлагаемую обработку были включены результаты сборовъ, произведенныхъ мною во время путешествія въ 1912 г. изъ Кашмира черезъ Ладакъ, Рупшу, Кара-Корумъ и Китайскій Туркестанъ въ Фергану. Эта поѣздка была предпринята мною совмѣстно съ д. чл. И. Р. Г. О.—А. Г. Якобсономъ и д. чл. И. Р. Г. О.—М. С. Мамаевымъ исключительно съ цѣлью собранія бабочекъ и дала для моей коллекціи очень поучительные матеріалы какъ въ смыслѣ новыхъ видовъ и формъ (около 20), такъ и въ отношеніи новыхъ мѣстонахожденій уже извѣстныхъ чешуекрылыхъ. Кромѣ того, удалось завязать сношенія съ мѣстными собирателями и заручиться матеріалами, проливающими новый свѣтъ на распространеніе туранскихъ и тибетскихъ типовъ по Читкалу, Кашмиру, Ладаку и Сиккиму.

Въ настоящей статьѣ не предположено дать исчерпывающаго списка по всѣмъ извѣстнымъ мѣстонахожденіямъ палеарктическихъ *Rhopalosега* Индіи. Предлагаемый очеркъ является лишь зоогеографическимъ этюдомъ, иллюстрирующимъ группировку палеарктическихъ элементовъ даннаго отдѣла чешуекрылыхъ въ затрагиваемой области. Такая сводка мнѣ представлялась не излишней по слѣдующимъ основаніямъ. Данныя по палеарктической фаунѣ *Rhopalosега* Индіи не были еще предметомъ самостоятельной обработки и разсѣяны въ сочиненіяхъ, трактующихъ либо объ палеарктикѣ въ цѣломъ, либо объ фаунѣ всей Индіи нераздѣльно отъ ея тропическаго міра. Но и въ этихъ сочиненіяхъ свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу зачастую оказываются неполными.

Такой капитальный трудъ, какъ *Lepidoptera Indica* Moore и его продолжателя Swinhoe сосредоточиваетъ главное вниманіе на тропической фаунѣ. Палеарктическія же формы приведены безъ всякаго критическаго сопоставленія съ родственными видами и расами внѣ британскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, главная часть индійской палеарктической заполнена формами, состоящими въ тѣсномъ сродствѣ съ средиземноморскими, туранскими и тибетскими видами, и отсутствіе сравнительнаго анализа часто обезцѣниваетъ значеніе приведенныхъ въ трудѣ данныхъ. Это игнорированіе общепалеарктическихъ матеріаловъ доходитъ у F. Moore'a до того, что онъ описываетъ, какъ новые виды,

самыхъ обыкновенныхъ европейскихъ бабочекъ. Такъ *Lysaena boton* Bergstr. была имъ описана дважды—сначала подъ именемъ *Polyommatus vicrama* (1865), затѣмъ какъ *Scolitantides cashmirensis* (1872). Извѣстный туркестано-персидскій видъ *Hypermnestra helios* Nick. вновь описанъ въ 1906 г. Moore'омъ изъ Белуджистана, какъ *Parnassius balucha*! *Colias fieldii*, стойкій и вполне самостоятельный видъ, сплошь и рядомъ отождествляется англійскими авторами то съ *C. edusa* (croceus), то съ *marmidone*, а *C. erate* съ *C. hyale*. Представленія, сложившіяся у иныхъ англійскихъ изслѣдователей тропическихъ насѣкомыхъ о различіяхъ генерацій «сухого» и «дождливаго» сезона, распространяются подчасъ и на высокогорныхъ палеарктовъ, летающихъ лишь въ одномъ поколѣніи въ теченіе короткаго альпійскаго лѣта. Такъ, Swinhoe, продолжаящій капитальный трудъ Moore'a—*Lepidoptera Indica*—усматриваетъ дождливый и сухой періодъ—«wet-season» и «dry-season»—въ котловинѣ Китайскаго Туркестана (стр. 31 т. VIII). Онъ относитъ *Lycalua yarkunensis* Moore и *L. cashgarensis* Moore къ генераціямъ: первую—дождливаго періода, вторую—сухого; между тѣмъ какъ эти бабочки даже вовсе не описаны, какъ морфы различныхъ поколѣній, а подчеркиваютъ лишь на самомъ дѣлѣ нѣкоторый диморфизмъ мѣстной расы *Lyc. icarus*. Swinhoe допускаетъ далѣе генераціи дождливаго и сухого періода для *Lyc. agiana* (стр. 27 VIII т.) въ Драсѣ 11.000, Леѣ 12.000, южномъ Тибетѣ 15.000, повидимому, вовсе не считаясь съ тѣмъ, что на такихъ высотахъ летаетъ лишь одно поколѣніе въ теченіе непродолжительнаго теплаго сезона въ горахъ, и что во всякомъ случаѣ здѣсь не примѣнимы климатическія условія тропической Индіи. При такихъ произвольныхъ установленіяхъ формъ дождливаго и сухого періода подъ однимъ видомъ объединяются иногда совершенно различныя бабочки (въ составѣ *L. agiana*, какъ ее понимаетъ Swinhoe, заключено не менѣе трехъ самостоятельныхъ видовъ).

Описанія индійскихъ палеарктовъ, являющихся иногда лишь мало отличными расами среднеазіатскихъ или общепалеарктическихъ видовъ, почти никогда не содержатъ указанія на признаки сходства и различія по сравненію со своими зарубежными родичами. Если производятся въ исключительныхъ случаяхъ ссылки на родственные виды, то онѣ часто поражаютъ своей полной неумѣстностью. *Colias shipkее* сравнивается авторомъ этого вида F. Moore'омъ съ южно-американской *C. wautieri*, не имѣющей

рѣшительно ничего общаго съ первымъ видомъ; форма *cachgaensis* Moore отъ *L. icarus* сопоставляется авторомъ съ совершенно неродственной — *L. semiargus*. И подобныхъ примѣровъ множество.

Въ виду такихъ неудачныхъ сближеній и, въ частности, полного пренебреженія къ палеарктическимъ матеріаламъ со стороны многихъ англійскихъ авторовъ сѣверо-индійскихъ видовъ и формъ, приводимыя этими изслѣдователями данныя не могутъ быть приняты на вѣру безъ тщательнаго контроля и критическаго сопоставленія. При этомъ литературный матеріаль для такого сравнительнаго анализа часто оказывается недостаточнымъ, и является необходимость въ непосредственномъ сличеніи коллекціонныхъ данныхъ. Вотъ эти-то трудности въ отождествленіи индійскихъ палеарктическихъ формъ съ ихъ ближайшими родичами изъ прочихъ частей Азіи и побудили меня озаботиться вопросомъ о пополненіи моей палеарктической коллекціи *Rhopalosiegea* непосредственными матеріалами изъ сѣверной Индіи.

Если мы обратимся къ трудамъ, представляющимъ обработку всей палеарктической фауны, какъ, напр., A. Seitz, A. Rühl, R. Verity (*Papilionidae* и *Pieridae*) и др., то прежде всего сталкиваемся съ множествомъ весьма существенныхъ пропусковъ и съ весьма туманными данными о мѣстонахожденіяхъ. Если точное обозначеніе мѣстъ распространенія стало самымъ насущнымъ требованіемъ для всѣхъ фаунистическихъ и систематическихъ сочиненій, то подобныя ссылки во многихъ современныхъ трудахъ не далеко ушли въ смыслѣ опредѣленности отъ бывшихъ: *Tura*, *Sibiria*, *Asia Centralis*. Эта неточность обозначенія мѣстъ распространенія составляетъ одинъ изъ основныхъ недостатковъ текста капитальнаго атласа Seitz'a.

Тутъ нельзя не отмѣтить, насколько назрѣлъ въ настоящее время вопросъ о детальной обработкѣ лепидоптерофауны Туркестана. Съ того времени, какъ былъ изданъ IV томъ *Memoires sur les lepioptères*, съ монографическимъ трудомъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, посвященнымъ фаунѣ Памирской горной системы, накопилось множество новыхъ данныхъ. Подробныя и неоднократно изслѣдованія отдѣльныхъ частей Туркестана отъ Гиндукуша до сѣверной окраины Семирѣчья и отъ Бухары до восточнаго Тань-Шаня ожидаютъ синтетической монографіи, посвященной подробному разбору распространенія каждаго вида, дробленія на локальныя расы и выясненію болѣе мелкихъ зоогео-

графическихъ подраздѣленій территоріи этого интереснѣйшаго края.

Въ силу значительной общей численности видовъ и склонности къ образованію стойкихъ и дробныхъ мѣстныхъ разновидностей, бабочки представляютъ очень благодарный и поучительный статистическій и біогеографическій матеріалъ. Поэтому выводы, опирающіеся на особенности распространенія чешуекрылыхъ, не могутъ затеряться въ ряду другихъ параллельныхъ біогеографическихъ изысканій.

Однако, будущему монографу туркестанской лепидоптерофауны придется неминуемо столкнуться съ данными о распространеніи туранскихъ типовъ за политическими границами нашихъ Среднеазиатскихъ владѣній—въ Китаѣ, Афганистанѣ, Персіи, Индіи. И мнѣ думается, что на тѣхъ, кому довелось ближе ознакомиться съ особенностями фауны одной изъ этихъ странъ, кто прослѣдилъ здѣсь нѣкоторыя черты сходства съ отечественной природой,—лежитъ обязанность передъ будущими изслѣдователями Туркестана подѣлиться своими свѣдѣніями.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію намѣченнаго вопроса, необходимо выяснить, что именно подразумѣвается подъ понятіемъ палеарктики. Относительно границъ палеарктической области фаунисты далеко не пришли къ однообразному и точному соглашенію. Различные авторы разно проводятъ ея южные предѣлы. Въ особенности спорной является эта линія на востокѣ, въ Китаѣ, гдѣ земной рельефъ и природныя условія не помѣчаютъ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ «естественныхъ границъ». Конечно, нельзя упускать изъ виду, что вообще точныхъ и рѣзкихъ граней въ біогеографическихъ областяхъ не существуетъ. Рѣчь идетъ лишь о большихъ или меньшихъ пространствахъ, заселенныхъ однообразными родственными формами, и о болѣе замѣтныхъ переломахъ на сравнительно узкой полосѣ.

Отдѣльные виды, разумѣется, обрываются достаточно рѣзко, не переходятъ рубежа, на примѣръ, какого-нибудь горнаго хребта. Они связаны съ опредѣленной природной обстановкой, внѣ которыхъ ихъ существованіе немыслимо, и рѣчь идетъ лишь о степени детальности наблюденій надъ установленіемъ такого предѣльнаго пункта расселенія. Но фауна опредѣленной провинціи и области слагается изъ очень большого количества видовъ, приуроченныхъ къ самымъ различнымъ экологическимъ усло-

віямъ и, что является особенно существеннымъ, имѣющихъ очень различный ареалъ распространенія. Эти отдѣльные ареалы могутъ занимать самые различные участки одной и той же территоріи, фаунистическая фізіономія которой все же будетъ носить достаточно однообразныхъ чертъ для признанія цѣльности, единства данной біогеографической провинціи. Анализъ этой группировки неравноцѣнныхъ элементовъ можетъ привести къ различнымъ выводамъ о соотношеніяхъ частей одной и той же области. Въ разныхъ систематическихъ отрядахъ выводы окажутся не согласованными между собою въ деталяхъ. Но тутъ нивеллирующимъ и схематизирующимъ началомъ должны были бы являться законы статистики, которымъ въ будущемъ суждено дать точную основу для всѣхъ крупныхъ и дробныхъ біогеографическихъ подраздѣленій. Пока статистическій методъ не былъ примѣненъ въ области біогеографіи на широкихъ началахъ, и границы отдѣльныхъ областей остаются достаточно произвольными. Спѣшу оговориться, что это біогеографическое размежеваніе никогда не пріобрѣтаетъ характера установленія точныхъ рубежей. Такихъ граней и нѣтъ на самомъ дѣлѣ, онѣ существуютъ лишь въ отношеніи единичныхъ слагаемыхъ фауны—отдѣльныхъ видовъ. Было бы гораздо правильнѣе обозначать на физико-географической картѣ границы областей тѣнями, смѣшеніемъ тоновъ различной интенсивности, мѣстами расплывчатыми, мѣстами компактными, сгущенными почти до степени линіи, мѣстами не въ видѣ равномерной градаціи тѣней, а въ видѣ болѣе или менѣе замѣтныхъ ступеней. Если для ясности приходится прибѣгать къ разграничительнымъ линіямъ на картѣ, то онѣ должны имѣть смыслъ нѣкоторой равнодѣйствующей многообразныхъ и разнородныхъ силъ, конкурирующихъ по данной грани съ равными правами съ обѣихъ сторонъ.

Граница, какъ линія, сохраняетъ лишь смыслъ нѣкоторой идеальной средней, схематически разграничивающей область по рубежу взаимно уравновѣшивающихся вліяній. Конечно, всякая схема неизбежно поглощаетъ детали, обезличиваетъ множество индивидуально цѣнныхъ данныхъ, составляетъ извѣстное насиліе надъ живой правдой многообразія фактовъ. Но тѣмъ больше осторожности требуетъ такое сведеніе воедино пестрыхъ переливовъ жизни природы. Эта единая линія останется всегда искусственной. Для того, чтобы быть оправданной, она должна выражать не только ариѳметическое суммирование, но строго взвѣ-

шенную и обоснованную качественную оцѣнку данныхъ. Факты распространенія двухъ различныхъ видовъ далеко не равноцѣнны, и иногда нахожденіе одного опредѣленнаго типа среди многихъ другихъ сразу измѣняетъ біогеографическую фізіономію данной мѣстности. Вотъ почему и нивеллирующій статистическій методъ самъ по себѣ во всемъ своемъ математическомъ безпристрастіи не разрѣшаетъ проблемы естественныхъ границъ. Въ наши сужденія по этому вопросу должна быть введена поправка, выражающая относительный удѣльный вѣсъ cadaго провѣреннаго даннаго.

Въ настоящемъ ученіе о распредѣленіи животныхъ далеко еще не выработало общепризнанныхъ, безспорныхъ нормъ, могущихъ служить основой въ дѣлѣ разграниченія областей. Палеарктика принимается въ самыхъ различныхъ объемахъ, а «переходныя» зоны разрастаются до размѣровъ настоящихъ біогеографическихъ провинцій и даже областей. Несогласованность сужденій, разумѣется, не въ малой степени обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что данные выводы, взятые изъ изученія различныхъ систематическихъ группъ жизненныхъ формъ, не приводятъ къ тождественнымъ біогеографическимъ выводамъ, вслѣдствіе чего размежеваніе областей должно быть произведено на основаніи однороднаго матеріала, и лишь послѣ такихъ специальныхъ изысканій возможно приступить къ объединенію, суммированію и согласованію результатовъ біогеографическихъ изслѣдованій по специальнымъ областямъ.

Однако, даже среди фаунистовъ, работавшихъ надъ одними и тѣми же систематическими отрядами, господствуютъ особенно разнородные взгляды на очертанія палеарктики на юго-востокѣ: нашъ Уссурійскій край, Корея, сѣверъ Китая, сѣверная часть Японіи, китайскія провинціи, примыкающія къ Тибету, лѣсная зона Гималайскаго хребта—составляютъ предметъ самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній. Въ частности, и у изслѣдователей-лепидоптерологовъ совершенно не выработалось по этой спорной области установившихся воззрѣній. Въ публикующемся изданіи Seitz'a, посвященномъ всесвѣтнымъ чешуекрылымъ, палеарктическая граница установлена очень искусственнымъ образомъ. Сѣверный, западный Китай и часть его центральныхъ провинцій, а также почти весь Кашмиръ включены въ палеарктику, между тѣмъ какъ высокогорный Сиккимъ съ безспорно палеарктическими видами, какъ, напр., представители рода *Parnassius*, *Baltia* etc.

отнесены къ индо-австралійской фаунѣ. Специальное изысканіе А. Pagenstecher'а о географическомъ распредѣленіи бабочекъ (изд. 1909 г.), трактующее данный предметъ на пространствѣ 450 страницъ, даетъ поистинѣ хаотическую систему въ разверстаніи областей. Онъ причисляетъ къ палеарктической области, въ раздѣлѣ сибирской подобласти, — Тибетъ, въ составѣ котораго разумѣются и субтропическіе представители западнаго Китая (*Ypthima*, *Debis*, *Micalesis*, *Epyrgis*, *Chalcosia*), въ секціи манчжурской подобласти значится Сиккимъ и островъ Формоза съ цѣлой плеядой чисто тропическихъ формъ до родовъ *Ornithoptera* и *Kallima* включительно. Съ другой стороны, Pagenstecher причисляетъ къ индійской области и подобласти не только Кашмиръ въ его цѣломъ, но и высокогорный Ладакъ и даже почему-то Китайскій Туркестанъ съ г. Яркендомъ (отголоски статьи F. Moore, *Scientific results of the second Yarkend mission*), при чемъ упоминаются такіе высокогорные палеаркты, какъ *Vanessa ladakensis* (15.000), *Colias stoliczkana* (17.000), *Baltia Shawi* (18.000). Рядомъ съ Кашмиромъ стоитъ Карачи. Въ индо-китайской подобласти индійской области значится Симла и Кумаонъ съ такими палеарктическими видами, какъ *Papilio machaon asiatica*, *Colias fieldi*, *Chrysophanus plaeas* etc. Къ той же подобласти отнесены Непаль и Бутанъ съ представителями субтропическихъ родовъ *Delias*, *Adolias*, *Oressinoma* и пр. Далѣе, въ подобласти (провинціи) «Hinterindien» рядомъ съ Андаманами и Никобарами помѣщается южный Китай, который оказывается совершенно неотдѣлимымъ отъ «Тибета» въ томъ смыслѣ, какъ онъ охарактеризованъ по субтропическимъ сборамъ, произведеннымъ для Обертюра на пограничной полосѣ съ юго-западнымъ Китаемъ (Тсе-ку, Мупинъ, Та-чен-лу) и цитируемымъ Pagenstecher'омъ.

Приведеннаго, кажется, вполне достаточно, чтобы понять, какая запутанность царитъ въ трудѣ Pagenstecher'а. При такихъ сбивчивыхъ указаніяхъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности усвоить себѣ, какъ понималъ палеарктику на дѣлѣ почтенный авторъ и, въ частности, изъ какихъ элементовъ слагается фауна сѣверной Индіи. Если все цитированное выше имѣетъ отношеніе къ основному вопросу настоящей статьи, къ палеарктической фаунѣ сѣверной Индіи, то я не могу попутно не привести въ видѣ курьеза подробностей подраздѣленія нѣмецкимъ ученымъ сибирской подобласти: сюда входятъ: Turan, Turkestan, Pamir, далѣе отдѣльная рубрика Alti, Altai, вѣроятно, помѣщенъ здѣсь

по сходству названія, затѣмъ Centralasien, куда входитъ и Кульджа, и Кентей, и Яблоновъ хребетъ, и восточный Тянь-Шань, далѣе слѣдуетъ упоминавшійся субтропическій Тибетъ, Приамурскій край, отдѣльно островъ Аскольдъ и сѣверо-восточная Сибирь. На основаніи данныхъ этого своеобразнаго спеціальнаго труда о распространеніи бабочекъ слѣдуетъ сдѣлать выводъ, будто чистая палеарктика кончается чуть ли не у Тянь-Шаня и что Китайскій Туркестанъ, Ладакъ, Кашмиръ, Тибетъ, Сиккимъ и Китай представляютъ какую-то запутаннѣйшую переходную зону, въ которой палеарктическіе, субтропическіе и тропическіе типы образуютъ замысловатое фантастическое смѣшеніе. Можно смѣло сказать, что подобное сочиненіе не только не содѣйствуетъ разрѣшенію зоогеографическихъ вопросовъ, но является положительно опаснымъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы положиться на авторитетъ Dr. Pagenstecher'a.

Къ счастью, однако, группировка палеарктическихъ и тропическихъ элементовъ чешуекрылыхъ у южной окраины нашей области не представляетъ такую безысходную путаницу, какъ насъ пытается въ этомъ убѣдить положительно юмористическій трудъ Pagenstecher'a, представляющій такую забавную пародію на зоогеографію въ частности и на географію вообще. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ лишь не покидать почвы того принципиальнаго положенія, что зоогеографическая область, подобласть или провинція не есть точно очерченный районъ, строго замкнутая площадь, а комплексъ формъ, объединенныхъ нѣкоторой фаунистической общностью и приуроченныхъ въ своемъ фаунистическомъ цѣломъ къ извѣстной территоріальной базѣ.

Центръ тяжести въ этомъ опредѣленіи лежитъ не въ степени точности территоріальнаго размежеванія, а въ установленіи объединяющаго начала въ біогеографической фізіономіи. Цѣлью изслѣдованія фауниста при такой точкѣ зрѣнія становится не столько нанесеніе топографическихъ границъ, реальное значеніе которыхъ все же остается условнымъ и относительнымъ, сколько обнаруженіе и обоснованіе индивидуальнаго единства опредѣленнаго фаунистическаго комплекса. Задача сводится къ тому, чтобы дать вѣрную характеристику тому сложному фаунистическому организму, который все же живетъ своей самостоятельной жизнью, несмотря на внутреннюю пестроту слагаемыхъ—единичныхъ видовъ—и неоднородность составныхъ частей—неравномѣрность

отдѣльныхъ ареаловъ. Каждый изъ такихъ ареаловъ составляетъ какъ бы отдѣльный слой въ ряду другихъ, то разобщенныхъ, то покрывающихъ другъ друга. Проблема зоогеографіи, какъ и біогеографіи въ цѣломъ, — разобраться въ этихъ наслоеніяхъ, отыскать части одной и той же фаунистической картины, проявить скрытый обликъ самостоятельныхъ фаунистическихъ фазіономій, которыя безъ такого критическаго анализа расплылись бы въ безпредѣльномъ разнообразіи смѣнъ природныхъ условій и жизненныхъ формъ.

Можно было бы сослаться здѣсь на одну астрономическую аналогію, на методъ распознаванія случайной оптической близости звѣздъ и выясненія естественной группировки звѣздныхъ системъ, слагающихся изъ тяготеющихъ другъ къ другу свѣтилъ, подчиненныхъ единству движеній, хотя бы отдѣльные элементы такихъ міровъ проектировались въ различныхъ частяхъ созвѣздій, какъ искусственныхъ мѣрилахъ топографіи звѣзднаго неба. Такой же многоярусный узоръ представляетъ собой и совокупность жизненныхъ формъ опредѣленнаго района, съ такими же обманчивыми сближеніями и скрытымъ внутреннимъ сродствомъ.

Чтобы разобраться, гдѣ и какъ въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ комбинируются краски одной самостоятельной и цѣльной картины, недостаточно протянуть механическіе рубежи, но слѣдуетъ овладѣть самымъ фундаментомъ фауны, основнымъ ядромъ формъ, являющихся членомъ одной не систематической, а фаунистической семьи. Такой принципъ вовсе не является чѣмъ-то шаткимъ и произвольнымъ: онъ опирается на совершенно реальные факты совмѣстнаго распространенія, но считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что способность къ «просачиванію» на территорію сосѣднихъ чуждыхъ областей, становящихся въ этой именно полосѣ переходными зонами, сказывается въ различной степени у различныхъ видовъ. Было бы трюизмомъ рекомендовать отказаться отъ утопической мысли, что всѣ безъ исключенія виды, водящіеся на территоріи, по существу и въ цѣломъ палеарктической, являются тѣмъ самымъ палеарктами. Разъ подобный искусственный принципъ устанавливается, то нѣтъ ни надобности, ни смысла, ни фактическаго оправданія для подраздѣленія земного шара на области. А такое въ корнѣ ошибочное мѣрило часто примѣняется въ спеціальной литературѣ. Сплошь и рядомъ приходится читать, что все водящееся, на примѣръ, въ

Кореѣ или въ Сычуани является ео ipso палеарктическимъ. Зачастую фактъ поимки опредѣленнаго вида въ данномъ пунктѣ, отнесенномъ къ палеарктической области, разсматривается, какъ непререкаемый патентъ палеарктичности данной формы.

Но мнѣ представляется правильнѣе взглядъ, что *Papilio mankii* въ сѣверномъ Уссурійскомъ краѣ и *Papilio paris* у Куру-нора въ Ганьсу остаются такими же непалеарктическими бабочками, какъ *Pieris (Anaphaesis) mesentina* и *Teracolus fausta*, летающія у береговъ Каспійскаго моря, или *Danaïs chrysippus* на Балканскомъ полуостровѣ и въ Туркестанѣ. Всѣ эти бабочки принадлежатъ къ совершенно чуждому фаунистическому комплексу и обнаруживаютъ лишь повышенную способность проникать въ обособленную отъ ихъ коренной фауны среду. Что же касается состава замкнутаго круга формъ, видовъ, группъ, характеризующихъ опредѣленную мѣстную фауну, то этотъ циклъ типовъ можетъ быть установленъ съ достаточной точностью путемъ критическаго сопоставленія ареаловъ распространенія отдѣльныхъ видовъ. Цикль этотъ, строго замкнутый въ своемъ содержаніи, займетъ на картѣ все же достаточно опредѣленную территорию съ болѣе или менѣе размытыми стусшеванными границами. Этотъ неясный ареаль вокругъ данной зоогеографической провинціи выражаетъ своего рода «дисперсію», зависящую отъ неодинаковой приуроченности предѣловъ распространенія отдѣльныхъ видовъ къ данному рубежу. Хотя рамки распространенія характерныхъ представителей какой-либо мѣстной замкнутой фауны и не совпадаютъ между собой, но все же контуры области будутъ достаточно реальны въ географическомъ смыслѣ. Слишкомъ уже ощутительное несовпаденіе нормальныхъ границъ или частей границъ лишь воочію покажетъ большую или меньшую космополитичность отдѣльныхъ типовъ. При этомъ мы лишь убѣдимся, что естественно-историческая провинція или область не можетъ точно совпадать съ географической. Самая условность фауническаго обозначенія на картѣ границъ біогеографическихъ областей и провинцій, въ видѣ ли схематической средней линіи или въ видѣ постепенной полутѣни, доказываетъ, что біогеографическая единица не имѣетъ своего абсолютнаго географическаго соотвѣтствія, а является лишь совокупностью жизненныхъ формъ, біономически объединенныхъ на почвѣ извѣстной территоріальной базы.

При такой точкѣ зрѣнія можно было бы установить очень

простымъ способомъ принимаемый за основу объемъ палеарктики въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оставалось бы привести подробный списокъ формъ, которыя слѣдуетъ относить къ чистой палеарктикѣ. Конечно, списокъ этотъ долженъ быть всесторонне взвѣшенъ и установленъ, и, мнѣ думается, что въ такомъ перечнѣ гораздо менѣе мѣста субъективнымъ освѣщеніямъ и частнымъ мнѣніямъ, нежели случайнымъ элементамъ въ опредѣленіи области географической линіей.

Въ настоящей статьѣ, не преслѣдующей спеціально энтомологическихъ цѣлей, такой перечень былъ бы излишнимъ балластомъ. Составъ палеарктики въ (предположенномъ) строгомъ смыслѣ этого понятія достаточно опредѣляется, если сказать, что при этомъ исключаются изъ него всѣ элементы субтропическихъ родовъ, группъ и видовъ, которые составляютъ значительную примѣсь въ фаунѣ Приамурскаго края, преобладаютъ въ сѣверномъ, центральномъ и западномъ Китаѣ и распространяются черезъ горную сѣверную Бирму по нижней и средней зонѣ Гималайскаго хребта до Кашмира и даже достигаютъ Читрала. Хотя большинство видовъ этой китайско-гималайской области не достигаютъ въ своемъ распространеніи сѣвернаго Китая, Кореи и Японіи и нашихъ дальне-восточныхъ владѣній, но все же всѣ чуждые приращенія къ лепидоптерофаунѣ Приамурскаго края по сравненію съ чешуекрылымъ населеніемъ остальныхъ частей Сибири обнаруживаютъ самое тѣсное систематическое сродство съ субтропической частью Китая и Японіи. Въ отдѣльныхъ, правда, многочисленныхъ случаяхъ одинъ и тотъ же видъ или группа тѣсно сближенныхъ типовъ распространяется отъ Уссурійскаго края черезъ Китай по Гималайскому склону вплоть до Кашмира. Таковы *Danaïs Tytia*, *Terias lacta*, *Yphtima baldus*, *Sephisa Oichroa*, *Vanessa Canace*, *Crionota turax* etc., водящіеся по всей указанной области ¹⁾.

Несмотря на значительное обѣднѣніе области отъ сѣвернаго Китая по направленію къ нашему Приамурскому краю, есть достаточныя основанія разсматривать всю эту территорію въ видѣ самостоятельной области, отдѣльной отъ палеарктики. Вслѣдъ за покойнымъ Н. А. Сѣверцевымъ, А. П. Семеновъ Тянь-Шанскій предлагаетъ установленіе такой области подъ именемъ па-

¹⁾ Приблизительно такое же распространеніе имѣютъ группы *Parilio arcturus-polycor-maakii*.

леанарктической. Во всякомъ случаѣ, лепидоптерологическій матеріалъ вполне оправдываетъ обособленіе указанной области, даже при наличности отмѣченной бѣдности сѣвера ея характерными формами. Это обстоятельство лишь намѣчаетъ нѣкоторыя внутреннія подраздѣленія области, при которыхъ отмежевывается южнокитайско-гималайская провинція.

Насколько мнѣ представляется безспорной, по лепидоптерологическимъ даннымъ, разобщенность палеарктики отъ палеанарктики, настолько мнѣ кажется сомнительной основательность отдѣленій палеанарктики отъ тропической индійской области, съ которой у нея такъ много общихъ родственныхъ чертъ. Возможно, что палеарктику слѣдуетъ разсматривать, лишь какъ подобласть названной области. Впрочемъ, этотъ вопросъ уже всецѣло выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, въ которой я не задаюсь цѣлью касаться даже и палеанарктическихъ или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — китайско-гималайскихъ элементовъ фауны Британской Индіи. Мнѣ придется лишь мимоходомъ возвращаться къ субтропической фаунѣ Индіи, поскольку съ ними соприкасаются подлинныя палеарктическія чешуекрылыя *sensu stricto* англо-индійскихъ владѣній. Что же касается обозначенія этой интересной промежуточной зоны, то я оставляю за собой право прибѣгать на равныхъ основаніяхъ къ терминамъ «палеанарктической» и «китайско-гималайской субтропической», такъ какъ въ данномъ случаѣ представляется важнымъ выраженіе коренного фаунистическаго контраста по отношенію къ палеарктикѣ, а не спорный вопросъ о возведеніи даннаго комплекса типовъ на ступень самостоятельной области, независимой отъ индо-малайскаго тропическаго міра.

Если съ юга и юго-востока индійская палеарктика отдѣлена отъ настоящихъ тропиковъ промежуточнымъ палеанарктическимъ поясомъ, то съ юго-запада примѣшиваются тропическіе элементы эфіопской фауны, которые примѣшиваются къ белуджистанскимъ представителямъ средиземноморской подобласти.

Послѣ выключенія всѣхъ этихъ чуждыхъ палеарктикѣ тропическихъ и субтропическихъ примѣсей необходимо коснуться въ самыхъ общихъ чертахъ тѣхъ подраздѣленій палеарктики, которыя отражаются на группировкѣ интересующихъ насъ индійскихъ формъ, при чемъ предлагаемая группировка областей и провинцій опирается всецѣло на данныя по распространенію *Rhopolocera*.

Съ сѣверо-запада съ Индостаномъ соприкасается средиземноморская подобласть, распространяющаяся на Персію и, по всѣмъ вѣроятіямъ, на значительную часть до сихъ поръ не изслѣдованнаго Афганистана. Въ предѣлахъ строго понимаемой палеарктики представляется особенно затруднительнымъ вѣрно очертить и размежевать эту чрезвычайно пеструю и неоднородную по своему составу подобласть. Она слагается изъ послѣдовательныхъ звеньевъ одной цѣпи провинцій, обрамляющихъ со всѣхъ сторонъ Средиземное море и вклинивающихся по широтѣ на западъ и востокъ до англо-индійскихъ владѣній. Нѣтъ ни одного рода или вида *Rhopaloscega*, который бы объединялъ всѣ составныя части этой обширной площади и былъ свойственнымъ ей одной, но цѣлый рядъ формъ захватываетъ по нѣскольку провинцій этой подобласти, при чемъ ареалы эти въ общей сложности создаютъ достаточно замкнутую картину внутренняго фаунистическаго сродства. Комплексъ характерныхъ группъ не слагается изъ универсальныхъ формъ, заселяющихъ все пространство подобласти, но распространяется на цѣлую совокупность ея территоріальныхъ составныхъ частей. Къ числу такихъ наличныхъ представителей средиземноморской фауны принадлежатъ роды: *Doritis*, *Thais*, *Hypermnestra*, *Zegris*, *Thaleropis*, *Thestor*, *Ciragaritis*, и др.; виды: *Papilio alexanor*, *Rhodocera cleopatra*, *Antoharis charlonia*, *belemia*, *gruneri*, *damone*, *Leptidia duponcheli*, *Satyris amalthea-telephassa*, *fatua*, *fidia*, группы: *parisatis* *Melanargia titea*, *larissa*, *japigia*, *Libythea celtis*, *Chrysophanus thetis*, *Tarucus telicanus*, *Lycaena trochylus*, *Zephyrus*, *bavius dardanus-pyrenaica*, *Tanaos marloyi*, *Gegenes nostrodamus* и многіе другіе.

Къ южнымъ окраинамъ разсматриваемой подобласти примѣшиваются формы, на мой взглядъ, чуждыя палеарктикѣ и принадлежащія къ субтропической полосѣ эфіопской области, какъ, на примѣръ, разнообразныя представители рода *Teracolus*. Тутъ проступаютъ и болѣе космополитическіе типы, примыкающіе все же къ тропическому міру Африки и Азіи, какъ *Terias*, *Catopsilia*, *Anaphaeis*, *Danais*, *Hypolimnas*, *Innonia* и т. д., при чемъ нѣкоторые изъ нихъ проникаютъ довольно далеко на сѣверъ въ глубь палеарктики.

Въ составъ средиземноморской подобласти, помимо африканскаго побережья, Малой Азіи, Сиріи, сѣверной Персіи и Аравіи, входятъ: Пиренейскій, Апеннинскій и Балканскій полуострова вмѣстѣ съ югомъ Франціи и Венгріи. Все наше черноморское по-

бережье и Приазовье также принадлежит къ средиземноморской подобласти, фаунистическія черты которой, и безъ того уже не очень характерныя, здѣсь окончательно стушевываются приблизительно по 50° с. широты, заходя въ восточной Россіи еще немного дальше на сѣверъ. Затѣмъ граница огибаетъ съ сѣвера Каспійское и Аральское море. Разсматриваемая подобласть распространяется, по моему мнѣнію, на весь нашъ Закаспійскій край, Хиву и западную низменную Бухару. Сюда же примыкаютъ и западныя низины Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областей. На пространствахъ этой территоріи въ ареалахъ различной площади встрѣчаются представители родовъ *Hypermnestra*, *Danaïs*, *Thestor*, такіе своеобразные виды, какъ *Zegris faustra*, *Pieris glanconome*, *Antrocharis charlonia* (*transcaspia*), *tomyris*. Все это типичныя средиземноморскія формы, къ числу которыхъ примѣшиваются даже субтропическія *Anaphais mesentina* и *Tetralolus faustra*, характерныя для сѣвера Африки, Аравіи и Индо-станской низменности.

В. Ф. Ошанинъ въ своемъ интереснѣйшемъ этюдѣ о фаунѣ полужесткокрылыхъ Туркестана не находитъ достаточныхъ данныхъ для отдѣленія всего этого края отъ средиземноморской области. Лепидоптерологическіе матеріалы не позволяютъ всецѣло примкнуть къ этому взгляду. Если вся юго-западная низменность Туркестана въ указанныхъ выше предѣлахъ можетъ составить часть средиземноморской подобласти съ достаточно ярко выраженнымъ иранскимъ оттѣнкомъ, особенно интенсивнымъ въ полосу, захватывающей югъ Закаспійской области до юго-западной Бухары, то горный Туркестанъ заселенъ настолько своеобразными формами чешуекрылыхъ, что есть полное основаніе разсматривать нагорныя части этого края, какъ самостоятельную подобласть въ палеарктикѣ. Этотъ выводъ, основанный на данныхъ распространенія бабочекъ, вполне согласуется съ мнѣніемъ нашего извѣстнаго колеоптеролога А. П. Семенова Тянь-Шанскаго, неоднократно имъ выражавшимся и защищаемымъ въ недавно появившемся въ печати томѣ XIX «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества», а именно, что Туркестанъ является равноправной величиной по сравненію съ средиземноморской подобластью и заслуживаетъ выдѣленія въ видѣ самостоятельной палеарктической подобласти, подъ именемъ «среднеазиатской» (*regio mesasiatica*).

Вопросъ о томъ, гдѣ именно должна быть проведена дема-

ркаціонная линія между обѣими подобластями, разрѣшить не легко. Остается неяснымъ, къ какой подобласти отнести степныя мѣстности Ферганской, Семирѣченской и восточныхъ частей Самаркандской и Сыръ-Дарьинской областей. Правда, эта часть степного Туркестана отъ Ферганы до Зайсана представляетъ очень мало типическихъ чертъ въ отношеніи *Rhopaloscega*, которыя вообще очень бѣдно представлены въ низменностяхъ Средней Азіи. Безспорно лишь, что вся территорія степей отъ Ферганской равнины до Зайсанской котловины принадлежитъ къ одной нераздѣльной провинціи, но рѣшительное отнесеніе ее къ той или другой подобласти оказывается очень сложной задачей. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что рядъ иранскихъ формъ, свойственныхъ юго-западной степной полосѣ Туркестана, какъ *Hypomnestra helios*, *Zegris fausti*, *Antocharis Charlonia*, *transcaspica*, *tomyris*, и др., не проникаютъ въ Семирѣченскую равнину, и что въ сѣверо-восточной низменности встрѣчается рядъ эндемическихъ формъ, какъ *Epinephele shamyla*, *Coenonympha mongolica* etc. Эти отрицательные и положительные факты при всей бѣдности фауны *Rhopaloscega* въ низинной части Туркестана служатъ показателемъ замѣтной разобщенности.

На-ряду съ приведенными особенностями этихъ двухъ подобластей нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что отдѣльные средиземноморскіе виды достигаютъ даже предгорій Ферганскаго хребта со стороны котловины, какъ, напр., *Papilio Alexanor*. Такіе факты показываютъ, насколько далеко простирается на востокъ средиземноморское вліяніе. Какъ ни шатки являются данныя туркестанскихъ степныхъ *Rhopaloscega*, совокупность отмѣченныхъ особенностей, если и не рѣшаетъ окончательно разсматриваемаго вопроса о проведеніи фаунистической границы, все же даетъ возможность, хотя бы условно, отнести степи на востокъ отъ хребта Кара-тау до Зайсана къ туранской подобласти въ качествѣ отдѣльной провинціи, а Ферганскую долину разсматривать, какъ переходную зону съ преобладающимъ туранскимъ характеромъ. Сѣверная граница этой провинціи представляется неясной. Повидимому, туранскій характеръ распространяется и на южныя окраины Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Котловину Китайскаго Туркестана слѣдуетъ также отнести къ туранской степной провинціи, хотя здѣсь уже примѣшиваются отдѣльные тибетскіе элементы, въ видѣ *Pieris deota* и др.

Что же касается нагорнаго Туркестана, столь богатаго ему одному свойственными характернѣйшими группами *Rhopalosaga*, то въ предѣлахъ этой горной системы намѣчается немало внутреннихъ болѣе дробныхъ зоогеографическихъ граней.

Суммируя имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя, я долженъ отнести къ одной сборной провинціи всѣ горныя области отъ Тарбагатая, безъ Саура, примыкающаго къ алтайско-саянской фаунѣ, черезъ Алатау, Тянь-Шань (кромѣ крайняго востока) до Александровскаго хребта, Кара-тау, Ферганскаго хребта, восточной части Алайскаго хребта, Алайской долины и западной части Заалайскаго хребта включительно. Сюда же примыкають склоны горъ, обращенныхъ въ котловину Тарима и Яркендъ-Дарьи, Раскемъ и, вѣроятно, сѣверо-западная часть Алтышъ-талскаго склона. По крайней мѣрѣ, пересѣченные мною въ минувшую поѣздку отроги Раскемскаго хребта на сѣверѣ отъ Кара-Корума, носили ясно выраженные черты сходства съ фауной Тянь-Шаня и рѣзко отличались отъ сосѣдняго Кара-Корумскаго подгорья. Эта провинція характеризуется слѣдующими формами лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, нарушающихъ тождественность контуровъ ареаловъ или не захватывающихъ всей данной площади: *Parnassius actius* и *Colias cocandica* (распространяясь и на Памиръ), *Colias standingeri*, *romanovi-ershoffi*, *regia* *Parnassius apollonius* (вкраплень и въ горную Бухару), группа *Satyrus abramovi-conradti*, *Olheis hora*, *Coenonympha sunbecea*, *Erebia radians*, *ocnus*, *siho*, *tiranica*, *laeta* и мн. др. Фаунистическое единство всей этой площади доказывается деталями группировки расъ сильно варьирующихъ видовъ, какъ, напр., *Parnassius delphius* и *simo*, а также значительный $\%$ проникновенія лишь въ эту часть Туркестана чисто сибирскихъ и европейскихъ формъ: *Papilio podalirius*, *Phodocera rhamni*, *Neptis Lucilla*, *Vanessa io*, *antiopa*, *Pyramecis atalanta*, *Melitaea sinxia*, *Argynnis dia*, *paphia*, *Satyrus antonoe*, *arethusia*, *Pararge maera* etc.

Эта провинція соотвѣтствуетъ «джунгарской» въ зоогеографической классификаціи А. П. Семенова Тянь-Шанскаго, и захватываетъ лишь большую территорію на западѣ и югѣ. Въ свою очередь она распадается на болѣе мелкіе районы различной степени фаунистической близости между собой, съ этими деталями не придется сталкиваться при оцѣнкѣ индійскихъ матеріаловъ. Здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что на склонахъ, обращенныхъ къ котловинѣ Китайскаго Туркестана, такъ же какъ и

въ самомъ бассейнѣ Тарима, сказывается нѣкоторая тибетская примѣсь: *Parnassius acdestis priamus* (центр. Тянь-Шань), *Colias stoliczkana arida*, *Paroeneis palaearcticus*, отчасти *Parnassius eparhus* и *simo*.

Второй провинціей горнаго Туркестана является западная Бухара съ прилегающими частями алпійскихъ районовъ Самаркандской области, западная часть Алайскаго хребта и западный Памиръ по р. Кударѣ и Гунту. Типичные представители: *Parnassius honrathi*, *dux*, *Colias alpherakii*, *siversi*, *christophi*, *Pieris tajika*, *Melitaea sultanesis*, *pamira*, *Satyrus josephi*, *Erebia maracandica*, *Coenonympha nolkeni*, *Polyommatus sarthus*, *sultan*, *Lycaena cohistana* etc., etc.

Цѣлый рядъ видовъ и формъ группируются въ этой провинціи, не переступая ни въ восточный Памиръ, ни въ восточную часть Алая. Такимъ образомъ, эта часть нашего горнаго Туркестана оказывается строго обособленной отъ джунгарской провинціи. На юго-востокѣ Бухары въ Дарвазѣ намѣчается еще новый внутренній фаунистическій переломъ съ своеобразными формами родовъ *Erebia*, *Lycaena* и *Melitaea*, и можно предположить, что здѣсь открывается предверіе загадочной и несомнѣнной богатой эндемическими формами высокогорной части Афганистана.

Третья провинція горнаго Туркестана занимаетъ очень небольшой районъ, захватывая лишь восточный Памиръ на югъ отъ Заалайскаго хребта до Гиндукуша. Въ числѣ характерныхъ формъ *Papilio machaon* съ укороченными хвостами, *Baltia shawi*, представительница высокогорнаго тибетскаго рода, *Pieris deota* (*goborowskyi*), также встрѣчающіяся въ сѣверо-западномъ Тибетѣ, эндемическія *Colias marcopolo*, *Lycaena Chrysopis*, обособившіеся *Parnassius delphius-hunza*, *Colias wiskotti chrysoptera*, *Satyrus boloricus*, *Polyommatus alpherakyi*, *Lycaena hunza* etc.

Послѣ этого краткаго обозрѣнія фаунистическихъ особенностей Туркестана необходимо коснуться Тибета, этой мало обслѣдованной страны, но все же достаточно обнаружившей чрезвычайную зоогеографическую самобытность. Это безспорно самостоятельная подобласть палеарктики, захватывающая обширную территорію отъ Алтынъ-Тага до Гималаевъ и отъ Кара-Корума до сѣверной части Сычуани, занимаетъ очень своеобразное положеніе по сравненію съ фаунистическими особенностями сопредѣльныхъ странъ. Данная по *Rhopaloscega* совершенно не позво-

ляютъ мнѣ объединить Тибетъ съ горнымъ Туркестаномъ въ одно цѣлое въ качествѣ нераздѣльнаго въ фаунистическомъ отношеніи Центрально-Азіатскаго нагорія, какъ къ этому склоняются мамалоги. Гораздо правильнѣе мнѣ представляется точка зрѣнія нашего выдающагося путешественника и лепидоптеролога Г. Е. Грумъ-Гржимайло, указавшаго на черты сходства сѣвернаго Тибета съ алтайско-саянской фауной, хотя это сближеніе и не даетъ основанія для привключенія Тибета къ фаунѣ горной Сибири. Новѣйшіе матеріалы изъ южнаго Тибета показали на-ряду съ чрезвычайной оригинальностью фаунистическаго состава совершенно неожиданное проникновеніе монгольскихъ формъ въ глубь Тибетскаго нагорья. Такъ, мною было получено изъ Гартока, юго-западнаго Тибета, новая форма *Triphusa dornii*, водящейся въ Забайкальѣ, Монголіи и близъ Куку-нора. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подѣ Тибетомъ я понимаю лишь высокогорную область, совпадающую болѣе или менѣе точно съ политическими предѣлами страны, и, разумѣется, не включаю сюда по примѣру Pagenstecher'a палеарктику Тибетскихъ предгорій южной Сычуани и западнаго Кама. Не касаясь пока вопроса о юго-западной естественной границѣ Тибета и не входя въ детали опредѣленія сѣверныхъ предѣловъ этой подобласти палеарктики надъ кукунорской провинціей, я долженъ отмѣтить замѣчательно гомогенный составъ тибетской фауны *Rhopaloscega*, поскольку она выяснена изслѣдованіями Пржевальскаго, Козлова, Роборовскаго, Березовскаго, англійской экспедиціи 1904 г. и недавними сборами Bailey. Она характеризуется большимъ количествомъ эндомическихъ группъ, какъ, напр.: *Parnassius imperator*, *szechenyi*, *cephalus*, *acdestis*, *accorzeelskyi*, *Mesapia peloria*, *Pieris dubernardi-koslowi*, *Colias diva*, *felderi*, *lada*, *montium*, *nina*, *berylla*, *thrasibulos*, *siphonica*, *nebulosa*, *Paroeneis pumilus*, *Lycaena dis*, *beresowskyi*, *phelicis* etc., etc. Характерные роды *Baltia* и *Paroeneis* лишь на сѣверо-западѣ выходятъ изъ предѣловъ своей родной области.

Послѣ этого бѣглаго обзора главныхъ особенностей средиземноморской, туранской и тибетской подобластей мы можемъ обратиться къ нашей основной задачѣ — разбору палеарктическихъ матеріаловъ булавоусыхъ чешуекрылыхъ Индіи.

Интересующія насъ формы распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Главная часть палеарктовъ распространена по Гималайскому хребту. Наибольшее число такихъ видовъ приходится на сѣверо-западную часть Гималайской системы, гдѣ она сплетается

съ горными отрогами Гиндукуша и отвѣтвленіями Памирскаго нагорья. Въ составъ этой территоріи входитъ Читралъ, Балтистанъ, высокогорный Кашмиръ въ собственномъ смыслѣ и загималайская часть страны, Ладакъ, со всѣми землями, примыкающими къ китайской границѣ, Рупшу, Лахоуль, Спити, пенджабскій склонъ Гималаевъ отъ Кашмира черезъ Кашшкаръ, Кулу къ Кумаону; далѣе, альпійскія области Непала, Сиккима и Бутана. Впрочемъ, изъ этихъ трехъ послѣднихъ сравнительно лучше обслѣдованъ лишь Сиккимъ, принадлежащій къ британскимъ владѣніямъ въ качествѣ *native state*. Къ палеарктической фаунѣ примыкаетъ также узкая гористая пограничная съ Афганистаномъ полоса, спускающаяся отъ Читрала и Аттока вдоль Сулейманова хребта къ Белуджистану. Вполнѣ палеарктической характеръ сохраняется также и за Британскимъ Белуджистаномъ въ районѣ Кветты, при чемъ фаунистическій *habitus* сохраняется и въ болѣе низменныхъ частяхъ.

Какъ общее правило, слѣдуетъ признать, что въ дѣлѣ установленія границъ палеарктической фауны въ сѣверной части Индостана однимъ изъ внѣшнихъ рѣшающихъ мѣрилъ является высота даннаго мѣста надъ уровнемъ моря. Поэтому на отвѣсныхъ склонахъ Гималайскаго кряжа въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ высокогорныхъ палеарктовъ можетъ оказаться субтропическій поясъ. Если подножье Гиндукуша въ Читралѣ лишь отчасти затронуто субтропическими элементами, то уже въ Кашмирѣ отъ сѣверо-западныхъ развѣтвленій Гималаевъ болѣе низкіе склоны характеризуются примѣсью чисто тропическихъ формъ. На пенджабскомъ скатѣ Гималаевъ у Симлы и въ Кумаонѣ экзотическіе элементы представлены на извѣстномъ уровнѣ уже значительно богаче. Наконецъ, въ Сиккимѣ развертывается во всей полнотѣ послѣдовательная градація отъ высокогорной чисто палеарктической фауны къ пышному блеску тропическаго міра.

Граница, раздѣляющая палеарктику отъ чуждыхъ ей элементовъ, пролегаетъ въ различныхъ мѣстахъ горной системы сѣверной Индіи на различной высотѣ. Самый уровень этой грани не можетъ быть, разумѣется, проведенъ въ видѣ точной демаркаціонной линіи. Между отдѣльными зонами, сохраняющими опредѣленную фаунистическую фیزیономію, пролегаютъ промежуточные пояса смѣшанныхъ типовъ. Представители одного и того же зоогеографическаго комплекса обнаруживаютъ значительныя колебанія въ вертикальномъ распространеніи, различную способ-

ность проникать въ сосѣднія зоны. Вотъ почему при оцѣнкѣ фаунистическаго значенія опредѣленной полосы нельзя упускать изъ виду вопроса о случайныхъ примѣсахъ изъ ближайшихъ поясовъ. Всѣмъ такимъ постороннимъ ингредіентамъ должно быть отведено свое мѣсто въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ фаунѣ опредѣленныхъ зоогеографическихъ провинцій. Здѣсь, такимъ образомъ, практически сказываются тѣ же принципы вертикальнаго разверстанія шкалы, какіе мы замѣтили выше при плоскостномъ опредѣленіи нормальныхъ границъ біогеографической единицы. Различіе опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гималайскій кряжъ составляетъ тотъ предѣльный южный контрфорсъ палеарктики, гдѣ она обрывается рѣзкимъ уступомъ, сохраняетъ свой типическій характеръ лишь въ силу той высоты, на которую вознесено прилегающее съ сѣвера нагорье, и занимаетъ на южномъ склонѣ лишь альпійскую зону. Крутизна паденія этой крайней ступени, на которой выдвинута далеко на югъ палеарктика, и обуславливаетъ чрезвычайно быструю фаунистическую смѣну картинъ, столь поражающую наблюдателя на сиккимской границѣ близъ Дарджилинга.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи представлены главныя особенности фауны Rhorolosega отдѣльныхъ палеарктическихъ районовъ сѣверной Индіи.

1. Британскій Белуджистанъ и пограничная съ Афганистаномъ полоса на югъ отъ Читрала.

Данный районъ принадлежитъ къ средиземноморской подобласти съ незначительной туранской и эѳіопской примѣсью. Замѣтная доля средиземноморскихъ типовъ, обитающихъ въ восточной части подобласти, оказываются свойственными Персіи. Преобладающій контингентъ степной. Чисто палеарктическихъ видовъ насчитывается 31, которые группируются слѣдующимъ образомъ: космополитическіе виды или широко распространенные палеаркты, 11: (*Pieris rapae*, *brassicae*, *daplidice*, *Colias erate*, *Danais chrysippus*, *Pyrameis cardui*, *Polyommatus phlaeas*, *Lycaena baetica*, *baton*, *astrarche*, *icarus*); среднеазиатскіе, 4: (*Satyrus baldiva*, *Epinephele interposita*, *Neolycaena tengstoemi* var., *Polyommatus sarthus susanus*), иранскіе, захватывающіе часть Туркестана, *Hapernmnestra helios maxima*, *Pieris glauconome*, *Satyrus parisatis*,

Epinephele davendra (f. *latistigma* и *tennistigma*), *Pararge menavo*, *Melitaea didyma perseas*, *Cigaritis acamas-hypargyrus*, *Thecla sassanides*, *Lycaena Christophi bracteata*), иранскій, 1 (*Satyrus Telephassa*), средиземноморскіе, 4: (*Pieris krueperi deota*, *Antiocharis charlonia lucilla*, *Epinephele parica*, *Lycaena loewii*); широко распространенная индійская раса палеарктическаго вида 1 (*Argynnis lathonia issea*); общій съ Читраломъ и Балтистаномъ (*Pieris-Metaporiabaluha*). Въ равнинахъ Белуджистана попадаются представители эѳіопской фауны, свойственные Аравіи и сѣверной Афрікѣ, изъ родовъ *Anaphaeis*, *Teracolus*, *Catopsilia*, *Terias*, *Azanus*, при чемъ *Teracolus fausta* и *Anaphaeis mesentina* достигаютъ степей Закаспійской области. Съ другой стороны, часть аравійскихъ и сѣвероафриканскихъ формъ распространяются и на провинцію Синдъ. Къ сожалѣнію, я не располагаю достаточно точными высотными данными для установленія вертикальной границы распространенія внѣтропическихъ элементовъ.

Въ распредѣленіи представителей затронутого района содержатся цѣнные указанія, бросающія свѣтъ на до сихъ поръ еще не изслѣдованную фауну Афганистана. Въ этомъ отношеніи представляется поучительнымъ то обстоятельство, что типичные средиземноморскіе виды распространяются на сѣверъ вдоль пограничной линіи N—W provinces до Кайрабада и Аттока. Это обстоятельство, въ связи съ данными о средиземноморскомъ характерѣ фауны Закаспійской области и юго-западной Бухары, служитъ показателемъ, въ какой мѣрѣ средиземноморскія формы проникаютъ въ Афганистанъ. Низменности его, повидимому, носятъ всецѣло средиземноморской характеръ съ вѣроятной эѳіопской примѣсью, достигающей въ лицѣ двухъ представителей даже нашихъ туркестанскихъ владѣній. Съ другой стороны, нахождение у Кветты водящихся въ Туркестанѣ *Neolycaena*, *Epinephele*, *Polyommatus* показываетъ, насколько далеко проникаютъ на югъ въ Афганистанъ аборигены Туркестанскаго края. Вообще, путемъ взаимнаго сопоставленія фаунистическихъ особенностей окружающихъ Афганистанъ странъ, — Белуджистана, Читрала, западнаго Памира, горной и низменной Бухары, Закаспійской области и Персіи—можно предугадать съ достаточной достовѣрностью основныя черты этого не обслѣдованнаго еще края. Но если такой прогнозъ оказывается въ значительной степени обоснованъ въ отношеніи равнинъ и незначительныхъ возвышенностей, то онъ является очень недѣйствительнымъ средствомъ

въ области гипотетическаго конструированія высокогорной фауны Афганистана, какъ мы убѣдимся при ближайшемъ анализѣ читральской фауны.

2. Читраль.

Если въ Белуджистанѣ и пограничной полосѣ вдоль Сулеймановыхъ горъ не встрѣчено никакихъ типичныхъ палеанарктическихъ формъ, то въ Читралѣ на небольшихъ высотахъ попадаетъ *Iunonia orythia*, принадлежащая къ индомалайскому тропическому и субтропическому міру. Въ той же полосѣ, повидимому, не выше 9.000 футовъ водится *Aulocera radma goupteryx aspasia-zanska*, являющаяся представительницей китайско-гималайской субтропической зоны, а также *Danaïs chrysippus*. Выше этихъ предѣловъ безупречная палеарктики Читрала не нарушается, насколько мнѣ извѣстно, ни однимъ единственнымъ диссонансомъ. Для данной страны до сихъ поръ зарегистрировано 76 палеарктическихъ видовъ, изъ числа которыхъ 53 оказываются общими съ горной Бухарой и западнымъ Памиромъ, 46 съ горами Кашмира и Пенджаба, 30 съ восточнымъ Памиромъ и 27 съ Ладакомъ.

Слѣдующая табличка показываетъ, какая часть этихъ видовъ даетъ тождественныя географическія расы для сравниваемыхъ странъ и сколько видовъ относительно представлены въ различныхъ расахъ.

	Бу- хара.	Каш- миръ.	В. Па- миръ.	Ла- дакъ.
Тождественныя общія расы того же				
вида	36	36	19	21
Общія виды въ неодинаковыхъ расахъ	17	10	11	6
Всего общихъ видовъ	53	46	30	27

Приведенное соотношеніе показываетъ, насколько близокъ Читраль къ горной Бухарѣ, которую мы условились объединять фаунистически въ одну провинцію съ западнымъ Памиромъ. Съ этой частью нашего Туркестана, отдѣленной отъ Читрала Гиндукушскимъ хребтомъ, рассматриваемая страна представляетъ даже больше родственныхъ чертъ, нежели съ Кашмиромъ, куда я включаю горную страну отъ Деосайскаго плато, юго-западный

склонъ Гималаевъ до Кулу. Сродство съ нашимъ восточнымъ Памиромъ и съ Ладакомъ выражено слабо въ количественной пропорціи видовъ, хотя есть нѣсколько очень типичныхъ формъ, которыя оказываются общими съ восточно-памирской фауной. Къ числу такихъ принадлежитъ *Parnassius delphius hunza* (читральская *patio chitralica* очень близка къ восточно-памирской формѣ), *Lycaena devanica bellona* (читральская форма *gracilis* едва заслуживаетъ выдѣленія даже въ смыслѣ *patio*, установленномъ А. П. Семеновымъ Тянь-Шанскимъ).

Передъ тѣмъ, какъ обратимся къ ближайшему сопоставленію фауны Читрала и горной Бухары, мнѣ представляется полезнымъ остановиться на вопросѣ, въ чемъ именно выражаются черты различія Читрала, съ одной стороны, и сосѣднихъ частей нашихъ Среднеазиатскихъ владѣній—съ другой. Оказывается, всего 14 видовъ читральской фауны не представлены въ Туркестанѣ. Изъ нихъ являются общими съ Кашмиромъ или Ладакомъ *Parnassius himalayensis*, *Pieris belucha leechi*, *nabelica* var., *Pararge maerula*, *Epinephele cheena*, *pulchra*, *Argynnis ordoni*, *Limenitis ligyes*, *hydaspes*, *Lycaena nicula*, *galathaea*; 1 общегималайскій *Parnassius hardwickii*; 1 общій съ Балтистаномъ *Satyrus digna*, и 1 эндемическій — *Epinephele* n. sp. (впрочемъ, принадлежащій къ туранской группѣ *Bavendra-komara*). Зато 18 видовъ, общихъ съ Туркестаномъ, не заходятъ въ сосѣднія съ Читраломъ части англо-индійскихъ владѣній. Списокъ этихъ бабочекъ, весьма поучительный въ фаунистическомъ отношеніи, таковъ: *Parnassius rhodius*, *discolobus insignis*, *Colia alpherakii chitralensis*, *hyale alta*, *wiscotti chrysoptera*, *Satyrus anthe enervata*, *dissoluta* var., *boloricus* var., *heidenreichi*, *Melitaea ala*, *trivia* var., *minerva* var., *Polygonia egea undina*, *Lycaena böwi*, *iris*, *sartha*, *pheretiades* var., *Lybithaea celtis typica*. Попутно слѣдуетъ отмѣтить, что въ Читралѣ встрѣчается *Thecla rubi*, водящаяся въ Туркестанѣ лишь въ Джунгарской провинціи Туркестана. Такой перерывъ въ распространеніи этой бабочки остается необъяснимымъ, пока у насъ нѣтъ нужныхъ свѣдѣній о фаунѣ Афганистана.

Въ Читралѣ водится еще рядъ туркестанскихъ формъ, которыя, однако, захватываютъ и сосѣднія части Кашмира, Балтистана и Ладака; таковы: *Colias eogene*, *Erebia manni*, *Satyrus parisatis*, *Pararge menava*, *eversmanni cashmirensis*, *Argynnis hegемone*, *Limenitis trirena*, *Vanessa rizana*, *Thecla sassanides*, *Lycaena devanica* etc.

Помимо нѣкоторыхъ широко распространенныхъ палеарктическихъ видовъ, встрѣчающихся какъ въ Читралѣ, такъ и въ Туркестанѣ, въ числѣ общихъ обѣимъ странамъ формъ попадаются отдѣльные типичные представители средиземноморской подобласти, какъ, напрмѣръ, мѣстная раса *Pieris krueperi* и упоминавшіяся уже *Lybitaea celtis*, *Polygonia egea* (*undina*), *Lycaena löwi*. Необходимо также отмѣтить и такого характернаго представителя гималайской фауны, какъ *Colias fieldi*—бабочку, свойственную всему гималайскому склону и заходящую на сѣверъ не только въ Тибетъ, но даже переступающую русско-афганскую границу (мои экземпляры изъ русскихъ предѣловъ пойманы у поста Ишкашимъ въ юго-западномъ Памирѣ; изъ той же мѣстности этотъ видъ представленъ въ коллекціи Л. А. Шелюшко).

Для правильнаго пониманія соотношеній специфическихъ особенностей фаунъ Читрала и Туркестана нельзя упускать изъ виду детали группировки ареаловъ общихъ расъ. Такъ читральскій типъ *Parnassius discobolus insignis* заходитъ черезъ западный Памиръ до хребта Петра Великаго, *Colias wiscotti* близка къ расѣ также только что упомянутой горной цѣпи, *Colias alpherakui chitrallica* очень близка къ расѣ *rochana* изъ западнаго Памира, хребта Петра Великаго и Дарваза, *Satyrus actaea pimpla* встрѣчается въ Туркестанѣ въ едва отличной формѣ лишь у Ишкашима. Характерно, что въ послѣднемъ случаѣ средиземноморская группа—иранской секціи—этого вида достигаетъ нашихъ предѣловъ черезъ Читралъ, минуя горный Туркестанъ и распространяясь, повидимому, черезъ Афганистанъ. Впрочемъ, всѣ эти детали завели бы насъ черезчуръ далеко, а приведеннаго достаточно, чтобы обрисовать главныя черты соотношенія сосѣднихъ областей. Здѣсь мы воочію убѣждаемся, какое большое зоогеографическое значеніе имѣетъ Гиндукушскій хребетъ: часть формъ группируется лишь по его системѣ, другія не въ состояніи его перешагнуть, и можно быть увѣреннымъ, что въ Кафиристанѣ и въ афганскихъ частяхъ этого горнаго кряжа, служащаго одновременно и проводникомъ, и рубежомъ въ дѣлѣ расселенія бабочекъ, таится немало неизвѣданныхъ данныхъ, могущихъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя особенности расовыхъ и видовыхъ группировокъ.

3. Балтистанъ.

Къ этой непривѣтливой горной странѣ, именуемой иногда Малый Тибетъ, слѣдуетъ привключить по фаунистическимъ соображеніямъ и горный узелъ Гильгита. На востокъ эта территория простирается до ледниковъ Бальторо. На сѣверъ главные матеріалы для сужденій объ этой странѣ взяты у слѣдующихъ пунктовъ: Хунза, Гильмитъ, Гильгитъ, Даркотъ, Скорола, Скардо, подножье Бальторо. Сюда же нужно отнести примыкающій къ нашему Памиру районъ Тагдумбашъ. Для характеристики особенностей послѣдняго отъ восточной части Памирскаго нагорья можно сослаться на примѣръ *Egebia manni*. Этотъ видъ найденъ въ Тагдумбашѣ въ типичной кашмирской и ладакской формѣ и представленъ на Памирѣ въ районѣ Аличура въ очень отличающейся отъ типа расѣ *summa*, а въ долинѣ Кудары, примыкающей уже болѣе къ западному Памиру, въ видѣ своеобразной расы *ida*, распространяющейся и на Дарвазѣ.

По характеру фауны Балтистанъ занимаетъ промежуточное положеніе между Читраломъ и Ладакомъ, гораздо ближе стоитъ къ первому. Изъ общаго числа 34 *Rhopaloscega*, отмѣченныхъ для Балтистана, лишь 7 не встрѣчены въ Читралѣ, а именно, ладакскія формы, распространяющіяся отчасти на Кашмиръ, отчасти на Тибетъ: *Parnassius eparhus* ¹⁾, *Satyrus leechi*, *Pararge maeroides*, *Epinephele brevistigma*, *Lycaena samudra*, а также двѣ бабочки, не встрѣчающіяся нигдѣ въ другихъ мѣстахъ англо-индійскихъ владѣній: *Argynnis pandora* и *Argynnis pales generator*. Обѣ, какъ извѣстно, водятся въ Туркестанѣ, при чемъ крупная форма балтистанскихъ *generator* напоминаетъ не восточно-памирскую, а семирѣченскую расу. *Pandora* также не встрѣчена на Памирѣ. Здѣсь мы имѣемъ интересный случай просачиванія джунгарскихъ типовъ въ британскіе предѣлы черезъ Раскемъ. Съ другой стороны, насчитывается 10 балтистанскихъ видовъ, встрѣчающихся и въ Читралѣ, но отсутствующихъ въ Ладакѣ: *Parnassius rhodius*, *Pieris (Metapoia) belucha (= leechi)*, *Satyrus digna*, *pimpla*, *parisatis*, *Epinephele cheena*, *Argynnis begemone*, *Limenitis hydaspes*, *ligyes* и *trivena*.

¹⁾ Я имѣлъ свѣдѣнія о поимкѣ этого вида въ Читралѣ, но данныя эти не достаточно достовѣрны.

Эти данныя служатъ достаточнымъ доказательствомъ самаго тѣснаго сродства Малаго Тибета съ Читраломъ.

4. Ладакъ.

Въ составъ этой страны, составляющей въ предѣлахъ владѣній кашмирскаго магараджи аналогъ нашего Памирскаго нагорья, входитъ территорія, отдѣленная отъ собственнаго Кашмира и Пенджаба Гималайскимъ кряжемъ. Съ юго-запада, запада и сѣверо-запада границы Ладака, какъ замкнутого фаунистическаго района, лежатъ внутри политической границы съ Тибетомъ и Китайскимъ Туркестаномъ. Къ тибетской подобласти принадлежитъ,—какъ будетъ выяснено въ слѣдующей рубрикѣ,—Рупшу, пустынная часть Ладака близъ озера Пангонгъ и Кара-Корумское нагорье. На сѣверо-западѣ расположенъ разсмотрѣнный уже Балтистанъ. Въ предѣлахъ этой пустынной страны найдено 50 видовъ, до сихъ поръ преобладающаго туранскаго характера. Сравнительная группировка тождественныхъ расъ и видовъ такова:

	Бу- хара.	Чит- ралъ.	Каш- миръ.	В. Па- миръ.
Общія расы однихъ и тѣхъ же видовъ .	20	25	24	16
Общіе виды въ различныхъ расахъ .	16	7	5	8
Итого общихъ видовъ	36	31	29	24

Если не раздѣлять Туркестанъ на ближайшія къ сѣверо-индійскимъ предѣламъ провинціи, а разсматривать въ его цѣломъ, то въ Ладакѣ окажется 40 общихъ съ нимъ видовъ, т.-е. 80% общаго состава фауны *Rhopalocera*. Десять видовъ, не заходящихъ въ Туркестанъ, распадаются на слѣдующія категоріи: а) кашмирскія формы (*Epinephele pulchra*, *Argynnis jainadeva*, *Lycaena omphissa leela*), б) тибетскія формы *Parnassius epaphus*, *Baltia butleri*, *Colias thrasibulos*, (*elwesi*), *stoliczkana*, *Melitaea balbita*, *Vanessa ladakensis*.

Объ *Lycaena* изъ первой категоріи очень близки къ восточно-памирскимъ *L. chrysopsis* и формѣ *L. pheretiades*, такъ что въ сущности лишь 8 бабочекъ оказываются совершенно чуждыми Туркестану. Хотя, въ смыслѣ численности общихъ съ Ладакомъ видовъ, Бухара и западный Памиръ стоятъ на первомъ мѣстѣ,

а сходство разсматриваемой провинціи съ восточнымъ Памиромъ сказывается лишь на 24 формахъ, все же въ числѣ послѣднихъ имѣется пять бабочекъ, вовсе не представленныхъ въ западномъ Памирѣ: *Papilio machaon ladakensis*, *Pieris deota*, *Lycaena ariana*, *pheretes lehans*, *devanica*. Это настолько характерныя формы, что примѣсь ихъ налагаетъ извѣстный отпечатокъ на фауну Ладака, тѣмъ болѣе, что *Pieris deota*, *Lycaena lehana* не затрагиваютъ Читрала; ихъ ареалъ, протягивается узкой полосой, повидимому, прямо съ восточнаго Памира.

Изъ числа 40 общихъ съ Туркестаномъ формъ наиболѣе типичны: *Parnassius charltonius deckerti*, *delphius mamaievi*, *Metaporia lancodice*, *krueperi deota*, *Colias eogene*, *Erebia kalinda*, *manni*, *Epinephele davendra brevistigma*, *Satyrus hunneri*, *lehanus*, *Argynnis hegemon*, *Vanessa rizana*, *Polygonia interposita*, *Lycaena panaegides*, *samudra*.

5. Кашмиръ.

Подъ этой рубрикой здѣсь подразумѣвается только западная часть страны, которая обыкновенно и носить это названіе, со всѣми мѣстностями, расположенными по юго-западному склону Гималаевъ отъ Деосайскаго плато черезъ р. Синдъ, вмѣстѣ съ Пирпанджаломъ, далѣе черезъ Киштваръ къ Симлѣ. Такимъ образомъ, здѣсь захватывается и часть горнаго Пенджаба. Въ сторону низменности точной границы нѣтъ. По мѣрѣ пониженія склоновъ къ палеарктикѣ примѣшиваются чуждые элементы, и мы отмѣтили уже выше, что приблизительно лишь до 8.000 футовъ фауна сохраняетъ палеарктическій характеръ. Отдѣльные палеанарктическіе представители иногда забираются и выше этого предѣла, съ другой стороны, многіе вполне палеарктическіе виды спускаются до Счастливой Долины и даже Пенджабской низменности. (*Pieris daplidice*, *Colias fieldi*, *Melitaea didyma* etc.).

Чтобы дать попутно нѣкоторое понятіе о тѣхъ полчищахъ представителей тропическаго и субтропическаго міра, которыя тѣснятъ и осаждаютъ гималайскіе форпосты палеарктики въ Кашмирѣ и Пенджабѣ, достаточно привести краткій списокъ наиболѣе типичныхъ родовъ: *Ixias*, *Huphina*, *Appias*, *Euploea*, *Melanitis*, *Mycalopsis*, *Lethe*, *Elymnias*, *Dilipa*, *Sephisa*, *Euthalia*, *Pantoporia*, *Athyma*, *Iunonia*, *Symtrentia*, *Hipolimnas*, *Callima*, *Cethosia*, *Cupha*, *Pseodergolis*, *Calinaga*, *Dodona*, *Abisara*, *Hestina*, *Curetis*, *Arhopala*, *Herda*,

Dendorix, Rapala, Iroata, Aeromachus, Pedestes, Eionota, Padroana etc., etc.

Эти сплоченные ряды чуждыхъ элементовъ охватываютъ тѣснымъ кольцомъ гималайскія твердыни, и нѣтъ ничего удивительнаго, если и въ альпійскую цитадель палеарктики пробираются отдѣльные субтропическіе перебѣжчики. Въ качествѣ примѣра ясно выраженнаго субтропическаго состава нѣкоторыхъ родовъ *Rhopaloscega*, доходящихъ въ Кашмирѣ даже до уровня около 7.000 футовъ, я позволю себѣ привести списокъ встрѣчающихся тутъ *Papilio*: *polycctor*, *erithonius*, *cloantus*, *sarpendon*, *dissimilus*, *rammon*, *protenor*, *philoxenus*.

Въ другихъ родахъ, часто уже преобладающаго палеарктическаго характера, субтропическая окраска выражена слабѣе, и тѣмъ труднѣе въ такихъ случаяхъ провести категорическую демаркаціонную линію, независимо отъ высотнаго распространенія такихъ спорныхъ формъ. Особенно усложняется вопросъ, когда такія группы, вовсе не представленныя въ другихъ мѣстахъ ни сѣверной половины стараго свѣта, ни тропическаго міра—водворились на сравнительно небольшомъ районѣ и при томъ на приличествующей для законныхъ палеарктовъ высотѣ. Тутъ необходимо произвести самое тщательное сличеніе съ ближайшими родственными типами, но такой методъ въ отдѣльныхъ случаяхъ такъ и не позволяетъ рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ субтропическимъ видомъ, занимающимъ очень обособленный незначительный ареалъ и приспособившимся къ своеобразнымъ высотнымъ условіямъ, или же съ высоко специализировавшимся палеарктомъ. Поэтому я заранѣе допускаю, что нѣкоторая часть принятаго мною кашмирскаго списка палеарктовъ, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, окажется спорной и даже должна будетъ впослѣдствіи отпасть. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ разобраны эти болѣе шаткіе, сомнительные представители палеарктики въ данномъ участкѣ Британской Индіи.

Если не считать субтропическихъ бабочекъ, представленныхъ на невысокихъ горныхъ склонахъ въ составѣ около 200 видовъ, то къ чисто палеарктической высокогорной фаунѣ слѣдуетъ отнести 76 *Rhopaloscega*. Схематическая средняя линія лежитъ на уровнѣ 8.000 футовъ, подымаясь на югъ до 10.000. Фаунистическое сродство съ сосѣдними палеарктическими странами явствуетъ изъ слѣдующей таблички:

	Чит- ралъ.	Бу- хара.	Ла- дакъ.	В. Па- миръ.	Ти- бетъ.
Общія расы одинаковыхъ ви- довъ	37	25	25	10	10
Общіе виды въ различныхъ расахъ	10	19	5	12	5
	47	44	30	22	15

По сравненію съ Туркестаномъ въ его цѣломъ составѣ кашмирской фауны 30 видовъ *Rhopaloscega* отсутствуютъ въ нашихъ Среднеазиатскихъ владѣніяхъ и Китайскомъ Туркестанѣ. Анализъ этихъ чуждыхъ туранской подобласти элементовъ обнаруживаетъ такого рода соотношеніе: а) общегималайскій (1): *Parnassius hardwicki*; б) общіе съ Ладакомъ (4): *Epinephele pulchra*, *Argynnis jainadeva*, *Lycaena leela*, *omphissa*; в) тибетскіе, встрѣченные и въ Ладакѣ, (2): *Parnassius eparhus*, *Melitaea sindura*; г) общіе съ Читраломъ или Балтистаномъ (11): *Parnassius himalayensis*, *Metaporia nabellica*, *Epinephele cheena*, *Pararge maerula*, *Lemenitis hydaspes*, *ligyes*, *Argynnis jerdoni*, *Libythea celtis* (*lepita*), *Lycaena galathaea*, *nicula*, *metallica*; д) средиземноморской, не представленный въ другихъ палеарктическихъ частяхъ британскихъ владѣній (1): *gegenes nostradamus*; е) эфиопскій (1): *Anaphaeis mesentina*, и ж) эндемическіе и общіе съ Кумаономъ (10): *Metaporia soracta*, *Erebia shallada*, *Pararge shakra*, *Epinephele maiza*, *Kashmirensis*, *Argynnis kamala*, *Polyommatus pavana*, *kasyapa*, *Cyaniris kashmira*, *Carharodus dravira*.

Преимущественно въ отношеніи классификаціи представителей этой послѣдней категоріи и возникаютъ тѣ трудности и сомнѣнія, о которыхъ упоминалось выше. Хотя *Carharodus dravira*, *Cyaniris kashmira* и *Pieris ajaka* доходятъ до уровня 12.000 футовъ, на совершенно палеарктической территоріи Деосайскаго плато, но я склоненъ ихъ относить по систематическимъ соображеніямъ къ специализировавшимся палеанарктамъ и лишь условно имѣлъ ихъ въ виду среди палеарктическихъ *Rhopaloscega*. *Argynnis kamala*, не имѣющая вообще близкихъ родственниковъ, но все же, пожалуй, естественнѣе укладывается среди субтропическихъ элементовъ; къ тому же эта бабочка и не заходитъ очень высоко въ горы. Все же она отличается, по моему мнѣнію, менѣе выраженнымъ субтропическимъ характеромъ, нежели *Rugameis indica*, *Aulocera swaha* и *braminius*, которыхъ я склоненъ

не разсматривать, какъ палеарктовъ. Въ отношеніи послѣднихъ двухъ видовъ, образующихъ вмѣстѣ съ упоминавшейся для Читрала *A. radmas* отдѣльную группу, необходимо имѣть въ виду, что представители рода *Aulosca* распространены въ Индіи лишь по Гималаямъ и въ Китай заходятъ въ предѣлахъ Мупинскаго района, пограничнаго съ Тибетомъ. Казалось бы, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обычными представителями индо-малайской субтропической зоны. Но дѣло осложняется тѣмъ, что отдѣльные виды даннаго рода распространяются и въ глубь Тибета, встрѣчены у Гартока (экземпляръ моей коллекціи) и у Кука-нора. Это показываетъ, что тутъ мы встрѣчаемъ комбинированный гималайско-тибетскій ареалъ. Вотъ почему есть нѣкоторыя данныя причислять родъ *Aulosca* къ палеарктикѣ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ извѣстную систематическую аналогію съ группой *Satyrus Circe*. Мнѣ кажется, что, оставляя этотъ вопросъ открытымъ и даже склоняясь до извѣстной степени къ возможности отнесенія спорнаго рода къ палеарктикѣ, я не становлюсь въ противорѣчіе съ принятыми выше общими положеніями и, въ частности, съ приведеннымъ примѣромъ группы *Papilio paris*, такъ какъ относительное систематическое положеніе разсматриваемыхъ бабочекъ въ ряду ближайшихъ родичей приводитъ къ неодинаковымъ выводамъ. Однако, мы условились понимать палеарктику въ тѣсномъ смыслѣ слова, вотъ почему я предпочитаю исключать *Aulosca* изъ палеарктическаго контингента. *Eriperhele cheena*, представленная также и въ Мупинскомъ округѣ, пожалуй, также не лишена палеанарктическихъ чертъ, но весь этотъ родъ такъ прочно укоренился на палеарктической базѣ, что этотъ обособившійся и далеко зашедшій на югъ отпрыскъ было бы трудно отсѣкать отъ палеарктической основы.

Parnassius himalayensis, (*jacquemontii*) *Metaropia soracta*, *Erebia shallada*, *Limenitis hydaspes-ligyes*, *Argynnis jerdoni* и *javna-deva*, *Lycaena leela* имѣютъ близкихъ туркестанскихъ родственниковъ, съ которыми играютъ другъ по отношенію къ другу роль викарныхъ, заступающихъ видовъ. Обособленная группа рода *Lycaena* съ зеленымъ оборотомъ распространяется въ различныхъ представителяхъ на Кашмиръ, западный Тибетъ и восточный Памиръ. *Parnassius hardwickii* представляетъ собой образецъ гималайскаго вида, ушедшаго высоко въ горы и вступившаго даже въ тибетскую территорію. Однако, онъ не имѣетъ никакого близкаго систематическаго сродства ни съ туранскими,

ни съ собственно тибетскими представителями этого въ общемъ чрезвычайно гомогеннаго рода.

Итакъ, въ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ не-туранскихъ представителяхъ кашмирской палеарктики были замѣчены свойства, которыя либо указываютъ на болѣе или менѣе ошутительное тяготѣніе къ субтропической фаунѣ, дѣлающее шаткимъ положеніе такихъ видовъ въ комплексѣ палеарктовъ вообще,—либо обнаруживали болѣе или менѣе выраженное групповое сродство съ туранскими типами. Теперь *Parnassius hardwickii* подводитъ насъ къ той рубрикѣ кашмирской фауны, гдѣ безспорные палеаркты оказываются совсѣмъ разобщенными съ туркестанскими формами. Изъ нихъ *Pararge shakra*, *maerula*, *Polyommatus kasyapa* и *ravana*, подымаясь до 12.000, спускаются внизъ до 4.000 и заходятъ, такимъ образомъ, и въ зону преобладающаго субтропическаго характера; *Parnassius hardwickii*, *Metaporia nabellica*, *Epinephele maiza* и *cashmirensis* не покидаютъ обычнаго палеарктическаго уровня, т.-е. въ среднемъ не спускаются ниже 8.000 ф.

Эти восемь обособившихся видовъ требуютъ самаго внимательнаго къ себѣ отношенія съ точки зрѣнія правильной зоогеографической квалификаціи сѣверо-индійской палеарктики. Именно они болѣе всего заставляютъ почувствовать всю значительность гиндукушской преграды, раздѣляющей Туркестанъ отъ сѣверной Индіи. Какъ ни ясно сказывается преобладающій туранскій характеръ Читрала, Балтистана, Ладака и Кашмира, въ особенности первыхъ трехъ странъ, несмотря на примѣсь тибетскихъ формъ изъ сосѣдней подобласти и естественное частичное просачиваніе палеанарктовъ, но указанные восемь чуждыхъ видовъ въ связи съ другими своеобразными формами индійской палеарктики заставляютъ серьезно считаться съ немаловажной зоогеографической задачей. Въ самомъ дѣлѣ, не намѣчается ли здѣсь обособленное ядро настоящей гималайской палеарктической фауны, которую можно было бы противопоставить не только субтропическому міру южно-китайско-гималайской зоны, но въ равной мѣрѣ подобластямъ средиземноморской, туранской и тибетской. Разсмотрѣніе этого вопроса представляется болѣе удобнымъ отложить къ концу настоящаго очерка, послѣ того, какъ обзорѣніе всей индійской палеарктики въ области *Rhopaloscega* будетъ закончено. Но мнѣ кажется, что перевѣсъ на сторонѣ туранскихъ элементовъ во вклинивающихся на сѣ-

веръ горныхъ индійскихъ странахъ уже настолько опредѣлился, что не будетъ преждевременнымъ разсматривать оригинальныя черты кашмирской фауны, какъ часть общаго туранскаго цѣлаго, но лишь достигающую большей высоты спецификаціи, нежели фауна восточнаго Памира и Музтагско-Гиндукушкаго узла.

Въ частности же связь Кашмира съ туранской подобластью достаточно подчеркивается формами такихъ характерныхъ видовъ, какъ: *Parnassius delphius arkinsoni*, *Colias Erate*, *eogene*, *Erebia kalinda*, *manni*, *Satyrus hudueri*, *Pararge eversmanni cashmirensis*, *Argynnis hegemon*, *Lymenitis trivena*, *Vanessa rizana*, *Polygonia interposita*, *Thecla sassanides*, *Polyommatus aditya*, *Lycaena jaloca*, *ariana*, *devanica*, *samudra*, *Syrichtus alpinus cashmirensis*.

6. Кумаонъ.

Здѣсь имѣется въ виду альпійская полоса, простирающаяся отъ Башара до Непала съ переваломъ Нилангомъ и Гонассомъ. Если Читраль, Балтистанъ и Ладакъ соединены между собой достаточно ясно выраженными фаунистическими связями, то Кумаонъ ближе всего примыкаетъ къ Кашмиру. Фаунистическая группировка его 27 видовъ такова:

	Каш- миръ.	Ла- дакъ.	Ти- бетъ.	Турке- станъ.
Общія формы тождественныхъ видовъ.	20	13	11	7
Общіе виды въ различныхъ формахъ.	1	2	3	5
Всего общихъ видовъ. .	21	15	14	12

Изъ четырехъ сравниваемыхъ районовъ въ Кумаонѣ меньше всего оказалось общихъ формъ съ Русскимъ и Китайскимъ Туркестаномъ. Среди такихъ видовъ слѣдуетъ отмѣтить *Parnassius charlatonis*, *delphius* (форма, близкая къ *atkinsoni*), *Colias erate*, *Pieris candia*, *Polygonia interposita*. *Papilio machaon* представленъ въ короткохвостой формѣ *ladakensis*, свойственной восточному Памиру и Ладаку. Сходство съ фауной Тибета выражено въ болѣе характерныхъ чертахъ: *Colias shipkee (ladakensis)*, *Melitaea balbita*, *Argynnis gemmata*, *clara*, *Vanessa ladakensis*.

Зато главныя точки соприкосновенія фауны Кумаона и Кашмира выпадаютъ главнымъ образомъ на долю той спорной группы

разнородныхъ формъ, о которыхъ уже шла рѣчь выше и которыя образуютъ комплексъ чисто гималайскаго палеанарктическаго ядра. Таковы: *Parnassius hardwickii*, *himalayensis*, *Metaporia soracta*, *Pararge maerula*, *shakra*, *Epinephele pulchra*, *Lycaena galathaea*, *Chrysophanus pavana*. Изъ палеарктовъ, имѣющихъ спеціально гималайскій почти палеарктический характеръ, слѣдуетъ упомянуть *Aulocera padma*, *Cyaniris huegli*, *celestina*. Этотъ контингентъ общихъ съ Кашмиромъ формъ пріобрѣтаетъ особенное фаунистическое значеніе въ связи съ бѣдностью чисто туранскихъ формъ.

Если согласиться съ высказанной уже выше точкой зрѣнія, что такой циклъ является недостаточнымъ для основанія особой подобласти, что эти обособившіеся виды все же примыкаютъ къ среднеазіатской подобласти, въ предѣлахъ которой отдѣльныя провинціи достигаютъ очень значительнаго взаимнаго фаунистическаго разобщенія, то за Кумаономъ придется признать значеніе смѣшанной переходной фаунистической провинціи между Туркестаномъ и Тибетомъ, съ преобладающимъ тяготѣніемъ къ Кашмиру. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ представителяхъ разсматриваемаго комплекса видовъ, какъ, напр., *Metaporia nabellica*, *Polyommatus pavana*, удастся положительнымъ образомъ доказать скрытую палеанарктическую основу, на что имѣются нѣкоторые намеки. Но во всякомъ случаѣ для этого потребуются болѣе полныя свѣдѣнія о юго-западномъ Тибетѣ и высокогорномъ Непалѣ, нежели мы располагаемъ теперь.

Въ заключеніе этого краткаго обозрѣнія фауны Кумаона, можно упомянуть, что его субтропическій міръ представляетъ много сходства съ соотвѣтственной полосой въ Кашмирѣ, въ особенности съ предгорьями Симлы. Вполнѣ типичная палеарктика держится на уровнѣ 11—12.000 футовъ.

7. Кара-Корумъ.

Районъ, понимаемый здѣсь подъ этимъ наименованіемъ, занимаетъ нагорье, связывающее гиндукушскую систему съ Куенъ-Лунемъ. На западѣ эта территорія соприкасается съ Балтистаномъ, южнымъ порогомъ служитъ уступъ горной цѣпи съ переваломъ Сасеръ-ля. На сѣверѣ къ той же провинціи относится еще параллельная главному хребту горная складка уже въ ки-

тайскихъ предѣлахъ съ переваломъ Сугетъ. На востокъ фауна Кара-Корума распространяется на тибетскую территорію, но о границахъ ея слишкомъ мало извѣстно. Такимъ образомъ, въ составъ этой площади входитъ Кара-Корумское нагорье съ Депсангскимъ плато. Сборы бабочекъ М-с. Arthur'a въ концѣ 80-хъ годовъ относятся къ мѣстностямъ Kutie, Karacorum - pass, мои сборы сдѣланы у Сасеръ-ля, Сасеръ-брангса и Сугетъ. Кромѣ того, мною получены сборы изъ Рудока. Эта часть рассматриваемой области представляетъ собой настоящую горную пустыню, расположенную на огромной высотѣ. Уровень Депсангскаго плато составляетъ 17.600 ф., а высота самаго перевала 18.550 ф. На этомъ главномъ водораздѣлѣ бассейновъ Индійскаго океана и центрально-азіатскаго Лобъ-нора фауна чешуекрылыхъ исключительно бѣдна, но все же обнаруживаетъ преобладающій тибетскій характеръ съ замѣтной примѣсью высокогорныхъ туркестанскихъ формъ.

На этой окраинѣ обѣднѣнной территоріи найдено до сихъ поръ до 19 видовъ *Rhopolocera*. Тибетскій элементъ характеризуется слѣдующими формами: *Parnassius acco*, *eraphus*, *maharaja* sp. n., *Baltia butleri*, *Colias shipkee*, *Paroeneis pumilus*. Къ числу тибетско-туранскихъ формъ относятся: *Parnassius charltonius*, *simo*, *Baltia shawi*, *Lycaena metallica*; къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести и *Pieris deota*, *Lycaena pher. lehanus*, *Vanessa ladakensis*, хоть въ смыслѣ объема ареаловъ эти 3 бабочки являются неравноцѣнными величинами, и въ предшествующемъ изложеніи былъ подчеркнутъ ихъ преобладающій тибетскій характеръ. слѣдуетъ отмѣтить, что Кара-Корумъ является единственной территоріей, гдѣ сталкиваются оба вида высокогорнаго центрально-азіатскаго рода *Baltia*, распространеннаго отъ Памира до Кама и отъ Алтынъ-Тага и Тянь-Шаня до Сиккима (*B. shawi* и *butleri*). Къ среднеазіатскимъ формамъ относится *Papilio machaon ladakensis*, раса *P. Delphius (stenosemus)* и *Lycaena ariana*. Эндемическимъ является лишь одинъ новый видъ *Lycaena* изъ группы *ariana-eros*. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаются космополиты: *Puganeis Carodui*, *Hesperis comma*. Мы видимъ, такимъ образомъ, что главный контингентъ фауны *Rhopolocera* Кара-Корума складывается либо изъ чисто тибетскихъ представителей, либо изъ формъ, распространенныхъ, помимо части тибетской территоріи, по высокогорной системѣ, связанной съ нашимъ Памиромъ. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ такіе тибетскіе виды захватываютъ изъ

сосѣднихъ областей лишь Ладакъ (*Vanessa ladakensis*), либо распространяются на котловину Китайскаго Туркестана (*Pieris deota*).

8. Рупшу.

Возвышенное пустынное плоскогорье, носящее это наименование, расположено на югъ отъ Ладака и составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ естественное продолженіе сосѣдняго Тибета. Въ фаунистическомъ отношеніи эта страна обнаруживаетъ много сходства съ Кара-Корумскимъ нагорьемъ, которое оказывается естественнымъ образомъ связаннымъ съ Рупшу черезъ восточныя окраины Ладака у озера Пангонъ и Рудокъ. Главныя мѣсто-нахожденія моихъ сборовъ относятся къ перевалу Тагалангъ-ля и Сумкилю. Въ моей коллекціи и въ собраніи Калькуттскаго музея есть отдѣльные экземпляры съ Тсо-Морири и Лачинъ-Лачунгъ. Фаунистическая граница разсматриваемаго района, отдѣляющая его отъ Ладака, намѣчена очень рѣзко: она лежитъ на уровнѣ около 16.000. На караванномъ пути между Кулу и Ладакомъ она лежитъ близъ Гіа. Типичный фаунистическій составъ равнинъ и склоновъ Ладака, въ видѣ *Pieris branicae*, *Lycaena devanica*, *omphissa*, *Epinephele brevistigma*, на уровнѣ зарослей кустарниковъ *Caragana* сразу мѣняетъ свою фیزیомію на чисто тибетскій ладъ, и этотъ характеръ поддерживается сплошь до границы съ Кулу и Лахаоломъ на югѣ. Изъ 21 встрѣченнаго здѣсь вида 9 относятся къ числу чисто тибетскихъ: *Parnassius acdestis* f. n., *acco*, *maharaja*, *epaphus*, *Baltia butleri*, *Colias ladakensis*, *thrasibalos* (*elwesi*) *stoliczkana*, *Aulocera pumilus*, далѣе 5 принадлежатъ къ категоріи туранско-тибетскихъ формъ: *Parnassius Charltonius*, *Pieris deota*, *Vanessa ladakensis*, *Melitaea balbita*, *Lycaena pheretes lehanus*. Къ среднеазиатскимъ типамъ относится лишь высоко-спеціализованная раса: *Parn. delphius stoliczkanus*, *Lycaena leela*, *ariana*. Наконецъ, *Pieris chloridice*, *calidice* (*kalora*), *Pyrameis cardui* и *Hesperia comma* принадлежатъ къ разряду широко распространенныхъ палеарктическихъ бабочекъ. Интересно отмѣтить, что общихъ видовъ въ фаунѣ Рупшу по сравненію съ Туркестаномъ Русскимъ и Китайскимъ лишь 9, тогда какъ сродство съ фауной Куку-нора выражается 12 общими видами и 11 съ Сиккимомъ, при этомъ близость съ такими отдаленными окраинами Тибета выражена въ самыхъ типическихъ представи-

теляхъ, какъ, напр., *Parn. acco*, *aedestis*, *Baltia butleri*, *Colias thra-sibulos* (повидимому, специфически родственна съ *C. nadejdae* Alph. i. l.), *Colias shipkee* (очень близка къ *C. nina*), *Vanessa lada-kensis*. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Рупшу, но уже на тибетской территоріи встрѣчена *Triphysa*, близкая къ кукунорской *dorni*. Новый видъ *Parnassius maharaja*, встрѣченный и близъ Кара-Корумскаго перевала, объединяетъ группу туранско-тибетскаго *P. Simo* съ чисто тибетскими группами *acco*, *seppalus* и *szechenyi*.

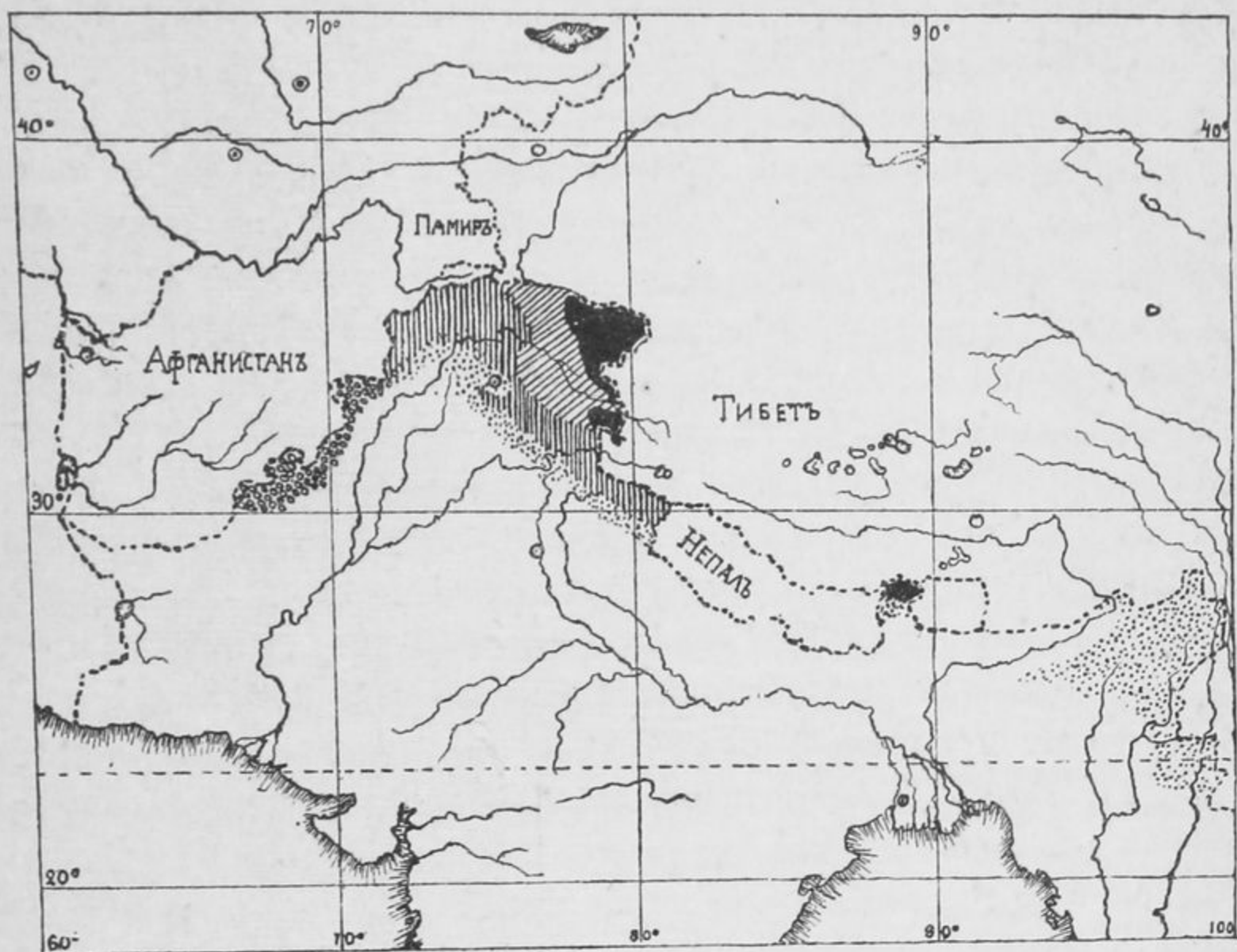
Вся совокупность этихъ фактовъ указываетъ съ несомнѣнностью, гдѣ именно проходить сѣверо-западная граница Тибета къ нераздѣльному фаунистическому составу, которому принадлежитъ Кара-Корумъ, Рупшу и промежуточная пограничная полоса Ладака (на западъ почти до перевала *Shera-la*, гдѣ найденъ *P. acco* и *aetestis*). Особенно поучительнымъ является то обстоятельство, что представители одного и того же вида на противоположныхъ концахъ огромной тибетской территоріи, затронутой въ мимолетныхъ фаунистическихъ развѣдкахъ лишь по периферіи, представлены въ очень близкихъ формахъ, тогда какъ родственные виды даютъ безконечныя дробленія на обособленныя расы въ горахъ нашего Туркестана на сравнительно незначительной площади.

9. Сиккимъ.

Подъ данной территоріей разумѣются лишь высокогорныя области страны приблизительно отъ 12.000 футовъ. Начиная отъ этого уровня, склонъ центральныхъ Гималаевъ носить совершенно палеарктический характеръ съ ясно выраженнымъ общетибетскимъ оттѣнкомъ. Тотъ же типъ фауны распространяется на сѣверъ и на востокъ на тибетскую территорію (Чумби, Камбадзонгъ, Кангма и т. д.).

Къ составу палеарктическихъ *Rhopalocera* слѣдуетъ отнести 37 видовъ, которые группируются слѣдующимъ образомъ. Чисто тибетскихъ видовъ въ Сиккимѣ 9: *Parnassius imperator augustus*, *acco gemmifer*, *aedestis lampidius*, *epaphus sikkimensis*, *Baltia butleri sikkima*, *Colias nina*, *stolizckana miranda*, *Paroeneis pumilus bicolor*, *Lycaena felicitis*. Къ типично тибетской группѣ расъ принадлежитъ сиккимскій представитель широко распространеннаго *Papilio machaon*—*subsp. sikkimensis*. 5 эндемическихъ видовъ: *Colias berylla*, *dubia*, *Argynnis altissima*, *Lycaena asiatica* и *younghus-*

Схематическая карта распредѣленія палеарктическихъ и
палеанарктическихъ элементовъ дневныхъ бабочекъ
въ Британской Индіи.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.

Палеарктика: 1) Средиземноморская подобласть, белуджистанская про-

винція

2) Среднеазиатская подобласть:

а) Читрало-Кашмиро-Кумаонская сборная провин-

ція

б) Ладакская провинція

3) Тибетская подобласть: Рупшу-Каракорумская и Сикким-

ская провинція

Палеанарктика

bandi примыкаютъ также къ тибетскимъ группамъ. Тибетско-туранскими представителями являются: *Parnassius simo acconus*, *Vanessa ladakensis*, *Argynnis clara manis*, *Melitaea balbita sikkimensis*. Три послѣднихъ вида, хотя и являются по существу чисто тибетскими аборигенами, но заходятъ также въ Ладакъ и даже отчасти переступаютъ кашмирскую границу, *Paroeneis pumilus sikkimensis*, *Lycaena pheretes lehanus*. Къ высокогорнымъ палеарктамъ, свойственнымъ всему Гималайскому хребту или частямъ его, относятся 5 представителей: *Parnassius hardwickii*, *Colias fieldi*, *Vanessa urticae cashmiensis*, *Argynnis latonia issea* и *gemmata*. Чисто среднеазиатская форма представлена въ Сиккимѣ въ видѣ *Polygonia interposita agnicula*. *Pieris canida* является очень широко распространеннымъ азиатскимъ палеарктомъ, преимущественно свойственнымъ сѣверной Индіи, части Тибета и Русскаго Туркестана. *Pieris melete* и *Pyrameis indica*, примыкающія къ субтропической фаунѣ, доходятъ до нашего Приамурскаго края. Наконецъ, остальные палеарктическія бабочки Сиккима, какъ-то: *Pieris brassicae nepalensis*, *rapae*, *Pyrameis cardui*, *Vanessa antiopa*, *Polyommatus phlaeas* и *Lycaena eros* var. *arene* принадлежатъ къ видамъ, имѣющимъ очень обширный ареалъ обитанія въ палеарктикѣ.

На этомъ долженъ быть законченъ обзоръ палеарктическихъ дневныхъ бабочекъ Индіи. Мнѣ остается лишь отмѣтить, что въ сѣверной Бирмѣ, несмотря на наличность *Papilio xuthus*, *Melanagia halimede*, *Aratura here*, свойственныхъ нашему Дальнему Востоку, не сложилось вполнѣ палеарктическихъ элементовъ. Однако, нахожденіе этихъ палеанарктовъ, уже столь приближающихся къ палеарктической фаунѣ, показываетъ, что дѣйствительная палеарктическая граница не далека, но она лежитъ, повидимому, выше въ Бутанѣ, Тибетѣ и горахъ Юннана. Впрочемъ, въ N. Shan states въ Бирмѣ недавно найдена форма *P. machaon*, представляющая модификацію японскаго *hippocrates* и юннанской расы *verityi*.

Теперь, послѣ того, какъ мы уяснили себѣ фаунистическій составъ всѣхъ районовъ сѣверной Индіи, куда проникаютъ палеарктическія формы дневныхъ бабочекъ, мы можемъ яснѣе усвоить группировку этихъ элементовъ и разграниченіе «сферъ вліянія» отдѣльныхъ подобластей палеарктики.

Средиземноморская подобласть тянется съ запада ровной полосой, захватывая сѣверную Персію, западную часть нашего Турке-

стана и Белуджистанъ, неясно стушевуется на югъ у индійской котловины и огибая Афганистанъ по направленію къ Читралу. Среднеазіатская подобласть, какъ фаунистическое цѣлое, спускается отъ Туркестана черезъ Памиръ, Читралъ, Ладакъ и тянется по Гималайскому хребту, достигая Кумаона и уступая постепенно мѣсто усиливающемуся тибетскому вліянію. Въ болѣе детальныхъ внутреннихъ группировкахъ вырисовывается связь Читрала и Балтистана съ западнымъ Памиромъ, ничтожное, но знаменательное просачиваніе семирѣченскихъ формъ съ востока черезъ Раскемъ, нѣкоторое вліяніе Тибета на Ладакъ, все же сохраняющій въ своемъ цѣломъ средне-азіатскій характеръ.

Попутно съ этимъ проявляется извѣстная доля обособленности палеарктическаго Кашмира и Кумаона. Обѣ страны оказываются тѣсно связанными между собой съ тѣмъ лишь различіемъ, что Кашмиръ тяготѣетъ къ Читралу и западному Памиру, а Кумаонъ уже обнаруживаетъ замѣтныя тибетскія примѣси. Здѣсь изсякаетъ туранское вліяніе, фаунистическая связь едва поддерживается передаточными звеньями, получившими характеръ величинъ самостоятельнаго мѣстнаго значенія. Подымается даже вопросъ объ обособленности замкнутого цикла видовъ и формъ, могущаго характеризовать спеціальную гималайскую палеарктику. Однако, ближайшій анализъ этихъ формъ въ большинствѣ случаевъ обнаруживаетъ скрытое родство съ туранской и тибетской подобластью и отчасти съ субтропическимъ міромъ.

Нельзя упускать изъ виду, что въ цѣлой палеарктикѣ ни одна подобласть не обнаруживаетъ такой внутренней пестроты въ своемъ составѣ, какъ Туркестанъ. Его сложный фаунистическій узоръ, оставаясь все же самостоятельной замкнутой картиной, обнаруживаетъ ясно выраженное дробленіе на болѣе мелкіе циклы. Сопоставленіе различныхъ районовъ этой подобласти намѣчаетъ очень высокую степень относительной оригинальности. Какъ это явствуется изъ предшествующаго изложенія, зоогеографическое разобщеніе южнаго Памира, съ одной стороны, и окрестностей Иссыкъ-куля, — съ другой, выражается значительно рѣзче, нежели фаунистическія различія противоположныхъ окраинъ Тибета, — Рупшу, Амдо, Сиккимъ. Поэтому-то въ общей яркости переплетающихся красокъ фаунистической картины среднеазіатской подобласти своеобразный оттѣнокъ палеарктики Кашмира не производитъ впечатлѣнія совершенно чуждаго центра. Эта нѣ-

которая доля самостоятельности въ составѣ фауны Кашмира должна лишь быть подчеркнута въ общей зоогеографической конструкціи среднеазиатской подобласти.

Тибетъ, какъ фаунистическое цѣлое, вторгается въ сѣверо-западную Индію двумя отчетливыми зубцами, вклиниваясь во владѣнія кашмирскаго магараджи въ видѣ Кара-Корумскаго нагорья и въ плато Рупшу. Затѣмъ, помимо намѣчающагося преобладанія у непальской границы въ Кумаонѣ, тибетская фауна вновь вступаетъ въ свои права на британской территоріи въ Сиккимѣ. Характеръ фауны этихъ выступовъ палеарктики, какъ мы убѣдились, оказывается связаннымъ вполне законѣрнымъ образомъ съ сосѣдними площадями палеарктической Азіи, дополняетъ и подчеркиваетъ контуръ отдѣльныхъ подобластей и провинцій. Вырисовываются яснѣе обрамленные съ юга палеанарктикой контуры Тибета, то отграниченнаго рѣзкой кривой отъ туранской подобласти, то постепенно сливающейся съ предѣльными обособляющимися модификаціями среднеазиатской фауны. Промежуточная зона субтропическаго міра спускается черезъ Китай въ Индію и огибаетъ Гималаи узкой косой, опирающейся своимъ остріемъ въ Читралъ.

Такова картина извѣстнаго въ настоящее время распредѣленія палеарктическихъ *Rhopaloscega* Индіи. Было бы интересно провѣрить эти выводы какъ на ближайшихъ группахъ и отрядахъ насѣкомыхъ, такъ и по другимъ отдѣламъ фауны и флоры. Только въ совокупности всѣхъ біогеографическихъ данныхъ и въ ихъ перекрестной провѣркѣ такія сужденія о естественныхъ границахъ странъ пріобрѣтутъ свою прочную основу.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ